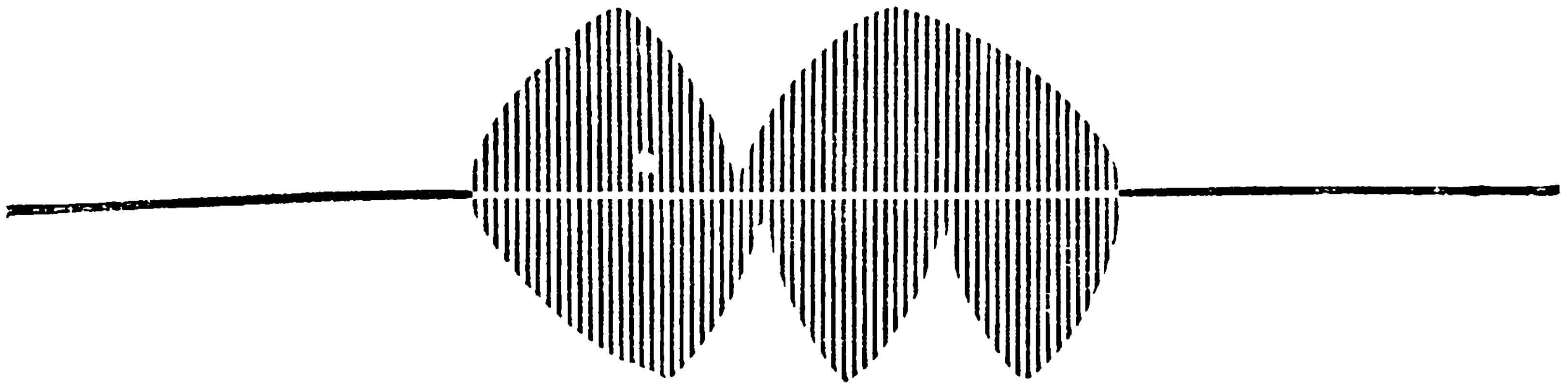
VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

**XX век: Путешествия
Открытия
Исследования**

Редакционная коллегия:

Мурзаев Э. М.
председатель

Гвоздецкий Н. А.

Жиьаго А. В.

Сыроечковский Е. Е.

Фрадкин Н. Г.

91 (С 19)
А 85

2-8-1
П. И.

В. К. Арсеньев

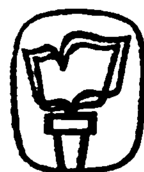
ДЕРСУ УЗАЛА

Стр. 5

СКВОЗЬ ТАЙГУ

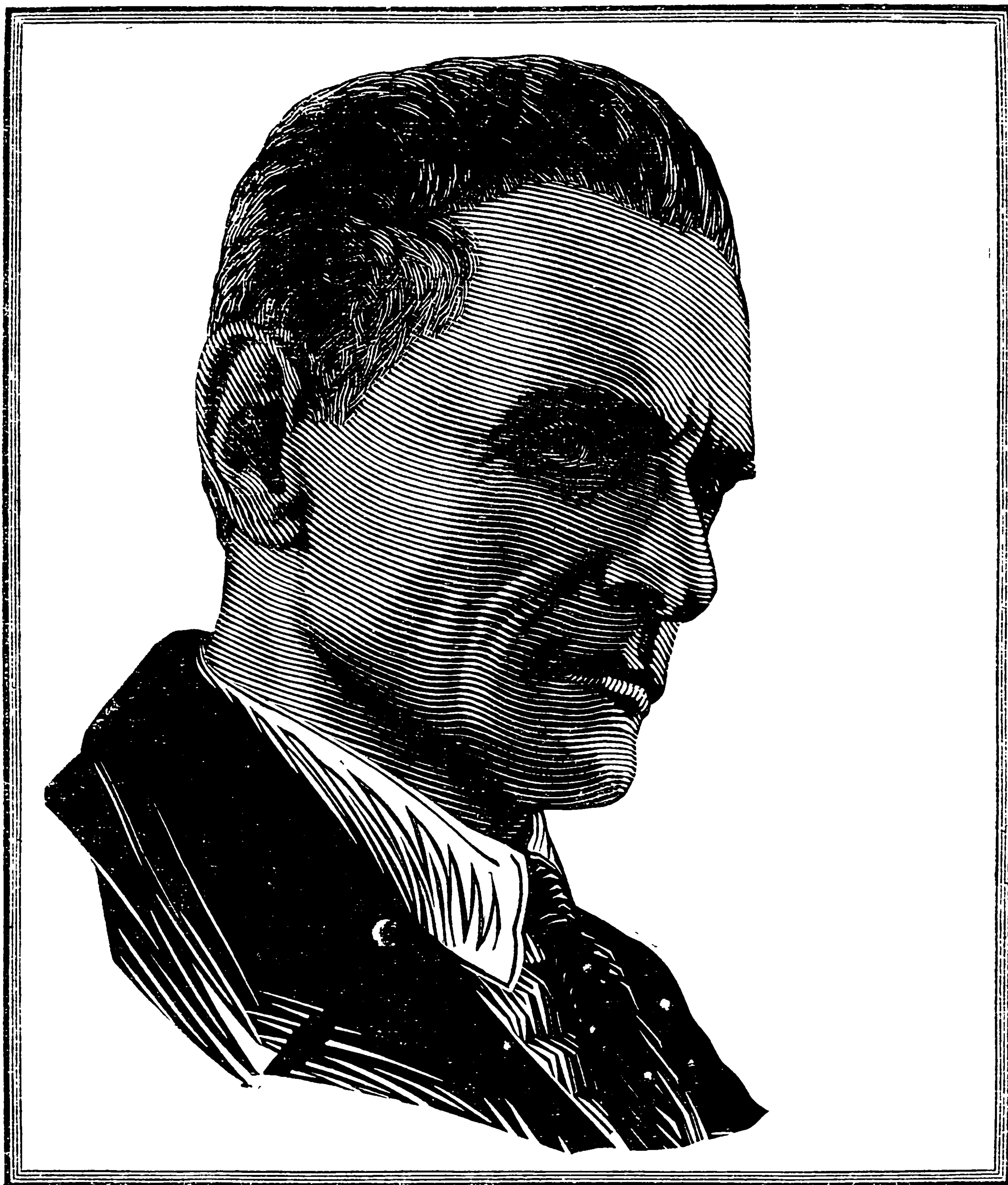
Стр. 229

Послесловие
доктора
биологических наук
Н. Е. Кабанова

Издательство
«Мысль»
Москва
1972

В. К. Арсеньев

Посвящается памяти Дерсу

Автор

ДЕРСУ УЗАЛА

Глава

1

Отъезд

План экспедиции.— Мулы.— Конское снаряжение.— Инвентарь.— Питательные базы.— Прибытие Дерсу.— Помощь, оказанная моряками.— Залив Петра Великого.— Остров Аскольд.— Залив Преображения.— Плавание на миноносцах.— Прибытие в залив Ольги.— Высадка на берег.— Горбуша

С января до апреля 1907 года я был занят составлением отчетов за прошлую экспедицию и только в половине мая мог начать сборы в новое путешествие. В этих сборах есть всегда много прелести. Общий план экспедиции был давно уже предрешен, оставалось только разработать детали.

Теперь обследованию подлежала центральная часть Сихотэ-Алиня, между 45 и 47° северной широты, побережье моря от того места, где были закончены работы в прошлом году, значит, от бухты Терней к северу, сколько позволит время, и затем маршрут по Бикину до реки Уссури.

Организация экспедиции 1907 года в общих чертах была такая же, как и в 1906 году. Изменения были сделаны только по некоторым пунктам на основании прошлогоднего опыта.

Новый отряд состоял из девяти стрелков [1], ботаника Н. А. Десулави, студента Киевского университета П. П. Бордакова и моего помощника А. И. Мерзлякова. В качестве вольнонаемного препаратора пошел брат последнего Г. И. Мерзляков. Лошади на этот раз были заменены мулами. Обладая более твердым шагом, они хорошо ходят в горах и невзыскательны на корм, но зато вязнут в болотах. В отряде остались те же собаки: Леший и Альпа.

---

[1] Сагид Сабитов, Степан Аринин, Иван Туртыгин, Иван Фокин, Василий Захаров, Эдуард Калиновский, Василий Легейда, Дмитрий Дьяков и Степан Казимирчук.

В конском снаряжении пришлось сделать некоторые изменения. Из опыта выяснилось, что путы — вещь мало пригодная. Они цепляются за пни, кусты и сильно стесняют движение коней, иногда совершенно привязывая их к месту. Лошади часто их рвут и теряют, в особенности в сырую и дождливую погоду. Вместо пут мы купили канат для коновязи, недоуздки в двойном числе и колокольчики.

В хозяйственной части тоже пришлось кое-что изменить. Например, мы совершенно отказались от медных чайников. Они тяжелы, требуют постоянной полуды, у них часто отпаиваются носики. Несравненно лучше простые алюминиевые котелки разного диаметра. Они прочны, дешевы, легки и при переноске вкладываются один в другой. Для ловли рыбы в реках мы захватили с собой маленький бредень.

Самое важное в походе — уметь предохранить спички от сырости. Сплошь и рядом случается вымокнуть до последней нитки. В таких случаях никакая обертка из кожи или резины не помогает. Во время ненастья спички не загораются даже тогда, когда они не были подмочены. Самое лучшее средство — укупорить спички в деревянную коробку с хорошо пригнанной крышкой. От сырости дерево разбухает, и крышка еще плотней прижимается к краям коробки. Этот неприкосновенный запас спичек я хранил в своей сумке. Стрелкам для табака были куплены резиновые кисеты с затяжными завязками. Кроме того, на всякий случай мы захватили с собой целлулоид, кремень, огниво, трут и жженую тряпку.

Инструменты и приборы были те же, что и в прошлом году. Только прибавился плотничный инструмент: бурав диаметром в 8 миллиметров, рубанок, долото, напильник и поперечная пила с разводкой. Фотографические пластинки для предохранения от сырости были запаяны в цинковые коробки — в каждой по дюжине. Не были забыты и подарки для туземных[1] женщин и детей в виде бус, пуговиц, гаруса, шелковых ниток, иголок, зеркал, перочинных ножиков, серег, колец, разных брелоков, цепочек, стекляруса и т. д. Самыми ценными подарками для мужчин были топоры, пилы, берданки кавалерийского образца и огнеприпасы.

За месяц вперед А. И. Мерзляков был командирован в город Владивосток за покупкой мулов для экспедиции. Важно было приобрести животных некованых, с крепкими копытами. А. И. Мерзлякову поручено было отправить мулов на пароходе в залив Рында, где и оставить их под присмотром

[1] Туземный, туземец — устаревший термин, то же, что абориген, коренной житель какой-либо местности («той земли»).— *Прим. ред.*

трех стрелков, а самому ехать дальше и устроить на побережье моря питательные базы. Таких баз намечено было пять: в заливе Джигит, в бухте Терней, на реке Такеме, на реке Амагу и на реке Кумуху, у мыса Кузнецова.

В апреле все было закончено, и А. И. Мерзляков выехал во Владивосток. Надо было еще исполнить некоторые предварительные работы, и потому я остался в Хабаровске еще недели на две.

Я воспользовался этой задержкой и послал Захарова в Анучино искать Дерсу. Он должен был вернуться к Уссурийской железной дороге и ждать моих распоряжений.

От села Осиновки Захаров поехал на почтовых лошадях,
8 заглядывая в каждую фанзу и расспрашивая встречных, не видел ли кто-нибудь старика гольда [1] из рода Узала. Немного не доезжая урочища Анучино, в фанзочке на краю дороги он застал какого-то гольда-охотника, который увязывал котомку и разговаривал сам с собою. На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотник отвечал:

— Это моя.

Тогда Захаров объяснил ему, зачем он приехал. Дерсу тотчас стал собираться. Переночевали они в Анучине и наутро отправились обратно. 13 июня я покончил свои работы и распрощался с Хабаровском. На станции Ипполитовке Захаров и Дерсу прожили четверо суток, затем по моей телеграмме вышли к поезду и сели в наш вагон.

Я очень обрадовался приезду Дерсу. Целый день мы провели с ним в разговорах. Гольд рассказывал мне о том, как в верховьях реки Санда-Ваку зимой он поймал двух соболей, которых выменял у китайцев на одеяло, топор, котелок и чайник, а на оставшиеся деньги купил китайской дрели, из которой сшил себе новую палатку. Патроны он купил у русских охотников; удэхейские женщины сшили ему обувь, штаны и куртку. Когда снега начали таять, он перешел в урочище Анучино и здесь жил у знакомого старика гольда. Видя, что я долго не являюсь, он занялся охотой и убил пантача-оленя, рога которого оставил в кредит у китайцев.

Между прочим, в Анучине его обокрали. Там он познакомился с каким-то промышленником и, по своей наивной простоте, рассказал ему о том, что соболевал зимою на реке Ваку и выгодно продал соболей. Промышленник предложил ему зайти в кабак и выпить вина. Дерсу охотно согласился. Почувствовав в голове хмель, гольд отдал своему новому приятелю на хранение все деньги. На другой день, когда Дерсу проснулся, промышленник исчез. Дерсу никак не мог

---

[1] Гольды — теперь нанайцы.— *Прим. ред.*

этого понять. Люди его племени всегда отдавали друг другу на хранение меха и деньги, и никогда ничего не пропадало [1].

В то время правильного пароходного сообщения по побережью Японского моря не существовало. Переселенческое управление, в виде опыта, зафрахтовало пароход «Эльдорадо», который ходил только до залива Джигит. Определенных рейсов еще не было, и сама администрация не знала, когда вернется пароход и когда он снова отправится в плавание.

Нам не повезло. Мы приехали во Владивосток два дня спустя после ухода «Эльдорадо». Меня выручили П. Г. Тигерстедт и А. Н. Пель, предложив отправиться с ними на миноносцах. Они должны были идти к Шантарским островам и по пути обещали доставить меня и моих спутников в залив Джигит [2].

Миноносцы уходили в плавание только во второй половине июня. Пришлось с этим мириться. Во-первых, потому, что не было другого случая добраться до залива Джигит, а, во-вторых, проезд по морю на военных судах позволял мне сэкономить значительную сумму денег. Кроме того, потеря времени во Владивостоке наполовину окупалась быстротой хода миноносцев.

22 июня, после полудня, мы перебрались на суда. Вечером в каюте беседы наши с моряками затянулись далеко за полночь. Я рассчитывал хорошо уснуть, но не удалось. Задолго до рассвета поднялся сильный шум — снимались с якоря. Я оделся и вышел на палубу. Занималась заря; от воды поднимался густой туман; было холодно и сыро. Чтобы не мешать матросам, я спустился обратно в каюту, достал из чемодана тетради и начал свой дневник. Вскоре легкая качка известила о том, что мы вышли в открытое море. Шум на палубе стал стихать.

На морской карте Лаперуза 1787 года залив Петра Великого называется заливом Виктории. Альбертовым полуостровом (ныне называемого полуостровом Муравьева-Амурского) и Евгениевым архипелагом (острова Русский, Шкота, Попова, Рейнеке и Рикорд) он делится на две части: залив Наполеона (Уссурийский залив) и бухту Герин (Амурский залив) [3].

---

[1] Мой спутник П. П. Бордаков, пробывший в отряде два месяца, описал наше путешествие в журнале «Юная Россия» за 1914 год. Статья «На побережье Японского моря» написана весьма живо и правдиво. У П. П. Бордакова вкралась маленькая ошибка: случай с кражей денег у Дерсу был не в Хабаровске, а в Анучине.

[2] Отряд состоял из пяти миноносцев: «Грозный», «Гремящий», «Стерегущий», «Бесшумный» и «Бойкий».

[3] *А. Мичи.* Путешествие по Восточной Сибири, 1868, стр. 350.

Часов около десяти с половиной миноносцы были на траверсе острова Аскольда, называемого китайцами Циндао, что значит «Зеленый остров». Этот какими-то силами оторванный от материка кусок суши с высокими скалистыми берегами имеет форму подковы, обращенной открытой стороной к югу. Продолжением его по направлению к материку будет остров Путятин и мыс Майдль. Ныне Аскольд известен как естественный питомник пятнистых оленей.

Лет пятнадцать тому назад здесь было до четырех тысяч оленей. Вследствие браконьерства, глубоких снегов и прогрессивного ухудшения подножного корма животные стали быстро сокращаться в числе, и теперь на всем острове их на-
10 считывается не более полутораста голов. Выбирая только кормовые травы, олени тем самым способствовали распространению по острову растений, негодных для корма. Полная изоляция и кровосмешение уменьшили плодовитость до минимума. Олени вымрут, если к ним не будет влита новая кровь с материка. Владивостокское общество любителей охоты, которому принадлежал тогда остров, мало думало об этом, и в настоящее время Аскольдский питомник на краю гибели.

Другой достопримечательностью острова будет золотой прииск. Разработка производится раздроблением рудной породы и затем извлечением из нее золота при помощи амальгамирования ртутью.

В открытом море нам встретились киты-полосатики и косатки. Киты плыли медленно в раз взятом направлении, мало обращая внимания на миноносцы, но косатки погнались за судами и, когда поровнялись с ними, начали выскакивать из воды. Стрелок Загурский стрелял, два раза он промахнулся, а в третий раз попал. На воде появилось большое кровавое пятно. После этого все косатки сразу исчезли.

К сумеркам мы дошли до залива Америка и здесь заночевали, а на другой день отправились дальше. После полудня 27 июня мы обогнули мыс Поворотный и взяли курс на NO (норд-ост). Часа в четыре дня погода начала портиться, с востока стал надвигаться туман, и, хотя ветра еще не было, море сильно волновалось. Это объясняется тем, что волны часто обгоняют ветер.

Миноносцы шли осторожно, ощупью, соразмеряя свой ход с показаниями лага. Надо удивляться, как в темноте и в таком тумане моряки разыскали залив Преображения и через узкий проход прошли в бухту (45°54′ сев. шир. и 151°34′ вост. долг.).

Ночью поднялся сильный ветер, и море разбушевалось. Утром, несмотря на непогоду, миноносцы снялись с якоря

и пошли дальше. Я не мог сидеть в каюте и вышел на палубу. Следом за «Грозным» шли другие миноносцы в кильватерной колонне. Ближайший к нам был «Бесшумный». Он то спускался в глубокие промежутки между волнами, то вновь взбегал на волны, увенчанные белыми гребнями. Когда пенистая волна накрывала легкое суденышко с носа, казалось, что вот-вот море поглотит его совсем, но вода скатывалась с палубы, миноносец всплывал на поверхность и упрямо шел вперед.

Когда мы вошли в залив Ольги, было уже темно. Решив провести ночь на суше, мы съехали на берег и развели костер. Дерсу, против ожидания, легко перенес морскую качку. Он и миноносец считал живым существом.

— Моя хорошо понимай — его (он указывал на миноносец «Грозный») сегодня шибко сердился.

Мы уселись у костра и стали разговаривать. Наступила ночь. Туман, лежавший доселе на поверхности воды, поднялся кверху и превратился в тучи. Раза два принимался накрапывать дождь. Вокруг нашего костра было темно — ничего не видно. Слышно было, как ветер трепал кусты и деревья, как неистовствовало море и лаяли в селении собаки.

Наконец, стало светать. Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами. Теперь уже все было видно: тропу, кусты, камни, берег залива, чью-то опрокинутую вверх дном лодку. Под ней спал китаец.

Я разбудил его и попросил подвести нас к миноносцу.

На судах еще кое-где горели огни. У трапа меня встретил вахтенный начальник. Я извинился за беспокойство, затем пошел к себе в каюту, разделся и лег в постель.

За ночь море немного успокоилось, ветер стих, и туман начал рассеиваться. Наконец выглянуло солнце и осветило угрюмые скалистые берега.

30-го числа вечером миноносцы дошли до залива Джигит. П. Г. Тигерстедт предложил мне переночевать на судне, а завтра с рассветом начать выгрузку. Всю ночь качался миноносец на мертвой зыби. Качка была бортовая, и я с нетерпением ждал рассвета. С каким удовольствием мы все сошли на твердую землю! Когда миноносцы стали сниматься с якоря, моряки помахали нам платками, мы ответили им фуражками. В рупор ветром донесло: «Желаем успеха!» Минут через десять миноносцы скрылись из виду. Местом высадки был назначен залив Джигит, а не бухта Терней, на том основании, что там вследствие постоянного прибоя нельзя выгружать мулов.

Как только ушли миноносцы, мы стали ставить палатки и собирать дрова. В это время кто-то из людей пошел за водою.

Он вернулся и сообщил, что в устье реки бьется много рыбы. Стрелки закинули неводок и поймали столько рыбы, что не могли вытащить сеть на берег. Пойманная рыба оказалась горбушей. Вместе с нею попали еще две небольшие рыбки: 1) огуречник — род корюшки с темными пятнами по бокам и на спине. Это было очень странно, потому что идет она вдоль берега моря и никогда не заходит в реки, и 2) колюшка — обитательница заводей и слепых рукавов, вероятно снесенная к устью быстрым течением реки.

Горбуша не имела еще того безобразного вида, который она приобретает впоследствии, хотя челюсти ее и начали уже немного загибаться и на спине появился небольшой горб. Я распорядился взять только несколько рыб, а остальных пустить обратно в воду. Все с жадностью набросились на горбушу, но она скоро приелась, и потом уже никто не обращал на нее внимания.

После полудня мы с Н. А. Десулави пошли осматривать окрестности. Он собирал растения, а я охотился.

Глава

2

Пребывание в заливе

Залив Рында.— Вечные переселенцы.— Приспособляемость к местным условиям жизни.— Взгляд на туземцев.— Первобытный коммунизм.— Таинственные следы.— Люди, скрывающиеся в тайге.— Золотая лихорадка.— Экспедиция к заливу.— Пластун.— Туман.— Потерянный трофей.— Бессонная ночь.— Случайная находка.— Стрельба по утке.— Состязание.— Выстрелы гольда.— Дерсу успокаивает подвыпивших стрелков.— Сказка «О рыбаке и рыбке».— Мнение гольда

Залив Рында находится под 44°47′ сев. шир. и 136° 31′ вост. долг. от Гринвича и состоит из двух заливов: северного, именуемого Джигитом, и южного — Пластуна. Оба они открыты со стороны моря и потому во время непогоды не всегда дают судам защиту. Наибольшая глубина их равна 25—28 метрам. Горный хребет, разделяющий оба упомянутых залива, состоит из кварцевого порфира и порфирита со включением вулканического стекла. Чем ближе к морю, тем горы становятся ниже и на самом берегу представляются холмами высотою от 400 до 580 метров.

На прибрежных лугах около кустарников Н. А. Десулави обратил мое внимание на следующие растения, особенно часто встречающиеся в этих местах: 1) астру с удлиненными ромбовидными и зазубренными листьями, имеющую цветы фиолетово-желтые с белым хохолком величиной с копейку, расположенные красивой метелкой; 2) особый вид астрагала, корни которого в массе добывают китайцы для лекарственных целей — это крупное многолетнее растение имеет ветвистый стебель, мелкие листья и многочисленные мелкие бледно-желтые цветы; 3) крупную живокость с синими цветами, у которой вся верхняя часть покрыта нежным пуш-

ком; 4) волосистый журавельник с грубыми, глубоко надрезанными листьями и нежными малиновыми цветами; 5) темно-пурпуровую кровохлебку с ее оригинальными перистыми листьями; 6) крупнолистную горечавку — растение с толстым корнем и толстым стеблем и с синевато-фиолетовыми цветами, прикрытыми длинными листьями, и, наконец, 7) из числа сложноцветных — соссюрею Максимовича, имеющую высокий стебель, зазубренные лировидные листья и фиолетовые цветы.

Из пернатых в этот день мы видели сокола-сапсана. Он
сидел на сухом дереве на берегу реки и, казалось, дремал,
но вдруг завидел какую-то птицу и погнался за нею. В дру-
 гом месте две вороны преследовали сорокопута. Последний
прятался от них в кусты, но вороны облетели куст с другой
стороны, прыгали с ветки на ветку и старались всячески
поймать маленького разбойника.

Тут же было несколько овсянок: маленькие рыженькие птички были сильно встревожены криками сорокопута и карканьем ворон и поминутно то садились на ветки деревьев, то опускались на землю.

В окрестностях залива Рында есть пятнистые олени. Они держатся на полуострове Егорова, окаймляющем залив с северо-востока. Раньше их здесь было гораздо больше. В 1904 году выпали глубокие снега, и тогда много оленей погибло от голода.

Дня через три (7 июля) пришел пароход «Эльдорадо», но ни А. И. Мерзлякова, ни мулов на нем не было. Приходилось, значит, ждать другой оказии. На этом пароходе в Джигит приехали две семьи староверов. Они выгрузились около наших палаток и заночевали на берегу. Вечером я подошел к огню и увидел старика, беседующего с Дерсу. Удивило меня то обстоятельство, что старовер говорил с гольдом таким приятельским тоном, как будто они были давно знакомы между собою. Они вспоминали каких-то китайцев, говорили про тазов и многих называли по именам.

— Должно быть, вы раньше встречали друг друга? — спросил я старика.

— Как же, как же,— отвечал старовер,— я давно знаю Дерсу. Он был молодым, когда мы вместе с ним ходили на охоту. Жили мы в то время на реке Даубихе, в деревне Петропавловке, а на охоту ходили на реке Улахе, бывали на Фудзине и на Ното.

И опять они принялись делиться воспоминаниями: вспомнили, как ходили за пантами, как стреляли медведей, вспоминали какого-то китайца, которого называли Кособубым, вспоминали переселенцев, которых называли странными

прозвищами — Зеленый Змий и Деревянное Ботало. Первый, по их словам, отличался злобным характером, второй — чрезмерной болтливостью. Гольд отвечал и смеялся от души. Старик угощал его медом и калачиками. Мне приятно было видеть, что Дерсу любят. Старовер пригласил меня присесть к огню, и мы разговорились.

Дерсу не дождался конца нашей беседы и ушел, а я еще долго сидел у старика и слушал его рассказы. Когда я собрался уходить, случайно разговор опять перешел на Дерсу.

— Хороший он человек, правдивый,— говорил старовер.— Одно только плохо — нехристь он, азиат, в бога не верует, а вот поди-ка, живет на земле все равно так же, как и я. Чудно, право! И что с ним только на том свете
будет?

— Да то же, что со мной и с тобой,— ответил я ему.

— Оборони, царица небесная,— сказал старовер и перекрестился.— Я истинный христианин по церкви апостольской, а он что? Нехристь. У него и души-то нет, а пар.

Старовер с пренебрежением плюнул и стал укладываться на ночь. Я распрощался с ним и пошел к своему биваку. У огня с солдатами сидел Дерсу. Взглянув на него, я сразу увидел, что он куда-то собирается.

— Ты куда? — спросил я его.

— На охоту,— отвечал он.— Моя хочу один козуля убей — надо староверу помогай, у него детей много. Моя считал — шесть есть.

«Не душа, а пар»,— вспомнились мне слова старовера. Хотелось мне отговорить Дерсу ходить на охоту для этого «истинного христианина по церкви апостольской», но этим я доставил бы ему только огорчение, и воздержался.

На другой день утром Дерсу возвратился очень рано. Он убил оленя и просил меня дать ему лошадь для доставки мяса на бивак. Кроме того, он сказал, что видел свежие следы такой обуви, которой нет ни у кого в нашем отряде и ни у кого из староверов. По его словам, неизвестных людей было трое. У двоих были новые сапоги, а у третьего старые, стоптанные, с железными подковами на каблуках. Зная наблюдательность Дерсу, я нисколько не сомневался в правильности его выводов.

Часам к десяти утра Дерсу возвратился и привез с собой мясо. Он разделил его на три части. Одну часть отдал солдатам, другую — староверам, третью — китайцам соседних фанз.

Стрелки стали протестовать.

— Нельзя,— возразил Дерсу.— Наша так не могу. Надо кругом люди давай. Чего-чего один люди кушай — грех.

Этот первобытный коммунизм всегда красной нитью проходил во всех его действиях. Трудами своей охоты он одинаково делился со всеми соседями, независимо от национальности, и себе оставлял ровно столько, сколько давал другим.

Дня через два я, Дерсу и Захаров переправились на другую сторону залива Джигит. Не успели мы отойти от берега и ста шагов, как Дерсу опять нашел чьи-то следы. Они привели нас к оставленному бивaку. Дерсу принялся осматривать его с большим вниманием. Он установил, что здесь ночевали русские — четыре человека, что приехали они из города и раньше никогда в тайге не бывали. Первое свое заключение он вывел из того, что на земле валялись коробки из-под папирос, банки из-под консервов, газета и корка такого хлеба, какой продается в городе. Второе он усмотрел из неумелого устройства бивака, костра и, главное, по дровам. Видно было, что ночевавшие собирали всякий рухляк, какой попадался им под руку, причем у одного из них сгорело одеяло.

С тех пор все чаще и чаще приходилось слышать о каких-то людях, скрывающихся в тайге. То видели их самих, то находили биваки, лодки, спрятанные в кустах, и т. д. Это становилось подозрительным. Если бы это были китайцы, мы усмотрели бы в них хунхузов. Но, судя по следам, это были русские.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Наконец недостаток продовольствия принудил этих таинственных людей выйти из лесу. Некоторые из них явились к нам на бивак с просьбой продать им сухарей. Естественно, начались расспросы, из которых выяснилось следующее.

В г. Владивостоке в начале этого года разнесся слух, что в окрестностях залива Джигит находятся богатейшие золотые россыпи и даже алмазы. Масса безработных в надежде на скорое и легкое обогащение бросилась на побережье моря. Они пробирались туда на лодках, шхунах и на пароходах небольшими партиями. Высадившись где-нибудь на берег около Джигита, они пешком, с котомками за плечами, тайком пробирались к воображаемому Эльдорадо. Золотая лихорадка охватила всех: и старых и молодых. И в одиночку, и по двое, и по трое, перенося всяческие лишения, усталые, обеспокоенные долгими и тщетными поисками, эти несчастные, по существу душевнобольные люди бродили в горах в надежде найти хоть крупинку золота. Они тщательно скрывали цели своего приезда, прятались в горах и нарочно распускали самые нелепые слухи, лишь бы сбить с толку своих конкурентов. Они все перессорились между собой и

начали следить друг за другом. Когда без всяких данных одна партия шла искать золото в какой-нибудь распадок, другой казалось, что именно там-то и есть алмазы. Эта другая партия старалась опередить первую, и нередко дело доходило до кровопролития. Видя, что золото не так-то легко найти и что для этого нужны опыт, время и деньги, они решили поселиться тут же, где-нибудь поблизости. Тогда они отправились во Владивосток и, получив в переселенческом управлении денежные пособия, возвратились назад в качестве переселенцев. Часть золотоискателей поселилась в бухте Терней.

В заливе Джигит нам пришлось просидеть около двух недель. Надо было дождаться мулов во что бы то ни стало. Без вьючных животных мы не могли тронуться в путь. Воспользовавшись этим временем, я занялся обследованием ближайших окрестностей по направлению к заливу Пластун, где в прошлом году у Дерсу произошла встреча с хунхузами. Один раз я ходил на реку Кулему и один раз на север по побережью моря.

По возвращении с этих работ я занялся вычерчиванием съемок. Н. А. Десулави ботанизировал на берегу моря, а П. П. Бордаков все эти дни проводил с Дерсу. Он расспрашивал его об охоте на тигров, о религии и загробной жизни.

Два дня я просидел в палатке, не отрываясь от планшета. Наконец, был нанесен последний штрих и поставлена точка. Я взял ружье и пошел на охоту за козулями.

У правого края долины Иодзыхе тянутся пологие заболоченные увалы, покрытые тощею травою, кустарниками леспедецы и редколесьем из дуба, липы и белой березы. Между увалами вода промыла длинные овраги. Сюда я и направил свои стопы. Хотя день был солнечный, но со стороны моря ветром гнало туман. Он не проникал далеко на материк и скоро рассеивался в воздухе. Это обычное явление, хорошо известное жителям прибрежного района. В то время как на берегу моря бывает пасмурно и сыро, в горах ясно, сухо и тепло. В сфере нагретого воздуха конденсация пара прекращается, и он становится невидимым для глаза. Вот почему китайцы, как бы ни была хороша земля на берегу моря, никогда здесь не селятся, а предпочитают уйти в горы.

Отойдя от бивака километра четыре, я нашел маленькую тропинку и пошел по ней к лесу. Скоро я заметил, что ветки деревьев стали хлестать меня по лицу. Наученный опытом, я понял, что тропа эта зверовая, и опасаясь, как бы она не завела меня куда-нибудь далеко в сторону, бросил ее и пошел целиною. Здесь я долго бродил по оврагам, но ничего не нашел.

Бóльшая часть дня уже прошла. Приближался вечер. По мере того как становилось прохладнее, туман глубже проникал на материк. Словно грязная вата, он спускался с гор в долины, распространяясь шире и шире и поглощая все, с чем приходил в соприкосновение.

В это время выбежали две козули. Я быстро поднял ружье и выстрелил. Одна козуля упала, другая отбежала немного и остановилась. Я выстрелил второй раз. Она споткнулась, но тотчас оправилась и медленно пошла в кусты. Не теряя времени, я погнался за подранком, но не мог догнать его. Опасаясь потерять ту козулю, которая была уже убита, я повернул назад. Места, где лежал козел, я хорошо не запомнил и, вероятно, прошел мимо него. Тогда я принялся искать его в другом направлении, но тщетно. Кусты и деревья были донельзя похожи друг на друга. Животное пропало, точно провалилось сквозь землю. Я решил вернуться на бивак, а завтра прийти сюда с людьми и возобновить поиски. Выбрав направление, которое мне казалось правильным, я пошел вдоль оврага.

Вдруг радиус моего кругозора стал быстро сокращаться: навалился густой туман. Точно стеной отделил он меня от остального мира. Теперь я мог видеть только те предметы, которые находились в непосредственной близости от меня. Из тумана навстречу мне поочередно выдвигались то лежащее на земле дерево, то куст лозняка, пень, кочка или еще что-нибудь в этом роде.

В такую погоду сумерки наступают рано. Чтобы не заблудиться, я решил вернуться на тропинку. По моим соображениям, она должна была находиться слева и сзади. Прошел час, другой, а тропинка не попадалась. Тогда я переменил направление и пошел по оврагу, но он стал загибать в сторону. Ночевка в лесу без огня в прошлом году на реке Арзамасовке не послужила мне уроком: я опять не захватил с собой спичек. На выстрелы в воздух ответных сигналов не последовало. Я устал и сел отдохнуть на валежник, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Холодная сырость принудила меня подняться и идти дальше. Должно быть, взошла луна: сквозь туман ее не было видно, но на земле стало светлее. Часа два еще я бродил наудачу. Местность была поразительно однообразна: поляны, перелески, овраги, кусты, отдельные деревья и валежник на земле — все это было так похоже друг на друга, что по этим предметам никак нельзя было ориентироваться. Наконец, я окончательно выбился из сил и, подойдя к первому лежащему на земле дереву, сел на него, опершись спиной на сук, и задремал. Я сильно зяб, постоянно вскакивал и топтался на одном

месте. Так промаялся я до утра. Рядом лежало другое дерево. Оно показалось мне знакомым. Я подошел к нему и узнал именно то, на котором я сидел первый раз.

Наконец стало светать. В воздухе разлился неясный серовато-синий свет утра. Туман казался неподвижным и сонным; трава и кусты были мокрые. Мало-помалу начали просыпаться пернатые обитатели леса. Откуда-то появилась ворона. Она каркнула один раз и лениво полетела через поляну. За ней проснулись дятлы, лесные голуби и сизоворонки. Когда стало совсем светло, я стряхнул с себя сонливость и уверенно пошел по краю оврага. Не успел я сделать и девяти шагов от валежника, на котором дремал, как сразу натолкнулся на мертвого козла.

Оказалось, что я все время кружил около него. Досадно мне стало за бессонную ночь, но тотчас это досадное чувство сменилось радостью: я возвращался на бивак не с пустыми руками. Это невинное тщеславие свойственно каждому охотнику.

Скоро стало совсем светло. Солнца не было видно, но во всем чувствовалось его присутствие. Туман быстро рассеивался, кое-где проглянуло синее небо, и вдруг яркие лучи прорезали мглу и осветили мокрую землю. Тогда все стало ясно, стало видно, где я нахожусь и куда надо идти. Странным мне показалось, как это я не мог взять правильного направления ночью. Солнышко пригрело землю, стало тепло, хорошо, и я прибавил шаг.

Через два часа я был на биваке. Товарищи не беспокоились за меня, думая, что я заночевал где-нибудь в фанзе у китайцев. Напившись чаю, я лег на свое место и уснул крепким сном.

Несколько дней спустя после этого мы занимались пристрелкой ружей. Людям были розданы патроны и указана цель для стрельбы с упора. По окончании пристрелки солдаты стали просить разрешения открыть вольную стрельбу. Стреляли они в бутылку, стреляли в белое пятно на дереве, потом в круглый камешек, поставленный на краю утеса.

Вдруг откуда-то взялась нырковая утка. Не обращая внимания на стрельбу, она спустилась на воду недалеко от берега. Захаров и Сабитов стали в нее целить, и так как каждому хотелось выстрелить первому, то оба горячились, волновались и мешали друг другу. Два выстрела произошли почти одновременно. Одна пуля сделала недолет, а другая всплеснула воду далеко за уткой. Испуганная птица нырнула и вновь всплыла на поверхность воды, но уже дальше от берега. Тогда в нее выстрелил Захаров и тоже не попал. Пуля ударилась в воду совсем в сторону. Утка опять нырн-

нула. Солдаты бросили стрельбу в пятнышко и, выстроившись на берегу в одну линию, открыли частый огонь по уходящей птице, и чем больше они горячились, тем дальше отгоняли птицу. По моим соображениям, она была теперь шагах в трехстах, если не больше. В это время на бивак возвратился Дерсу. Взглянув на него, я сразу понял, что он был навеселе. На лице его играла улыбка. Подойдя к палаткам, он остановился и, прикрыв рукою глаза от солнца, стал смотреть, в кого стреляют солдаты.

Как раз в этот момент выстрелил Калиновский. Пуля сделала такой большой недолет, что даже не напугала птицу. Узнав, что стрелки не могли попасть в утку тогда, когда она была близко, он подошел к ним и, смеясь, сказал:

— Ваша хорошо стреляли. Теперь моя хочу утку гоняй.

Сказав это, он быстро поднял свое ружье и, почти не целясь, выстрелил. Крик удивления вырвался у всех сразу. Пуля ударила под самую птицу так, что обдала ее водою. Утка до того была напугана, что с криком сорвалась с места и, отлетев немного, нырнула в воду. Спустя несколько минут она показалась на поверхности, но уже значительно дальше. С поразительной быстротой Дерсу опять вскинул винтовку и опять выстрелил. Если бы утка не взлетела на воздух, можно было бы подумать, что пуля ударила именно в нее. Теперь птица отлетела очень далеко. Чуть-чуть ее можно было рассмотреть простым глазом. Мы взяли бинокли. Дерсу смеялся и подтрунивал над солдатами. Дмитрий Дьяков, который считал себя хорошим стрелком, стал доказывать, что выстрелы Дерсу были случайными и что он стреляет не хуже гольда. Товарищи предложили ему доказать свое искусство. Дьяков сел на колено, долго приспособлялся и долго целился, наконец спустил курок. Пуля сделала рикошет далеко перед уткой. Птица нырнула, но тотчас же опять показалась на поверхности. Тогда Дерсу медленно поднял свое ружье, прицелился и выстрелил. В бинокль видно было, как пуля опять вспенила воду под самой уткой. Вероятно, такое состязание в стрельбе длилось бы еще долго, если бы сама утка не положила ему конец: она снялась с воды и полетела в открытое море.

Вечером я услышал у стрелков громкие разговоры. По настроению я догадался, что они немного выпили. Оказалось, что Дерсу притащил с собой бутылку спирта и угостил им солдат. Вино разгорячило людей, и они начали ссориться между собой.

— Не надо ругаться,— сказал им тихо Дерсу,— слушайте лучше, я вам песню спою.— И, не дожидаясь ответа, он начал петь свои сказки.

Сначала его никто не слушал, потом притих один спорщик, за ним другой, третий, и скоро на таборе совсем стало тихо. Дерсу пел что-то печальное, точно он вспомнил родное прошлое и жаловался на судьбу. Песнь его была монотонная, но в ней было что-то такое, что затрагивало самые чувствительные струны души и будило хорошие чувства. Я присел на камень и слушал его грустную песню. «Поселись там, где поют: кто поет, тот худо не думает»,— вспомнилась мне старинная швейцарская пословица.

Уже смеркалось совсем, зажглись яркие звезды; из-за гор подымалась луна. Еще не было видно, но бледный свет уже распространился по всему небу.

Подвыпившие стрелки уснули, а Дерсу все еще пел свою песню, и пел он ее теперь вполголоса — для себя. Я вернулся в палатку, лег на постель и тоже уснул.

На другой день вечером, сидя у костра, я читал стрелкам сказку «О рыбаке и рыбке». Дерсу в это время что-то тесал топором. Он перестал работать, тихонько положил топор на землю и, не изменяя позы, не поворачивая головы, стал слушать. Когда я кончил сказку, Дерсу поднялся и сказал:

— Верно, такой баба много есть.— Он даже плюнул с досады и продолжал: — Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал бы на другое место.

Мы все расхохотались. Сразу сказался взгляд бродячего туземца. Лучший выход из этого положения, по его мнению, был — сделать лодку и перекочевать на другое место.

Поздно вечером я подошел к костру. На дровах сидел Дерсу и задумчиво глядел на огонь. Я спросил его, о чем он думает.

— Шибко жалко старика. Его был смирный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи,— наверно, совсем стоптал свои унты.

Видно было, что сказка «О рыбаке и рыбке» произвела на него сильное впечатление. Поговорив с ним еще немного, я вернулся в свою палатку.

Глава

3

Первый поход

Выступление.— Дерсу находит отряд по следам.— Река Иодзыхе и река Литянгоу.— Притоки реки Иодзыхе.— Лудева.— Тайга.— Пауки.— Да-Синанца и ее притоки.— Затяжные дожди.— Горбатый таза и его семья.— Бегство их от китайцев.— Сон Дерсу и поминки по усопшим

Наконец, после долгого ожидания, в конце июня на пароходе «Эльдорадо» прибыли наши мулы. Это было радостное событие, выведшее нас из бездействия и позволившее выступить в поход.

Пароход стал шагах в четырехстах от устья реки. Мулы были спущены прямо на воду. Они тотчас же ориентировались и поплыли к берегу, где их уже ожидали стрелки.

Двое суток мы пригоняли к мулам седла и налаживали вьюки. 30 июня была последняя дневка, а на следующий день, 1 июля, мы тронулись в путь.

На реке Иодзыхе наш отряд разделился. Я, Н. А. Десулави и П. П. Бордаков с частью команды отправились на реку Синанцу, а А. И. Мерзляков с остальными людьми пошел вверх по реке Литянгоу. Около последних тазовских фанз, в северо-западном углу долины, нам надлежало разойтись. В это время ко мне подошел Дерсу и попросил разрешения остаться на один день у тазов. Завтра к вечеру он обещал нас догнать. Я высказал опасения, что он может нас не найти. Гольд громко засмеялся и сказал:

— Тебе иголка нету, птица тоже нету — летай не могу. Тебе земля ходи, нога топчи, след делай. Моя глаза есть — посмотри.

На это у меня уже не было возражений. Я знал его способность разбираться в следах и согласился. Мы пошли дальше, а он остался на реке Иодзыхе. На второй день утром Дерсу действительно нас догнал. По следам он узнал

все, что произошло у нас в отряде: он видел места наших привалов, видел, что мы долго стояли на одном месте — именно там, где тропа вдруг сразу оборвалась, видел, что я посылал людей в разные стороны искать дорогу. Здесь один из стрелков переобувался. Из того, что на земле валялся кусочек тряпки с кровью и клочком ваты, он заключил, что кто-то натер ногу, и т. д. Я привык к его анализу, но для стрелков это было откровением. Они с удивлением и любопытством поглядывали на гольда.

Река Иодзыхе (по-удэхейски — Иеньи) почему-то на морских картах названа Владимировкой и показана маленьким ручейком. Долина ее шириною около трех верст и имеет левый край возвышенный и гористый, а правый — пологие увалы, поросшие редкой осиной, березой, ольхой и лиственницей. Уловить, где именно долина переходит в горы, нельзя. Выше по реке картина меняется, и горы принимают резко выраженный характер.

Здесь, кроме дуба, растут: черная и белая береза, китайский ясень, орех, клен, пихта, пробковое дерево, тис, акация, осина и липа, а из кустов: лещина, боярышник, калина, таволга и леспедеца.

Река Иодзыхе близ устья разбивается на множество рукавов, из которых один подходит к правой стороне долины. Место это староверы облюбовали для своего будущего поселка.

Тропа от моря идет вверх по долине так, что все протоки Иодзыхе остаются от нее вправо, но потом, как раз против устья Дунгоу, она переходит реку вброд около китайских фанз, расположенных у подножия широкой террасы, состоящей из глины, песка и угловатых обломков.

Реку Иодзыхе было бы справедливо назвать «Козьей рекой». Нигде я не видел так много этих грациозных животных, как здесь.

Сибирская козуля крупнее европейской. Сжатое с боков тело ее имеет в длину полтора метра и в высоту 87 сантиметров. Красивая притупленная голова с большими подвижными округленными ушами сидит на длинной шее и у самцов украшена двумя маловетвистыми рогами, на конце вилчатыми и имеющими не более шести отростков. Общая окраска тела козули летом темно-ржавая, зимою — буро-серая. Сзади на ляжках, около хвоста, цвет шерсти белый. Его очень заметно, когда козуля бежит, сильно вскидывая задом. Охотники называют это пятно «зеркалом». Защитная окраска делает ее совершенно невидимой: цвет шерсти животного сливается с окружающей обстановкой и видно одно только мелькающее белое «зеркало».

Осенью, в октябре, козуля большими табунами оставляет лесистые местности Уссурийского края и перекочевывает в Маньчжурию. Впрочем, некоторый процент животных остается в приханкайских степях. Заметив место, где табуны коз переплывали через реку, казаки караулили их и избивали во множестве, не разбирая ни пола, ни возраста. С проведением железной дороги и заселением долины Уссури сибирская козуля перестала совершать такие кочевки. Убой животных на переправах сошел на нет, и о таких ходах ныне сохранились только воспоминания.

В общем дикая коза — пугливое животное, вечно преследуемое четвероногими хищниками и человеком. Она всегда держится настороже и старается уловить малейший намек на опасность при помощи слуха и обоняния. Любимым местом пребывания козули являются лиственные болотистые леса, и только вечером она выходит пастись на поляны. Даже и здесь, при полной тишине и спокойствии, она все время оглядывается и прислушивается. Убегая в испуге, козуля может делать изумительно большие прыжки через овраги, кусты и завалы буреломного леса.

В Уссурийском крае козуля обитает повсеместно, где только есть поляны и выгоревшие места. Она не выносит высоких гор, покрытых осыпями, и густых хвойных лесов.

Охотятся за ней ради ее мяса. Зимние шкурки идут на устройство спальных мешков, кухлянок и дох; рога продаются по три рубля за пару.

Любопытно, что козуля охотно мирится с присутствием других животных и совершенно не выносит изюбра. В искусственных питомниках при совместной жизни она погибает. Это особенно заметно на солонцах. Если такие солонцы сперва разыщут козы, они охотно посещают их до тех пор, пока не придут олени. Охотники неоднократно замечали, что, как только на солонцах побывают изюбры, козули покидают их на более или менее продолжительное время.

Редколесье в горах, пологие увалы, поросшие кустарниковой растительностью, и широкая долина реки Иодзыхе, покрытая высокими тростниками и полынью, весьма благоприятны для обитания диких коз. Мы часто видели их выбегающими из травы, но они успевали снова так быстро скрываться в зарослях, что убить не удалось ни одной.

Кое-где виднелась свежевзрытая земля. Так как домашних свиней китайцы содержат в загонах, то оставалось допустить присутствие диких кабанов, что и подтвердилось. А раз здесь были кабаны, значит, должны быть и тигры. Действительно, вскоре около реки на песке мы нашли следы одного очень крупного тигра. Он шел вдоль реки и пря-

тался за валежником. Из этого можно было заключить, что страшный зверь приходил сюда не для утоления жажды, а на охоту за козулями и кабанами.

По рассказам тазов, месяца два тому назад один тигр унес ребенка от самой фанзы. Через несколько дней другой тигр напал на работавшего в поле китайца и так сильно изранил его, что он в тот же день умер.

В долине реки Иодзыхе водится много фазанов. Они встречались чуть ли не на каждом шагу. Любимыми местами их обитания были заросли около пашен и плантаций снотворного мака, засеваемого китайцами для сбора опиума. Среди тальниковых зарослей по старицам и протокам изредка попадались и рябчики. Они чем-то кормились на земле и только в случае тревоги взлетали на деревья. В воздухе кружилось несколько белохвостых орланов. Один из них вдруг начал спускаться к реке. Осторожно пробрался я по траве к берегу и стал наблюдать за ним. Он сел на гальку около воды. Тут было несколько ворон, лакомившихся рыбой. Орлан стал их прогонять. Вороны сначала пробовали было обороняться, но, получив несколько сильных ударов клювом, уступили свои места и улетели прочь. Тогда орлан занялся рыболовством. Он прямо вошел в воду и, погрузив в нее брюхо, хвост и крылья, стал прыгать по воде. Не более как через минуту он поймал одну рыбину, вытащил ее на берег и тут же принялся есть. Насытившись, пернатый хищник опять поднялся на воздух. Тотчас к нему присоединилось еще два орлана. Тогда они стали описывать плавные круги. Они не гонялись друг за другом, а спокойно парили в разных плоскостях, поднимаясь все выше и выше в беспредельную синеву неба. Скоро они превратились в маленькие, едва заметные точки, и если я не потерял их из виду, то только потому, что не спускал с них глаз. В это время со стороны дороги я услышал призывные крики. Мои спутники требовали, чтобы я поскорей возвращался. Минут через пять я присоединился к отряду.

В нижнем течении Иодзыхе принимает в себя три небольших притока: справа — Сяо-Иодзыхе длиною 16 километров и слева — Дунгоу, с которой мы познакомились уже в прошлом году, и Литянгоу, по которой надлежало теперь идти А. И. Мерзлякову. Река Сяо-Иодзыхе очень живописная. Узенькая, извилистая долинка обставлена по краям сравнительно высокими горами. По словам китайцев, в вершине ее есть мощные жилы серебро-свинцовой руды и медного колчедана.

Долина реки Литянгоу какая-то странная — не то поперечная, не то продольная. Местами она расширяется до $1\frac{1}{2}$ ки-

лометров, местами суживается до 200 метров. В нижней части долины есть много полян, засоренных камнями и не пригодных для земледелия. Здесь часто встречаются горы и кое-где есть негустые лиственные леса. Чем выше подыматься по долине, тем чаще начинают мелькать темные силуэты хвойных деревьев, которые мало-помалу становятся преобладающими.

В верховьях Литянгоу есть китайская зверовая фанза. От нее тропа поворачивает налево в горы и идет на Иман. Подъем на перевал Хунтами с южной стороны затруднителен; в истоках долина становится очень узкой и завалена камнями и буреломным лесом.

Население окрестностей реки Иодзыхе — смешанное и состоит из китайцев и тазов (удэхейцев). Китайские фанзы сосредоточены главным образом на левом берегу реки, а туземцы поселились выше по долине, около гор.

На следующий день мы расстались с китайцами.

Тропа опять перешла за реку и вскоре привела нас к тому месту, где Иодзыхе разбивается на три реки: 1) Синанцу, 2) Кулему (этимология этого слова мне неизвестна) и 3) Ханьдахезу. Кулема, длиною километров сорок, течет с запада и имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, а Ханьдахеза — 20 километров; по последней можно выйти на реку Сицу (приток Санхобе), где в прошлом году меня застал лесной пожар. От места слияния этих трех рек и начинается собственно Иодзыхе. Здесь с правой стороны (по течению) высится высокая скалистая сопка Да-Лаза. Тропа проходит у ее подножия. Китайцы говорят, что это излюбленное местопребывание тигров.

Река Синанца течет по продольной долине между Сихотэ-Алинем и хребтом, ему параллельным. Она длиною около 75 километров и шириною до 30 метров. За скалистой сопкой сначала идут места открытые и отчасти заболоченные. Дальше поляна начинает возвышаться и незаметно переходит в террасу, поросшую редким лиственным лесом. Спустившись с нее, мы прошли еще с полкилометра и затем вступили в роскошный лес.

Если я хочу представить себе девственную тайгу, то каждый раз мысленно переношусь в долину реки Синанцы. Кроме обычных ясеня, березы Эрмана и ольхи, здесь произрастали: аянская ель — представительница охотской флоры, клен с красными ветвями, имеющий листву, как у неклена, затем черемуха Маака с желтой берестой, как у березы, и с ветвями, пригнутыми к земле, над чем немало потрудились и медведи, и, наконец, в изобилии по берегам реки ивняки,

у которых молодые побеги имеют красновато-сизый оттенок.

Подлесье состояло из всевозможных кустарников, между которыми следует отметить колючий крыжовник с весьма мелкими, закругленными, мохнатыми листьями и белый дерен с гибкими длинными ветвями и ланцетовидными листьями, сверху темно-зелеными, снизу белесоватыми.

Вверху ветви деревьев переплелись между собою так, что совершенно скрыли небо. Особенно поражали своими размерами тополь и кедр. Сорокалетний молодняк, растущий под их покровом, казался жалкою порослью. Сирень, обычно растущая в виде кустарника, здесь имела вид дерева в пять саженей высоты и в два фута в обхвате. Старый колодник, богато украшенный мхами, имел весьма декоративный вид и вполне гармонировал с окружающей его богатой растительностью.

Густой подлесок, состоящий из чертова дерева, виноградника и лиан, делает места эти труднопроходимыми, вследствие чего наш отряд подвигался довольно медленно: приходилось часто останавливаться и высматривать, где меньше бурелома, и обводить мулов стороною.

В этот день Н. А. Десулави отметил в своем дневнике растущие в сообществе следующие цветковые и тайнобрачные растения: 1) клинтонию с крупными сочными листьями и белыми цветами на длинном стебельке, 2) гнездовку, украшенную многочисленными ароматичными фиолетовыми цветами, 3) козелец — высокое растение с длинными сидящими листьями и с беловато-желтыми цветами, затем 4) папоротник, большие ажурные листья которого имеют треугольную форму и по первому впечатлению напоминают листья орляка, и 5) кочедыжник женский — тоже с отдельными большими листьями, форма которых непостоянна и меняется в зависимости от окружающей их обстановки.

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником и тропа не приспособлена для передвижений с вьюками.

Во избежание задержек вперед был послан рабочий авангард под начальством Захарова. Он должен был убирать бурелом с пути и, где нужно, делать обходы. Иногда упавшее дерево застревало вверху. Тогда обрубали только нижние ветви его, оставляя проход в виде ворот; у лежащего на земле колодника обивали сучки, чтобы мулы не попортили ног и не накололись брюхом.

После полудня отряд дошел до лудевы. Она пересекала долину реки Синанцы и одним концом упиралась в скалистую сопку. Лудева была старая, и потому следовало внимательно смотреть под ноги, чтобы не попасть в какую-нибудь

ловушку. Путеводная тропа привела нас к покинутой зверовой фанзе. Около нее на сваях стоял амбар, предназначенный для хранения запасов продовольствия, зверовых шкур, пантов и прочего охотничьего имущества.

Здесь мы и заночевали.

Утром спать нам долго не пришлось. На рассвете появилось много мошкары; воздух буквально кишел ею. Мулы оставили корм и жались к биваку. На скорую руку мы напились чаю, собрали палатки и тронулись в путь.

От зверовой фанзы тропа идет густым лесом. Она сильно кружит, обходя колодник и густые заросли виноградников.

Обыкновенно во второй половине лета появляются большие черные пауки. Они строят тенета колесного типа, причем основные нити бывают длиною от 5 до 7 метров и так прочны, что их свободно можно оттягивать в сторону рукою. В августе месяце пауки эти пропадают, и на их место появляются другие, меньших размеров, желто-зеленого цвета, с красным рисунком на брюшке и головогруди. Их противные паутины встречались чуть ли не на каждом шагу. В особенности много неприятностей испытывает тот, кто едет впереди: ему то и дело приходится снимать паутину с лица или сбрасывать паука, уцепившегося за нос.

В этот день мы дошли до того места, где Синанца разделяется надвое: Да-Синанцу и Сяо-Синанцу. Первая является главной рекой, вторая — ее притоком.

По мере приближения к водоразделу угрюмее становился лес и больше попадалось звериных следов; тропа стала часто прерываться и переходить то на одну, то на другую сторону реки, наконец мы потеряли ее совсем.

На этом протяжении в Синанцу впадают следующие горные речки: Пярл-гоу и Изимлу — справа; Лаза-гоу и Хунголя-гоу — слева. Сама по себе река немноговодна, но бурелом, сложенный в большие груды, указывает на то, что во время дождей вода подымается настолько высоко, что деревья по ней свободно переносятся с одного места на другое.

Чем дальше, тем идти становилось труднее. Поэтому я решил оставить мулов на биваке и назавтра продолжать путь с котомками. Мы рассчитывали в два дня достигнуть водораздела, однако этот переход отнял у нас четверо суток. В довершение всего погода испортилась — пошли дожди.

В верховьях река Синанца с левой стороны принимает в себя целый ряд мелких ручьев, стекающих с Сихотэ-Алиня.

Выбрав один из них, мы стали взбираться на хребет. По наблюдениям Дерсу, дождь должен был быть затяжным. Тучи низко ползли над землею и наполовину окутывали горы. Следовательно, на вершине хребта мы увидели бы

только то, что было в непосредственной от нас близости. К тому же взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу. Это принудило нас на другой день спуститься в долину.

Двое суток мы отсиживались в палатках. Наружу нельзя было показать носа. По хмурому небу низко, словно вперегонки, бежали тяжелые тучи и сыпали дождем. Наконец, терпение наше лопнуло, и невзирая на непогоду мы решили идти назад к морю. Не успели мы отойти от бивака на такое расстояние, с которого в тихую погоду слышен ружейный выстрел, как дождь сразу прекратился, выглянуло солнце, и тогда все кругом приняло ликующий вид, только мутная вода в реке, прибитая к земле трава и клочья тума-
на в горах указывали на недавнее ненастье.

Утомленные непогодой, мы рано стали на бивак. Вечером около нашего табора с ревом ходил тигр. Ночью мы поддерживали усиленный огонь и несколько раз стреляли из ружей.

Дня через два мы дошли до того места, где оставили мулов и часть команды. Около устья реки Синанцы мы застали семью, состоящую из горбатого тазы, его жены, двух малых детей и еще одного молодого удэхейца по имени Чан-Лин. Они стояли на галечниковой отмели и занимались ловлей рыбы. Невдалеке от их стойбища на гальке лежала опрокинутая вверх дном лодка. Белизна дерева и свежие подпалины на бортах ее свидетельствовали о том, что она только что выдолблена и еще не видела воды. Горбатый таза объяснил нам, что сам он лодок делать не умеет и для этого нарочно пригласил своего племянника с реки Такемы.

Поговорив немного с туземцами, мы пошли дальше, а Дерсу остался. На другой день он догнал нас и сообщил много интересного. Оказалось, что местные китайцы решили отобрать у горбатого тазы его жену с детьми и увезти их на Иман. Таза решил бежать. Если бы он пошел сухопутьем, китайцы догнали бы его и убили. Чан-Лин посоветовал ему сделать лодку и уйти морем.

25 июля мы пошли к китайским фанзам, расположенным около реки Дунгоу, по долине которой идет путь на реку Санхобе.

Следующая ночь была темная и дождливая. Тазы решили воспользоваться ею для побега. Совпало так, что китайцы тоже в эту ночь решили сделать нападение и не только отобрать женщину, но и раз навсегда отделаться от обоих тазов. Дерсу как-то пронюхал об этом и сообщил удэхейцам о грозящей им опасности. Захватив с собою винтовку, он отправился в фанзу горбатого тазы и разжег в ней огонь, как

будто все обитатели ее были дома. В это время тазы тихонько спустили лодку в воду и посадили в нее женщину и детей. Надо было проплыть мимо китайского селения. Ночь была ветреная, дождливая, и это способствовало успеху.

Чтобы лодку не было видно, Дерсу вымазал ее снаружи грязью и углем. Как ни старались оба охотника, но обмануть собак не удалось. Они учуяли тазов и подняли неистовый лай. Китайцы выскочили из фанзы, но лодка прошла опасное место раньше, чем они успели добежать до реки. Дерсу решил проводить тазов до самого моря. Приблизительно через час лодка дошла до моря. Здесь Дерсу распрощался с тазами и вышел на берег. Опасаясь встречи с китайцами,

он не пошел назад по дороге, а спрятался в лесу и только под утро возвратился к нам на бивак.

26 июля мы пробыли еще на реке Иодзыхе. Стрелки занимались приведением в порядок своей обуви и стиркой белья.

Целый день Дерсу был в каком-то мрачном настроении. Он все время уединялся и не хотел ни с кем разговаривать. Потом он попросил у меня три рубля и ушел куда-то. В четыре часа пополудни Н. А. Десулави и П. П. Бордаков пошли экскурсировать по окрестностям, а я занялся вычерчиванием маршрута по реке Синанце.

В сумерки снова появился туман. По мере того как становилось темнее, он сгущался все больше и больше; скоро в нем утонули противоположный берег реки и фанзы китайцев. Казалось, вместе с туманом на землю спустилась мертвящая тишина, нарушаемая только падением капель воды с намокшей листвы деревьев.

В это время пришел один из стрелков и стал рассказывать о том, что Дерсук (так всегда они его звали) сидит один у огня и поет песню.

Я спросил солдата, где он видел гольда.

— Далеко,— отвечал он мне,— в лесу около речки.

Стрелок объяснил мне, что надо идти по тропе до тех пор, пока справа я не увижу свет. Это и есть огонь Дерсу. Шагов триста я прошел в указанном направлении и ничего не видел. Я хотел уже было повернуть назад, как вдруг слабо сквозь туман в стороне действительно заметил отблеск костра. Не успел я отойти от тропы и пятидесяти шагов, как туман вдруг рассеялся.

То, что я увидел, было так для меня неожиданно и ново, что я замер на месте и не смел пошевелиться. Дерсу сидел перед огнем лицом ко мне. Рядом с ним лежал топор и винтовка. В руках у него был нож. Уткнув себе в грудь небольшую палочку, он строгал ее и тихо пел какую-то песню. Пе-

ние его было однообразное, унылое и тоскливое. Он не дорезал стружки до конца. Они загибались одна за другой и образовывали султанчик. Взяв палочку в правую руку и прекратив пение, он вдруг обращался к кому-то в пространство с вопросом и слушал, слушал напряженно, но ответа не было. Тогда он бросал стружку в огонь и принимался строгать новую. Потом он достал маленькую чашечку, налил в нее водки из бутылки, помочил в ней указательный палец и по капле бросал на землю во все четыре стороны. Опять он что-то прокричал и прислушался. Далеко в стороне послышался крик какой-то ночной птицы. Дерсу вскочил на ноги.

Он громко запел ту же песню и весь спирт вылил в огонь.
На мгновение в костре вспыхнуло синее пламя. После этого Дерсу стал бросать в костер листья табаку, сухую рыбу, мясо, соль, чумизу, рис, муку, кусок синей дабы, новые китайские улы, коробок спичек и, наконец, пустую бутылку. Дерсу перестал петь. Он сел на землю, опустил голову на грудь и глубоко о чем-то задумался.

Тогда я решил к нему подойти и нарочно спустился на прибрежную гальку, чтобы он слышал мои шаги. Старик поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых я прочел тоску. Я спросил его, почему он так далеко ушел от фанзы, и сказал, что беспокоился о нем. Дерсу ничего не ответил мне на это. Я сел против него у огня. Минут пять сидели мы молча. В это время опять повторился крик ночной птицы. Дерсу спешно поднялся с места и, повернувшись лицом в ту сторону, что-то закричал ей громким голосом, в котором я заметил нотки грусти, страха и радости. Затем все стихло. Дерсу тихонько опустился на свое место и стал поправлять огонь. Накалившаяся докрасна бутылка растрескалась и стала плавиться.

Я не расспрашивал его, что все это значит, я знал, что он сам поделится со мною,— и не ошибся.

— Там люди много,— начал он.— Китайцы, солдаты... Понимай нету, смеяться будут,— мешай.

Я не прерывал его. Тогда он рассказал мне, что прошлой ночью он видел тяжелый сон: он видел старую развалившуюся юрту и в ней свою семью в страшной бедности. Жена и дети зябли от холода и были голодны. Они просили его принести им дрова и прислать теплой одежды, обуви, какой-нибудь еды и спичек. То, что он сжигал, он посылал в загробный мир своим родным, которые, по представлению Дерсу, на том свете жили так же, как и на этом. Тогда я осторожно спросил его о криках ночной птицы, на которые он отвечал своими криками.

— Это ханяла [1],— ответил Дерсу.— Моя думай, это была жена. Теперь она все получила. Наша можно в фанзу ходи.

Дерсу встал и разбросал в стороны костер. Стало вдвое темнее. Через несколько минут мы шли назад по тропе. Дерсу молчал, и я молчал тоже.

Кругом было тихо. Сонный воздух точно застыл. Густой туман спустился в самую долину, и начало моросить. При нашем приближении к фанзам собаки подняли громкий лай.

Дерсу по обыкновению остался ночевать снаружи, а я вошел в фанзу, растянулся на теплом кане и начал дремать. Рядом за стеной слышно было, как мулы ели сено. Собаки долго не могли успокоиться.

---

[1] Тень, душа.

Глава

4

В горах

Река Дунгоу.— Непогода.— Медведь, добывающий мед.— Встреча с Чжан-Бао.— Река Бея.— Зоогеографическая граница горалов.— Река Кудя-хе.— Фанза Дун-Тавайза.— Реки Фату и Адимил.— Осыпи в горах.— Мелкие речки, текущие в море.— Береговая тропа.— Дикая кошка.— Нападение жуков

На другой день погода была пасмурная; по небу медленно ползли тяжелые дождевые тучи, и самый воздух казался потемневшим. Точно предрассветные сумерки. Горы, которые еще вчера были так живописно красивы, теперь имели угрюмый вид.

Мои спутники знали, что если нет проливного дождя, то назначенное выступление обыкновенно не отменяется. Только что-нибудь особенное могло задержать нас на биваке. В 8 часов утра, расплатившись с китайцами, мы выступили в путь по уже знакомой нам тропе, проложенной местными жителями по долине реки Дунгоу к бухте Терней.

В природе чувствовалась какая-то тоска. Неподвижный и отяжелевший от сырости воздух, казалось, навалился на землю и от этого все кругом притаилось. Хмурое небо, мокрая растительность, грязная тропа, лужи стоячей воды и в особенности царившая кругом тишина — все свидетельствовало о ненастье, которое сделало передышку для того, чтобы снова вот-вот разразиться дождем с еще большею силой.

К полудню мы дошли до верховьев реки Дунгоу и сделали привал. В то время когда мы сидели у костра и пили чай, из-за горы вдруг показался орлан белохвостый. Описав большой круг, он ловко с налета уселся на сухоствольной лиственнице и стал оглядываться. Захаров выстрелил в него и промахнулся. Испуганная птица торопливо снялась с места и полетела к лесу.

2 Зак. 2412

— Худо,— сказал Дерсу,— будет большой дождь.

На задаваемые вопросы он объяснил, что, если в тихую погоду туман подымается кверху и если при этом бывает сильное эхо, непременно надо ждать затяжного дождя.

Около часу дня я, Н. А. Десулави и П. П. Бордаков пошли вперед, а стрелки начали вьючить мулов. К трем часам мы взошли на перевал, откуда начинался сток воды в реку Каимбе. Надо было бы здесь стать на бивак, но я уступил просьбам своих товарищей, и мы пошли дальше. Не успели мы спуститься с водораздела, как начался дождь, скоро превратившийся в настоящий ливень. Мы развели большой огонь — мокли и сушились в одно и то же время. К сумеркам подошли мулы, только тогда мы начали переодеваться и ставить палатки. Вечером дождь пошел еще сильнее, и так до самого рассвета. Мы не спали всю ночь, зябли, подкладывали дрова в костер, несколько раз принимались пить чай и в промежутках между чаепитиями дремали.

Утром Н. А. Десулави хотел было подняться на гору Хунтами для сбора растений около гольцов, но это ему не удалось. Вершина горы была окутана туманом, а в два часа дня опять пошел дождь мелкий и частый. Днем мы успели как следует обсушиться, оправить палатки и хорошо выспаться.

На следующий день, 29 июля, опять дождь. Нельзя разобраться, где кончается туман и где начинаются тучи. Этот мелкий, частый дождь шел подряд трое суток с удивительным постоянством.

Терпение наше истощилось. Н. А. Десулави не мог больше ждать. Отпуск его кончался, и ему надлежало возвратиться в Хабаровск.

Несмотря на непогоду, он решил ехать в залив Джигит и там дожидаться парохода. Я дал ему двух мулов и двух провожатых. Часов в одиннадцать утра мы расстались, пожелав друг другу счастливого пути и успехов.

В полдень погода не изменилась. Ее можно было бы описать в двух словах: туман и дождь. Мы опять просидели весь день в палатках. Я перечитывал свои дневники, а стрелки спали и пили чай. К вечеру поднялся сильный ветер. Царствовавшая дотоле тишина в природе вдруг нарушилась. Застывший воздух пришел в движение и одним могучим порывом сбросил с себя апатию.

Сорванная с деревьев листва закружилась в вихре и стала подниматься кверху. Порывы ветра были так сильны, что ломали сучья, пригибали к земле молодняк и опрокидывали сухие деревья.

— Кончай есть,— сказал Дерсу довольным тоном.— Сегодня ночью наша звезды посмотри. Завтра — посмотри солнце.

И действительно, часов в десять вечера темный небесный свод, усеянный миллионами звезд, совершенно освободился от туч. Сияющие ночные светила словно вымылись в дожде и приветливо смотрели на землю. К утру стало прохладнее.

Следующий день был последним днем июля. Когда занялась заря, стало видно, что погода будет хорошая. В горах еще кое-где клочьями держался туман. Он словно чувствовал, что доживает последние часы, и прятался в глубокие распадки. Природа ликовала: все живое приветствовало всесильное солнце, как бы сознавая, что только одно оно может прекратить ненастье.

Этот день мы употребили на переход к знакомой нам грибной фанзе, около озера Благодати. Опять нам пришлось мучиться в болотах, которые после дождей стали еще непроходимее. Чтобы миновать их, мы сделали большой обход, но и это не помогло. Мы рубили деревья, кусты, устраивали гати, и все-таки наши вьючные животные вязли на каждом шагу чуть не по брюхо. Большого труда стоило нам перейти через зыбуны и только к сумеркам удалось выбраться на твердую почву.

На другой день мы выступили рано. Путь предстоял длинный, и хотелось поскорее добраться до реки Санхобе, откуда, собственно, и должны были начаться мои работы. П. П. Бордаков взял ружье и пошел стороною, я с Дерсу по обыкновению отправился вперед, а А. И. Мерзляков с мулами остался сзади.

Около второго распадка я присел отдохнуть, а Дерсу стал переобуваться. Вдруг до нас донеслись какие-то странные звуки, похожие не то на вой, не то на визг, не то на ворчание. Дерсу придержал меня за рукав, прислушался и сказал:

— Медведь!

Мы встали и тихонько пошли вперед. Скоро мы увидели виновника шума. Медведь средней величины возился около большой липы. Дерево росло почти вплотную около скалы. С лицевой стороны на нем была сделана заметка топором, что указывало на то, что рой этот раньше нас и раньше медведя нашел кто-то из людей.

С первого взгляда я понял, в чем дело: медведь добывал мед. Он стоял на задних ногах и куда-то тянулся. Протиснуть лапу в дупло ему мешали камни. Медведь был из числа терпеливых. Он ворчал и тряс дерево изо всей силы. Вокруг вились пчелы и жалили его в голову. Медведь тер мор-

ду лапами, кричал тоненьким голосом, валялся по земле и затем вновь принимался за ту же работу. Его уловки были очень комичны. Наконец он утомился, сел на землю по-человечески и, раскрыв рот, стал смотреть на дерево, видимо что-то соображая. Так просидел он минуты две. Затем вдруг поднялся, быстро подбежал к липе и полез на ее вершину. Взобравшись наверх, он протиснулся между скалой и деревом и, упершись передними и задними лапами в камни, начал сильно давить спиной дерево. Дерево подалось немного. Но, видимо, медведю было больно спину. Тогда он переменил положение и, упершись спиной в скалу, стал лапами давить на дерево. Липа затрещала и рухнула на землю.

Этого и надо было медведю. Теперь оставалось только разобрать заболонь и добыть соты.

— Его шибко хитрый люди,— сказал Дерсу.— Надо его гоняй, а то скоро весь мед кушай.— Сказав это, он крикнул: —Тебе какой люди, тебе как чужой мед карабчи[1]!

Медведь оглянулся. Увидев нас, он побежал и быстро исчез за скалою.

— Надо его пугай,— сказал Дерсу и выстрелил в воздух.

В это время подошли кони. Услышав наш выстрел, А. И. Мерзляков остановил отряд и пришел узнать, в чем дело. Решено было для добычи меда оставить двух стрелков. Надо было сперва дать пчелам успокоиться, а затем морить их дымом и собрать мед. Если бы это не сделали мы, то все равно весь мед съел бы медведь.

Минут через пять мы тронулись дальше.

По мере того как продвигаешься на север по побережью моря, замечаешь, что представители маньчжурской флоры один за другим остаются сзади. Первая отстала груша. Я видел ее последний раз на реке Иодзыхе. Потом — акация Маака. Бухта Терней, по-видимому, является для нее северной границей. Дальше всех на север проникает монгольский дуб. Зато лиственница появилась на берегу моря небольшими группами. Кроме растущей здесь в изобилии калины, орешника и леспедецы, мы заметили перистые пятерные листочки и характерные бледно-желтые цветы лапчатки, затем кустарниковую низкорослую рябину, дающую мелкие и почти безвкусные светло-красные плоды, а рядом с ней даурский можжевельник, стелющийся по земле и подымающий кверху свои густые зеленые ветви с матово-синим оттенком и прошлогодними сухими ягодами.

Дальнейшее путешествие наше до реки Санхобе прошло без всяких приключений. К бухте Терней мы прибыли в че-

---

[1] То есть украл.

тыре часа дня, а через час прибыли и охотники за пчелами и принесли с собой 9 килограммов хорошего сотового меду. Вечером казаки ловили рыбу в реке. Кроме горбуши, в неводок попалось несколько гольянов, мясо которых имело горьковатый привкус.

Здесь мы расстались с П. П. Бордаковым. Он тоже решил возвратиться в Джигит с намерением догнать Н. А. Десулави и с ним доехать до Владивостока. Жаль мне было потерять хорошего товарища, но ничего не поделаешь. Мы расстались искренними друзьями. На другой день П. П. Бордаков отправился обратно, а еще через сутки (3 августа) снялся с якоря и я со своим отрядом.

На реке Санхобе мы опять встретились с начальником охотничьей дружины Чжан-Бао и провели вместе целый день. От него я узнал, что зимой он ходил разбирать спорный земельный вопрос между тазами и китайцами, а весной был на реке Ното, где уничтожил шайку хунхузов.

Я чрезвычайно обрадовался, когда услышал, что он хочет идти со мной на север. Это было вдвойне выгодно. Во-первых, потому, что он хорошо знал географию прибрежного района, во-вторых, его авторитет среди китайцев и влияние на туземцев значительно способствовали выполнению моих заданий.

Небольшая речка Бея (по-удэхейски Иеля), по которой я пошел от бухты Терней, впадает в реку Санхобе в двух километрах от устья. Она длиною около двенадцати километров и течет по заболоченной долине, расположенной параллельно берегу моря. С правой стороны ее тянутся пологие увалы, с левой — скалистые сопки, состоящие из кварцевого порфира, диабаза и диорита.

В истоках река Бея поворачивает на восток и доходит почти до самого моря. Тропа проложена китайцами по увалам с правой стороны долины. Окрестные горы, о которых идет здесь речь, покрыты весьма редким лесом, состоящим преимущественно из клена, бархата, ореха, липы и черной березы. По берегам речки густо растут ивняк и ольха. Открытые места заросли леспедецей, таволожником, шиповником и калиной. Внизу, по низинам,— царство тростника, подмаренника и полыни. Местами эти травы положительно глушат все другие растения. Только полевой горошек, пользуясь способностью цепляться за них, мог еще оспаривать свое право на существование.

Следуя за рекой, тропа уклоняется на восток, но не доходит до истоков, а поворачивает опять на север и взбирается на перевал Кудя-лин, высота которого определяется в 260 метров. Подъем на него с юга и спуск на противополож-

ную сторону — крутые. Куполообразную гору с левой стороны перевала китайцы называют Цзун-ганшань. Она состоит главным образом из авгитового андезита.

За перевалом мы нашли маленькую горную речку Кудяхе, которая на морских картах называется Кудия, а у тазов Кудя-Бязани. Она не имеет выхода в море: устье ее занесено песком и галькой. Вследствие этого здесь образовалась болотина. По словам тазов, это лучшие солонцы во всем прибрежном районе. Действительно, около болота виднелось множество звериных следов. От моря Кудяхе отделяется высокими скалистыми горами, покрытыми с подветренной стороны хвойным лесом. В зоогеографическом отношении это очень интересное место. Здесь проходит северная граница распространения горалов.

Небольшие долинки, обставленные невысокими остроконечными сопками, покрытые лиственным редколесьем, весьма удобны для поселений небольшими хуторами. Прибрежные возвышенности состоят из фельзитовых порфиритов, поверх которых лежат слои вулканических туфов.

За рекой Кудяхе тропа переваливает через небольшой мысок и спускается в долину другой горной речки Тавайзы (по-удэхейски Омуски) длиною 7—8 километров. Спуск в долину Тавайзы крутой, почти обрывистый. Еще один перевал, и мы попали в великолепную плодородную долину небольшой реки Адимил, которая на картах обозначена Акмой и которую удэхейцы называют Агама. Собственно говоря, здесь две речки сходятся вместе в одном километре от моря. При устье их углубление береговой линии образовало небольшую, весьма живописную бухточку. Здесь мы нашли хорошенькую китайскую фанзу с названием Дун-Тавайза. От бухты Терней до этого места 27 километров.

Из фанзы навстречу нам вышли два китайца. Они приняли мулов от людей, помогли нам раздеться и пригласили к себе в жилище. Более радушного приема я нигде не встречал. У этих китайцев не было и тени раболепства — они просто были гостеприимны и караулили каждое наше желание. Впоследствии от староверов я слышал о них именно такие же отзывы. Где они теперь? Один из них был старик; быть может, его теперь уже нет в живых. Во всяком случае у всех нас об этих людях сохранились самые хорошие воспоминания. Здесь было так хорошо и уютно, жизнь китайцев казалась такой тихой и мирной, что я решил остаться у них на дневку. Вечером, сидя у жаровни с угольями, я пил чай с солеными лепешками и расспрашивал старика о путях, ведущих на север.

Река Фату (по-удэхейски Фарту) впадает в реку Санхобе

с левой стороны, в однодневном пути от устья, и течет с северо-востока параллельно берегу моря. Горный хребет, отделяющий бассейн ее от речек, текущих непосредственно в море, имеет в среднем высоту в 600 метров. Следующая большая река, которая берет начало с Сихотэ-Алиня, будет река Билимбе, впадающая в море около горы Железняк, немного южнее мыса Шанца.

Я рассчитывал часть людей и мулов направить по тропе вдоль берега моря, а сам с Чжан-Бао, Дерсу и тремя стрелками пойти по реке Адимил к ее истокам, затем подняться по реке Билимбе до Сихотэ-Алиня и обратно спуститься по ней же к морю.

Утром 4 августа мы стали собираться в путь. Китайцы не отпустили нас до тех пор, пока не накормили как следует. Мало того, они щедро снабдили нас на дорогу продовольствием. Я хотел было рассчитаться с ними, но они наотрез отказались от денег. Тогда я положил им деньги на стол. Они тихонько передали их стрелкам. Я тоже тихонько положил деньги под посуду. Китайцы заметили это и, когда мы выходили из фанзы, побросали их под ноги мулам. Пришлось уступить и взять деньги обратно.

Река Адимил в верховьях слагается из двух ручьев, текущих навстречу друг другу. Километрах в пяти от земледельческой фанзы находится другая, лудевая фанза, в которой живут три китайца-охотника, занимающиеся ловлей оленей ямами.

В долине реки Адимил произрастают лиственные леса дровяного и поделочного характера; в горах всюду видны следы пожарищ. На релках и по увалам — густые заросли таволги, орешника и леспедецы. Дальше в горах есть немного кедра и пихты. Широкие полосы гальки по сторонам реки и измочаленный колодник в русле указывают на то, что хотя здесь больших наводнений и не бывает, но все же в дождливое время года вода идет очень стремительно и сильно размывает берега.

Так как отряд выступил от фанзы Дун-Тавайза довольно поздно, то пришлось идти почти до сумерек. К вечеру мы дошли до истоков реки Адимил и стали биваком близ перевала на реку Фату. В этот день погода стояла хотя пасмурная и туманная, но было душно и сильно парило. Я опасался дождя и спросил мнения Дерсу насчет погоды. Он сказал, что сейчас состояние погоды таково, что «туман сам еще не знает, превратиться ему в тучи или рассеяться». Сказал это он по-своему и опять назвал туман «люди». У него это вышло так, как будто туман рассуждал, превратиться ли ему в дождь или подождать немного.

Часов в семь вечера вдруг туман быстро начал подниматься кверху. Одновременно с этим стал накрапывать дождь, который минут через пятнадцать перестал, а вместе с ним рассеялся и туман. На небе выглянули звезды.

Наутро мы поднялись довольно рано, напились чаю и стали подыматься на гору Тигровую (595 метров), сплошь покрытую осыпями.

Надо сказать, что в прибрежном районе осыпи больше развиты, чем к западу от Сихотэ-Алиня. Одни из них состоят из обломков в метр величиною, другие из камней с конскую голову, третьи — с голову человека. Обломки в большинстве случаев угловатые и так плотно уложены, что по ним свободно можно идти, как по лестнице. Осыпи древнего происхождения всегда скрыты под мощным покровом растительности. Впрочем, мне часто приходилось видеть старые осыпи, покрытые одними только лишайниками. Они чаще всего располагаются по вершине гор и издали кажутся в виде серых пятен. Иногда осыпи эти занимают большую часть горы. Тогда участки с растительностью на общем сером фоне осыпей кажутся зелеными пятнами.

Как произошли осыпи? Кажется, будто здесь были землетрясения и целые утесы распались на обломки. На самом деле это работа медленная, вековая и незаметная для глаза. Сначала в каменной породе появляются трещины; они увеличиваются в размерах, сила сцепления уступает силе тяжести, один за другим камни обрываются, падают, и мало-помалу на месте прежней скалы получается осыпь. Обломки скатываются вниз до тех пор, пока какое-либо препятствие их не задержит.

Движение по осыпям, покрытым мхом, всегда довольно затруднительно: то ставишь ногу на ребро, то попадаешь в щели между камнями. Внизу осыпи покрыты землей и травой настолько густо, что их не замечаешь вовсе, но по мере того как взбираешься выше, растительность постепенно исчезает.

Летом, в жаркие дни, багульник выделяет такое обилие эфирных масел, что у непривычного человека может вызвать обморочное состояние. За багульником идут мхи и лишайники. Осыпи для людей не составляют помехи, но для коней и мулов они являются серьезным препятствием. Приходится обходить их далеко стороною.

Поднявшись на хребет, мы повернули на север и некоторое время шли по его гребню. Теперь слева от нас была лесистая долина реки Фату, а справа — мелкие речки, текущие в море: Секуму, Одега Первая, Одега Вторая, Тания, Вязтыгни, Хотзе, Иеля и Шакира.

Вдоль берега моря проложена пешеходная тропа. Она пересекает все упомянутые речки в трех — пяти километрах от их устьев. Твердый грунт тропы допускает движение вьючных обозов. Перевалы через горные отроги между речками не превышают 125 метров.

На всем протяжении от реки Секуму до реки Шакиры в последовательном порядке располагаются следующие горные породы: известняки, известковые песчаники, граниты, гнейсы и кристаллические сланцы.

Часа в четыре дня пошел дождь. Мы спустились с хребта и, как только нашли в ручье воду, тотчас стали биваком. Стрелки принялись развьючивать мулов, а мы с Дерсу по обыкновению отправились на разведку. Я пошел вверх, а он
вниз по ключу. Дождь в лесу — это двойной дождь. Каждый куст и каждое дерево при малейшем сотрясении обдают путника водою. В особенности много дождевой воды задерживается на листве леспедецы. Через пять минут я был таким же мокрым, как если бы окунулся с головой в реку.

Я хотел было уже повернуть назад, как вдруг увидел какое-то странное животное. Оно спускалось с дерева на землю. Я прицелился и выстрелил. Животное стало биться на земле. Вторым выстрелом я прекратил его мучения. Это оказалась дикая кошка (по-китайски — елиза). Меня поразили ее размеры. Сначала я думал, что это рысь, но отсутствие кисточек на ушах и длинный хвост убедили меня, что это кошка. Длина ее равнялась 1 метру 9 сантиметрам; окраска буровато-желтовато-серая с едва заметными пятнами по всему телу, брюхо и внутренняя сторона ног грязновато-белые. Хвост короче, чем у домашней кошки, и не имеет поперечных темных полос. От домашней кошки она отличается не только своими крупными размерами, но и другими признаками: более сильными зубами, длинными усами и густой шерстью.

Дикая кошка ведет одинокий образ жизни и держится в густых сумрачных лесах, где есть скалистые утесы и дуплистые деревья. Это весьма осторожное и трусливое животное становится способным на яростное нападение при самозащите. Охотники делали опыты приручения молодых котят, но всегда неудачно. Удэхейцы говорят, что котята дикой кошки, даже будучи взяты совсем малыми, никогда не ручнеют. Специально за дикой кошкой никто не охотится, и убой ее — дело случайное. Местные китайцы из кошачьего меха делают зимние воротники и шапки.

В Уссурийском крае дикая кошка распространена повсеместно, но чаще встречается около Владивостока — на Русском острове.

Забрав свой трофей, я возвратился на бивак. Там все уже были в сборе, палатки поставлены, горели костры, варился ужин. Вскоре возвратился и Дерсу. Он сообщил, что видел несколько свежих тигровых следов и один из них недалеко от нашего бивака.

Часов в восемь вечера дождь перестал, хотя небо было попрежнему хмурое. До полуночи вызвался караулить Дерсу. Он надел унты, подправил костер и, став спиной к огню, стал что-то по-своему громко кричать в лес.

— Кому ты кричишь, с кем говоришь? — спросили его стрелки.

— Амба,— отвечал он.— Моя говори ему: на биваке много солдат есть. Солдаты стреляй, тогда моя виноват нету.

И он опять принялся кричать протяжно и громко: «А-та-та-ай, а-та-та-ай». Ему вторило эхо, словно кто перекликался в лесу, повторяя на разные голоса последний слог — «ай». Крики уносились все дальше и дальше и замирали вдали.

Вдруг какой-то сильный шум, похожий на стрекотание, окружил нас. Что-то больно ударило меня в лицо, и в то же время я почувствовал посторонний предмет у себя на шее. Я быстро поднял руку и схватил что-то жесткое, колючее и испуганно сбросил на землю. Это был огромных размеров жук, похожий на оленя, но только без рогов. Другого такого жука я смахнул с руки и вдруг увидел трех жуков у себя на рубашке и двух на одеяле. Их было много. Они ползали около костра и падали в горящие уголья. Особенно страшными казались те, что летали и старались сесть на голову. Я вскочил с постели и отбежал в сторону. Жуки долго еще попадались то на одеяле, то на шинели, то у кого-нибудь в сумке, то в головном уборе.

Дерсу объяснил:

— Моя раньше такой люди,— он указал на жука,— много посмотри нету: один-один каждый год найди... Как его там много собрался?

Я поймал одного жука и впоследствии узнал его научное название — гигантский усач. Он является представителем фауны, оставшейся в Уссурийском крае в наследие от третичного периода. Жук был коричневого цвета, с пушком на спине, с сильными челюстями, загнутыми кверху, и очень напоминал жука-дровосека, только усы у него были покороче. Длина тела его равнялась $9^1/_2$ сантиметрам, а ширина — 3 сантиметрам. Небольшие глаза треугольной формы были расположены по сторонам головы; они были темного цвета и как бы прикрыты мелкой сеткой. Долго мы провозились с жуками и успокоились только после полуночи.

Глава

5

Наводнение

Река Билимбе.— Плохие приметы.— Чертово место.— Ночная тревога.— Сихотэ-Алинь.— Непогода.— Зверовая фанза.— Тайфун.— Трехдневный ливень.— Разбушевавшиеся стихии.— Затопленный лес

На другой день мы продолжали наш путь далее на север по хребту и часов в десять утра дошли до горы Острой высотою в 678 метров. Осмотревшись, мы спустились в один из ключиков, который привел к реке Билимбе.

Погода все эти дни стояла хмурая; несколько раз начинал моросить дождь; отдаленные горы были задернуты не то туманом, не то какою-то мглою. По небу, покрытому тучами, на восточном горизонте протянулись светлые полосы, и это давало надежду, что погода разгуляется.

Выкормив мулов на подножном корму, мы пошли вверх по реке Билимбе, которую удэхейцы называют Били, а китайцы Бинь-лянь-бэй. Она длиною около 90 километров и берет начало с Сихотэ-Алиня. Перевалов с Билимбе будет три: один влево (если стоять лицом к истокам) на реку Санхобе, другой вправо на реку Такему и третий прямо на Имам. Билимбе течет по сравнительно узкой долине и на всем протяжении принимает в себя только четыре более или менее значительных притока, по два с каждой стороны. Самый большой из них будет река Забытая. Она впадает в Билимбе слева (по течению), в 26 километрах от устья. Истоки ее находятся в горном узле, откуда берут начало реки Амагу и Кулумбе, о которых речь будет ниже.

В то время реку Билимбе можно было назвать пустынною. В нижней половине река шириной около 20 метров, глубиной до $1^1/_2$ метров и имеет скорость течения от 8 до 10 километров в час. В верховьях реки есть несколько зверовых фанз. Китайцы приходили сюда с Санхобе зимою лишь на время соболевания.

В этот день нам удалось пройти километров тридцать; до Сихотэ-Алиня оставалось еще столько же.

Билимбе — царство растений. По обоим берегам реки лес растет так густо, что кажется, будто река течет в коридоре. Наклонившиеся деревья во многих местах перепутались ветвями и образовали живописные арки.

По берегам протока растут кустарники, любящие свет и влагу. В собранном мною гербарии имеются: даурский шиповник, почти лишенный шипов, с опущенными мелкими листочками и с цветами средней величины; розовая иволистная таволожка, образующая вместе с леспедецей густые заросли. Тут же можно было видеть серебристо-белые пушки ломоноса с мелкими листьями на длинных черешках, отходящих в сторону от стебля; крупный раскидистый гречишник, обладающий изумительной способностью приспосабливаться и процветать во всякой обстановке, изменяя иногда свой внешний вид до неузнаваемости; особый вид астры, растущей всегда быстро, и высокую веронику, выдающую себя большим ростом и соцветием из белых колосовидных кистей.

Часа в четыре дня мы стали высматривать место для бивака. Здесь река делала большой изгиб. Наш берег был пологий, а противоположный — обрывистый. Тут мы и остановились. Стрелки принялись ставить палатки, а Дерсу взял котелок и пошел за водой. Через минуту он возвратился крайне недовольный.

— Что случилось? — спросил я гольда.

— Моя думай, это место худое,— отвечал он на мой вопрос.— Моя река ходи, хочу вода бери, рыба ругается.

— Как ругается? — изумились солдаты и покатились со смеху.

— Чего ваша смеется? — сердился Дерсу.— Плакать скоро будете.

Наконец, я узнал, в чем дело. В тот момент, когда он хотел зачерпнуть котелком воды, из реки выставилась голова рыбы. Она смотрела на Дерсу и то открывала, то закрывала рот.

— Рыба тоже люди,— закончил Дерсу свой рассказ.— Его тоже могу говори, только тихо. Наша его понимай нету.

Только что чайник повесили над огнем, как вдруг один камень накалился и лопнул с такой силой, что разбросал угли во все стороны. Точно ружейный выстрел. Один уголь попал к Дерсу на колени.

— Тьфу! — сказал он в сердцах.— Моя хорошо понимай, это место худое.

Стрелки опять стали смеяться.

После ужина я взял ружье и пошел прогуляться вблизи бивака. Отойдя с полкилометра, я сел на бурелом и стал слушать. Кругом царила тишина, только вверху, на перекатах, глухо шумела вода. На противоположном берегу, как исполинские часовые, стояли могучие кедры. Они глядели сурово, точно им известна была какая-то тайна, которую во что бы то ни стало надо было скрыть от людей. После теплого дождя от земли стали подниматься тяжелые испарения. Они сгущались все более и более, и вскоре вся река утонула в тумане. Порой легкое дуновение ветерка приводило туман в движение, и тогда сквозь него неясно вырисовывались очертания противоположного берега, покрытого хвойным лесом.

В это время я увидел в тумане что-то громоздкое и большое. Оно двигалось по реке мне навстречу медленно и совершенно бесшумно. Я замер на месте, сердце мое усиленно забилось. Но я еще больше изумился, когда увидел, что темный предмет остановился, потом начал подаваться назад и через несколько минут так же таинственно исчез, как и появился. Был ли это зверь какой-нибудь или это плыл бурелом по реке, не знаю. Сумерки, угрюмый лес, густой туман и главным образом эта мертвящая тишина создавали картину невыразимо жуткую и тоскливую. Мне стало страшно. Я встал и поспешно пошел назад. Минут через десять я подходил к биваку.

Люди двигались около огня и казались длинными привидениями. Они тянулись куда-то кверху, потом вдруг сокращались и припадали к земле. Я спросил Захарова, не проплыло ли мимо что-нибудь по реке. Он ответил отрицательно.

Тогда я рассказал им о видении и пробовал объяснить это явление игрою тумана.

— Гм, какое худое место,— услышал я голос Дерсу.

Я обернулся. Он сидел у огня и качал головой.

— Надо его гоняй,— сказал он и вслед за тем взялся за топор.

— Кого? — спросил я.

— Черта,— отвечал гольд самым серьезным образом.

Затем он пошел в лес и принялся рубить сырую ель, осину, сирень и т. п., то есть такие породы, которые трещат в огне. Когда дров набралось много, он сложил их в большой костер и поджег. Яркое пламя взвилось кверху, тысячи искр закружились в воздухе. Когда дрова достаточно обуглились, Дерсу с криками стал разбрасывать их во все стороны. Стрелки обрадовались случаю и прибежали ему помогать. Они крутили горящими головешками и бросали их кверху. Красивую картину представляет собою такая вертя-

щаяся ракета, разбрасывающая во все стороны искры. Два полена упали в воду. Они сразу потухли, но долго еще дымились. Наконец, костер был уничтожен. Разбросанные в лесу головешки медленно гасли одна за другой.

После этого мы принялись за чаепитие, а затем стали укладываться на ночь. Я хотел было почитать немного, но не мог бороться со сном и незаметно для себя заснул. Мне показалось, что я спал долго. Вдруг я почувствовал, что кто-то трясет меня за плечо.

— Вставайте скорее!

— Что случилось? — спросил я и открыл глаза.

Было темно — темнее, чем раньше. Густой туман, точно вата, лежал по всему лесу. Моросило.

— Какой-то зверь с того берега в воду прыгнул,— ответил испуганно караульный.

Я вскочил на ноги и взял ружье. Через минуту я услышал, что кто-то действительно вышел из воды на берег и сильно встряхивался. В это время ко мне подошли Дерсу и Чжан-Бао. Мы стали спиной к огню и старались рассмотреть, что делается на реке, но туман был такой густой и ночь так темна, что в двух шагах решительно ничего не было видно.

— Ходи есть,— тихо сказал Дерсу.

Действительно, кто-то тихонько шел по гальке. Через минуту мы услышали, как зверь опять встряхнулся. Должно быть, животное услышало нас и остановилось. Я взглянул на мулов. Они жались друг к другу и, насторожив уши, смотрели по направлению к реке. Собаки тоже выражали беспокойство. Альпа забилась в самый угол палатки и дрожала, а Леший поджал хвост, прижал уши и боязливо поглядывал по сторонам.

Но вот опять стала бренчать галька.

Я велел разбудить остальных людей и выстрелил. Звук моего выстрела всколыхнул сонный воздух. Гулкое эхо подхватило его и далеко разнесло по лесу. Послышалось быстрое бренчанье гальки и всплеск воды в реке. Испуганные собаки сорвались со своих мест и подняли лай.

— Кто это был? — обратился я к гольду.— Изюбр?

Он отрицательно покачал головой.

— Может быть, медведь?

— Нет,— отвечал Дерсу.

— Так кто же? — спросил я нетерпеливо.

— Не знаю,— ответил он.— Ночь кончай, след посмотри, тогда понимай.

После переполоха сна как не бывало. Все говорили, все высказывали свои догадки и постоянно обращались к Дерсу

с расспросами. Гольд говорил, что это не мог быть изюбр, потому что он сильнее стучит копытами по гальке; это не мог быть и медведь, потому что он пыхтел бы.

Посидели мы еще немного и, наконец, стали дремать. Остаток ночи взялись окарауливать я и Чжан-Бао. Через полчаса все уже опять спали крепким сном, как будто ничего и не случилось.

Наконец появились предрассветные сумерки. Туман сделался серовато-синим и хмурым. Деревья, кусты и трава на земле покрылись каплями росы. Угрюмый лес дремал. Река казалась неподвижной и сонной. Тогда я залез в свой комарник и крепко заснул.

Проснулся я в восемь часов утра. По-прежнему моросило.
Дерсу ходил на разведку, но ничего не нашел. Животное, подходившее ночью к нашему биваку, после выстрела бросилось назад через реку. Если бы на отмели был песок, можно было бы увидеть его следы. Теперь остались для нас только одни предположения. Если это был не лось, не изюбр и не медведь, то, вероятно, тигр.

Но у Дерсу на этот счет были свои соображения.

— Рыба говори, камень стреляй, тебе, капитан, в тумане худо посмотри, ночью какой-то худой люди ходи... Моя думай, в этом месте черт живи. Другой раз тут моя спи не хочу.

Часов в девять утра мы снялись с бивака и пошли вверх по реке Билимбе. Погода не изменилась к лучшему. Деревья словно плакали: с ветвей их на землю все время падали крупные капли; даже стволы были мокрые.

Чем дальше, тем долина становилась все у́же и у́же. На пути нам повстречалось несколько пустых зверовых фанз. В них я увидел только то, что заметил бы и всякий другой наблюдатель, но Дерсу увидел еще многое другое. Так, например, осматривая кожи, он сказал, что у человека нож был тупой и что он, когда резал их, то за один край держал зубами. Беличья шкурка, брошенная звероловами, рассказала ему, что животное было задавлено бревном. В третьем месте Дерсу увидел, что в фанзе было много мышей и хозяин ее вел немилосердную войну с ними и т. д.

Мы немного задержались в последней фанзе и к полудню достигли верховьев реки. Тропа давно кончилась, и мы шли некоторое время целиною, часто переходя с одного берега реки на другой.

По мере приближения к Сихотэ-Алиню лес становился гуще и больше был завален колодником. Дуб, тополь и липа остались позади, и место черной березы заняла белая.

Под ногами появились мхи, на которых обильно произрастали плаун, папоротник, мелкая лесная осока и заячья кислица.

В верховьях река Билимбе разбивается на две речки. Если пойти по правой, то можно перевалить на реку Кулумбе (верхний приток Имана), если же идти по левой (к северо-западу), то выйдешь в один из верхних притоков реки Арму. Мы пошли по правой речке, которая скоро привела нас к подножию Сихотэ-Алиня. Теперь Билимбе имела вид горного ручья с руслом, заваленным большими камнями. Вода маленькими струйками сбегала по ним вниз, пряталась в траве и вдруг неожиданно вновь появлялась где-нибудь

в стороне, около бурелома.

Подъем на перевал со стороны моря довольно крутой. В этих местах гребень Сихотэ-Алиня голый. Не без труда взобрались мы на хребет. Я хотел остановиться здесь и осмотреться, но за туманом ничего не было видно. Дав отдохнуть мулам, мы тронулись дальше. Редкий замшистый хвойный лес, заросли багульника и густой ковер мхов покрывают западные склоны Сихотэ-Алиня.

Спустившись немного с водораздела, мы стали биваком у первого же попавшегося ручья.

К вечеру погода не изменилась: земля по-прежнему, словно саваном, была покрыта густым туманом. Этот туман с изморосью начинал надоедать. Идти по лесу в такую погоду все равно, что во время дождя. Каждый куст, каждое дерево, которые нечаянно задеваешь плечом, обдают тысячами крупных капель.

После ужина, протерев ружья, стрелки сейчас же легли спать. Я хотел было заняться съемками, но работа у меня как-то не клеилась. Я завернулся в бурку, лег к огню и тоже уснул.

Следующий день был посвящен осмотру западных склонов Сихотэ-Алиня. Здесь нет настоящих горных ручьев. Вода бесшумно просачивается под мхом. Речки текут спокойно среди невысоких берегов, заросших елью, пихтой, лиственницей и ольхой.

Я хотел спуститься по реке Кулумбе до того места, где в прошлом году нашел удэхейцев, но Дерсу и Чжан-Бао не советовали уходить далеко от водораздела. Они говорили, что надо ждать сильных дождей, и в подтверждение своих слов указывали на небо. Теперь туман поднялся выше и имел вид дождевых туч. Оба мои проводника объяснили мне, что, если во время штиля туман вдруг перестает моросить и начинает подниматься кверху и если при этом раскатистое эхо исчезает, надо ждать весьма сильного дождя.

Действительно, все эти дни земля точно старалась покрыться туманом, спрятаться от чего-то угрожающего, и вдруг туман изменил ей и, как бы войдя в соглашение с небом, отошел в сторону, предоставляя небесным стихиям разделаться с землею по своему усмотрению.

Чжан-Бао советовал вернуться назад на Билимбе и постараться дойти до зверовых фанз. Совет его был весьма резонным, и потому мы в тот же день пошли обратно. Еще утром на перевале красовалось облако тумана. Теперь вместо него через хребет ползли тяжелые тучи. Дерсу и Чжан-Бао шли впереди. Они часто поглядывали на небо и о чем-то говорили между собою. По опыту я знал, что Дерсу редко ошибается, и если он беспокоится, то, значит, тому были серьезные основания.

Часа в четыре дня мы дошли до первой зверовой фанзы. Вдруг опять появился туман и такой густой, что казалось, чтобы пройти сквозь него, нужно употребить усилие. Дерсу выстрелил в воздух. Гулкое эхо с перекатами разнеслось по лесу. После этого я совсем запутался в метеорологии и попросил у Дерсу объяснений. Он остался доволен. По его словам выходило, что повторное появление тумана с изморосью и гулкое эхо указывали на то, что дождь отодвигается по крайней мере до рассвета. Значит, можно идти дальше. Мы пошли скорее и к сумеркам добрались до второй фанзы. Она была уютнее и больше размерами.

В несколько минут фанза была приведена в жилой вид. Разбросанное имущество мы сложили в один угол, подмели пол и затопили печь. Вследствие тумана, а может быть, и оттого, что печь давно уже не топилась, в трубе не было тяги и вся фанза наполнилась дымом. Пришлось прогревать печь горячими углями. Только вечером, когда было уже совсем темно, тяга установилась и каны стали нагреваться. Стрелки развели снаружи большой костер, варили чай и что-то со смехом рассказывали друг другу. У другого огня сидели Дерсу и Чжан-Бао. Оба они молчали и курили трубки. Посоветовавшись с ними, я решил, что, если завтра большого дождя не будет, пойдем дальше. Надо было во что бы то ни стало пройти «щеки», иначе, если станет прибывать вода в реке, мы будем вынуждены совершить большое обходное движение через скалистые сопки Онку, Чжугдыни, что поудэхейски значит «Чертово жилище».

Ночь прошла благополучно.

Было еще темно, когда всех нас разбудил Чжан-Бао. Этот человек без часов ухитрялся точно угадывать время. Спешно мы напились чаю и, не дожидаясь восхода солнца, тронулись в путь. Судя по времени, солнце давно взошло,

но небо было серое и пасмурное. Горы тоже были окутаны не то туманом, не то дождевой пылью. Скоро начал накрапывать дождь, а вслед за тем к шуму дождя стал примешиваться еще какой-то шум. Это был ветер.

— Начинай есть,— сказал Дерсу, указывая на небо.

Действительно, сквозь разорвавшуюся завесу тумана совершенно явственно обозначилось движение облаков. Они быстро бежали к северо-западу. Мы очень скоро вымокли до последней нитки. Теперь нам было все равно. Дождь не мог явиться помехой. Чтобы не обходить утесы, мы спустились в реку и пошли по галечниковой отмели. Все были в бодром настроении духа; стрелки смеялись и толкали друг друга в
50 воду. Наконец, в три часа дня мы прошли теснины. Опасные места остались позади.

В лесу мы не страдали от ветра, но каждый раз, как только выходили на реку, начинали зябнуть. В пять часов пополудни мы дошли до четвертой зверовой фанзы. Она была построена на берегу небольшой протоки с левой стороны реки. Перейдя реку вброд, мы стали устраиваться на ночь. Развьючив мулов, стрелки принялись таскать дрова и приводить фанзу в жилой вид.

Кому приходилось странствовать по тайге, тот знает, что значит во время непогоды найти зверовую фанзу. Во-первых, не надо заготовлять много дров, а во-вторых, фанза все же теплее, суше и надежнее, чем палатка. Пока стрелки возились около фанзы, я вместе с Чжан-Бао поднялся на ближайшую сопку. Оттуда сверху можно было видеть, что делалось в долине реки Билимбе.

Сильный порывистый ветер клубами гнал с моря туман. Точно гигантские волны, катился он по земле и смешивался в горах с дождевыми тучами.

В сумерки мы возвратились назад. В фанзе уже горел огонь. Я лег на кан, но долго не мог уснуть. Дождь хлестал по окнам; вверху, должно быть на крыше, хлопало корье; где-то завывал ветер, и не разберешь, шумел ли то дождь или стонали озябшие кусты и деревья. Буря бушевала всю ночь.

На утро, 10 августа, я проснулся от сильного шума. Не надо было выходить из фанзы, чтобы понять, в чем дело. Дождь лил как из ведра. Сильные порывы ветра потрясали фанзу до основания.

Я спешно оделся и вышел наружу. В природе творилось что-то невероятное. И дождь, и туман, и тучи — все это перемешалось между собою. Огромные кедры качались из стороны в сторону, сердито шумели и словно жаловались на свою судьбу.

На берегу реки я заметил Дерсу. Он ходил и внимательно смотрел на воду.

— Ты что делаешь? — спросил я его.

— Камни смотрю: вода прибавляй,— отвечал он и стал ругать китайца, который построил фанзу так близко от реки.

Тут только я обратил внимание, что фанза действительно стояла на низком берегу и в случае наводнения могла быть легко затоплена.

Около полудня Дерсу и Чжан-Бао, поговорив о чем-то между собою, пошли в лес. Накинув на себя дождевик, я пошел следом за ними и увидел их около той сопки, на которую подымался накануне. Они таскали дрова и складывали их в кучу. Меня удивило, почему они складывают их так далеко от фанзы. Я не стал мешать им и поднялся на горку. Напрасно я рассчитывал увидеть долину Билимбе: я ничего не видел, кроме дождя и тумана. Полосы дождя, точно волны, двигались по воздуху и проходили сквозь лес. Вслед за моментами затишья буря как будто хотела наверстать потерянное и неистовствовала еще сильнее.

Измокший и озябший, я возвратился в фанзу и послал Сабитова к Дерсу за дровами. Он возвратился и доложил, что Дерсу и Чжан-Бао дров не дают. Зная, что Дерсу никогда ничего не делает зря, я пошел вместе со стрелками собирать дрова вверх по протоке.

Часа через два возвратились в фанзу Дерсу и Чжан-Бао. На них не было сухой нитки. Они разделись и стали сушиться у огня.

Перед сумерками я еще раз сходил посмотреть на воду. Она прибывала медленно, и, по-видимому, до утра не было опасения, что река выйдет из берегов. Тем не менее я приказал уложить все имущество и заседлать мулов. Дерсу одобрил эту меру предосторожности. Вечером, когда стемнело, с сильным шумом хлынул страшный ливень. Стало жутко.

Вдруг в фанзе на мгновение все осветилось. Сверкнула яркая молния, и вслед за тем послышался резкий удар грома. Гулким эхом он широко прокатился по всему небу. Мулы стали рваться на привязи, собаки подняли вой.

Дерсу не спал, он лежал на кане и прислушивался к тому, что происходило снаружи. Чжан-Бао сидел у дверей и время от времени перебрасывался с ним короткими фразами. Я что-то сказал, но Чжан-Бао сделал мне знак молчать. Затаив дыхание, я стал тоже слушать. Ухо мое уловило за стеной слабый звук, похожий на журчанье. Дерсу вскочил со своего места и быстро выбежал из фанзы. Через минуту он вернулся и сообщил, что надо скорее будить людей, так

как река вышла из берегов и вода кругом обходит фанзу. Стрелки вскочили и быстро стали одеваться. При этом Туртыгин и Калиновский перепутали обувь и начали смеяться.

— Чего смеетесь? — закричал сердито Дерсу.— Скоро будете плакать.

Пока мы обувались, вода успела просочиться сквозь стену и залила очаг. Угли в нем зашипели и погасли. Чжан-Бао зажег смолье. При свете его мы собрали свои постели и пошли к мулам. Они стояли уже по колено в воде и испуганно озирались по сторонам. При свете бересты и смолья мы стали вьючить коней — и было пора. За фанзой вода успела уже промыть глубокую протоку, и опоздай мы еще немного, то не переправились бы вовсе. Дерсу и Чжан-Бао куда-то убежали, и я, признаться, испугался изрядно. Приказав людям держаться ближе друг к другу, я направился к той горке, на которую взбирался днем. Тьма, ветер и дождь встретили нас сразу, как только мы завернули за угол фанзы.

Ливень хлестал по лицу и не позволял открыть глаз. Не было видно ни зги. В абсолютной тьме казалось, будто вместе с ветром неслись в бездну деревья, сопки и вода в реке и все это вместе с дождем образовало одну сплошную, с чудовищной быстротой движущуюся массу.

Среди стрелков произошло замешательство.

В это время я увидел впереди небольшой огонек и догадался, что его разложили Дерсу и Чжан-Бао. За фанзой образовалась глубокая протока. Я велел стрелкам держаться за мулов со стороны, противоположной течению. До костра было не больше полутораста шагов, но, чтобы пройти их, потребовалось много времени. В темноте мы залезли в бурелом, запутались в кустах, потом опять попали в воду. Она быстро бежала вниз по долине, из чего я заключил, что к утру, вероятно, будет затоплен весь лес. Наконец, мы добрались до сопки. Тут только я увидел, до какой степени были предусмотрительны Дерсу и Чжан-Бао. Теперь только мне стало ясно, зачем они собирали дрова. На жердях были укреплены два курса кедрового колья. Под этой-то защитой они и развели огонь. Не теряя времени, мы стали ставить палатку. Высокая скала, у подножия которой мы расположились, защищала нас от ветра. О сне нечего было и думать. Долго мы сидели у огня и сушились, а погода бушевала все неистовее, шум реки становился все сильнее.

Наконец стало светать. При дневном свете мы не узнали того места, где была фанза: от нее не осталось и следа. Весь лес был в воде; вода подходила уже к нашему биваку, и пора было позаботиться перенести его выше. С одного слова

люди поняли, что надо делать. Одни принялись переносить палатки, другие — рубить хвою и устилать ею сырую землю. Дерсу и Чжан-Бао опять принялись таскать дрова. Перенос бивака и заготовка дров длились часа полтора. В это время дождь как будто немного стих. Но это был только небольшой перерыв. Опять появился густой туман; он быстро поднялся кверху, и вслед за тем снова хлынул сильнейший ливень. Такого дождя я не помню ни до, ни после этого. Ближайшие горы и лес скрылись за стеною воды. Мы снова забились в палатки.

Вдруг раздались крики. Опасность появилась с той стороны, откуда мы ее вовсе не ожидали. По ущелью, при устье которого мы расположились, шла вода. На наше счастье, одна сторона распадка была глубже. Вода устремилась туда и очень скоро промыла глубокую рытвину. Мы с Чжан-Бао защищали огонь от дождя, а Дерсу и стрелки боролись с водой. Никто не думал о том, чтобы обсушиться,— хорошо, если удавалось согреться.

Порой сквозь туман было видно темное небо, покрытое тучами. Они шли совсем не в ту сторону, куда дул ветер, а к юго-западу.

— Худо,— говорил Дерсу,— скоро кончай нету.

По его словам, такой тайфун был в 1895 году. Наводнение застало его на реке Даубихе, около урочища Анучино. Тогда на маленькой лодочке он спас заведующего почтово-телеграфной конторой, двух солдаток с детьми и четырех китайцев. Два дня и две ночи он разъезжал на оморочке и снимал людей с крыш домов и с деревьев. Сделав это доброе дело, Дерсу ушел из Анучина, не дожидаясь полного спада воды. Его потом хотели наградить, но никак не могли разыскать в тайге.

Перед сумерками мы все еще раз сбегали за дровами, дабы обеспечить себя на ночь.

Утром 12 августа, на рассвете, подул сильный северо-восточный ветер, но скоро стих. Дождь лил по-прежнему без перерыва. Все страшно измучились и от усталости еле стояли на ногах. То надо было держать палатку, чтобы ее не сорвало ветром, то укрывать огонь, то таскать дрова. Ручей, бегущий по ущелью, доставлял нам немало хлопот. Вода часто прорывалась к палаткам; надо было устраивать плотины и отводить ее в сторону. Намокшие дрова горели плохо и сильно дымили. От бессонницы и от дыма у всех болели глаза. Ощущение было такое, как будто в них насыпали песок. Несчастные собаки лежали под скалой и не подымали голов.

На реку было страшно смотреть. От быстро бегущей воды

кружилась голова. Казалось, что берег с такой же быстротой двигался в противоположную сторону. Вся долина от гор и до гор была залита водою. Русло реки определялось только стремительным течением. По воде плыли мелкий мусор и крупные коряжины; они словно спасались бегством от того ничем не поправимого несчастья, которое случилось там, где-то в горах. Подмытые в корнях лесные великаны падали в реку, увлекая за собою глыбы земли и растущий на ней молодняк. Тотчас этот бурелом подхватывался водою и уносился дальше. Словно разъяренный зверь, река металась в своих берегах. Бешеными прыжками стремилась вода по долине. Там, где ее задерживал плавник, образовывались клубы желтой пены. По лужам прыгали пузыри. Они плыли по ветру, лопались и появлялись вновь.

Миновал еще один день. Вечером дождь пошел с новой силой. Вместе с тем усилился и ветер. Эту ночь мы провели в состоянии какой-то полудремоты. Один подымался, а другие валились с ног.

Природа словно хотела показать, до какой степени она способна обессилить человека в борьбе со стихиями. Так прошла четвертая бурная ночь.

На рассвете то же, что и вчера. Невозможно разобрать, от чего происходит такой шум: от ветра, от дождя или от воды в реке. Часов в девять утра ветер переменился еще раз и подул с юго-востока. Стрелки забились в палатки и, прикрывшись шинелями, лежали неподвижно. У огня оставались только Дерсу и Чжан-Бао, но и они, видимо, начали уставать. Что же касается меня, то я чувствовал себя совершенно разбитым. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни спать — мне просто хотелось лежать, не шевелиться. Около полудня небо как будто просветлело, но дождь не уменьшился.

Вдруг появились короткие, но сильные вихри. После каждого такого порыва наступал штиль. Вихри эти становились реже, но зато каждый последующий был сильнее предыдущего.

— Скоро кончай есть,—сказал Дерсу.

Слова старика сразу согнали с людей апатию. Все оживились, поднялись на ноги. Дождь утратил постоянство и шел порывами, переходя то в ливень, то в изморось. Это вносило уже некоторое разнообразие и давало надежду на перемену погоды. В сумерки он начал заметно стихать и вечером прекратился совсем. Мало-помалу небо стало очищаться, кое-где проглянули звезды...

С каким удовольствием мы обсушились, напились чаю и легли на сухую подстилку! Это был настоящий отдых.

Глава

6

Возвращение к морю

Переправа через реку Билимбе.— Встреча с А. И. Мерзляковым.— Доставка продовольствия китайцами.— Устье реки Билимбе.— Олений хвост.— Птицы.— Тигр, убитый Дерсу.— Свечение моря

На следующий день мы проснулись поздно. Сквозь прорывы в облаках виднелось солнце. Оно пряталось в тучах, точно не желало смотреть на землю и видеть, что натворил тайфун. Мутная вода шумящими каскадами сбегала с гор; листва на деревьях и трава на земле еще не успели обсохнуть и блестели, как лакированные; в каплях воды отражалось солнце и переливалось всеми цветами радуги. Природа снова возвращалась к жизни. Тучи ушли к востоку. Теперь буря свирепствовала где-нибудь у берегов Японии или южной оконечности острова Сахалина.

Весь этот день мы простояли на месте: сушили имущество и отдыхали. Человек скоро забывает невзгоды. Стрелки стали смеяться и подтрунивать друг над другом.

Вечерняя заря была багрово-красная, и сумерки длинные. В этот день мы улеглись спать рано. Нужно было отоспаться и за прошедшее и на будущее.

Следующий день был 16 августа. Все поднялись рано, с зарей. На восточном горизонте темной полосой все еще лежали тучи. По моим расчетам, А. И. Мерзляков с другой частью отряда не мог уйти далеко. Наводнение должно было задержать его где-нибудь около реки Билимбе. Для того, чтобы соединиться с ним, следовало переправиться на правый берег реки. Сделать это надо было как можно скорей, потому что ниже в реке воды будет больше и переправа труднее.

Для исполнения этого плана мы пошли сначала вниз по долине, но вскоре должны были остановиться: река подмывала скалы. Вода нанесла сюда много бурелома и сложила

его в большую плотину. По ту сторону виднелся небольшой холмик, не покрытый водою. Надо было обследовать это место. Первым перешел Чжан-Бао. По пояс в воде, с палкой в руках он бродил около противоположного берега и ощупывал дно. Исследования показали, что река здесь разбивается на два рукава, находящиеся один от другого на расстоянии тридцати метров. Второй рукав был шире и глубже первого и не был занесен плавником. Шестом достать дна нельзя было, потому что течение относило его в сторону. Дерсу и Чжан-Бао принялись рубить большой тополь. Скоро на помощь им пришли стрелки с поперечной пилою. Стоя больше чем по колено в воде, они работали очень усердно. Минут через пятнадцать дерево затрещало и с грохотом упало в воду. Комель тополя сначала было подался вниз по течению, но вскоре за что-то зацепился, и дерево осталось на месте. По этому мосту мы перешли через вторую протоку. Оставалось пройти затопленным лесом еще метров пятьдесят.

Убедившись, что больше проток нет, мы вернулись назад.

Люди перейдут, имущество и седла тоже можно перенести, но как быть с мулами? Если их пустить вплавь, то силой течения их снесет под бурелом раньше, чем они достигнут противоположного берега. Тогда решено было переправить их на веревке. Выбрав самый крепкий недоуздок, мы привязали к нему веревку и перетащили конец ее через завалы. Когда все было готово, первого мула осторожно спустили в реку.

В мутной воде он оступился и окунулся с головой. Сильное течение тотчас подхватило его и понесло к завалу. Вода пошла через голову мула. Бедное животное оскалило зубы и начало задыхаться. В этот момент его подтащили к берегу.

Первый опыт был не совсем удачен. Тогда мы выбрали другое место, где спуск в реку был пологий. Тут дело пошло успешнее.

Немало трудностей доставил нам переход по затопленному лесу. В наносной илистой почве мулы вязли, падали и выбивались из сил. Только к сумеркам нам удалось подойти к горам с правой стороны долины. Вьючные животные страшно измучились, но еще больше устали люди. К усталости присоединился озноб, и мы долго не могли согреться.

Но самое главное было сделано: мы переправились через реку.

Когда стемнело, пошел дождь, мелкий и частый. Всю ночь моросило.

От места нашей переправы через реку Вилимбе до моря оставалось еще километров сорок. Это расстояние мы про-

шли в два дня (16 и 17 августа) без всяких приключений. Как и надо было ожидать, чем ниже, тем воды в реке было больше. В тех местах, где маленькие распадки выходили в долину, около устья их была нагромождена масса песку и глины. Завалы эти надо исчислять тысячами тонн. И все это образовалось в течение каких-нибудь трех суток. Кое-где вода промыла глубокие овраги, по сторонам их произошли огромные оползни, но от обвалившейся земли не осталось и следа — бешеный поток все унес и разметал по долине. Маленькие, ничтожные ручейки превратились теперь в бурные многоводные потоки, переправа через которые отняла у нас много времени. Волей-неволей пришлось придерживаться возвышенного края долины, следуя всем ее изгибам.

По мере того как мы приближались к морю, лес становился хуже и однообразнее. Иногда встречались группами береза и лиственница, клен, липа и дуб дровяного характера.

Около речки на галечниковых наносах в изобилии растут: корзиночная ива и пирамидальная ива, из ствола которой туземцы выдалбливают челноки. Среди ивняков на затопляемой гальке мы видим особое сообщество растений. Чаще всего (и в данном случае) здесь можно видеть: довольно высокую охотскую хохлатку с мелкими желтыми цветами, нежные розовые цветы донтостемона, у которого и стебель и верхние листья покрыты тонким пушком, и цепляющийся за ивняки схизопепон переступенелистный с выемчатыми сердцевидными листьями; затем звездчатку водяную с характерными для нее бледною листвою и узловатым стебельком и пышный белокопытник, образующий большие заросли громадных жирных листьев, напоминающих лопасти рогов сохатого.

Недолго нас баловала хорошая погода. Вечером 16 августа опять появился туман и опять начало моросить. Эта изморось продолжалась всю ночь и весь следующий день. Мы шли целый день чуть ли не по колено в воде. Наконец, начало темнеть, и я уже терял надежду дойти сегодня до устья реки Билимбе, как вдруг услышал шум моря. Оказалось, что в тумане мы внезапно вышли на берег и заметили это только тогда, когда у ног своих увидели окатанную гальку и белую пену прибойных волн. Я хотел было идти налево, но Дерсу советовал повернуть направо. Свои соображения он основал на том, что видел на песке человеческие следы. Они шли от реки Шакиры к реке Билимбе и обратно. Поэтому гольд и заключил, что бивак А. И. Мерзлякова был в правой стороне.

Я сделал два выстрела в воздух, и тотчас же со стороны реки Шакиры последовал ответ. Через несколько минут мы

были у своих. Начались обоюдные расспросы: с кем что случилось и кто что видел.

Вечером мы долго сидели у костра и делились впечатлениями.

Странно устроен человек... Бивак этот ничем не отличался от других биваков. Так же он был под открытым небом, так же около односкатной палатки горел костер, так же кругом было мокро и сыро, но тем не менее все чувствовали себя так, как будто вернулись домой.

Часов в девять вечера прошел короткий, но сильный дождь, после которого туман сразу исчез, и мы увидели красивое звездное небо. И это небо, по которому широкою полосою протянулся Млечный путь, и темный океан, в котором разом отражались все светила небесные, одинаково казались беспредельно глубокими.

Ночью было холодно. Стрелки часто вставали и грелись у огня. На рассвете термометр показывал +7°C. Когда солнышко пригрело землю, все снова уснули и проспали до девяти часов утра.

Переправляться через реку Билимбе, пока не спадет вода, нечего было и думать. Нет худа без добра. Мы все нуждались в отдыхе: мулы имели измученный вид; надо было починить одежду и обувь, справить седла, почистить ружья. Кроме того, у нас начали иссякать запасы продовольствия.

Я решил заняться охотой и послал двух стрелков к китайцам на реку Адимил за покупками. За последние пять дней я запустил свою работу, и нужно было заполнить пробелы.

Стрелки Сабитов и Аринин стали собираться в дорогу, а я отправился на реку Билимбе, чтобы посмотреть, насколько спала вода за ночь. Не успел я отойти и ста шагов, как меня окликнули. Я возвратился назад и увидел подходящих к биваку двух китайцев с вьючными конями. Это были рабочие из фанзы Дун-Тавайза, куда я хотел посылать за продовольствием. Китайцы сказали, что хозяева их, зная, что перейти теперь через Билимбе нам не удастся, решили послать четыре кулька муки, 10 килограммов свиного сала, 16 килограммов рису, 4 килограмма бобового масла, 4 килограмма сахару и плитку кирпичного чаю. При этом они заявили, что им воспрещено брать с нас деньги. Я был тронут таким вниманием китайцев и предложил им подарки, но они отказались их принять.

Китайцы остались у нас ночевать. От них я узнал, что большое наводнение было на реке Иодзыхе, где утонуло несколько человек. На реке Санхобе снесло водой несколько фанз; с людьми несчастий не было, но зато там погибло много лошадей и рогатого скота.

На другой день китайцы, уходя, сказали, что если у нас опять не хватит продовольствия, то чтобы присылали к ним без стеснения.

Отпустив их, мы с А. И. Мерзляковым пошли к устью реки Билимбе. Море имело необыкновенный вид: на расстоянии двух или трех километров от берега оно было грязно-желтого цвета, и по всему этому пространству плавало множество буреломного леса. Издали этот плавник казался лодками, парусами, шаландами и т. д. Некоторые деревья были еще с зеленою листвою. Как только переменился ветер, плавник погнало обратно к берегу. Море стало выбрасывать назад все лишнее, все мертвое и все, что чуждо было его свободной и живой стихии.

Устье реки Билимбе находится около горы Железняк (460 метров), состоящей из кварцевого порфирита, прорезанного в разных местах жилами глубинной зеленокаменной породы, дающей при разрушении охристо-желтый дресвяник. Недалеко от устья, с левой стороны реки, высится небольшая береговая терраса с основанием из мелкозернистого туфа, а с правой — расстилается заболоченная низина. Раньше здесь проходила река Билимбе. Устье ее было в том месте, где теперь находится река Шакира. Со временем морским прибоем заметало старое русло: тогда река проложила себе выход в море около горы Железняк.

В нижнем течении река Билимбе в малую воду имеет в ширину двадцать пять метров. Желтая грязная вода шла сильной струей, и казалось, будто и в море еще продолжала течь Билимбе.

Продукты разрушения горы в виде мелкого песка, выносимого рекою, отлагаются там, где течение пресной воды ослабляется морским прибоем. Вследствие этого около устья реки Билимбе образовалась полоса мелководья — бар, которая, как барьером, преграждает доступ к реке.

С 19 по 21 августа мы простояли на месте. Стрелки по очереди ходили на охоту и очень удачно. Они убили козулю и двух кабанов, а Дерсу убил оленя. Из голеней и берцовых костей изюбра он вынул костный жир, подогрел его немного на огне и слил в баночку. Жир этот у туземцев предназначается для смазки ружей. После кипячения он остается жидким и не застывает на морозе.

Вечером Дерсу угостил меня оленьим хвостом. Он насадил его на палочку и стал жарить на углях, не снимая кожи. Олений хвост (по-китайски — лу-иба) представляет собою небольшой мешок, внутри которого проходит тонкий стержень. Все остальное пространство наполнено буровато-белой массой, по вкусу напоминающей не то мозги, не то пе-

ченку. Китайцы ценят олений хвост как гастрономическое лакомство.

Целые дни я проводил в палатке, вычерчивал маршруты, делал записи в дневниках и писал письма. В перерывах между этими занятиями я гулял на берегу моря и наблюдал птиц.

Один раз из болот, заросших тростником, я выгнал камышевку. Отлетев немного, она сейчас же спустилась в осоку, и после, сколько я ни искал ее, не мог уже найти вторично. Тут же были и кулики средней величины, с загнутыми кверху носами, должно быть улиты; вероятно, уже началось перекочевывание их к югу. По берегу моря, по песку, у самой воды, бегали грациозные кулички-песочники; они тоже готовились к перелету. В море на воде держались нырковые утки и белые и сизые чайки. Около устья Билимбе по воздуху с быстротой молнии носились какие-то темные длиннокрылые птички, похожие на ласточек. Я с трудом убил одну из них. Это оказался иглохвостый стриж. Около береговых обрывов можно было усмотреть каменных дроздов с темно-бурой окраской, с белыми крапинками на спине. Они весьма подходили под цвет окружающей обстановки и ловко прятались в камнях.

В ручьях, среди кустарников, и в ямках с водою около реки держались чирки-клоктуны [1].

Эти доверчивые и смирные уточки при приближении человека не выказывали испуга и не улетали прочь, а старались лишь немного отплыть в сторону, точно так, как это делают домашние утки.

Вечером мы с Дерсу долго разговаривали об охоте, о зверях, о лесных пожарах и т. д. У него были интересные и тонкие наблюдения. Так, по его словам, лет двадцать тому назад две зимы подряд тигры двигались от запада к востоку. Заметил это не он один, а также и другие охотники. Все тигровые следы шли в этом направлении. По его мнению, это был массовый переход тигров из Сунгарийского края в Сихотэ-Алинь. Затем он припомнил, что в 1886 году был общий падеж зверя. Летом гибли пятнистые олени, потом стали падать изюбры, а зимой — кабаны.

Раньше я несколько раз пытался расспрашивать Дерсу, при каких обстоятельствах он убил тигра, но гольд упорно отмалчивался или старался перевести разговор на другую тему, но сегодня мне удалось выпытать от него, как это случилось.

---

[1] Определения иглохвостого стрижа и чирка-клоктуна сделаны С. А. Бутурлиным.

Дело было на реке Фудзине, в мае месяце. Дерсу шел по долине среди дубового редколесья. При нем была маленькая собачонка. Сначала она весело бежала вперед, но потом стала выказывать признаки беспокойства.

Не видя ничего подозрительного, Дерсу решил, что собака боится медвежьего следа, и без опаски пошел дальше.

Но собака не унималась и жалась к нему так, что положительно мешала идти. Оказалось, что поблизости был тигр. Увидев человека, он спрятался за дерево. По совершенной случайности вышло так, что Дереу направился именно к тому же дереву. Чем ближе подходил человек, тем больше прятался тигр; он совсем сжался в комок. Не замечая опасности, Дерсу толкнул собаку ногой, но в это время выскочил тигр. Сделав большой прыжок в сторону, он начал бить себя хвостом и яростно реветь.

— Что ревешь? — закричал ему Дерсу.— Моя тебя трогай нету. Зачем сердишься?

Тогда тигр отпрыгнул на несколько шагов и остановился, продолжая реветь. Гольд опять закричал ему, чтобы он уходил прочь. Тигр сделал еще несколько прыжков и снова заревел. Видя, что страшный зверь не хочет уходить, Дерсу крикнул ему:

— Ну, хорошо! Тебе ходи не хочу — моя стреляй, тогда виноват не буду.

Он поднял ружье и стал целиться, но в это время тигр перестал реветь и шагом пошел на увал в кусты. Надо было воздержаться от выстрела, но Дерсу не сделал этого. В тот момент, когда тигр был на вершине увала, Дерсу спустил курок. Тигр бросился в заросли. После этого Дерсу продолжал свой путь. Дня через четыре ему случилось возвращаться той же дорогой. Проходя около увала, он увидел на дереве трех ворон, из которых одна чистила нос о ветку.

«Неужели я убил тигра?!» — мелькнуло у него в голове.

Едва он перешел на другую сторону увала, как наткнулся на мертвого зверя. Весь бок у него был в червях. Дерсу сильно испугался. Ведь тигр уходил, зачем он стрелял?.. Дерсу убежал. С той поры мысль, что он напрасно убил тигра, не давала ему покоя. Она преследовала его повсюду. Ему казалось, что рано или поздно, а он поплатится за это и даже по ту сторону смерти должен дать ответ.

— Моя теперь шибко боится,— закончил он свой рассказ.— Раньше моя постоянно один ходи, ничего бойся нету, а теперь чего-чего посмотри — думай, след посмотри — думай, один тайга спи — думай...

Он замолчал и сосредоточенно стал смотреть на огонь. Я почувствовал усталость и пошел спать.

Дня через два вода в реке начала спадать, и можно было попытаться переправиться на другую ее сторону. Буреломный лес хотя и продолжал еще плыть, но не уносился в море, а застревал на баре.

Приказ выступать назавтра обрадовал моих спутников. Все стали суетиться, разбирать имущество и укладывать его по местам. После бури атмосфера пришла в равновесие и во всей природе воцарилось спокойствие. Особенно тихими были вечера. Ночи стали прохладными.

На следующий день, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Мои спутники напились чаю и ждали только меня. Быстро я собрал свою постель, взял в карман кусок хлеба и, пока солдаты вьючили мулов, пошел вместе с Дерсу, Чжан-Бао и А. И. Мерзляковым к реке Билимбе. Собаки тотчас переплыли на другую сторону, но, видя, что мы не переходим, вернулись обратно. Надо было поискать брод. С той и с другой стороны тянулись отмели. Одна из них была выше по течению, а другая ниже. Очевидно, брод шел наискось. Вода в реке стояла еще довольно высоко, и течение было быстрое. Положим, что лошади и люди могли бы переплыть, но как перетащить грузы? Оставалось только одно средство — сделать плот и на нем переправиться. Эта работа отняла у нас почти целый день. Часов в семь вечера мы закончили переправу, основательно устав и промокнув. Мулы, напуганные во время наводнения, сначала не хотели идти в воду. Дьяков переплыл с одним из них, и тогда остальные без всяких заминок пошли сзади. На другом берегу высилась большая терраса. Тут мы и остановились.

Когда на западе угасли последние отблески вечерней зари и все кругом погрузилось в ночной мрак, мы могли наблюдать весьма интересное явление из области электрометеорологии: свечение моря и в то же время исключительную яркость Млечного пути. Море было тихое. Нигде ни единого всплеска. И вся обширная гладь воды как-то тускло светилась. Иногда вдруг разом вспыхивало все море, точно молния пробегала по всему океану. Вспышки эти исчезали в одном месте, появлялись в другом и замирали где-то на горизонте. На небе было так много звезд, что оно казалось одною сплошною туманностью; из всей этой массы особенно явственно выделялся Млечный путь. Играла ли тут роль прозрачность воздуха или действительно существовала какая-нибудь связь между этими двумя явлениями — боюсь сказать. Мы долго не ложились спать и любовались то на небо, то на море. На другое утро караульные сообщили мне, что свечение морской воды длилось всю ночь и прекратилось только перед рассветом.

Глава

7

Экскурсия на Сяо-Кему

Мелкие речки, текущие в море.— Кости оленей.— Комета.— Что такое солнце? — Река Конор.— Староверы.— Непогода.— Река Сакхома.— Недоразумение с условными знаками.— Река Угрюмая.— Жаренье мяса в земле.— Горы в истоках реки Горелой.— Звезды.— Суеверия дикаря и образованного человека.— Красные волки.— Возвращение

Двадцать четвертого августа мы распрощались с рекой Билимбе и пошли вдоль берега моря. Продолжением берегового хребта, отделяющего реку Фату и реку Бейцу (притоки Санхобе) от моря, будет гора Узловая. Далее, на север за ней в море впадают следующие мелкие речки: Кольгатео (по-удэхейски Куалигаса), Хаома (Хома), Сюригчи (Сюликси), Гицироза, Вестыгни, Ойонктого (по-китайски — Куандал и по-удэхейски — Куанда), Ада, Чуркан (по-китайски — Чаан-уоза и по-удэхейски — Анкуга) и Конор. На этом протяжении в обнажениях на берегу моря встречаются слюдистые сланцы, известковые и глинистые песчаники, окрашенные окисью железа, затем известняки, сланцевая глина, мелафиры, базальты и андезиты. Гора Железняк падает к морю обрывистыми утесами, у подножия которых тянется узкая, местами совсем исчезающая полоса прибоя. Во время волнения идти здесь совсем нельзя. Около реки Кольгатео есть скала, удивительно похожая на голову человека. Удэхейцы называют ее Кадани, то есть «Каменный человек». По их преданию, это был великан. Один раз он вошел в воду и стал кричать, что ничего не боится. В этот момент властитель морей —Тэму — превратил его в камень. От тяжести он стал увязать в земле и опускаться все ниже и ниже. Лет пятьдесят тому назад еще были видны его плечи, а теперь над водной поверхностью осталась только одна голова.

Иногда великан шевелится; тогда содрогаются и стонут прибрежные сопки.

От устья реки Билимбе до Конора двенадцать километров по прямой линии. В этот день, несмотря на хорошую погоду, нам удалось пройти немного. На биваках мы стали около небольшой речки Сюригчи. Нижняя часть ее заболочена, а верхняя покрыта гарью. Здесь был когда-то хороший лес. Недавнее наводнение размыло оба берега речки.

Невдалеке от бивака Дьяков нашел скелеты двух оленей, спутавшихся рогами. Я отправился по указанному направлению и вскоре, действительно, увидел на земле изюбровые кости. Видно было, что над уборкой трупов потрудились и птицы, и хищные звери. Особенный интерес представляли головы животных. Во время драки они так сцепились рогами, что уже не могли разойтись и погибли от голода. Стрелки пробовали разнять рога: шесть человек (по три с каждой стороны) не могли этого сделать. Можно представить себе, с какой силой бились изюбры! Очевидно, при ударе рога раздались и приняли животных в смертельные объятия. Хотя мулы наши были перегружены, тем не менее я решил дотащить эту редкую находку до первого жилого пункта и там оставить ее на хранение у китайцев.

Ночью, перед рассветом, меня разбудил караульный и доложил, что на небе видна «звезда с хвостом». Спать мне не хотелось, и потому я охотно оделся и вышел из палатки. Чуть светало. Ночной туман исчез, и только на вершине горы Железняк держалось белое облачко. Прилив был в полном разгаре. Вода в море поднялась и затопила значительную часть берега. До восхода солнца было еще далеко, но звезды стали уже меркнуть. На востоке, низко над горизонтом, была видна комета. Она имела длинный хвост.

Скоро проснулись остальные люди и принялись рассуждать о том, что предвещает эта небесная странница. Решили, что земля обязана ей своим недавним наводнением, а Чжан-Бао сказал, что в той стороне, куда направляется комета, будет война. Видя, что Дерсу ничего не говорит, я спросил его, что думает он об этом явлении.

— Его так сам постоянно по небу ходи, людям никогда мешай нету,— отвечал гольд равнодушно.

При всем своем антропоморфизме он был прав и судил о вещах так, каковы они есть на самом деле.

Но вот на востоке стала разгораться заря, и комета пропала. Ночные тени в лесу исчезли; по всей земле разлился серовато-синий свет утра. И вдруг яркие солнечные лучи вырвались из-под горизонта и разом осветили все море.

— Дерсу,— спросил я его,— что такое солнце?

Он посмотрел на меня недоумевающе и в свою очередь задал вопрос:

— Разве ты никогда его не видал? Посмотри! — сказал он и указал рукой на солнечный диск, который в это время поднялся над горизонтом.

Все засмеялись. Дерсу остался недоволен: как можно спрашивать человека, что такое солнце, когда это самое солнце находится перед глазами? Он принял это за насмешку.

Вследствие того, что мы рано встали, мы рано выступили и с бивака. Тропа по-прежнему шла по берегу моря. После реки Сюригчи на значительном протяжении идут метаморфические глинистые сланцы.

Из мелких речек здесь наиболее интересна река Конор. Она длиною около десяти километров и состоит из слияния двух речек: Большой — Левой и меньшей — Правой. Истоки реки Конор находятся в том же горном узле (горы Туманная и Дромацер), где истоки реки Забытой (приток реки Билимбе). Долина Конор большей частью болотистая, покрыта лиственным редколесьем; река маловодная, но имеет довольно быстрое течение. Около устья она разделяется на два рукава, текущие по глубоким расщелинам. По сторонам их возвышаются морские береговые террасы как результат отрицательного движения береговой линии.

Отдохнув немного на Коноре, мы снова тронулись в путь.

Тут тропа составляет берег моря и по ключику Ада поднимается в горы, затем пересекает речку Чуриги и тогда выходит в долину реки Сяо-Кемы, которая на морских картах названа Сакхомой.

На Сяо-Кеме, в полутора километрах от моря, жил старообрядец Иван Бортников. Семья его состояла из него самого, его жены, двух взрослых сыновей и двух дочерей. Надо было видеть, какой испуг произвело на них наше появление! Захватив детей, женщины убежали в избу и заперлись на засовы. Когда мы проходили мимо, они испуганно выглядывали в окна и тотчас прятались, как только встречались с кем-нибудь глазами. Пройдя еще с полкилометра, мы стали биваком на берегу реки, в старой липовой роще.

Сегодня весь день стояла в воздухе какая-то мгла. Она медленно сгущалась. После полудня в ней потонули дальние горы. Барометр стоял на 757 мм при +14,5°С. На западной части неба все время держалась темная туча с резко очерченными краями. Характер ветра был неровный: то он становился порывистым, то спадал до полного штиля. В тот момент, когда солнце скрылось за облаками, края последних стали светиться, как будто были из расплавленного метал-

3 Зак. 2412

ла. Прошло несколько минут, и вдруг из-за туч по желтовато-зеленому фону неба веером поднялись три пурпуровых луча. Явление это продолжалось не более двух минут. Затем оно начало блекнуть, и вместе с тем туча стала быстро застилать небо.

Я думал, что на другой день, 26 августа, будет непогода. Но опасения мои оказались напрасными. Наутро небо очистилось, и день был совершенно ясный.

Староверы Бортниковы жили зажиточно, повинностей государственных не несли, земли распахивали мало, занимались рыболовством и соболеванием и на свое пребывание здесь смотрели как на временное. Они не хотели, чтобы мы отправились в горы, и неохотно делились с нами сведениями об окрестностях.

Река Сяо-Кема состоит из слияния двух рек: Горелой, длиною в пятнадцать, и Сакхомы, длиной двадцать — двадцать пять километров. Слияние их происходит недалеко от моря. Здесь долина становится шире и по сторонам окаймляется невысокими сопками, состоящими главным образом из базальтов, с резко выраженной флюидальной структурой и листоватою сфероидальною отдельностью.

Во время недавнего наводнения вода сильно размыла русло реки и всюду проложила новые протоки. Местами видно было, что она шла прямо по долине и плодородную землю занесла песком и галькой. Около устья все протоки снова собираются в одно место и образуют нечто вроде длинной заводи.

Сегодняшняя вечерняя заря была опять очень интересной и поражала разнообразием красок. Крайний горизонт был багровый, небосклон оранжевый, затем желтый, зеленый и в зените мутно-бледный. Это была паутина перистых облаков. Мало-помалу она сгущалась и, наконец, превратилась в слоистые тучи. Часов в десять вечера за ней скрылись последние звезды. Началось падение барометра.

Утром меня разбудил шум дождя. Одевшись, я вышел на улицу. Низко бегущие над землей тучи, порывистый ветер и дождь живо напомнили мне бурю на реке Билимбе. За ночь барометр упал на 17 мм. Ветер несколько раз менял свое направление и к вечеру превратился в настоящий шторм.

В этот день работать не удалось. Палатку так сильно трепало, что казалось, вот-вот ее сорвет ветром и унесет в море. Часов в десять вечера непогода стала стихать. На рассвете дождь перестал, и небо очистилось.

28, 29 и 30 августа были посвящены осмотру реки Сяо-Кемы. На эту экскурсию я взял с собою Дерсу, Аринина,

Сабитова и одного мула. Маршрут я наметил по реке Сакхоме до истоков и назад к морю по реке Горелой. Стрелки с вьючным мулом должны были идти с нами до тех пор, пока будет тропа. Дальше мы идем сами с котомками, а они тою же дорогою возвращаются обратно.

Часов в восемь утра мы выступили с бивака.

Тропа начинается от самого дома старовера и идет по левому берегу реки. Здесь рельеф представляется в виде холмов с длинными пологими скатами. Разбросанные по долине реки, густо поросшие орешником холмы чередуются с болотцами и каменистыми участками, лишенными растительности. Между ними река проложила себе много протоков. После недавнего дождя они все были переполнены водою. Эти пологие увалы есть не что иное, как размытые речные террасы, покрытые редколесьем из дуба, бархата, клена, черной березы, тополя, вяза и липы в возрасте от 150 до 200 лет.

Как и везде, густое подлесье в долине Сакхомы состояло из зарослей калины, таволожки и леспедецы. Среди кустарников нашел себе приют охотский хмель с зимующим одеревянелым стеблем, повесивший на близрастущее деревцо свои цепкие плети с белыми пушками, как у одуванчика. В другом месте тонкие длинные ветви ломоноса с мелкими белыми цветами совсем опутали куст шиповника. Тут же из зарослей подымала свою красивую головку пышная ятрышниковая любка, а рядом с ней — ядовитая чемерица, которую легко узнать по плойчатым грубым листьям и шапке белых цветов, теперь уже побуревших и засохших.

По дну длинных балок, прорезывающих террасы в направлении, перпендикулярном к линии тальвега долины, текут небольшие извилистые ручейки. Около их устьев кустарники прерываются, и их места занимают тростники и обыкновенная полынь саженной высоты, оспаривающие друг у друга открытые и сухие места.

Мул, которого взяли с собою Аринин и Сабитов, оказался с ленцой, вследствие чего стрелки постоянно от нас отставали. Из-за этого мы с Дерсу должны были часто останавливаться и поджидать их. На одном из привалов мы условились с ними, что в тех местах, где тропы будут разделяться, мы будем ставить сигналы. Они укажут им направление, которого надо держаться. Стрелки остались поправлять седловку, а мы пошли дальше.

Река Сакхома около устья шириною шесть — восемь и глубиною не более одного-полутора метров. Немного выше того места, где она соединяется с рекой Горелой, долина суживается. С правой стороны подымаются высокие горы,

поросшие густым смешанным лесом, а слева тянутся размытые террасы с лиственным редколесьем.

Здесь тропы первый раз разделились: одна пошла вверх по реке, другая куда-то вправо. Надо было поставить условленный сигнал. Дерсу взял палочку, застругал ее и воткнул в землю; рядом с ней он воткнул прутик, согнул его и надломленный конец направил в ту сторону, куда надо идти. Установив сигналы, мы отправились дальше в уверенности, что стрелки поймут наши знаки и пойдут как следует. Пройдя километра два, мы остановились. Не помню, мне что-то понадобилось во вьюках. Мы стали ждать стрелков, но не дождались и пошли назад к ним навстречу. Минут через

двадцать мы были у места разветвления троп. С первого же взгляда стало ясно, что стрелки не заметили нашего сигнала и пошли по другой дороге. Дерсу начал ругаться.

— Какой народ! — говорил он в сердцах.— Так ходи, головой качай, все равно, как дети. Глаза есть — посмотри нету. Такие люди в сопках живи не могу — скоро пропади.

Его удивляло не то, что Аринин и Сабитов ошиблись. Это не беда! Но как они, идя по тропе и видя, что на ней нет следов, все-таки продолжают идти вперед. Мало того, они столкнули оструганную палочку. Он усмотрел, что сигнал был опрокинут не копытом мула, а ногой человека.

Однако разговором дела не поправишь. Я взял свое ружье и два раза выстрелил в воздух. Через минуту откуда-то издалека послышался ответный выстрел. Тогда я выстрелил еще два раза. После этого мы развели огонь и стали ждать. Через полчаса стрелки возвратились. Они оправдывались тем, что Дерсу поставил такие маленькие сигналы, что их легко было не заметить. Гольд не возражал и не спорил. Он понял, что то, что ясно для него, совершенно неясно для других.

Напившись чаю, мы опять пошли вперед. Уходя, я велел людям внимательно смотреть под ноги, чтобы не повторить ошибки. Часа через два мы достигли того места, где в Сакхому с правой стороны впадает река Угрюмая.

Тут тропы опять разделились. Первая ведет на перевал к реке Илимо (приток Такемы), а по второй нам следовало идти, чтобы попасть в истоки реки Горелой. Дерсу снял котомку и стал таскать бурелом.

— Рано делать бивак,— сказал я ему.— Пойдем дальше.

— Моя дрова таскай нету. Моя дорога закрывай,— ответил он серьезным тоном.

Тогда я понял его. Стрелки бросили ему укор в том, что оставляемые им сигналы незаметны. Теперь он решил устроить такую преграду, чтобы они уперлись в нее и останови-

лись. Меня это очень рассмешило. Дерсу навалил на тропе множество бурелома, нарубил кустов, подрубил и согнул соседние деревья — словом, создал целую баррикаду. Завал этот подействовал. Натолкнувшись на него, Сабитов и Аринин осмотрелись и пошли как следует.

Река Угрюмая течет в широтном направлении. Узкая долина ее покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Следы разрушительного действия воды видны на каждом шагу. Лежащие на земле деревья, занесенные галькою и песком, служат запрудами, пока какое-нибудь новое большое наводнение не перенесет их в другое место.

По дороге мы несколько раз видели козуль. Я стрелял и убил одну из них. В сумерках мы дошли до верховьев реки и стали биваком.

Вечером Дерсу особым способом жарил козулятину. Он выкопал в земле яму размером 40 сантиметров в кубе и в ней развел большой огонь. Когда стенки ямы достаточно прогрелись, жар из ямы был вынут. После этого гольд взял кусок мяса, завернул его в листья подбела и опустил в яму. Сверху он прикрыл ее плоским камнем, на котором снова развел большой огонь на полтора часа. Приготовленное таким образом мясо было удивительно вкусно. Ни в одном первоклассном ресторане не сумели бы так хорошо его зажарить: снаружи козулятина покрылась красновато-бурой пленкой, но внутри была сочная. С той поры при каждом удобном случае мы жарили мясо именно таким способом.

Отсюда на другой день стрелки Аринин и Сабитов с мулом пошли обратно, а мы с Дерсу продолжали маршрут дальше.

В верховьях река Угрюмая разбивается на две речки, расходящиеся под углом градусов в тридцать. Мы пошли влево и стали взбираться на хребет, который здесь описывает большую дугу, охватывая со всех сторон истоки реки Горелой (река Угрюмая огибает его с запада). С этих гор берут начало и другие реки. На запад течет река Сяо-Кунчи (приток Такемы), на юг — один из притоков реки Билимбе, на юго-восток — Конор. Если стоять лицом вверх по реке Горелой, а спиною к морю, то вершины, составляющие упомянутый горный хребет, располагаются справа налево в следующем порядке: гора Голиаф (960), Туманная (970), Шпиц (940), Шанц (1 000), Дромадер (1 060), Облачная (980) и Алмазная (900 метров). Последняя состоит из крупнозернистого кварцевого порфира. Здесь в жилах часто находили друзы горного хрусталя. Это обстоятельство, вероятно, и послужило поводом для того, чтобы окрестить ее Алмазной горой.

Все окрестные сопки обезлесены пожарами: дожди смыли всю землю и оголили старые осыпи, среди которых кое-где сохранились одинокие скалы с весьма причудливыми очертаниями. Одни из них похожи на людей, другие — на колонны, третьи — на наковальни и т. д.

Мы с Дерсу прошли вдоль по хребту. Отсюда сверху было видно далеко во все стороны. На юге, в глубоком распадке, светлой змейкой извивалась какая-то река; на западе в синеве тумана высилась высокая гряда Сихотэ-Алиня; на севере тоже тянулись горные хребты; на восток они шли уступами, дальше за ними виднелось темно-синее море.

Картина была величественная и суровая.

70 Когда начало смеркаться, мы немного спустились с гребня хребта в сторону реки Горелой. После недавних дождей ручьи были полны водою. Очень скоро мы нашли удобное место и расположились биваком высоко над уровнем моря.

С утра день был облачный, но к вечеру небо очистилось. Золотисто-розовые лучи заходящего солнца некоторое время скользили по склонам гор и взбирались все выше и выше. Потом они оставили скалы и стали играть с облаками на небе, потом угасло и это явление: вечерняя заря стала медленно замирать. Дромадер, Шанц и Алмазная гора резко вырисовывались на светлом фоне неба и казались теперь еще сумрачнее и выше. По мере того как пропадал свет солнца на небе, по земле разливался другой, бледно-голубой свет луны. Тени стали резче и темнее. Кругом пала обильная роса. Ночь обещала быть холодной, и потому мы постарались собрать побольше дров, благо в них здесь не было недостатка.

Лежа у костра, я любовался звездами. Дерсу сидел против меня и прислушивался к ночным звукам. Он понимал эти звуки, понимал, что бормочет ручей и о чем шепчется ветер с засохшей травою.

Одна половина была освещена красным светом костра, а другая — бледными лучами месяца: точно рядом, прижавшись друг к другу, сидели два человека — красный и голубой.

Мы разговаривали: говорили о небе, о луне, о звездах. Мне интересно было узнать, как объясняет все небесные явления человек, проведший всю жизнь среди природы, ум которого не был заполнен книжными аксиомами.

Оказалось, что он никогда не задумывался над тем, что такое небо, что такое звезды. Объяснял он все удивительно просто. Звезда — звезда и есть; луна — каждый ее видел, значит, и описывать нечего; небо — синее днем, темное ночью и пасмурное во время ненастья. Дерсу удивился, что я

расспрашиваю его о таких вещах, которые хорошо известны всякому ребенку.

— Кругом люди понимай. Разве тебе, капитан, посмотри нету? — спрашивал он меня в свою очередь.

Я так увлекся созерцанием звездного неба, что совершенно забыл о том, где я нахожусь. Вдруг голос Дерсу вывел меня из задумчивости.

— Посмотри, капитан,— сказал он,— это маленькая уикта (звезда).

Я долго не мог разобраться, на какое светило он указывал, и, наконец, после разъяснений понял, что он говорил про Полярную звезду.

— Это самый главный люди,— продолжал гольд.— Его всегда один место стоит, а кругом его все уикта ходят.

В это время яркая падающая звезда черкнула по небу.

— Что это такое, Дерсу? Как ты думаешь? — спросил я его.

— Одна уикта упала.

Я думал, что он свяжет это явление с рождением или со смертью человека, даст ему религиозную окраску. Ничего подобного. Явление простое: одна звезда упала.

— Китайские люди говорят,— добавил он,— там, где упала звезда, надо искать женьшень.

Для образованного человека это явление сложное: осколок астероида, случайно вошедший в сферу земного притяжения, раскалившийся от трения о воздух, горящий за счет кислорода воздуха, метеорное железо, космическая пыль... Падение их на землю в течение многих веков должно влиять на объем, вес и плотность земли, а всякое малейшее изменение в этом направлении влечет изменение в движении ее и рефлектирует на движении других планет и т. д.

Я очнулся от своих дум. Костер угасал. Дерсу сидел, опустив голову на грудь, и думал. Я подбросил дров в огонь и стал устраиваться на ночь.

На другое утро мы проснулись от холода. Роса, выпавшая с вечера на землю, замерзла и превратилась в иней. Согревшись чаем, мы одели свои котомки и стали спускаться в реку Горелую. Долина ее шире, чем долина реки Сахомы, и имеет явно выраженный характер размыва. Другой отличительной чертой ее будет отсутствие лесов, большею частью уничтоженных пожарами. Все склоны гор, обращенные к реке Горелой, сплошь покрыты осыпями, заросшими травой, кустарниками, и завалены буреломом. Река имеет порожистый характер. Долина ее длиною в четырнадцать километров, ширина около устья четыре — шесть и глубина не более 0,6—0,9 метра.

По мере того как мы подвигались книзу, ручей становился многоводнее. Справа и слева в него впадали такие же ручьи, и скоро наш ручей стал довольно большою горною речкой. Вода с шумом стремилась по камням, но этот шум до того однообразен, что забываешь о нем, и кажется, будто в долине царит полная тишина.

Пробираться сквозь заросли горелого леса всегда трудно. Оголенные от коры стволы деревьев с заостренными сучками в беспорядке лежат на земле. В густой траве их не видно, и потому часто спотыкаешься и падаешь. Обыкновенно после однодневного пути по такому горелому колоднику ноги у лошадей изранены, у людей одежда изорвана, а лица

и руки исцарапаны в кровь. Зная по опыту, что гарь выгоднее обойти стороною, хотя бы и с затратой времени, мы спустились в ручей и пошли по гальке.

Вдруг за поворотом речки я увидел какое-то животное, похожее на собаку, только выше ростом. Широкая голова, небольшие мохнатые, стоячие уши, притупленная морда, сухое сложение и длинный, пушистый хвост изобличали в нем красного волка или шакалоподобную дикую собаку. Цвет волка действительно был красный, темный на спине и светлый на брюхе. Животное лакало воду. Когда мы вышли на гальку, оно перестало пить и большими прыжками побежало к лесу. Вслед за ним из прибрежных кустов выскочили еще два волка, из которых один был такой же окраски, как и первый, а другой темнее, и еще несколько животных промелькнуло мимо нас по кустам. Я стрелял и ранил одного из них. В это время подошел Дерсу. Узнав в чем дело, он направился в заросли и стал что-то искать. Минуты через две я услышал его оклик и повернул в ту сторону. Гольд стоял около большого кедра и махал мне рукою. Подойдя к нему, я увидел на земле большое кровавое пятно и кое-где клочки оленьей шерсти. Дерсу сообщил мне, что красные волки всегда бродят по тайге стаями и охотятся за козами сообща, причем одни играют роль загонщиков, а другие устраивают засаду. Когда они бросаются на животное, то растаскивают его на части, оставляя на месте, как и в данном случае, только кровавое пятно и клочки шерсти. Охотники говорят, что бывали случаи нападения их на человека.

Область распространения красных волков обнимает долину реки Уссури, Южно-Уссурийский край и прибрежный район к северу от залива Ольги до мыса Плитняк. Другими словами, северная граница их обитания совпадает с границей распространения диких коз и пятнистых оленей. Чаще всего животное это встречается в Посьетском, Барабашском и Суйфунском районах.

Отдохнув немного около речки, мы пошли дальше и к вечеру дошли до берега моря.

Следующий день, 31 августа, мы провели на реке Сяо-Кеме, отдыхали и собирались с силами. Староверы, убедившись, что мы не вмешиваемся в их жизнь, изменили свое отношение к нам. Они принесли нам молока, масла, творогу, яиц и хлеба, расспрашивали, куда мы идем, что делаем и будут ли около них размещать переселенцев.

Глава

8

Такема

Птицы на берегу моря.— Население.— Дугообразно расположенные горные складки.— Река Илимо.— Река Цимухе.— Леший и следы тигра.— Изюбр.— Пороги.— Переправа вброд.— Бивак старика китайца

Сегодня первый день осени (1 сентября). После полудня мы оставили реку Сяо-Кему и перешли на Такему. Расстояние это небольшое — всего только семь километров при хорошей тропе, проложенной параллельно берегу моря.

Окрестные горы состоят из метаморфизированных базальтов, авгитового андезита и туфов и имеют вид размытых невысоких холмов с пологими скатами. На Такему мы пришли рано, но долго не могли переправиться через реку. На правом ее берегу, около устья, паслись лошади под наблюдением старика китайца и хромого тазы. Последний, по словам старика, поехал на лодке в деревню за продуктами и должен был скоро возвратиться обратно. Пока стрелки варили чай, я от нечего делать пошел к берегу моря посмотреть птиц.

Перелет только что начался. Прежде всего я заметил серых уток и узконосых чирков. Тех и других было очень много. Первые очень пугливы. Они не подпускали к себе человека и взлетали тотчас, как только слышали шум шагов. Вторые — маленькие серые уточки с синими зеркальцами на крыльях — смирные и доверчивые, старались только немного отплыть в сторону. В другом месте я увидел нескольких чернетей. Черные, с синим отливом и с белыми пятнами на спине, они быстро плавали по лагунам и часто ныряли. Я убил двух птиц, но есть их было нельзя, потому что мясо сильно пахло рыбой. На противоположном берегу стайками ходило много куличков. Некоторые из них перелетали на нашу сторону. Это были красноногие щеголи. Около воды суетились камнешарки — красивые пестренькие птички, тоже

с красными ногами. Они бегали по воде и каждый раз, когда отходила волна, заглядывали под камни, переворачивали гравинки и выискивали корм. Ближе к морю держались самые крупные и красивые кулики-сороки, с красными клювами и ногами серо-фиолетового цвета. Они подпускали человека не более как на сто пятьдесят — двести шагов, затем снимались по очереди и, отлетев шагов на четыреста, снова садились у воды, озираясь по сторонам. Около устья реки в одиночку бегали по камням, помахивая хвостиками, грациозные трясогузки и нисколько не боялись присутствия человека. В море плавали обычные каменушки, которые, видимо, были совершенно равнодушны к перелету. Их не беспокоили надвигавшиеся холода.

Приближалось время хода кеты, и потому в море перед устьем Такемы держалось множество чаек. Уже несколько дней птицы эти в одиночку летели куда-то к югу. Потом они пропали и вот теперь неожиданно появились снова, но уже стаями. Иногда чайки разом снимались с воды, перелетали через бар и опускались в заводь реки. Я убил двух птиц. Это оказались тихоокеанские клуши.

На Такеме фазанов нет вовсе, несмотря на то, что китайцы возделывают землю здесь более десяти лет. Это объясняется тем, что между реками Санхобе и Такемой лежит пустынная область, без пашен и огородов. По-видимому, река Такема в Зауссурийском крае является северной границей распространения обыкновенной белобокой сороки, столь обычной для Ольгинского района и быстро сокращающейся в числе по мере продвижения на север по побережью моря.

Наконец, хромой таза вернулся, и мы стали готовиться к переправе. Это было не так просто и легко, как казалось с берега. Течение в реке было весьма быстрое, перевозчик-таза каждый раз поднимался вверх по воде метров на триста и затем уже спускался к противоположному берегу, упираясь изо всех сил шестом в дно реки, и все же течением его сносило к самому устью.

В низовьях река Такема разбивается на три рукава. Они все впадают в длинную заводь, которая тянется вдоль берега моря и отделена от него песчаным валом. Раньше устье Такемы было в двенадцати километрах от моря, там, где долина суживается и образует «щеки». Об этом красноречиво говорят следы коррозии [1] с левой стороны долины, у подножия отодвинутых ныне в глубь страны береговых обрывов, состоящих из аклировидного гранита.

---

[1] Углубления, проделанные морским прибоем в горной породе.

Километрах в десяти от моря правый берег реки скалистый и состоит из крепкого, не поддающегося разрушению гранита, с многочисленными жилами из афанита и скилита.

Переправившись на другую сторону реки, мы пошли к фанзам, видневшимся вдали. Население Такемы смешанное и состоит из китайцев и тазов. Китайских фанз 23, тазовских 11.

В горах с правой стороны реки, против фанзы Сиу-Фу, китайцы мыли золото, но бросили это дело вследствие того, что добыча драгоценного металла не оправдывала затрачиваемых на него усилий.

Тазы на реке Такеме те же, что и в Южно-Уссурийском крае, только менее подвергшиеся влиянию китайцев. Жили они в фанзах, умели делать лодки и лыжи, летом занимались земледелием, а зимой соболеванием. Говорили они по-китайски, а по-удэхейски знали только счет да отдельные слова. Китайцы на Такеме являлись полными хозяевами реки; туземцы забиты и, как везде, находились в неоплатных долгах.

Когда мы подходили к поселку, навстречу нам вышел старшина Сю-Кай. Это был благообразный старик с седой бородою. Местом стоянки я выбрал фанзу таза Сиу-Фу, одиноко стоящую за протокой.

На следующий день, 2 сентября, была назначена дневка. Любители ловить рыбу ходили на реку. Они поймали три штуки кеты, одну горбушу и двух бычков-подкаменщиков с пестрой окраской и оранжевой каймой на темно-оливковом спинном плавнике. Остальные люди приводили в порядок одежду и чистили оружие.

Посоветовавшись с тазами, я решил вверх по реке Такеме идти с Дерсу, Чжан-Бао, Арининым и Чан-Лином, племянником горбатого тазы, убежавшего с реки Иодзыхе. А. И. Мерзлякову с остальными мулами я велел отправиться на реку Амагу, где и ждать моего возвращения.

Выступление было назначено на другой день, но осуществить его не удалось, вследствие весьма ненастной погоды. Наконец, 4 сентября дождь перестал. Тогда мы собрали свои котомки и после полудня вчетвером выступили в дальний путь.

К северу от мыса Видного прибрежная полоса в географическом отношении представляет область, совершенно непохожую на то, что мы видели южнее.

Интересной особенностью этой части Зауссурийского края являются дугообразно расположенные горные складки. В связи с этим и направление течения рек к морю дугообразное. Такими именно реками будут Такема, Кусун, Ку-

лумбе и Амагу. Первые две являются объемлющими, а вторые — объемлемыми, причем верховья Такемы заходят за верховья Кусуна. Кулумбе и Амагу в свою очередь охватывают реки Вандагоу, Найну и Момокчи. Река Такема длиною более ста двадцати километров. Течет она по продольной долине и в нижнем течении прорывает горный хребет. Такема — река быстрая, многоводная и чрезвычайно порожистая. Ширина ее в нижнем течении шестьдесят и глубина до полутора метров.

От тазовских фанз вверх по долине идет пешеходная тропа. Она придерживается левого берега реки и всячески избегает бродов. Там, где долина суживается, приходится карабкаться по скалам и даже идти вброд по воде. Первые «щеки» (из кварце-порфирного туфа) находятся в двенадцати километрах от моря, вторые будут на два с половиной километра выше. Здесь в обнажениях можно видеть диабазовый и сильно хлоритизированный порфирит. В углублении одной из скал китайцы устроили кумирню, посвященную божеству, охраняющему леса и горы.

За «щеками» долина опять расширяется. Эта местность называется Илимо, по имени реки, впадающей в Такему с правой стороны. Длина ее тридцать пять километров, и в истоках она состоит из трех горных ручьев. Наиболее интересный — левый ее приток Чаку, с перевалом на Такунчи (приток Такемы). По словам туземцев, в верховьях Чаку есть высокая скалистая сопка, которую китайцы называют Ян-Лаза (то есть «Трубчатая скала»). Средний безымянный ключик приведет путника на реку Билимбе, а правый — на реку Сяо-Кему.

Долина реки Илимо прямая, в нижней части открытая и каменистая. С левой стороны ее тянутся террасы, местами болотистые и заросшие редколесьем из черной березы, липы и лиственницы.

От устья реки Илимо Такема поворачивает на север и идет в этом направлении километров шесть или семь. Она все время придерживается правой стороны долины и протекает у подножия гор, покрытых осыпями и почти совершенно лишенных растительности. Горы эти состоят из глинисто-кремнистых сланцев и гранитного порфира. С левой стороны реки тянется широкая полоса земли, свободная от леса. Здесь можно видеть хорошо сохранившиеся двойные террасы. Деревья, разбросанные в одиночку и небольшими группами, придают им живописный вид.

Долина Цимухе кажется как бы продолжением долины Такемы. Из зелени леса около ее устья подымается одинокая скала без названия, которая может служить прекрас-

ным ориентировочным пунктом. Вдали виднеется высокий горный хребет, окаймляющий бассейн реки Такемы с северо-восточной стороны и совершенно оголенный от леса.

От реки Цимухе Такема делает крутой поворот на запад и проходит по ущелью между гор, состоящих из полевошпатового порфира с включениями хлорита; с правой стороны наблюдаются обнажения фельзитов и кварцевого порфита с эпидотом. Тут много скал, от действия воды принявших причудливые очертания. Некоторые из них похожи на ворота, другие — на допотопных животных с маленькими головами, третьи — на фигурные столбы и т. д. Они тянутся на протяжении двух или трех километров. Затем долина опять расширяется. Во время дождей здесь всегда скопляется много воды. Тогда река выходит из берегов и затопляет весь лес.

В долине Такемы произрастают могучие девственные леса, которых ни разу еще не касалась рука человека. Казалось, природа нарочно избрала эти места для того, чтобы показать, какова может быть производительная сила земли.

Кедр, тополь, клен, ольха, черемуха Максимовича, шиповник, рябина бузинолистная, амурский барбарис и чертово дерево, опутанные виноградником, актинидиями и лимонником, образуют здесь такую непролазную чащу, что пробраться через нее можно только с ножом в руке, с затратой больших усилий и с риском оставить одежду свою в кустах.

Мы шли довольно шумно. Дерсу что-то рассказывал. Чжан-Бао и Чан-Лин смеялись. Вдруг Леший остановился, поджал под себя хвост, сгорбился и, прижав уши, со страхом стал озираться по сторонам. Пропустив мимо себя людей, он тихонько поплелся сзади. Причина его страха скоро разъяснилась. Впереди на илистой почве были видны отпечатки тигровых лап. Зверь только что бродил здесь, но, услышав наши голоса, скрылся в зарослях. В это время моя Альпа, понимающая толк только в пернатой дичи, отстала немного и затем бросилась нас догонять. Услышав, что сзади кто-то бежит, Леший с визгом бросился вперед и так ударил под ноги Дерсу, что опрокинул его на землю. Мы тоже сначала испугались и приготовились к обороне. Дерсу поднялся с земли и сказал, обращаясь к Лешему:

— Нет, тебе вместе с людьми ходи не могу. Моя тебе товарищ нету. С такой собакой в компании ходи — скоро пропади.

В заключение своей фразы он плюнул в ее сторону. И действительно, с такой собакой очень опасно ходить на охоту.

Она может привлечь зверя на охотника и в то время, когда последний целится из ружья, сбить его с ног.

Часа в четыре или в пять пополудни мы стали биваком. Котомки наши были тяжелы, и потому все сильно устали. Кругом было много травы и сухостоя для дров. Чтобы не зажечь лес, мы устроились на гальке около реки.

Приближалась осень. Сумерки стали наступать раньше, ночи сделались длиннее, начала выпадать обильная роса. Это природа оплакивала весну и лето, когда все было молодо и наслаждалось жизнью.

Вечером, после ужина, я пошел немного побродить по галечниковой отмели. Дойдя до конца ее, я сел на пень, принесенный водою, и стал смотреть на реку.

Ночь была ясная. Одна сторона реки была освещена, другая — в тени. При лунном свете листва деревьев казалась посеребренной, стволы белесовато-голубыми, а тени черными. Кусты тальника низко склонились над водою, точно они хотели скрыть что-то около своих берегов. Кругом было тихо, безмолвно, только река слабо шумела на перекатах.

Вдруг до слуха моего донесся шорох. Он исходил из кустов. Я вспомнил встречу с тигром и немного испугался. По опыту я знал, что шорох еще не означает опасности. Сплошь и рядом его причиной является какое-нибудь мелкое животное вроде мыши или лягушки. Я взял себя в руки и остался на месте. Через минуту шорох повторился, потом послышался треск сучьев, и вслед за тем на галечниковую отмель, освещенную луной, вышел олень. Он подошел к реке и жадно стал пить воду. Я не смел шевельнуться и минуты две любовался прекрасным животным. В это время наши собаки почуяли зверя и подняли лай. Изюбр встрепенулся, рысью выбежал из реки, положив рога на спину, прыгнул на берег и скрылся в лесу. Я поднялся с пня и возвратился на бивак.

Вечером мы долго еще сидели у огня и говорили об охоте.

На другой день все поднялись рано; первые утренние лучи застали нас уже в дороге.

Теперь река повернула на запад. В этих местах она шириной от 60 до 80 и глубиной $1^1/_2$—2 метра. Река Такема в прибрежном районе считается самой бурной. И действительно, быстрота течения ее в среднем из четырех измерений дала 10 километров в час.

Благодаря тому, что в долине Такемы хорошие леса, сохранились и звери. Здесь можно найти всех представителей четвероногих, начиная с белки и кончая тигром. В особенности много изюбров. Всюду по пути нам встречались китайские охотничьи шалаши и соболиные ловушки.

Все время мы шли левым берегом по звериной тропе. Таких троп здесь довольно много. Они слабо протоптаны и часто теряются в кустах. Четвероногие по ним идут свободно, но для человека движение затруднительно. Надо иметь большую сноровку, чтобы с ношей за плечами прыгать с камня на камень и карабкаться по уклону более чем в 40 градусов.

По мере того как мы подвигались вперед, издали доносился какой-то шум. Чан-Лин сказал нам, что это пороги. На реке Такеме их шесть. Самый большой — около реки Такунчи, а меньшие — близ устьев Охотхе и Чандингоуза. Здесь нам надлежало переправиться на другую сторону Такемы.

Перейти вброд глубокую и быструю реку не так-то просто. Если вода низкая, то об этом разговаривать не стоит, но если вода доходит до пояса, то переходить ее надо с большой осторожностью.

Я уже говорил, что отличительной чертой здешних рек будет низкая температура воды, поэтому переходить вброд надо одетым. Голое тело зябнет, в особенности голени. Затем надо идти не по прямой линии и отнюдь не против воды, а наискось, по течению. Ни в каком случае не следует поворачиваться к воде лицом или спиной, иначе течение собьет с ног. Для того чтобы вода не снесла с намеченного пути, надо крепко держаться на ногах, что возможно сделать только при условии, если ноги будут обуты. Для большей устойчивости люди одевают на себя котомки и даже накладывают в них камни. Вместе с тем котомки являются и опасными. В случае падения в воду груз не позволит подняться на ноги: о плавании тогда нечего и думать.

Решено было идти всем сразу, на тот случай, что если кто ослабеет, то другие его поддержат. Впереди пошел Чан-Лин, за ним Чжан-Бао, меня поставили в середину, а Дерсу замыкал шествие. Собаки поплыли рядом, но течением отнесло их в сторону. Когда мы входили в воду, они уже были на противоположном берегу и отряхивались.

С первых же шагов я почувствовал, что не будь у меня котомки за плечами и в руках крепкой палки, я не мог бы справиться с течением. От быстро бегущей воды закружилась голова, я покачнулся и едва не упал, но сильною рукой меня поддержал Чжан-Бао. В это время палкой я сбил у себя с головы фуражку; о ней некогда было думать. Через минуту я оправился и пошел дальше. Скоро я заметил, что идти стало легче. Еще несколько шагов, и мы вышли на мелководье. По вздоху, вырвавшемуся у моих спутников, я понял, что мы, действительно, подвергались серьезной опасности.

Выйдя на берег, я стал торопливо одеваться, но Чан-Лин сказал, что сегодня дальше мы не пойдем и останемся здесь ночевать.

На самом берегу был след костра. Зола, угли и обгоревшие головешки — вот все, что я заметил, но Дерсу увидел больше. Прежде всего он заметил, что огонь зажигался на одном и том же месте много раз. Значит, здесь был постоянный брод через реку. Затем Дерсу сказал, что последний раз, три дня тому назад, у огня ночевал человек. Это был старик, китаец, зверолов, он всю ночь не спал, а утром не решился переходить реку и возвратился назад. То, что здесь ночевал один человек, положим, можно было усмотреть по единственному следу на песке; что он не спал, видно было по отсутствию лежки около огня; что это был зверолов, Дерсу вывел заключение по деревянной палочке с зазубринками, которую употребляют обыкновенно для устройства западней на мелких четвероногих; что это был китаец, он узнал по брошенным улам и по манере устраивать бивак. Все это было понятно. Но как Дерсу узнал, что человек этот был старик? Не находя разгадки, я обратился к нему за разъяснениями.

— Как тебе столько лет в сопках ходи, понимай нету? — обратился он ко мне, в свою очередь, с вопросом.

И он поднял с земли улы. Они были старые, много раз чиненные, дыроваты. Для меня ясно было только то, что китаец бросил их за негодностью и пошел назад.

— Неужели понимай нету? — продолжал удивляться Дерсу.— Молодой человек сперва проносит носок, а старик непременно протопчет пятку.

Как это было просто! В самом деле, стоит только присмотреться к походке молодого человека и старого, чтобы увидеть, что молодой ходит легко, почти на носках, а старый ставит ногу на всю ступню и больше надавливает пятку. Пока мы с Дерсу осматривали покинутый бивак, Чжан-Бао и Чан-Лин развели огонь и поставили палатку.

Обсушившись немного, я пошел вниз по реке со слабой надеждой найти фуражку. Течением могло прибить ее где-нибудь около берега. Так я проходил до самых сумерек, но фуражки не нашел и должен был взамен ее повязать голову платком. В этом своеобразном уборе я продолжал уже весь дальнейший путь.

Когда я шел назад, на землю спустилась ночь. Всходила луна, и от этого за сопками, по ту сторону реки, стало светлее. Лес на гребне горы выделялся так резко, что можно было рассмотреть каждое отдельное дерево. При этом освещении тени в лесу казались глубокими ямами, а огонь —

краснее, чем он есть на самом деле. Где-то в стороне заревел изюбр, но вяло, и, не дотянув до конца, оборвал последние ноты. Ответа ему не последовало. Над рекой появился туман. Он тянулся над водой и принимал странные очертания. Мне не хотелось идти на бивак. Я сел на берегу и долго следил, как лунные лучи играли с ночными тенями. Чжан-Бао и Дерсу, обеспокоенные моим отсутствием, стали звать меня голосом. Минут через пятнадцать я был вместе с ними.

Глава

9

Ли Цун-Бин

Выдра.— Острога удэхейцев.— Долина Такунчи.— Лесные птицы.— Одинокая фанза.— Старик китаец.— Маленькая услуга.— История одной жизни.— Тяжелые воспоминания.— Исповедь.— Душевный переворот.— Решение и прощание.— Амулет

Чуть свет мы снялись с бивака и пошли по правому берегу Такемы. Река опять повернула на север. Между притоками ее Хумо, Сяо-Кунчи и Такунчи от гор в долину выдвигаются отроги, которые ближе к реке переходят в высокие речные террасы с массивным основанием, состоящим из кварцевого порфира и витрофирового липарита. В тех местах, где отроги пересекают реку, образовались пороги, из которых последний имеет вид настоящего водопада. Вода с шумом стремится в узкий проход и с пеной бьется о камни. Около самого порога образовалась глубокая выбоина. Здесь вода идет тихо и при солнечном освещении имеет изумрудный цвет. Я долго любовался порогом, если бы внимание мое не было отвлечено в другую сторону.

Невдалеке от нас на поверхности спокойной воды вдруг появился какой-то предмет. Это оказалась голова выдры, которую крестьяне в России называют «порешней». Она имеет длинное тело (1 метр 20 см), длинный хвост (40 см) и короткие ноги, круглую голову с выразительными черными глазами, темно-бурую блестящую шерсть на спине и с боков и серебристо-серую на нижней стороне шеи и на брюхе. Когда животное двигается по суше, оно сближает передние и задние ноги, отчего тело его выгибается дугою кверху.

В Уссурийском крае выдра распространена равномерно и повсеместно. Любимое местопребывание ее — это реки, обильные рыбой, и в особенности такие места, которые не замерзают и где есть около берегов пустоты подо льдом. Замечено, что для отправления естественной надобности выд-

ра выходит из воды постоянно на одно и то же место, хотя бы для этого ей пришлось проплыть значительное расстояние. Тут в песке обыкновенно охотники ставят капканы. Уничтожив рыбу в одном каком-нибудь районе, выдра передвигается вверх или вниз по реке, для чего идет по берегу. У нее прекрасно развито чутье ориентировки. В тех местах, где река делает петлю, она пересекает полуостров в наиболее узком его месте. Иногда выдра перекочевывает из одной речки в другую; туземцам случалось убивать их в горах, далеко от реки. Пугливое, хитрое и осторожное, животное это любит совершать свои охотничьи экскурсии в лунные ночи и редко показывается днем.

Выдра, которую я наблюдал, держала в зубах рыбу и плыла к противоположному берегу. Через минуту она вылезла на мокрый камень. Мокрое тело ее блестело на солнце. В это время она оглянулась и, увидев меня, бросила рыбу и снова проворно нырнула в воду. Я уговорил своих спутников скрыться в кустах в надежде, что животное покажется опять, но выдра не появлялась. Я уже хотел было встать, как вдруг какая-то тень мелькнула в воздухе, и вслед за тем что-то большое и грузное опустилось на камень. Это был белохвостый орлан. Схватив рыбу, он снова легко поднялся на воздух. В это время на воде появилась выдра, но уже значительно дальше по реке. Она, видимо, поднялась только для того, чтобы набрать в легкие воздуха, и затем скрылась совсем.

Километра через три мы достигли устья реки Такунчи и здесь стали биваком. Чжан-Бао и Дерсу занялись рубкой дров, а Чан-Лин отправился острогой ловить рыбу.

Походная острога удэхейцев имеет вид маленького гарпуна с ремнем. Носится она у пояса и надевается на древко в минуту необходимости. Обыкновенно рыбу бьют с берега. Для этого к ней надо осторожно подкрасться. После удара наконечник соскакивает с древка, и рыба увлекает его с собою, но так как он привязан к ремню, то и рыба оказывается привязанною.

Чан-Лин ловко владел острогой и убил шесть больших форелей, которые составили великолепный ужин.

На следующий день, 8 сентября, мы распрощались с Такемой и пошли вверх по реке Такунчи. Река эта длиною немного более сорока километров и течет по кривой с северо-запада к востоку. Около устья она шириною до 6 и глубиною от 1 до 1,2 метра по руслу. Вода в ней мутная с синим опаловым оттенком.

Такунчи — типичная долина размыва, суженная около устья и расширяющаяся вверху. Остроконечные, как бы сто-

ящие одиноко, сопки со сглаженными контурами и пологими склонами указывают на постоянные денудационные процессы.

Геология Такунчи такова: около устья река подмывает высокую террасу, основание которой слагается из красивых глинистых сланцев с тонкими прослойками серых песчаников. Немного выше с правой стороны видны обнажения весьма древних конгломератов, которые имеют такой вид, как будто они побывали в огне. Далее, с левой стороны, идет акмуровидный гранит с плитняковой отдельностью, а выше — опять глинистые сланцы, с весьма интенсивной складчатостью.

Из притоков Такунчи самые интересные в среднем течении: два малых безыменных — справа и один большой (река Талда) — с левой стороны. Первый приведет к перевалу на Илимо, второй — на реку Сакхому (Сяо-Кема) и третий — опять на реку Такему. Около устья каждого из притоков есть по одной зверовой фанзе.

До первой фанзы мы дошли очень скоро. Отдохнув немного и напившись чаю с сухарями, мы пошли дальше. Вся долина реки Такунчи, равно как и долина Такемы, покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Сильно размытое русло реки и завалы бурелома указывают на то, что во время дождей Такунчи знакомы наводнения.

Вторую половину пути мы сделали легко, без всяких приключений, и, дойдя до другой зверовой фанзы, расположились в ней на ночь, как дома.

Что-то сделалось с солнцем. Оно уже не так светило, как летом, вставало позже и рано торопилось уйти на покой. Трава на земле начала сохнуть и желтеть. Листва на деревьях тоже стала блекнуть. Первыми почувствовали приближение зимы виноградники и клены. Они разукрасились в оранжевые, пурпуровые и фиолетовые тона.

В сумерки мы с Дерсу пошли на охоту за изюбрами. Они уже отабунились. Самцы не хотели вступать в борьбу и хотя и отвечали на зов друг другу, но держались позади стада и рогами угоняли маток от места, куда мог явиться соперник.

После ужина мы все расположились на теплом кане. Дерсу стал рассказывать об одном из своих приключений. Около него сидели Чжан-Бао и Чан-Лин и внимательно слушали. По их коротким возгласам я понял, что гольд рассказывал что-то интересное, но сон так овладел мною, что я совершенно не мог бороться с ним и уснул как убитый.

9 сентября мы продолжали наше движение к Сихотэ-Алиню. В хороших лесах всегда много пернатых. Кроме обыч-

ных для Уссурийской тайги желн, орехотворок, соек, пестрых дятлов и диких голубей, ворон, орлов и поползней, здесь, близ реки, на старых горелых местах, уже успевших зарасти лиственным молодняком, в одиночку держались седоголовые дятлы. Удэхейцы называют их «земляными» дятлами, потому что они кормятся на земле, а не на деревьях. Эти птицы каждый раз при приближении людей поднимали неистовый крик и старались как можно скорее укрыться в чаще леса.

В другом месте в траве я увидел краснобрюхих дроздов. Заслышав шум наших шагов, они вдруг все сразу поднимались на воздух и садились на ветви ближайших деревьев, щебеча так, как будто бы обменивались мнениями о происшедшем. По кустарникам шныряли маленькие симпатичные птички, с полосатой спиной и белой головкой. Это были кусатки-мухоловки. С исчезновением насекомых должны улететь и они в более теплые страны. Время это было уже близко. Недаром мухоловки стали собираться в стайки. Над осыпями кружились два ястреба. Сеноставцы-пищухи служили им лакомой приманкой. Но эти грызуны очень осторожны. Далеко от нор они не отходили и при малейшем намеке на опасность проворно скрывались в камнях. Но все же при умелом маневрировании пернатые хищники не оставались без добычи.

За работой незаметно прошел день. Солнце уже готовилось уйти на покой. Золотистые лучи его глубоко проникали в лес и придавали ему особенную привлекательность.

Мы прибавили шагу.

Маленькая, едва заметная тропинка, служившая нам путеводной нитью, все время кружила: то она переходила на один берег реки, то на другой. Долина становилась все у́же и у́же и вдруг сразу расширилась. Рельеф принял неясный, расплывчатый характер. Это были верховья реки Такунчи. Здесь три ручья стекались в одно место. Я понял, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня.

Отроги хребта, сильно размытые и прорезанные горными ключами, казались сопками, разобщенными друг от друга. Дальше за ними виднелся гребень водораздела; точно высокой стеной окаймлял он истоки Такунчи. Природа словно хотела резко отграничить здесь прибрежный район от бассейна реки Имана. В том же месте, где соединялись три ручья, была небольшая полянка, и на ней стояла маленькая фанзочка, крытая корьем и сухой травою.

Около фанзочки мы застали одинокого старика китайца. Когда мы вышли из кустов, первым движением его было бежать. Но, видимо, самолюбие, преклонный возраст и обы-

чай гостеприимства принудили его остаться. Старик растерялся и не знал, что делать.

В то время уже начались преследования браконьеров и выселение их из пределов края. Китаец, вероятно, думал, что его сейчас арестуют и отправят в залив Ольги под конвоем. От волнения он сел на пень и долго не мог успокоиться. Он тяжело и отрывисто дышал, лицо его покрылось потом.

В это время солнце скрылось за горами. Волшебный свет в лесу погас; кругом сразу стало сумрачно и прохладно.

Место, где стояла фанзочка, показалось мне таким уютным, что я решил здесь ночевать.

Дерсу и Чжан-Бао приветствовали старика по-своему, а затем принялись раскладывать огонь и готовить ужин. Я сел в стороне и долго рассматривал китайца.

Он был высокого роста, немного сутуловат, с черными помутневшими глазами и с длинною редкою седою бородой. Жилистая шея, темное морщинистое лицо и заострившийся нос делали его похожим на мумию. Одет он был в старую, уже давно выцветшую и грубо заплатанную рубашку из синей дабы, подпоясанную таким же старым шарфом, к которому сбоку привязаны были охотничий нож, лопаточка для выкапывания женьшеня и сумочка для кремня и огнива. На ногах у него были надеты синие штаны и низенькая самодельная обувь из лосиной кожи с ременными перетяжками, а на голове простая тряпица, почерневшая от копоти и грязи.

Старик китаец не был похож на обыкновенных рабочих китайцев. Эти руки с длинными пальцами, этот профиль и нос с горбинкой и какое-то особенное выражение лица говорили за то, что он попал в тайгу случайно.

«Вероятно, беглый политический»,— подумал я про себя.

У меня мелькнула мысль, что я и являюсь причиной его страха. Мне стало неловко. В это время Аринин принес мне кружку чаю и два куска сахара. Я встал, подошел к китайцу и все это подал ему. Старик до того растерялся, что уронил кружку на землю и разлил чай. Руки у него затряслись, на глазах показались слезы. Он опустился на колени и вскрикнул сдавленным голосом.

— Тау-се-ба, та-лай-я! (Спасибо, капитан!)

Я поднял его и сказал:

— Бупа, бэ-хай-па, латурл! (Ничего не бойся, старик!).

Мы все занялись своими делами. Я принялся вычерчивать дневной маршрут, а Дерсу и Чжан-Бао стали готовить ужин. Мало-помалу старик успокоился. После чая, сидя у

костра, я начал расспрашивать его о том, как он попал на Такунчи.

Китаец рассказал мне, что зовут его Ли Цун-бин, отроду ему семьдесят четыре года, что родом он из Тяньцзина и происходит из богатой китайской фамилии. Еще будучи молодым человеком, он поссорился с родными. Младший брат нанес ему кровную обиду. В деле была замешана женщина. Отец принял сторону брата. Тогда он оставил родительский дом и ушел на Сунгари, а оттуда перебрался в Уссурийский край и поселился на реке Даубихе. Впоследствии, с приходом на Даубихе русских переселенцев, он перешел на реку Улахе, затем жил на реках Судзухе, Пхусуне и Вай-Фудзине и, наконец, добрался до реки Такемы, где и прожил подряд тридцать четыре года. Раньше он занимался охотой. Первое ружье у него было фитильное, за которое он заплатил тридцать отборных соболей. Потом он искал дорогой корень женьшень. Под старость он уже не мог заниматься охотой и стал звероловом. Это понудило его сесть на одном месте, подальше от людей. Он облюбовал реку Такунчи и пришел сюда уже много лет тому назад. Жил здесь Ли Цун-бин один-одинешенек. Изредка кто-нибудь из туземцев заходил к нему случайно, и сам он раз или два в год спускался к устью Такемы. Потом старик вспомнил свою мать, детство, сад и дом на берегу реки.

Наконец, он замолк, опустил голову на грудь и глубоко задумался.

Я оглянулся. У огня мы сидели только вдвоем. Дерсу и Чжан-Бао ушли за дровами.

Ночь обещала быть холодной. По небу, усеянному звездами, широкой полосой протянулся Млечный путь. Резкий, холодный ветер тянул с северо-запада. Я озяб и пошел в фанзу, а китаец остался один у огня.

Я заметил, что Дерсу проходил мимо старика на носках, говорил шепотом и вообще старался не шуметь.

Время от времени я выглядывал в дверь и видел старика, сидевшего на том же месте, в одной и той же позе. Пламя костра освещало его старческое лицо. По нему прыгали красные и черные тени. При этом освещении он казался выходцем с того света, железным человеком, раскаленным докрасна. Китаец так ушел в свои мысли, что, казалось, совершенно забыл о нашем присутствии.

О чем думал он? Вероятно, о своей молодости, о том, что он мог бы устроить свою жизнь иначе, о своих родных, о любимой женщине, о жизни, проведенной в тайге в одиночестве...

Поздно вечером я снова выглянул в окно. Ветер раздувал

потухший костер. На минуту вспыхивало тусклое пламя и на мгновение освещало худую фигуру старика.

Он сидел все на том же месте, подперев голову руками, смотрел на угли и вспоминал далекое прошлое. Я хотел было его окликнуть, но почему-то не решился этого сделать.

Наконец, покончив свою работу, я закрыл тетрадь и хотел было лечь спать, но вспомнил про старика и вышел из фанзы. На месте костра осталось только несколько угольков. Ветер рвал их и разносил по земле искры. А китаец сидел на пне, так же как и час тому назад, и напряженно о чем-то думал.

Я сказал Дерсу, чтобы он позвал его в фанзу.

— Не надо, капитан,— ответил мне тихонько гольд, усиленно подчеркивая слово «не надо», и при этом сказал, что в таких случаях, когда человек вспоминает свою жизнь, его нельзя беспокоить.

Я понял, что в это время беспокоить человека действительно нельзя, вернулся в фанзу и лег на кан.

Тоскливо завывал ветер в трубе и шелестел сухой травой на крыше. Снаружи что-то царапало по стене,— должно быть, качалась сухая ветка растущего поблизости куста или дерева. Убаюкиваемый этими звуками, я сладко уснул. На другое утро, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Я поспешно оделся и вышел из фанзы.

Кругом все белело от инея. Вода в лужах замерзла. Под тонким слоем льда стояли воздушные пузыри. Засохшая желто-бурая трава искрилась такими яркими блестками, что больно было на нее смотреть. Сучья деревьев, камни и утоптанная земля на тропе покрылись холодным матовым налетом.

Осмотревшись кругом, я заметил, что все вещи, которые еще вчера валялись около фанзы в беспорядке, теперь были прибраны и сложены под навес. Около огня сидели Чжан-Бао, Дерсу и Чан-Лин и о чем-то тихонько говорили между собою.

— А где старик? — спросил я их.

Чжан-Бао указал мне рукой в лес. Тут только я заметил на краю полянки маленькую кумирню, сложенную из накатника и крытую кедровым корьем. Около нее на коленях стоял старик и молился. Я не стал ему мешать и пошел к ручью мыться. Минут через пятнадцать старик возвратился в фанзу и стал укладывать свою котомку.

— Куда он собирается? — спросил я своих спутников.

Тогда Чжан-Бао сказал мне, что старик решил вернуться на родину, примириться со своим братом, если он жив, и там окончить дни свои.

Уложив котомку, старик снял с левой руки деревянный браслет и, подавая его мне, сказал:

— Возьми, капитан, береги, он принесет тебе счастье!

Я поблагодарил его за подарок и тут же надел браслет на руку.

После этого старик сделал земные поклоны на все четыре стороны и стал прощаться с сопками, с фанзой и с ручьем, который утолял его жажду.

Около фанзы росли две лиственницы. Под ними стояла маленькая скамеечка. Ли Цун-бин обратился к лиственницам с трогательной речью. Он говорил, что посадил их собственными руками и они выросли большими деревьями. Здесь много лет он отдыхал на скамейке в часы вечерней прохлады и вот теперь должен расстаться с ними навсегда. Старик прослезился и снова сделал земные поклоны.

Затем он попрощался с моими спутниками. Они в свою очередь поклонились ему до земли, помогли ему надеть котомку, дали в руки палку и пошли провожать до опушки леса.

На краю полянки старик обернулся и еще раз посмотрел на место, где столько лет он провел в одиночестве. Увидев меня, он махнул мне рукой, я ответил ему тем же и почувствовал на руке своей браслет.

Когда возвратились Дерсу, Чжан-Бао и Чан-Лин, мы собрали котомки и пошли своей дорогой. Дойдя до опушки леса, я, так же как и старик, оглянулся назад.

Словно что оборвалось! Эта полянка и эта фанзочка, которые еще вчера казались мне такими уютными, сразу сделались чуждыми, пустыми.

Брошенный дом! Душа улетела, остался один труп!

Глава

10

Страшная находка

Пологий склон Сихотэ-Алиня.— Верховья реки Арму.— Скелеты.— Лунное световое явление.— Тянь-чин-лаза.— Сихотэ-Алинь.— Кедровый стланец

От фанзочки сразу начался подъем на Сихотэ-Алинь, сначала пологий, а потом все круче и круче. На восточном склоне хребта растет хвойно-смешанный лес; главную массу его составляют кедр, ель, пихта, лиственница, клен и береза с мохнатою желтою корою. Травяная растительность состоит из папоротников, чемерицы, ландышей, царского скипетра, трилистника, заячьей кислицы и различных мелких осок.

Подъем на гребень Сихотэ-Алиня был настолько крут, что пришлось хвататься руками за камни и корни деревьев. Высота перевала над уровнем моря, по показаниям анероида, 875 метров. На западном склоне хребта растительность более однообразна, чем на восточном. Разница в характере лесов очень резкая. Я ожидал увидеть на вершине Сихотэ-Алиня гольцы. Ничего подобного: передо мной была возвышенная равнина вроде плоскогорья, покрытая редкой замшистой лиственницей, без всякого подлесья. Нигде ни кустов, ни травы — всюду один мох. Чтобы добыть кусок горной породы, пришлось глубоко копаться во мху. Взятые образцы оказались кварцевым порфиром и липаритом.

В собранном мною здесь гербарии отмечены: стелющийся по мху дерен канадский с розеткой из шести листочков и с красными ягодами; потом тоже канадский майник, имеющий два сердцевидных, ярко блестящих сочных листа; затем особый вид плауна. Первый по внешнему виду несколько напоминает низкорослый орляк, который имеет довольно простой перистый лист.

Отдохнув немного на перевале, мы пошли дальше. Я решил пересечь плато и спуститься к воде по другую его сторону. Но сколько мы ни шли, конца его не было видно. Пе-

ред нами расстилалась пустынная болотистая равнина, покрытая чахлым лесом. Хоть бы одна сопка, хоть бы какой-нибудь бугор или углубление! Я думал, что мы попали на плоскогорье, и не знал, идем ли мы вдоль или пересекаем его по кратчайшему направлению. Вдруг я услышал шум воды. Это обстоятельство еще больше меня удивило. Скоро все разъяснилось: западные склоны Сихотэ-Алиня в этих местах оказались настолько пологими, что понижение их совершенно незаметно для глаза. Перед нами была река Арму — самый большой приток Имана, впадающий в него в среднем течении с правой стороны. Я взглянул на барометр. Стрелка показывала 697 миллиметров, что, по приведению к уровню моря, давало абсолютную высоту 770 метров. Значит, с вершины мы спустились только на 105 метров, что в среднем на один километр составляет 10 метров. Уровень воды в реке на западной стороне Сихотэ-Алиня оказался на 225 метров выше, чем на восточной.

В верховьях река Арму состоит из двух речек одинаковой величины. Мы попали как раз к месту их слияния. Чан-Лин измерял каждую из них двумя днями пути.

Посоветовавшись с ним, я решил отправиться по левой речке (ближайшей к Сихотэ-Алиню), затем подняться на водоразделе, пройти немного по хребту и выйти к истокам реки Такемы.

Здесь река Арму имеет до 6 метров ширины и около 45 сантиметров глубины. Вода в ней красноватого цвета и не имеет той низкой температуры, которая свойственна быстрым горным речкам. Русло Арму завалено колодником, что при сравнительно тихом течении вполне понятно: дерево остается лежать там, где оно упало.

Около реки лес значительно гуще и состоит из ольхи, белой березы, ели и пихты; особенно много растет лиственницы. Это в полном смысле слова тайга: дикая, пустынная и неприветливая. Все живое ее избегает; нигде не видно звериных следов, и за двое суток мы не встретили ни одной птицы. Такая тайга влияет на психику людей, что заметно было и по моим спутникам. Они шли молча и почти не разговаривали между собою.

По обыкновению, около трех часов пополудни мы стали выбирать место для бивака. Дерсу и Чжан-Бао зачем-то отошли вправо, а я, Чан-Лин и Аринин пошли по берегу речки. Вдруг мы услышали позади себя крик: Дерсу звал нас к себе. Мы тотчас вернулись. Пробираясь сквозь чащу леса, я увидел маленькую полянку, а на ней что-то белело. Около этих предметов стояли Дерсу и Чжан-Бао и внимательно их рассматривали. Сначала я думал, что это кочки, но уже по

лицам своих спутников понял, что это было что-то посерьезнее простых кочек. Подойдя поближе, я увидел человеческие черепа. Их было шесть; тут же по сторонам валялись и другие кости.

Шесть скелетов! Как погибли эти люди? Суровая тайга хранит такие тайны.

Дерсу долго рассматривал кости и что-то говорил с Чжан-Бао. По его мнению, эти люди не были убиты, потому что ни на одном из черепов не было проломов. Они умерли и не от болезней. От болезней все сразу не умирают, а гибнут поодиночке: один умрет, а остальные плетутся дальше. Дерсу стал осматривать стволы деревьев. По ожогам на коре он установил время последнего пала. Это было два года тому назад. А так как кости тоже носили на себе следы огня, то, очевидно, в то время, когда шел огонь по лесу, трупы были уже скелетами. Пал сжег остатки одежды. Однако около костей должны были остаться такие предметы, которые не могли сгореть и по которым можно было бы установить национальность умерших. Дерсу и Чжан-Бао принялись копаться во мху и скоро нашли железный котелок, топор, заржавленный нож, шило, ручка которого была сделана из ружейной гильзы, огниво, трубку, жестяную баночку и серебряное кольцо. По этим предметам Дерсу узнал, что погибшие люди были корейцы-золотоискатели. Они, видимо, хотели пробраться на берег моря, но заблудились в тайге и погибли от голода.

А спасение было так близко: один переход — и они были бы в фанзе отшельника-китайца, у которого мы провели прошлую ночь.

Окаймляющие полянку деревья, эти безмолвные свидетели гибели шестерых людей, молчаливо стояли и теперь. Тайга показалась мне еще угрюмее.

Как бы сговорившись, мы все разом сняли с себя котомки. Чжан-Бао и Чан-Лин выворотили пень, выбросили из-под него камни и землю, а мы с Дерсу стащили туда кости. Затем прикрыли их мхом, а сверху наложили тот же пень и пошли к реке мыться.

Была пора устраиваться на ночь. Чжан-Бао и Чан-Лин не хотели располагаться рядом с мертвецами. Взяв свои котомки, мы отошли еще полкилометра и, выбрав на берегу речки место поровнее, стали биваком.

В сумерки появился туман. Он переплыл через водораздел и распространился по всему западному склону Сихотэ-Алиня.

Вечером я имел случай наблюдать интересное метеорологическое явление. Около десяти часов взошла луна, тусклая, почти не дающая света. Вслед за тем туман рассеялся, и

тогда от лунного диска вверх и вниз протянулись два длинных луча, заострившихся к концам. Явление это продолжалось минут пятнадцать, затем опять надвинулся туман, и луна снова сделалась расплывчатой и неясной; пошел мелкий дождь, который продолжался всю ночь, до рассвета.

Утром 11 сентября погода как будто немного изменилась к лучшему. Чтобы не терять напрасно времени, мы собрали свои котомки и пошли вверх по реке Арму. Местность была настолько ровная и однообразная, что я совершенно забыл, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня. Здешний хвойный лес, плохого дровяного качества, растет весьма неравномерно: болотистые поляны отделяются друг от друга небольшими перелесками; деревья имеют отмершие вершины и множество сухих ветвей.

Часов в 11 утра мы распрощались с Арму и круто повернули к востоку. Здесь был такой же пологий подъем, как и против реки Такунчи.

Совершенно незаметно мы поднялись на Сихотэ-Алинь и подошли к восточному его обрыву. В это время туман рассеялся, и мы могли ориентироваться.

Слева от нас, километрах в пятнадцати, высилась какая-то большая гора. Чан-Лин, хорошо знающий эти места, сказал, что сопка эта не имеет названия и находится в истоках реки Сицы. Мы были как раз против долины реки Тянь-чин-гоуза, впадающей в Такему с правой стороны, выше Такунчи. По размерам первая немного меньше второй. Березняки в ее истоках указывают на то, что здесь был когда-то большой пожар, уничтоживший весь хвойный лес. Прилегающая часть Сихотэ-Алиня со стороны Такемы имеет вид длинной столовой горы. Китайцы называют ее Тянь-чин-лаза.

Нам не суждено было долго любоваться красивой панорамой. Надвинувшиеся тучи снова окутали Сихотэ-Алинь, снова пошел дождь, мелкий и частый.

Производить съемку во время ненастья трудно. Бумага становится дряблой, намокшие рукава размазывают карандаш. Зонтика у меня с собой не было, о чем я искренне жалел. Чтобы защитить планшет от дождя, каждый раз, как только я открывал его, Чан-Лин развертывал над ним носовой платок. Но скоро и это оказалось недостаточным: платок намок и стал сочить воду.

— Погоди, капитан,— сказал мне Дерсу и, отбежав в сторону, начал снимать с дерева бересту, затем срезал несколько прутьев и быстро смастерил зонтик.

Меня всегда удивляла находчивость гольда. Кажется, не было такого затруднительного положения, из которого он не

сумел бы выйти. Все, что ему было нужно, он находил тут же, около себя, под рукою.

Выполняя намеченный маршрут, мы повернули на север и пошли вдоль по Сихотэ-Алиню к большой куполообразной горе, которую видели на северо-востоке.

Пройти нам удалось немного. Опасаясь во время тумана заблудиться в горах, я решил рано стать на бивак. На счастье, Чжан-Бао нашел между камней яму, наполненную дождевой водою, и поблизости ее сухой кедровый стланец. Мы поставили односкатную палатку, развели огонь и стали сушиться.

Перед вечером Дерсу ходил на охоту и убил кабаргу. Это двукопытное животное, похожее на антилопу, высотою в полметра, а длиною в метр. Задние ноги ее немного длиннее передних, отчего, когда животное стоит на всех четырех ногах, зад его немного приподнят. Шея у кабарги длинная, голова небольшая, стройная, с темными выразительными глазами и подвижным носом. Она не имеет рогов и слезных ямок. Зато природа наградила ее клыками: у самок клыки маленькие и не выходят изо рта, а у самцов длинные, острые и торчат книзу на 5—6 сантиметров. Во время гона самцы дерутся между собою, нанося друг другу довольно опасные раны. В отличие от прочих двукопытных кабарга имеет желчный пузырь и мускусный мешок. Общая окраска животных пестро-темно-бурая; шерсть грубая и ломкая; движения порывистые и неуверенные; крик пронзительный и тоскливый. Во время гона самцы распространяют вокруг себя сильный запах.

На ужин варили мясо кабарги; оно чем-то припахивало. Чан-Лин сказал, что оно пахнет мхом. Чжан-Бао высказался за запах смолы, а Дерсу указал на багульник. В местах обитания кабарги всегда есть и то, и другое, и третье; вероятно, это был запах мускуса.

Весь следующий день, 12 сентября, мы простояли на месте из-за дождя. Надо было переждать непогоду. Осенние дожди в Уссурийском крае никогда не бывают продолжительны, но зато очень сильны. Целый день я сидел в палатке и вычерчивал свои съемки. Ночью поднялся сильный порывистый ветер. Кое-где показались звезды, и, как всегда в таких случаях бывает, перед рассветом ударил крепкий мороз. Кругом опять все забелело, от инея сырой мох замерз и хрустел под ногами. От наших ног на нем оставались глубокие следы, чем очень были недовольны Дерсу и Чжан-Бао. Эта осторожность красной нитью проходила во всех их действиях, даже в тех случаях, когда мы находились очень далеко от жилья и трудно было рассчитывать на встречу с человеком.

Осмотревшись, мы увидели, что находимся как раз против истоков реки Сицы.

От столовой горы Тян-чин-лаза Сихотэ-Алинь идет сначала к северо-востоку, а затем поворачивает на северо-запад. В этом углу высится острая коническая сопка. Высота сопки, по барометрическим измерениям, равняется 1 230 метрам. Дальше Сихотэ-Алинь тянется на север. Километрах в пяти от сопки он поворачивает к востоку, образуя двугорбую сопку, названную нами Верблюдом (1 100 метров). Потом хребет изгибается еще раз на запад. Отсюда он берет старое направление и подходит к самой высокой горе, которую мы вчера видели издали.

Вся описываемая часть Сихотэ-Алиня совершенно голая; здесь, видимо, и раньше не было лесов. Если смотреть на вершины гор снизу (из долин), то кажется, что около гольцов зеленеет травка. Неопытный путник торопится пройти лесную зону, чтобы поскорее выйти к альпийским лугам. Но велико бывает его разочарование, когда вместо травки он попадает в пояс кедрового стланца. Корни этого древесного растения находятся вверху, а ствол и ветви его стелются по склону, как раз навстречу человеку, подымающемуся в гору. Пробираться сквозь кедровый стланец очень трудно: без топора тут ничего не сделать. Нога часто соскальзывает с сучьев; при падении то и дело садишься верхом на ветви, причем ноги не достают до земли, и обойти стланцы тоже нельзя, потому что они кольцом опоясывают вершину. Выше их на Сихотэ-Алине растут низкорослые багульники, брусника, рододендрон, мхи, еще выше — лишайники и, наконец, начинаются гольцы.

В этот день мы дошли до подножия куполообразной горы и остановились около нее в седловине.

Глава

11

Опасная переправа

Гора Шайтан.— Река Сица.— Истоки реки Такемы.— Прибыль воды.— Переправа на плоту.— Дерсу в опасности.— Привязанное дерево.— Спасение.— Возвращение к морю.— Смешное недоразумение.— Прибрежные горные речки.— Скала Ван-Син-лаза.— Кольчатый тюлень.— Бивак около устья реки Кулумбе.— Тень и душа.— Пятнистый олень

Ночью мы мало спали, зябли и очень обрадовались, когда на востоке появились признаки зари. Солнце еще пряталось за горизонтом, а на земле уже все видно.

Горная страна с птичьего полета! Какая красота! Куда ни глянешь — всюду горы, вершины их, то остроконечные, как петушиные гребни, то ровные, как плато, то куполообразные, словно морская зыбь, прятались друг за друга, уходили вдаль и как будто растворялись во мгле.

Но вот взошло солнышко и пригрело землю. Иней исчез, и трава из пепельно-серебристой снова сделалась буро-желтою и сухою.

Собрав свои котомки, мы стали взбираться на самую высокую гору. Много раз мы садились отдыхать, затем опять карабкались вверх и только к полудню достигли ее вершины. По барометрическим измерениям, высота горы оказалась равной 1 570 метрам. Я назвал ее Шайтаном. Это самая высокая точка в центральной части Сихотэ-Алиня. Восточные склоны — каменистые и крутые, западные — пологие. Камни, покрывающие вершину Шайтана, были так плотно уложены, что можно подумать, будто их кто-нибудь нарочно утрамбовывал и пригонял друг к другу.

Спуск с горы отнял у нас тоже много времени. В следующей, соседней седловине барометр показывал 1 066 метров. Отсюда Сихотэ-Алинь поворачивает на северо-восток.

Дальше мы по нему не пошли и начали спуск в долину реки Сицы. С большой горы всегда надо спускаться осторожно, не торопясь, иногда останавливаться отдыхать и осматриваться.

Осыпи, мхи и кедровые стланцы теперь остались позади. Здесь я нашел мохнатую черную смородину. Ниже росла рябина, мелкая лиственница и низкорослая береза; еще ниже — кедр, потом — черная береза, дуб и все прочие деревья.

В полдень мы остановились на привал. Пока варился чай, я успел сделать несколько фотографических снимков.

Река Сица в верховьях состоит из двух речек, каждая из них в свою очередь разбивается на два ручья, потом еще и еще. Все ручьи сбегают в обширную котловину, изрезанную оврагами.

Нигде хребет Сихотэ-Алинь не выступает так величественно и резко, как в истоках Сицы. Здесь он действительно кажется высоким горным хребтом.

Всюду в обнажениях я видел кристаллические сланцы и кварцы, окрашенные окисью меди. Китайцы говорят, что на реке Сице есть золото, а в горах — горный хрусталь. В долине реки Сицы раньше были хорошие хвойные и смешанные леса, впоследствии выгоревшие. Теперь на месте пожарища выросли березняки двадцатипятилетнего возраста.

Река Сица считается хорошим охотничьим местом, и действительно, следы изюбров встречались чуть ли не на каждом шагу. Избитая земля, истрепанные кусты, клочья шерсти и обломки рогов говорили о том, что здесь происходят главные бои.

К вечеру мы дошли до маленькой зверовой фанзы, которую, по словам Чан-Лина, выстроил кореец-золотоискатель. Золота он не нашел, но соболей в тот год поймал много. Тут мы остановились. В сумерки Чан-Лин и Дерсу ходили на охоту и убили сайка[1]. Ночью они по очереди сушили мясо.

Дальнейший путь лежал вниз по реке Сице. Она шириною около четырех, глубиною 0,6 метра и в нижнем течении очень порожиста и бурлива. По мере того как мы отходили от водораздела, долина суживалась все более и более и, наконец, превратилась в глубокое ущелье. Здесь с обеих сторон высятся мощные древнеречные террасы, состоящие из глинистых сланцев с прослойками желтого мелкозернистого песчаника и молочно-белого кварца. Сланцы сильно перемяты и кажутся плойчатыми.

С левой стороны террасы стоит одинокая скала, похожая

[1] Годовалый телок-изюбр, оставивший матку.

на старинную башню. Вместе с Чан-Лином мы поднялись наверх, чтобы с высоты ее посмотреть на верховья Такемы. До истоков было еще далеко. Река загибается на север и охватывает истоки Кусуна. В самых верховьях Такема принимает в себя справа и слева еще по одному притоку. Правый называется Чен-Шенза, левый — Сяодунца. Немного выше устья последней, на левом берегу Такемы, по словам Чан-Лина, есть скалистая сопка, куда удэхейцы боятся ходить: там с гор всегда сыплются камни, там — обиталище злого духа Какзаму.

Из всего изложенного выше явствует, что хребет Сихотэ-Алинь по отношению к Такеме идет под углом, сначала небольшим, а затем, по мере отклонения реки к югу, увеличивающимся все больше и больше.

Спустившись с Сихотэ-Алиня в долину реки Сицы, мы заночевали в звероврй фанзочке Чан-Лина, где он в два года поймал 86 соболей.

На следующий день к полудню мы дошли до реки Такемы и направились вниз по ее течению, придерживаясь правого края долины.

По пути мы видели одного медведя и нескольких изюбров.

Полюбовавшись красивой горной панорамой, мы пошли вниз по правому берегу Такемы и, немного не доходя до реки Сяо-Дунанцы, стали биваком.

С утра хмурившаяся погода к вечеру разразилась сильным дождем. С первых же капель стало видно, что дождь будет затяжной. Палатки мы поставили хорошо, натаскали сухих дров, и потому ночь провели спокойно. Утром дождь пошел еще сильнее. Пришлось продневать. Мои спутники убивали время разговорами, спали или варили чай, а я занимался своей обычной работой. Часов в одиннадцать утра была короткая гроза. Молнии не было видно; гром грохотал где-то вверху, в облаках, тучи шли вразброд, и ветер часто менял направление. Целый день и всю ночь шел дождь с удивительным постоянством. На рассвете 17 сентября тучи рассеялись, и опять ударил мороз. Вершины гор заблестели от снега и в этом уборе приняли праздничный вид. Земля, пригретая солнечными лучами стала оттаивать; онемевшая было вода ожила и тонкими струйками стала сбегать по скатам, и чем ниже, тем бег ее становился стремительнее; это подбодрило всех. Словно сговорившись, мы проворно собрали свои котомки и бодро пошли дальше и около полудня были близ реки Ыоготхо (Агато), впадающей в Такему с левой стороны. По ней можно переваливать реку Чеэ-Бязани (приток Кусуна). Как мы ни старались, но в этот день нам удалось дойти только до устья реки Тянь-чин-гоуза. Неболь-

щая тропка привела нас к фанзочке, построенной среди густого леса, в расстоянии одного километра от Такемы; тут мы заночевали, а утром снова продолжали свой путь вниз по долине реки Такемы.

После грозы погода установилась хорошая, и мы подвигались довольно быстро.

Я заметил, что каждый раз, когда тропа приближалась к реке, спутники мои о чем-то тревожно говорили между собой. Скоро все разъяснилось: от последних дождей вода в Такеме поднялась выше своего уровня, и это было достаточно, чтобы воспрепятствовать нам перейти вброд. Оставалось или продолжать путь по правому берегу до реки Сяо-Кунчи и затем через перевал выйти в долину реки Илимо, или же переправиться через Такему где-нибудь выше Такунчи. Путь через реку Илимо был длинный и кружной. Посоветовавшись между собой, мы решили попытаться переправиться через реку на плоту и только в случае неудачи идти к верховьям реки Илимо и по ней к устью Такемы.

Для этого надо было найти плес, где вода шла тихо и где было достаточно глубоко. Такое место скоро было найдено немного выше последнего порога. Русло проходило здесь около противоположного берега, а с нашей стороны тянулась длинная отмель, теперь покрытая водою. Свалив три большие ели, мы очистили их от сучьев, разрубили пополам и связали в довольно прочный плот. Работу эту мы закончили перед сумерками и потому переправу через реку отложили до утра.

Вечером мы еще раз совещались. Решено было, что, когда плот понесет вдоль берега, Аринин и Чжан-Бао должны будут соскочить с него первыми, а я стану сбрасывать вещи. Чан-Лин и Дерсу будут управлять плотом. Затем спрыгиваю я, за мной Дерсу, последним оставляет плот Чан-Лин.

На другой день мы так и сделали. Котомки положили посредине плота, поверх них ружья, а сами распределились по концам. Едва мы оттолкнули плот от берега, как его сразу подхватило течение и, несмотря на наши усилия, отнесло далеко ниже того места, где мы рассчитывали высадиться. Как только плот подошел к противоположному берегу, Чжан-Бао и Аринин, захватив с собой по два ружья, прыгнули на землю. От этого толчка плот немного отошел к середине реки. Пока его несло вдоль берега, я принялся сбрасывать вещи. Дерсу и Чан-лин употребляли все усилия подвести плот возможно ближе к берегу, дабы дать возможность мне высадиться. Я уже собрался было это сделать, как вдруг у Чан-Лина сломался шест, и он полетел головой в воду. Вынырнув, он поплыл к берегу. Тогда я схватил запасный шест

и бросился помогать Дерсу. Немного дальше виднелся каменный выступ. Дерсу закричал мне, чтобы я прыгал как можно скорее. Не зная его плана, я продолжал работать шестом. Не успел я опомниться, как он поднял меня на руки и бросил в воду. Я ухватился руками за куст и выбрался на берег. В это мгновение плот ударился о камень, завертелся и опять отошел на середину реки. На плоту остался один Дерсу.

Мы бросились бегом по берегу с намерением протянуть гольду шест, но река здесь делала изгиб, и мы не могли догнать плота. Дерсу делал отчаянные усилия, чтобы снова приблизить его к берегу. Но что значила его сила в сравнении с течением реки! Впереди, метрах в тридцати, шумел порог. Стало ясно, что Дерсу не справится с плотом и течение непременно увлечет его к водопаду. Недалеко от порога из воды торчал сук утонувшего тополя. Чем ближе приближался плот к водопаду, тем быстрее несло его течением. Гибель Дерсу казалась неизбежной. Я бежал вдоль берега и что-то кричал. Сквозь чащу леса я видел, что он бросил шест, стал на край плота, и в тот момент, когда плот проносился мимо тополя, он, как кошка, прыгнул на сук и ухватился за него руками.

Через минуту плот достиг порога. Два раза из воды показались концы бревен, и затем их разметало на части. Крик радости вырвался из моей груди. Но тотчас же появился новый тревожный вопрос: как теперь снять Дерсу с дерева и надолго ли у него хватит сил? Сук торчал из воды наклонно по течению, под углом градусов в тридцать. Дерсу держался крепко, обхватив его руками и ногами. К несчастью, у нас не было ни одной веревки. Они все ушли на увязку плота и теперь погибли с ним вместе. Что делать? Медлить было нельзя. Руки у Дерсу могли озябнуть, устать и тогда... Мы стали совещаться. В то время Чан-Лин обратил внимание на Дерсу, который делал нам рукой какие-то знаки. За шумом воды в реке нельзя было расслышать, что он кричал. Наконец, мы поняли его: он просил рубить дерево. Валить дерево в реку против самого Дерсу было опасно, потому что оно могло сбить его с сука, за который он держался. Значит, надо было рубить дерево выше. Выбрав большой тополь мы начали его было рубить, но увидели, что Дерсу отрицательно замахал рукой. Тогда мы подошли к липе,— Дерсу замахал снова. Наконец, мы остановились около большой ели... Дерсу дал утвердительный знак. Теперь мы поняли его. Ель не имеет толстых ветвей, и потому она не застрянет в реке, а поплывет. В это время я заметил, что Дерсу показывает нам ремень. Чжан-Бао понял этот знак. Дерсу указывал, что

ель надо привязать. Я поспешно стал развязывать котомки и собирать все, что было подходящего и что могло хоть как-нибудь заменить веревки. Для этого пошли ружейные, поясные ремни и ремни от обуви. В котомке Дерсу оказался еще один запасной ремень. Мы все их связали вместе и одним концом привязали ель за основание.

После этого мы дружно взялись за топоры. Подрубленная ель покачнулась. Еще маленькое усилие, и она стала падать в воду. В это время Чжан-Бао и Чан-Лин схватили концы ремней и закрутили их за пень. Течение тотчас же начало отклонять ель к порогу, она стала описывать кривую от середины реки к берегу, и в тот момент, когда вершина проходила мимо Дерсу, он ухватился за хвою руками. Затем я подал ему палку, и мы без труда вытащили его на берег.

Первое, что я сделал,— поблагодарил гольда за то, что он вовремя столкнул меня с плота. Дерсу смутился и стал говорить, что так и надо было, потому что если бы он соскочил, а я остался на плоту, то погиб бы наверное, а теперь мы все опять вместе. Он был прав, но тем не менее он рисковал жизнью ради того, чтобы не рисковал ею я.

Человек скоро забывает опасность. Едва она минует, сейчас же он начинает шутить. Чан-Лин хохотал во все горло и кривлялся, изображая, как Дерсу сидел на суку. Чжан-Бао говорил, что Дерсу так крепко ухватился за сук, что он подумал, не приходится ли он сродни медведю? Смеялся и сам Дерсу тому, как Чан-Лин упал в воду; посмеялся и надо мной, как я очутился на берегу, сам того не помня, и т. д. Вслед за тем мы принялись собирать разбросанные вещи. Когда работы были кончены, солнце уже скрылось за лесом. Вечером мы долго сидели у огня. Чжан-Бао и Чан-Лин рассказывали о том, как каждый из них тонул и как они спаслись от гибели. Мало-помалу разговоры на биваке начали стихать. Рассказчики молча еще покурили трубки и затем стали укладываться спать, а я взялся за дневник.

Кругом было темно. Вода в реке казалась бездонною пропастью. В ней отражались звезды. Там, наверху, они были неподвижны, а внизу плыли с водой, дрожали и вдруг вновь появлялись на прежнем месте. Мне было особенно приятно, что ни с кем ничего не случилось. С этими радостными мыслями я задремал.

На другой день мы продолжали наш путь вниз по долине реки Такемы и в три с половиной дня дошли до моря уже без всяких приключений. Это было 22 сентября. С каким удовольствием я растянулся на чистой циновке в фанзе у тазов! Гостеприимные удэхейцы окружили нас всяческим вниманием: одни принесли мясо, другие — чай, третьи —

сухую рыбу. Я вымылся, надел чистое белье и занялся работой.

Следующие два дня были дождливые, в особенности последний. Лежа на кане, я нежился под одеялом. Вечером перед сном тазы последний раз вынули жар из печи и положили его посредине фанзы в котел с золой. Ночью я проснулся от сильного шума. На дворе неистовствовала буря, дождь хлестал по окнам. Я совершенно забыл, где мы находимся; мне казалось, что я сплю в лесу, около костра, под открытым небом. Сквозь темноту я чуть-чуть увидел свет потухающих углей и испугался.

— Дерсу, Дерсу! — закричал я.— Вставай скорей. Дождь сейчас зальет огонь.

Дерсу поднялся со своего ложа.

— Ничего, ничего, капитан! Сейчас мы кладем огонь поближе,— сказал он и начал искать топор.

— Тьфу! — вдруг услышал я его голос.— Как так обмани? Наша в фанзе спи. Тебе капитан играй.

Тут только я спохватился, что сплю не в лесу, а в фанзе, на кане и под теплым одеялом. Со сладостным сознанием я лег опять на свое ложе и под шум дождя уснул крепким-крепким сном.

Утром 25 сентября мы распрощались с Такемой и пошли далее на север. Я звал Чан-Лина с собою, но он отказался. Приближалось время соболевания; ему надо было приготовить сетку, инструменты и вообще собраться на охоту на всю зиму. Я подарил ему маленькую берданку, и мы расстались друзьями [1].

От Такемы на север идут два пути: один — горами, вдали от моря, другой — по намывной полосе прибоя. А. И. Мерзляков с лошадьми пошел первым, а я — вторым.

Путь А. И. Мерзлякова начинался от фанзы удэхейца Сиу-Ху и шел прямо на восток, пересекая несколько маленьких перевальчиков. Перейдя речку Хуля, он повернул к северовостоку, затем пересек еще одну речку — Шооми (в верховьях) —и через трое суток вышел на реку Кулумбе. Здесь, около скалы Мафа, он где-то видел выходы каменного угля на поверхность. После перевала по другой безыменной горной речке он пришел на реку Найну, прямо к корейским фанзам.

Как я уже сказал, я избрал второй путь — по берегу моря.

Подойдя к устью Такемы, я увидел, что, пока мы ходили в горы, река успела переменить свое устье. Теперь оно было

---

[1] В 1925 году Чан-Лин трагически погиб там же, на реке Такеме, в местности Илимо.

у левого края долины, а там, где мы переезжали реку на лодке, образовался высокий вал из песка и гальки. Такие перемещения устьев рек в прибрежном районе происходят очень часто, в зависимости от наводнений и от деятельности морского прибоя.

Большие обнажения на берегу моря к северу от реки Такемы состоят главным образом из лав и их туфов (биолитовый дацит), дальше тянутся полевошпатовые сланцевые породы и диорит. Тип берега кулисный. Действительно, мысы выступают один за другим наподобие кулис в театре. Вблизи берега нигде нет островов. Около мысов, разрушенных морским прибоем, кое-где образовались береговые ворота. Впоследствии своды их обрушились, остались только столбы — любимые места отдыха птиц.

После Такемы в последовательном порядке идут горные речки: Коами (по-удэхейски Агана, а на морских картах Лоаенгоу), потом около мыса Большева будет речка Шооми (по-китайски Сеами, по-удэхейски Соми). Долины их близ моря слились вместе и образовали обширную низину, покрытую редколесьем. Шооми длиною двенадцать километров. Истоки ее находятся около горы Туманной с перевалом на реку Такему, к местности Илимо.

Долина последней речки непропорционально широка, в особенности в верхней части. Горы с левой стороны так размыты, что можно совершенно незаметно перейти в соседнюю с ней реку Кулумбе. Здесь я наблюдал такие же каменные россыпи, как и на реке Аохобе. Воронки среди них, диаметром около двух метров и глубиною в полтора метра, служат водоприемниками. Через них вода уходит в землю и вновь появляется на поверхности около устья.

К северу от реки Шооми характер горной страны выражен очень резко. Быть может, это только так кажется вследствие контраста остроконечных сопок с ровной поверхностью моря.

Редколесье, покрывающее склоны гор, состоит преимущественно из монгольского дуба, амурской липы и даурской березы. Главную массу кустарников составляют калина, таволга, сеспедица, шиповник и лещина. Здесь, на каменистых склонах, попутно я собрал колокольчик (платикодон крупноцветный) — одно из самых обычных и красивых растений формации орешников и лугов на местах выгоревшего леса. Видовое название этого колокольчика показывает, что цветы его крупной величины; потом я заметил тимьян с уже поблекшими жесткими фиолетовыми цветами; крупную веронику, имеющую бархатистоопушенные стебли и короткие остроконечные зубчатые листья. Каков цветок у нее — ска-

зать не могу. Судя по увядшим венчикам, мне показалось, что у нее были не белые, а синие цветы. Затем борец — пышное высокое растение с мелким пушком в верхней части стебля и с бархатистыми большими листьями; засохшие цветы его, расположенные крупной кистью, вероятно, были темноголубые. И наконец — мелколистную смолевку; цветы ее уже опали, остались только бокалообразные чашечки с выдающимися наружу длинными тычинками.

Осмотр реки Шооми отнял довольно много времени. После полудня мы повернули назад к морю и направились к горам, расположенным с левой стороны долины. Удэхейцы называют их Саха-дуони и Канда-дуони (мыс Черта Канда). Каждая из них высотою около 240 метров.

Часа через два с половиной мы подошли к реке Кулумбе. Южный мыс с правой стороны заслуживает особого внимания. Здесь можно наблюдать великолепные образцы столбчатого распадения базальтов. С левой стороны реки подымается высокая терраса, свидетельствующая об отрицательном движении береговой линии.

По берегам реки и на островах растет тонкоствольный ивняк, а на террасе — редкий липовый и дубовый лес. За ним высится высокий утес, которому местные китайцы дали название Ян-тун-лаза.

Переправившись через Кулумбе вброд, мы взобрались на террасу, развели огонь и начали сушиться. Отсюда сверху хорошо было видно все, что делается в воде.

Только что начался осенний ход кеты. Тысячи тысяч рыб закрывали дно реки. Иногда кета стояла неподвижно, но вдруг, словно испугавшись чего-то, бросалась в сторону и затем медленно подавалась назад.

Чжан-Бао стрелял и убил двух рыб. Этого вполне было достаточно для нашего ужина.

У северного края долины, в том месте, где береговая терраса примыкает к горам, путь преграждается высокой скалой, состоящей из роговообманкового андезита. Тут надо карабкаться вверх, за камни хвататься нельзя — они качаются и вываливаются из своих гнезд. По ту сторону утеса тропа лепится по карнизу на высоте двадцати метров над морем. Идти прямо по тропе опасно потому, что карниз узок — можно подвигаться только боком, оборотясь лицом к стене и держась руками за выступы скалы. Самый карниз неровный и имеет наклон к морю. Здесь погибло много людей. Удэхейцы скалу эту называют Куле-Рапани, а китайцы Ван-Син-лаза, по имени китайца Ван-Сина — первой жертвы неосторожности. В сапогах по карнизу идти рискованно: люди обыкновенно идут босые или надевают обувь мягкую

и сухую. Ван-Син-лаза нельзя переходить в дождливую погоду, утром после росы и во время гололедицы.

После перехода вброд реки Кулумбе наша обувь была мокрая, и потому переход через скалу Ван-Син-лаза был отложен до другого дня. Тогда мы стали высматривать место для бивака. В это время из воды показалось какое-то животное. Подняв голову, оно с видимым любопытством рассматривало нас. Это была нерпа.

Кольчатый тюлень, или нерпа, относится к отряду ластоногих. Тело ее длиною более двух метров и весит около восьмидесяти килограммов. По берегам Уссурийского края нерпы встречаются повсеместно, но, чем севернее, тем больше,

что объясняется безлюдностью побережья. Окраска тела животного светло-серая с серебристым оттенком и с ясно выраженными темными кольцевыми пятнами. Животное большую часть времени проводит в воде, но иногда для отдыха вылезает на прибрежные камни. Сон нерпы тревожен, она часто просыпается и оглядывается по сторонам. Слух и зрение у нее развиты лучше других чувств. Насколько она неповоротлива на суше, настолько проворна в воде. В своей родной стихии она становится смелой до дерзости и даже нападает на человека. Отличительной чертой характера нерпы является любопытство и любовь к музыке. Охотники подзывают ее свистом или ударами палки по какому-нибудь металлическому предмету.

Дерсу что-то закричал нерпе. Она нырнула, но через минуту опять появилась. Тогда он бросил в нее камень. Нерпа погрузилась в воду, но вскоре поднялась снова и, задрав голову, усиленно смотрела в нашу сторону. Это вывело гольда из терпения. Он схватил первую попавшуюся ему под руку винтовку и выстрелил. Пуля всплеснула совсем близко от животного.

— Эх, брат, промазал ты,— сказал я ему.

— Моя его пугай,— ответил он.— Убей не хочу.

Я спросил, зачем он прогнал нерпу. Дерсу сказал, что она считала, сколько сюда на берег пришло людей. Человек может считать животных, но нерпа?! Это очень задевало его охотничье самолюбие.

Остаток дня мы распределили следующим образом: Чжан-Бао и Дерсу пошли осматривать скалу — они хотели обвалить непрочные камни и, где можно, устроить ступеньки, а я почти до самых сумерек вычерчивал маршруты.

Покончив работу, я окликнул свою собаку и, взяв ружье, пошел немного побродить по берегу.

Дойдя до реки Кулумбе, я сел на камень и стал вслушиваться в тихие, как шепот, звуки, которыми всегда наполня-

ется тайга в часы сумерек. Безбрежный океан, сонная земля и глубокое темное небо с миллионами неведомых светил одинаково казались величественными.

Собака моя сидела рядом со мной и, насторожив уши, тоже внимательно прислушивалась к лесным звукам. Вдруг она встрепенулась и стала смотреть вверх по реке. Вслед за тем позади себя я услышал сопение. Я быстро обернулся. Какая-то темная масса двигалась около реки. Это был большой медведь. Урок, данный мне в прошлом году на реке Мутухе, был еще памятен, и я воздержался от выстрела. Но Альпа не выдержала и стала лаять. Медведь остановился, понюхал воздух, затем повернулся назад и с ворчаньем пошел опять в тальники.

Я встал и поспешно направился к биваку. Костер на таборе горел ярким пламенем, освещая красным светом скалу Ван-Син-лаза. Около огня двигались люди; я узнал Дерсу — он поправлял дрова. Искры, точно фейерверк, вздымались кверху, рассыпались дождем и медленно гасли в воздухе.

Через четверть часа я был вместе со своими товарищами. После ужина мы долго сидели у огня и разговаривали: говорили больше Дерсу и Чжан-Бао, а я слушал. Время летело незаметно. Когда мы кончили беседу, созвездие Близнецов уже показывало полночь. Подбросив еще раз дров в огонь, мы завернулись в одеяла и легли спать. Бивак этот почему-то оставил во мне неизгладимое впечатление.

На другой день, 26 сентября, вышло как-то так, что мы все встали очень рано. Утренняя заря была багровая, солнце взошло деформированное; барометр показывал 758 и температура +6°C.

Греясь у костра, мы пили чай. Вдруг Чжан-Бао что-то закричал. Я обернулся и увидел мираж. В воздухе, немного выше поверхности воды, виднелся пароход, две парусные шхуны, а за ними горы, потом появилась постройка, совершенно непохожая ни на русский дом, ни на китайскую фанзу. Явление продолжалось несколько минут, затем оно начало блекнуть и мало-помалу рассеялось в воздухе.

Все принялись обсуждать. Чжан-Бао сказал, что явления миража в прибрежном районе происходят осенью и большею частью именно в утренние часы. Я пытался объяснить моим спутникам, что это такое, но видел, что они меня не понимают. По выражению лица Дерсу я видел, что он со мной не согласен, но из деликатности не хочет делать возражений. Я решил об этом поговорить с ним в дороге.

Когда мы выступили с бивака, я стал его расспрашивать. Сначала он уклонялся от ответов, и я уже терял надежду узнать от него что-нибудь, но одно слово, сказанное мною,

дало толчок. Я сказал «тень» и попал как раз в точку. Однако слово «тень» он понимал в смысле тени астральной, в смысле души. После этого Дерсу принялся мне объяснять явление миража очень сложно. По его представлению, душу — тень (ханя) — имеют не только люди, животные, птицы, рыбы, насекомые, но и растения, и камни, и вообще все неодушевленные предметы.

— Люди спи,— говорил Дерсу,— ханя ходи; ханя назад ходи — люди проснулся.

Душа оставляет тело, странствует и многое видит в то время, когда человек спит. Этим объясняются сны. Душа неодушевленных предметов тоже может оставлять свою материю.

Виденный нами мираж, с точки зрения Дерсу, был тенью (ханя) тех предметов, которые в это время находились в состоянии покоя. Так первобытный человек, одушевляя природу, просто объясняет такое сложное оптическое явление, как мираж.

Переправа через скалу Ван-Син-лаза действительно была очень опасна. Я старался не глядеть вниз и осторожно переносил ногу с одного места на другое. Последним шел Дерсу. Когда он спустился к берегу моря, я облегченно вздохнул.

Сейчас же за скалой течет маленький ключ Дзалянкуни (на картах Талянкуни), рядом с ним гора Уонгу и затем две речки: Мамокчи и Асектани (на картах Остегни). От устья Кулумбе до Асектани десять километров.

Места эти очень интересны в зоогеографическом отношении. Здесь находится последний естественный питомник пятнистых оленей. Животное это по своим размерам занимает промежуточное место между козулей и изюбром и является единственным представителем хвостатых оленей. Летняя окраска его весьма пестрая: общий тон шерсти красно-кирпичный; по сторонам тела расположено семь рядов белых пятен величиной с яблоко; по спине проходит черный ремень; хвост животного, которым он постоянно помахивает, украшен длинными черными волосами. Зимой олень становится буро-серым, и пятна почти совсем исчезают. Мускулистая шея его покрыта довольно длинной шерстью, которая спереди и на груди несколько темнее, чем на остальных частях тела. Рога самцов не имеют нижних глазных отростков, как у изюбров; панты ценятся китайцами очень высоко (от 800 до 1200 рублей пара).

В Уссурийском крае пятнистый олень обитает в южной части страны. Северной границей его распространения в бассейне Уссури можно считать реку Иман и на берегу моря реку Амагу (мыс Арка). За последние двадцать лет площадь обитания оленей сократилась раз в десять. В тех местах, где

раньше они бродили стадами, поселились корейцы и начали уничтожать леса. Бедные животные стали отходить на север, но не могли выдержать жизни в хвойных лесах и погибли очень скоро. В настоящее время во всем Уссурийском крае есть только три естественных питомника: 1) остров Аскольд в заливе Петра Великого; 2) горная область с правой стороны в верховьях реки Судзухе (местность Юм-бей-си) и 3) небольшой участок на побережье Японского моря, между реками Кулумбе и Найной (мыс Арка). Как только зверопромышленники пронюхают об этом, они быстро перебьют всех оленей. Местным властям в крае следовало бы позаботиться об охране этих питомников теперь же, пока еще не поздно.

Глава

12

Корейцы-соболевщики

Мелкие речки прибрежного района.— Корейская фанза.— Водяная толчея.— Река Найна.— Корейская соболиная ловушка.— Влияние колонизации на край.— Мыс Арка.— Река Кванбагоу.— Река Кудяхе.— Старообрядческая деревня.— Удэхейцы.— Климат прибрежного района.— Фенология.— Ботанические и зоогеографические границы.— Река Амагу.— Лось

Чем дальше на север, тем террасы на берегу моря становятся все выше и выше. Особенно сильно они развиты около устьев горных речек: Гаппакси, Була (по-китайски Ян-диоза), Толомги, Кулумбе, Момокчи и Найны, где достигают высоты до 15 метров. Около Момокчи они углубляются в долину и идут по сторонам ее в виде ясно выраженных карнизов. Основание террас массивное, а верхняя часть состоит из угловатых обломков вперемежку с глиной, вследствие чего сверху они всегда заболочены. Здесь, на берегу моря, впервые встречается лиственница, растущая группами.

География части побережья между Момокчи и Найной такова: высокий горный хребет Габади тянется под острым углом по отношению к берегу моря. По ту сторону его будет бассейн реки Кулумбе, по эту — мелкие речки, имеющие только удэхейские названия: Яшу (на карте Ячасу), Уяхги-Бязани, Сапкэ, Капуты, Януя и другие. Между ними следует отметить три горные вершины: Габади, Дюхане и гору Яндоюза, а около устья реки Яшу одинокую скалу Када-Буди-дуони. На морских картах она названа горой Ожидания.

От реки Кулумбе на север до реки Найны горные породы располагаются следующим образом: сперва идет андезит со столбчатым, несколько веерообразным распадением, дальше будет дацит с тридимитом и кремнистые сланцы. Близ устья

реки Момокчи (мыс Александра) горы состоят из сильно изменившегося кварцевого порфирита и весьма плотной грейзеноподобной породы. В ней в виде редких шлир встречается серный блеск. Между реками Яшу и Момокчи от массы горы в море выдвигаются два мыса, имеющие удэхейские названия: Ухэ-дуони и Копочи-дуони.

Наконец, около реки Найны в береговых обнажениях видна какая-то бурая, сильно метаморфизированная сложная порода.

У подножия найнинских террас, на самом берегу моря, мы нашли корейскую фанзу. Обитатели ее занимались ловлей крабов и соболеванием. В фанзе жило девять холостых корейцев. Среди них двое одетых по-китайски и один по-удэхейски. Они носили косы и имели подбритые лбы. Я долго их принимал за то, чем они казались, и только впоследствии узнал, кто они на самом деле.

Подходя к фанзе, я услышал шум воды и затем звук от падения чего-то тяжелого. Сначала я не обратил на это внимания, но когда звук повторился во второй, третий и десятый раз, я спросил, что это значит. Чжан-Бао сказал, что это корейская толчея, приводимая в движение водою.

Такая толчея устраивается около ручья следующим образом: на двух упорах лежит свободно вращающийся валик, проходящий сквозь длинное коромысло с неравными плечами. К короткому плечу прикреплен тяжелый пест, под которым поставлена большая деревянная ступа. Другое (длинное) плечо коромысла оканчивается ковшом. Стекающая по желобу вода наполняет ковш. Получив значительный вес, он опускается вниз, подымая пест кверху. Как только ковш наклонится, из него разом выливается вода, тогда перетягивает пест и падает в ступу.

Из всех восточных народов на материке Азии корейцы первые додумались до использования живой силы воды. У китайцев таких машин нет. Иногда толчеи устраиваются дома или в самой фанзе. В последнем случае вместо ковша коромысло кончается плоской лопатой, а машина приводится в движение давлением ноги. Эту работу обыкновенно исполняют женщины.

На возвратном пути в фанзу я услышал еще какой-то шум в сарае — это корейцы мололи муку при помощи ручных жерновов, наложенных один на другой. К верхнему прикреплен короткий рычаг, при помощи которого он и приводится в движение. Зерно насыпается в деревянный ящик, откуда оно течет в отверстие верхнего камня и затем к зазорам между жерновами.

Как и надо было ожидать, наше появление вызвало беспокойство среди корейцев. В фанзе было свободно, и потому мы разместились на одном из канов. Дерсу сделал вид, что не понимает их языка, и внимательно стал прислушиваться к тому, что они говорили между собою.

Из этого разговора он узнал, что среди корейцев есть несколько искателей руд, остальные — охотники, пришедшие за провизией с реки Кулумбе, где у них имеются зверовые фанзы.

27 сентября было посвящено осмотру реки Найны, почему-то названной на морских картах Яходеи-Санка. Река эта длиною 20 километров; истоки ее находятся в горах Карту,

о которых будет сказано ниже. Сначала Найна течет с севера на юг, потом поворачивает к юго-востоку и последние 10 километров течет к морю в широтном направлении. В углу, где река делает поворот, находится зверовая фанза. Отсюда прямо на запад идет та тропа, по которой прошел А. И. Мерзляков со своим отрядом.

Корейская зверовая фанза — это небольшая постройка, сложенная из бревен, с пологой двускатной крышей из кедрового корья. Она имеет два или три окна, по одному с каждой стороны, и две двери, всегда обращенные к речке. Внутреннее устройство ее такое же, как и в китайских фанзах. Тут есть очаг с железным котлом и кан для спанья, нагреваемый дымовыми ходами. Вся внутренняя обстановка сделана грубо, топорно, чтобы не жаль было бросить ее в случае, если придется переходить на другое место. И снаружи, по типу постройки, и по внутренней обстановке всегда можно отличить корейскую зверовую фанзу от китайской.

Время было осеннее, и корейцы начали уже соболевать. Недалеко от фанзы мы увидели и самые ловушки на соболя, так называемые «мосты». Для устройства их корейцы пользуются буреломным лесом, переброшенным с одного берега реки на другой. Иногда они нарочно для этого валят деревья, если место кажется подходящим, а валежника вблизи нет. Посредине бревна из мелких прутиков сделана изгородь, в которой оставлен узкий проход, а в нем в вертикальном положении укреплена волосяная петля. По бокам отесано так, чтобы соболь не мог обойти изгородь стороною. Петля одним концом привязана к деревянной палочке, которая небольшим выступом чуть только держится на маленьком упорце. К этой палочке привязан груз (камень) весом в 3—4 килограмма. Когда соболь бежит по такому «мосту», он натыкается на изгородь, старается ее обойти, но гладкие затески мешают ему; тогда он пробует перескочить через петлю, за-

путывается, тянет ее за собою и срывает палочку с упорца. Груз падает в воду и увлекает за собой дорогого хищника.

Корейцы считают, что их способ соболевания самый лучший, потому что ловушка действует наверняка, и случаев, чтобы соболь ушел, не бывает. Кроме того, под водой соболь находится в сохранности и не может быть испорчен воронами или сойками. В корейские ловушки так же, как и в китайские, часто попадают белки, рябчики и другие мелкие птицы.

Вся долина реки Найны покрыта горелым лесом — пожар был здесь несколько лет тому назад. Ныне на месте хвойного леса вырос молодняк, состоящий из березы, лиственницы и осины.

К вечеру мы вернулись назад.

Дерсу недолюбливал корейцев и, несмотря на то что на дворе было холодно и ветрено, отказался ночевать в фанзе. Он устроил себе бивак на берегу моря под защитой террасы.

Вечером, после ужина, я пошел посмотреть, что он делает. Дерсу сидел, поджав под себя ноги, и курил трубку. Мне показалось у него так уютно, что я не мог отказать себе в удовольствии погреться у огня и поговорить с ним за кружкой чая.

— Дерсу,— сказал я ему,— я о тебе соскучился. Как только тебя нет около меня, чувствую, что чего-то не хватает.

— Спасибо, капитан,— ответил он с улыбкой,— спасибо! Моя тоже так. Тебе сопка один ходи — моя шибко боится.

На другой день мы продолжали наш путь далее на север. Погода стояла пасмурная, но дождя не было.

К северу от реки Найны до реки Амагу тянутся андезиты и кварцево-порфировый туф. Особенного внимания заслуживают обнажения около реки Амагу (мысы Белкина и Арка). Здесь в пестрых слоях туфа можно видеть пустоты с конкрециями из известкового шпата и из какой-то мягкой зеленокаменной породы. На морских картах в этих местах показаны двое береговых ворот. Одни малые — у самого берега, другие большие — в воде. Ныне сохранились только те, что ближе к берегу. Удэхейцы называют их Сангасу, что значит Дыроватые камни, а китайцы — Кулунзуйза.

Об этих Дыроватых камнях у туземцев есть такое сказание. Одни люди жили на реке Нахтоху, а другие — на реке Шооми. Последние взяли себе жен с реки Нахтоху, но, согласно обычаю, сами им в обмен дочерей своих не дали. Нахтохуские удэхейцы отправились на Шооми и, воспользовавшись отсутствием мужчин, силою забрали столько девушек, сколько им было нужно. Шоомийцы погнались за ними

на лодках. Когда они достигли мыса Сангасу, то не помолились, а, наоборот, с криками и руганью вошли под свод береговых ворот. Здесь, наверху, они увидели гагару, но птица эта была не простая, а Тэму (Касатка — властительница морей). Один удэхеец выстрелил в нее и не попал. Тогда каменный свод обрушился и потопил обе лодки с двадцатью двумя человеками.

Немного дальше камней Сангасу тропа оставляет морское побережье и идет вверх через перевал на реке Квандагоу (приток р. Амагу). Эта река длиной около 30 километров. Истоки ее находятся там же, где и истоки р. Найны. Квандагоу течет сначала тоже в глубоком ущелье, заваленном

каменными глыбами, но потом долина ее расширяется. Верхняя половина течения имеет направление с северо-запада, а затем река круто поворачивает к северо-востоку и течет вдоль берега моря, будучи отделена от него горным кряжем Чанготыкалани.

Следующие два мыса называются Нюммый-дуони и Лаамчи-дуони, и, наконец, самый последний мыс около Амагу имеет русское название — Белкина, а рядом небольшая бухточка — Разочарования.

По выходе из гор течение реки Квандагоу становится тихим и спокойным. Река блуждает от одного края долины к другому, рано начинает разбиваться на пороги и соединяется с рекой Амагу почти у самого моря.

После перевала тропа идет сначала правым берегом реки, потом переходит через топкое болото на левый берег, затем снова возвращается на правую сторону, каковой и придерживается уже до самого устья. В верхней половине река Квандагоу заросла хвойным лесом, а в нижней — исключительно лиственными породами: тополем, дубом, березой, осокорем, осиной, кленом и т. д.

Путь по реке Квандагоу показался мне очень длинным. Раза два мы отдыхали, потом опять шли в надежде, что вот-вот покажется море. Наконец, лес начал редеть; тропа поднялась на невысокую сопку, и перед нами развернулась широкая и живописная долина реки Амагу со старообрядческой деревней по ту сторону реки. Мы покричали. Ребятишки подали нам лодку. Наше долгое отсутствие вызвало у Мерзлякова тревогу. Стрелки хотели уже было идти нам навстречу, но их отговорили староверы.

Через несколько минут я сидел в избе за столом, пил молоко и слушал доклад И. А. Мерзлякова. Весть о том, что я пришел на Амагу, быстро пронеслась по всей деревне.

Староверы встретили меня очень приветливо. Пришлось принимать гостей и отвечать им тем же.

Следующие три дня были дневки. Мы отдыхали и собирались с силами. Каждый день я ходил к морю и осматривал ближайшие окрестности. Река Амагу (по-удэхейски Амули, а по-китайски Ама-гоу) образуется из слияния трех рек: самой Амагу, Квандагоу, по которой мы пришли, и Кудя-хе, впадающей в Амагу тоже с правой стороны, немного выше Квандагоу. Поэтому когда смотришь со стороны моря, то невольно принимаешь Кудя-хе за главную реку, которая на самом деле течет с севера, и потому долины ее из-за гор не видно.

Кудя-хе — быстрая и порожистая речка, длиною около двадцати километров. Она протекает по широкой долине и тоже берет начало с хребта Карту. Верхняя часть долины покрыта горелым сухостоем. Вновь появившийся молодняк состоит главным образом из осины, лиственницы и белой березы; ближе к морю, в горах, преобладают хвойные породы.

Видно, что нижняя часть долины Амагу, где поселились староверы, раньше была морским заливом. Реки Кудя-хе и Квандагоу некогда впадали в море самостоятельно. Затем произошел обычный процесс заполнения бухты наносами реки и отступления моря. С левой стороны еще и теперь сохранилось длинное торфяное болото, но и оно уже находится в периоде усыхания. Ныне река Амагу впадает в море близ мыса Белкина и около устья образует небольшую заводь, которая сообщается с морем узкою протокою.

Старообрядческая деревня Амагу состояла из восемнадцати дворов. Первые переселенцы (семь семейств) перекочевали сюда в 1900 году с реки Даубихе. Живя далеко в горах, старообрядцы сохранили облик чистых великороссов. Патриархальность семьи, костюмы, утварь, вышивки на одежде, резьба по дереву и т. д.— все это напоминало древнюю Русь. У меня создалось впечатление, как будто я перенесся сразу на несколько столетий назад. Интересно было наблюдать, как они жили «задним числом»: для них сенсационным событием было то, что уже прошло, чем в России давно перестали интересоваться.

К ним заходили японские суда и очень редко — русские. Поэтому все свои закупки жители делали в Японии и только в случае крайности ходили сухопутьем в залив Ольги, совершая для этого длительные путешествия. Средствами к жизни их были земледелие и соболевание. Соболей они ловили всеми способами: и китайским, и корейским, и удэхейским. Занимались также охотой на оленей, били лосей, ловили рыбу. Ни в одежде их, ни в домашней обстановке, ни в чем другом не было заметно роскоши, но тем не менее все указывало на то, что это народ зажиточный. Особенно много

у них было коней и рогатого скота. Я насчитал 82 лошади и 84 коровы.

Кроме старообрядцев, на Амагу жила еще одна семья удэхейцев, состоящая из старика мужа, его жены и трех взрослых сыновей. К чести старообрядцев нужно сказать, что, придя на Амагу, они не стали притеснять туземцев, а, наоборот, помогли им и начали учить земледелию и скотоводству; удэхейцы научились говорить по-русски, завели лошадей, рогатый скот и построили баню.

На опушке лиственного леса, что около болота, староверы часто находили неглубоко в земле бусы, серьги, браслеты, пуговицы, стрелы, копья и человеческие кости. Я осмотрел это место и нашел следы жилищ. На старинных морских картах при устье Амагу показаны многочисленные туземные юрты. Старик рассказывал мне, что лет тридцать тому назад здесь действительно жило много удэхейцев, но все они погибли от оспы. В 1870 году, по словам Боголюбского, на берегу моря, около реки Амагу, жило много туземцев.

В климатическом отношении эта часть побережья резко отличается от мест, находящихся к западу от Сихотэ-Алиня. Лето здесь сырое и прохладное, осень долгая и теплая, зима сухая, холодная, а весна поздняя. Первая половина зимы бесснежная, снега выпадают только в феврале и марте. Зато ноябрь и декабрь страшно ветреные. Обыкновенно ветры дуют со стороны хребта Карту. По наблюдениям староверов, если на западе в горах небо чистое — погода будет тихая, но если с утра там подымаются кучевые облака — это верный признак сильного северо-западного ветра. Из тридцати дней бывает приблизительно дней пять тихих, «морочных», десять с сильными ветрами, а остальные пятнадцать дней с ветрами, которые можно просто назвать свежими. На рассвете обыкновенно всегда бывает тихо; ветер начинает дуть с восхода солнца, постепенно усиливаясь, и достигает наибольшего напряжения к двум часам пополудни. Затем ветер начинает спадать и совсем стихает после полуночи.

В Южно-Уссурийском крае опилки, зарытые в землю, быстро сгнивают и превращаются в удобрение, но на побережье моря они не гниют в течение трех лет. Это можно объяснить тем, что летом вследствие холодных туманов земля никогда не бывает парная.

Первое выпадение снегов около Амагу происходит около половины декабря. Осень стоит долгая и теплая, вследствие этого травы не сохнут, а вянут. В сырых местах, где трава растет кочками, нижняя часть ее долго еще остается зеленой. Это дает возможность рогатому скоту большую часть года держаться на подножном корму. Лошадей приходится

подкармливать только весною. Старообрядцы говорят, что в год своего переселения они совершенно не имели сухого фуража и держали коров и лошадей на подножном корму всю зиму, и, по их наблюдениям, животные нисколько не похудели.

Вследствие того что весна здесь наступает поздно, староверы пашут только в мае, а косят в августе. Так как лето туманное и холодное, то хлеба созревают тоже поздно. Уборка их производится в конце сентября, а иногда затягивается и до половины октября месяца. Все овощи, в особенности картофель, растут хорошо; не созревают только дыни и арбузы. Период цветения растений и созревания плодов по сравнению с бассейном Уссури на одной и той же широте отстает почти на целый месяц.

В флористическом отношении река Амагу не менее интересна, чем в климатическом. В горах растет довольно много тису. Любопытно, что дерево это в прибрежном районе встречается небольшими группами и не повсеместно. Южнее реки Мутухе его можно найти в лесу только одиночными деревьями. Здешняя липа не достигает таких размеров, как в Южно-Уссурийском крае, но зато ствол ее массивный и не имеет дупла. В районе верховьев Уссури и южнее наблюдается обратное явление: там липа хотя и растет в виде большого дерева, но почти всегда внутри полая. Ольха на Амагу имеет тоже очень крупные размеры и встречается не только по берегам рек, но и по теневым склонам гор. Дуб растет небольшой, с белесоватою корою (на юг кора у дуба темная). Хотя желуди и созревают, но сами не спадают на землю, а их сбивают сильные осенние ветры. Заметно, что в здешних лесах болезненных наростов на деревьях меньше, чем к западу от Сихотэ-Алиня, и притом они встречаются только в верховьях рек. В Южно-Уссурийском крае такие наплывы достигают чрезвычайно больших размеров. Около Амагу кедр, лиственница, ель, пихта, береза, осина произрастают хорошо, зато ясень, клен и вообще все твердые породы растут плохо. Чертово дерево попадается редко и имеет чахлый вид и отмершие вершины. Реку Амагу можно считать северной границей дикого винограда и маньчжурского ореха. Первый — низкорослый, растет исключительно только на солнцепеке и с подветренной стороны, но не вызревает. Уже на реке Кусуне (немного севернее) его совсем нет. Ореха крестьяне на Амагу не видели, но однажды во время наводнения по реке плыла к ним ветка со свежею листвою. Из этого они заключили, что где-то по реке есть одно такое дерево.

Крайне интересно влияние моря на растительность. Например, яд зверобоя, борца, чемерицы у моря несравненно слабее, чем в горах. То же самое можно сказать и относительно укусов змей, шершней и ос.

Около реки Амагу домашние пчелы могут еще жить, но требуют за собой большого ухода. На зиму их надо тщательно прикрывать и оставлять больше корму. Завезенным сюда пчелам трудно собирать мед. В поисках за медоносными травами им приходится совершать большие полеты. Старообрядцы заметили, что если настоящих медоносов бывает мало, то пчелы собирают мед с других растений, иногда даже и с чемерицы. От этого меда пчелы болеют, и если им

дать хорошего меду, то они тотчас выбрасывают из улья мед отравленный. Дальше на север опыты разведения староверами домашних пчел кончились неудачей.

Амагийский район заслуживает внимания натуралиста и в зоогеографическом отношении. Например, белогрудый медведь с юга доходит только до реки Кулумбе. Тигры появляются периодически. Пантер никто не встречал, и за семь лет староверы только один раз видели следы ее на скалах, но они не уверены, была ли то пантера или молодой тигр. Шакалоподобные «дикие собаки» встречаются весьма редко.

Так как на западе раньше наступают холода, то и опушение соболя и белки происходит там раньше, чем на берегу моря (разница равна почти месяцу). По словам староверов, когда они первый раз прибыли на Амагу, то застали здесь дроф. В 1904—1905 годах дрофы еще изредка появлялись, но затем перелеты их совсем прекратились. Как-то раз, года два тому назад, вдруг на пашнях появилось несколько фазанов. Откуда они взялись — неизвестно; на другой год фазаны исчезли. Однажды на падали около моря видели большого темно-бурого орла с длинной голой шеей. Судя по описаниям, это был гриф. Вероятно, он залетел сюда из Центральной Азии случайно. Река Амагу является южной границей распространения глухаря и северной — для зеленого дятла.

4 октября был отдан приказ приготовляться к походу. Теперь я хотел подняться по реке Амагу до истоков, затем перевалить через хребет Карту —по реке Кулумбе спуститься к берегу моря.

Староверы говорили мне, что обе упомянутые реки очень порожисты и в горах много осыпей. Они советовали оставить мулов у них в деревне и идти пешком с котомками. Тогда я решил отправиться в поход только с Дерсу.

По моим расчетам, у нас должно было хватить продовольствия на две трети пути. Поэтому я условился с А. И. Мер-

зляковым, что он командирует удэхейца Сале с двумя стрелками к скале Ван-Син-лаза, где они должны будут положить продовольствие на видном месте.

На следующий день, 5 октября, в 2 часа дня с тяжелыми котомками мы выступили в дорогу.

Река Амагу длиной около пятидесяти километров. Начало она берет с хребта Карту и огибает его с западной стороны. Амагу течет сначала на северо-восток, потом принимает широтное направление и только вблизи моря немного склоняется к югу. Из притоков ее следует указать только на Дунанцу, длиною в девятнадцать километров. По ней можно перевалить на реку Кусун. Вся долина Амагу и окаймляющие ее горы покрыты густым хвойно-смешанным лесом строевого и поделочного характера.

Вегетационный период почти что кончился. Большинство цветковых растений завяло, и только в некоторых еще теплилась жизнь. К числу последних относились: анафалис жемчужный, у которого листья с исподней стороны войлочные; особый вид астры с темным пушистым стеблем и с чешуйчатой фиолетовой корзинкой; затем заячье ушко — зонтичное растение, имеющее на листьях выпуклые дугообразные жилки, и, наконец, черемша с листьями, как у ландыша.

Едва заметная тропинка привела нас к тому месту, где река Дунанца впадает в Амагу. Это будет километрах в десяти от моря. Близ ее устья есть утес, который староверы по-китайски называют Лаза [1] и производят от глагола «лазить». Действительно, через эту «лазу» приходится перелезать на животе, хватаясь руками за камни. Пройдя еще с километр, мы стали биваком на галечниковой отмели.

До заката было еще более часа. Я воспользовался этим временем и пошел на охоту вверх по реке Дунанце. Поднявшись на первую попавшуюся сопку, я сел на валежник и стал осматриваться. Отсюда сверху были видны Амагу, Кудя-хе, Квандагоу и побережье моря. Листопад был в полном разгаре. Лес с каждым днем все более и более принимал монотонно-серую, безжизненную окраску, знаменующую приближение зимы. Только дубняки сохранили еще листву, но и она пожелтела и от этого казалась еще печальнее. Кусты, лишенные пышных нарядов, стали удивительно похожи друг на друга. Черная, похолодевшая земля, прикрытая опавшею листвою, погружалась в летаргический сон; растения покорно, без протестов, готовились к смерти.

Я так ушел в свои думы, что совершенно забыл, зачем пришел сюда в этот час сумерек. Вдруг сильный шум послы-

---

[1] В переводе на русский язык значит «скала».

шался сзади меня. Я обернулся и увидел какое-то несуразное и горбатое животное с белыми ногами. Вытянув вперед свою большую голову, оно рысью бежало по лесу. Я поднял ружье и стал целиться, но кто-то опередил меня. Раздался выстрел, и животное упало, сраженное пулей.

Через минуту я увидел Дерсу, спускавшегося по кручам к тому месту, где упал зверь.

Убитое им животное оказалось лосем.

Это был молодой самец лет трех. Длина зверя от верхней губы до конца хвоста равнялась 2 метрам 20 сантиметрам, высота от подошвы копыта до холки — 1 метру 70 сантиметрам, общий вес около 240 килограммов.

Это на вид неуклюжее животное имеет мощную шею и большую вытянутую голову с толстой, загнутой книзу мордой. Шерсть длинная, блестящая, гладко прилегающая к телу; окраска темно-бурая, почти черная; ноги белесоватые. Лось очень строгий зверь: достаточно один раз его побеспокоить, чтобы он надолго оставил облюбованное место. Спасаясь от преследования охотника, он идет рысью и иногда галопом. Лось очень любит купаться в болотистых озерках. Раненый, он убегает, но во время течки становится злым и не только защищается, но и сам нападает на человека. При этом он подымается на задние ноги и, скрестив передние, старается ими сбить врага, и тогда топчет его с ожесточением.

Амагу будет южной границей, где лось выходит к берегу моря. С наступлением холодов он начинает перекочевывать к западу. В ноябре его еще можно застать около Сихотэ-Алиня, а в декабре он совсем уходит в бассейн реки Бикина. Там, в густых лесах, где не бывает наста, он находит достаточно корма и благоприятные условия для своего существования. По внешнему своему виду уссурийский лось мало чем отличается от своего европейского собрата, но зато рога его иные: они вовсе не имеют лопастей и скорее похожи на изюбровые, чем на лосиные.

Дерсу принялся снимать шкуру и делить мясо на части. Неприятная картина, но тем не менее я не мог не любоваться работой своего приятеля. Он отлично владел ножом: ни одного лишнего пореза, ни одного лишнего движения. Видно, что рука у него на этом деле хорошо была набита. Мы условились, что немного мяса возьмем с собою; Чжан-Бао и Фокин примут меры доставить остальное староверам и для команды.

Глава

13
Водопад

Случай с тигром.— Запретное место.— Дерсу и ворона.— Верховья реки Амагу.— Водопад.— Жертвоприношение.— Хребет Карту.— Брусника.— Ночлег в горах.— Спуск в долину реки Кулумбе.— Забота о животных

Вечером, после ужина, зашел разговор об охоте. Говорил Дерсу, а мы его слушали. Жизнь этого человека была полна интереснейших приключений. Гольд рассказывал, как однажды, десять лет тому назад, он охотился за изюбрами в самый разгар пантовки. Дело было на реке Эрлдагоу (приток Даубихе), в самых ее истоках. Здесь, в горах, вода промыла длинные и глубокие овраги; крутые склоны их поросли лесом. Дерсу имел при себе винтовку, охотничий нож и шесть патронов. Недалеко от бивака он увидел пантача, стрелял и ранил слабо. Изюбр упал было, но скоро оправился и побежал в лес. Гольд догнал его там, опять стрелял четыре раза, но все раны были не убойные, и изюбр уходил дальше. Тогда Дерсу выстрелил в шестой и последний раз. После этого олень забился в овраг, который соединялся с другим таким же оврагом. Олень лежал как раз у места их соединения в воде, и только плечо, шея и голова его были на камнях. Раненое животное подымало голову и, видимо, кончало расчеты с жизнью. Гольд сел на камень и стал курить в ожидании, когда изюбр подохнет. Пришлось выкурить две трубки, прежде чем олень испустил последний вздох. Тогда Дерсу подошел к нему, чтобы отрезать голову с пантами. Место было неудобное: у самой воды росла толстая ольха. Как ни приспособлялся Дерсу, он мог устроиться только в одном положении. Он опустился на правое колено, а левой ногой уперся в один из камней в ручье. Винтовку он забросил себе на спину и начал было свежевать оленя. Не успел он два раза резануть ножом, как вдруг за шумом

воды позади себя услышал шорох. Он хотел было оглянуться, но в это мгновение совсем рядом с собой увидел тигра. Зверь хотел было наступить на камень, но оступился и попал лапой в воду. Гольд знал, что если он сделает хоть малейшее движение, то погибнет. Он замер на месте и притаил дыхание. Тигр покосился на него и, видя неподвижную фигуру, двинулся было дальше. Однако он почувствовал, что это неподвижное — не пень и не камень, а что-то живое. Два раза он оборачивался назад и усиленно нюхал воздух, но, на счастье Дерсу, ветер тянул не от него, а от тигра. Не уловив запаха оленьей крови, страшный зверь полез на кручу. Камни и песок из-под его лап посыпались в ручей. Но вот

он взобрался наверх. Тут он вдруг почуял запах человека. Шерсть на спине у него поднялась дыбом, он сильно заревел и стал бить себя хвостом по телу. Тогда Дерсу громко закричал и пустился бежать по оврагу. Тигр бросился вниз к оленю и стал его обнюхивать. Это и спасло Дерсу. Он выбрался из ущелья и бежал долго, бежал, как козуля, преследуемая волками.

Тогда он понял, что убитый олень принадлежал не ему, а тигру. Вот почему он не мог его убить, несмотря на то, что стрелял шесть раз. Дерсу удивился, как он об этом не догадался сразу. С той поры он не ходил больше в эти овраги. Место это стало для него раз навсегда запретным. Он получил предупреждение...

После ужина я и стрелок Фокин улеглись спать, а гольд и Чжан-Бао устроились в стороне. Они взяли на себя заботу об огне.

Ночью я проснулся. Вокруг луны было матовое пятно — верный признак, что утром будет мороз. Так оно и случилось: перед рассветом температура быстро понизилась и вода в лужах замерзла.

Первыми проснулись Чжан-Бао и Дерсу. Они подбросили дров в огонь, согрели чай и тогда только разбудили меня и Фокина.

Удивительные птицы вороны: как скоро они узнают, где есть мясо! Едва солнечные лучи озолотили вершины гор, как несколько их появилось уже около нашего бивака. Они громко перекликались между собою и перелетали с одного дерева на другое. Одна из ворон села очень близко от нас и стала каркать.

— Ишь, проклятая! Поди, я тебя сейчас ссажу,— сказал стрелок Фокин и потянулся за винтовкой.

— Не надо, не надо стрелять,— остановил его Дерсу.— Его мешай нету. Ворона тоже хочу кушай. Его пришел по-

смотреть, люди есть или нет. Нельзя — его улетит. Наша ходи, его тогда на землю прыгай, чего-чего остался — кушай.

Как бы в подтверждение его слов ворона снялась с дерева и улетела. Доводы эти Фокину показались убедительными; он положил ружье на место и уже больше не ругал ворон, хотя они подлетали к нему еще ближе, чем в первый раз.

Дерсу был, безусловно, прав. Обычай «ссаживать» ворон с деревьев — жестокая забава охотников. Стрельбой по воронам забавляются иногда даже образованные люди. Стреляют так же, как в бутылку, только потому, что черная ворона представляет из себя хорошую цель.

Ворон скорее следует отнести к полезным птицам, чем к вредным. Убирая в тайге трупы павших животных, дохлых рыб по берегам рек, моллюсков, выброшенных морским прибоем, и в особенности разные отбросы человеческих жилищ, они являются незаменимыми санитарами и играют огромную роль в экономии природы. Вред, причиняемый воронами хозяйству, по сравнению с той пользой, которую они приносят, невелик.

С этого бивака мы расстались. Чжан-Бао и стрелок Фокин вернулись назад, а мы с Дерсу пошли дальше.

Отсюда долина Амагу начала суживаться, и река сделалась порожистой; в горах появились осыпи и целые площади, обезлесенные пожарами; зато внизу, в долине, лес стал гуще; к лиственным породам примешалось много хвои. Километрах в двадцати от моря река снова разделилась надвое. Одна речка (большая) огибает хребет Карту с запада, а другая (меньшая) течет с юга. От места слияния их потянулись сплошные гари. Два раза мы переходили речку вброд и в конце концов снова очутились на правом берегу. Еще дальше долина становится похожей на ущелье. Некоторые утесы имеют весьма причудливые очертания. Они постепенно разрушаются и превращаются в осыпи. Иногда сорвавшаяся сверху глыба увлекает за собою другие камни. Тогда в долину свергается целый поток щебня и поломанных сухостойных деревьев. Немудрено, что удэхейцы боятся этих мест: здесь, по их мнению, обиталище злого духа. Мы шли с Дерсу и говорили об охоте. Вдруг он сделал мне знак, чтобы я остановился. Мы стали слушать. Издали доносился какой-то шум, похожий не то на подземный гул, не то на отдаленные раскаты грома.

— Водопад,— сказал Дерсу и указал рукой на реку.

Я взглянул и увидел плывшую по воде пену.

Мы прибавили шагу и через полчаса действительно подошли к водопаду.

Из всех водопадов, которые мне приходилось видеть, Ама-

гинский водопад был самым красивым. Представьте себе узкий коридор, верхние края которого немного загнуты внутрь так, что вода идет как бы в трубе. В одном месте труба эта обрывается. Здесь образовался водопад высотою в восемь метров. Однако верхние края коридора продолжаются и далее. Из этого можно заключить, что первоначально водопад был ниже по течению, и если бы удалось определить, сколько вода стирает ложе водопада в течение года, то можно было бы сказать, когда он начал свою работу, сколько ему лет и сколько еще осталось существовать на свете. Порода, сквозь которую вода пробила себе дорогу,— буро-красный глауконитовый песчаник с весьма плотным

цементом. Цвет воды в массе изумрудный. При ярком солнечном освещении белая пена с зеленовато-синим цветом воды и с красно-бурыми скалами, по которым разрослись пестрые лишайники и светло-зеленые мхи, создавала картину чрезвычайно эффектную. Под водопадом вода имеет вращательное движение. В течение многих лет она сточила породу по сторонам и образовала «исполиновый котел». Я подошел к краю обрыва, и мне показалось, что от массы падающей воды порой содрогается земля.

В это время обоняние мое уловило запах дыма. Я обернулся и увидел Дерсу, разжигающего костер. Потом он начал развязывать котомку. Я думал, что он хочет остановиться на бивак, и стал убеждать его пройти еще немного. Гольд соглашался со мной, но продолжал развязывать котомку. Он достал из нее кусок сахару, две спички, ломтик хлеба и листочек табаку. Все это он взял в одну руку, в другую — маленький горящий уголек и что-то стал говорить. Лицо его было серьезно, глаза опущены в землю. Что именно он говорил, я не мог расслышать за шумом водопада. Потом он подошел к обрыву и все бросил в воду.

— Что ты сделал? — спросил я его.

— Наша постоянно так,— отвечал он.— Его,— он указал на водопад,— все равно гром, черта гоняй.

Водопад и на меня произвел жуткое и чарующее впечатление. Что-то в нем было живое, стихийное. Какое же впечатление он мог произвести на душу человека, который все считал живым и человекоподобным!

Дерсу молча начал укладывать свою котомку. Желая показать ему, что я разделяю его мысли, я взял то, что первое мне попало под руку — кусок сухой рыбы и большую головешку, и подошел к водопаду.

Увидев, что я хочу бросить их в воду, Дерсу подбежал ко мне, махая руками; вид у него был встревоженный. Я понял, что он меня останавливает.

— Не надо, не надо, капитан! — говорил он испуганно и торопливо.

Я отдал ему головешку и юколу. Он бросил головешку в огонь, а юколу в лес. После этого он надел котомку, и мы пошли дальше. По дороге я стал расспрашивать его, почему он не хотел, чтобы я бросил в воду огонь и рыбу. Дерсу тотчас мне объяснил: в воду бросают только то, чего в ней нет, в лес можно бросать только то, чего нет на земле. Табак можно бросать в воду, а рыбу на землю. В воду можно бросать немного огня — только один уголек, но нельзя воду лить в огонь; также нельзя в воду бросать большую головешку, иначе рассердятся огонь и вода. Тогда я твердо решил более не вмешиваться в дела такого рода, чтобы нам обоим, как он выразился, не было худо.

Отойдя еще с полкилометра, мы стали биваком.

Когда на другой день, 7 октября, я проснулся, Дерсу был уже на ногах. Должно быть, я спал очень долго, потому что котомка его была уже увязана, и он терпеливо ожидал моего пробуждения.

— Отчего ты меня не разбудил? — спросил я его.

Он ответил, что сегодня мы пойдем на высокие горы и потому необходимо набраться побольше сил и выспаться как следует.

Перед выступлением я посмотрел на свой барометр: он показывал 458 метров. День обещал быть тихим и теплым. Прямо от бивака мы начали восхождение на хребет Карту, главная ось которого располагается от северо-востока к юго-западу. Чем выше мы поднимались, тем больше перед нами раскрывался горизонт. Кругом, насколько хватал глаз, нигде не было леса: нигде ни одного деревца, даже сухостойного. Чрезвычайно тоскливый вид имеют такие горы. С исчезновением лесов исчез и подлесок, исчезли мхи; дожди смыли тонкий растительный слой земли и оголили материковую почву. Куда ни посмотришь — всюду одна и та же однообразная, тусклая картина: серые утесы и серые осыпи. Хребет Карту — это безжизненная и безводная пустыня.

Первая сопка, на которую мы поднялись, имела высоту 900 метров. Отдохнув немного на ее вершине, мы пошли дальше. Вторая гора почти такой же величины, но, вследствие того что перед ней мы спустились в седловину, она показалась гораздо выше. На третьей вершине барометр показал 1016 метров.

Я взглянул на часы: обе стрелки показывали полдень. Значит, за три с половиной часа мы успели «взять» только три вершины, а главный хребет был еще впереди.

Меня сильно мучила жажда. Вдруг я увидел бруснику; она была мороженая. Я начал ее есть с жадностью. Дерсу смотрел на меня с любопытством.

— Как его фамилия? — спросил он, держа на ладони несколько ягод.

— Брусника,— отвечал я.

— Тебе понимай,— спросил он опять,— его можно кушать?

— Можно,— отвечал я.— Разве ты не знаешь эту ягоду?

Дерсу ответил, что видел ее часто, но не знал, что она съедобна.

Местами брусники было так много, что целые площади казались как будто окрашенными в бордовый цвет. Подбирая ягоды, мы понемногу подвигались вперед и незаметно поднялись на вершину, высота которой равнялась 1290 метрам. Здесь мы впервые вступили в снег, он был глубиною около пятнадцати сантиметров.

По наблюдениям старообрядцев, первый снег на Сихотэ-Алине в 1907 году выпал 20 сентября, а на хребте Карту — 3 октября и уже более не таял. 7 октября снеговая линия опустилась до 900 метров над уровнем моря.

Отсюда мы повернули к югу и стали взбираться на четвертую высоту (1510 метров). Этот подъем был особенно трудным. Мы часто глотали снег, чтобы утолить мучившую нас жажду.

Хребет Карту с восточной стороны очень крут, с западной — пологий. Здесь можно наблюдать, как происходит разрушение гор. Сверху все время сыплются мелкие камни; они постепенно засыпают долины, погребая под собою участки плодородной земли и молодую растительность. Таковы результаты лесных пожаров.

Как ни старались мы добраться в этот день до самой высокой горы, нам сделать этого не удалось. С закатом солнца должен опять подуть холодный северо-западный ветер. Пора было подумать о биваке. Поэтому мы спустились немного с гребня и стали искать место для ночлега на западном склоне. Теперь у нас были три заботы: первая — найти воду, вторая — найти топливо и третья — найти защиту от ветра. Нам посчастливилось найти все это сразу в одном месте. В километре от седловины виднелся кедровый стланец. Мы забрались в самую середину его и устроились даже с некоторыми удобствами. Снег заменил нам воду. Среди живого стланца было много сушняка. Мы с Дерсу натаскали побольше дров и развели жаркий огонь. С подветренной стороны мы натянули полотнище палатки, хвои наложили себе под бок, а сверху покрыли их козьими шкурками.

Ночь была лунная и холодная. Предположения Дерсу оправдались. Лишь только солнце скрылось за горизонтом, сразу подул резкий, холодный ветер. Он трепал ветви кедровых стланцев и раздувал пламя костра. Палатка парусила, и я очень боялся, чтобы ее не сорвало со стоек. Полная луна ярко светила на землю; снег блестел и искрился. Голый хребет Карту имел теперь еще более пустынный вид.

Утомленные дневным переходом, мы недолго сидели у огня и рано легли спать.

Утром, когда я проснулся, первое, что бросилось мне в глаза, был туман. Скоро все разъяснилось — шел снег. Хорошо, что мы ориентировались вчера и потому сегодня с бивака могли сразу взять верное направление.

Напившись чаю с сухарями, мы опять стали подниматься на хребет Карту. Теперь нам предстояло взобраться на самую высокую сопку, которую моряки называют Амагунскими гольцами. Потому ли, что мы были со свежими силами или снег нас принуждал торопиться, но только на эту гору мы взошли довольно скоро. Высота ее равна 1660 метрам. Отсюда берет начало река Кулумбе (по-удэхейски Куле); староверы измеряют ее в 50—60 километров. Течет она по кривой так же, как и Амагу, но только в другую сторону, а именно — к югу и юго-востоку.

Когда мы спустились до 1200 метров, снег сменился дождем, что было весьма неприятно; но делать было нечего — приходилось терпеть.

Километров пять мы шли гарью и только тогда нашли живой лес, когда снизились до 680 метров. Это была узкая полоса растительности около речки, состоящая преимущественно из березы, пихты и лиственницы.

К полудню дождь усилился. Осенний дождь — это не то, что летний дождь; легко можно простудиться. Мы сильно прозябли и потому пришлось рано стать на бивак. Скоро нам удалось найти балаган из корья. Способ постройки его и кое-какие брошенные вещи указывали на то, что он был сделан корейцами. Оправив его немного, мы натаскали дров и принялись сушить одежду. Часа в четыре дня дождь прекратился. Тяжелая завеса туч разорвалась, и мы увидели хребет Карту, весь покрытый снегом.

Когда солнце скрылось за горизонтом, по всему западному небосклону широко разлилась багровая заря. Потом взошла луна; вокруг нее опять было густое матовое пятно и большой венец — верный признак, что завтра снова будет дождь.

Вечером я записывал свои наблюдения, а Дерсу жарил на вертеле сохатину. Во время ужина я бросил кусочек мяса в

костер. Увидев это, Дерсу поспешно вытащил его из огня и швырнул в сторону.

— Зачем бросаешь мясо в огонь? — спросил он меня недовольным тоном.— Как можно его напрасно жечь! Наша завтра уехали, сюда другой люди ходи — кушай. В огонь мясо бросай, его так пропади.

— Кто сюда другой придет? — спросил я его в свою очередь.

— Как кто? — удивился он.— Енот ходи, барсук или ворона; ворона нет — мышь ходи, мышь нет — муравей ходи. В тайге много разный люди есть.

Мне стало ясно: Дерсу заботился не только о людях, но и о животных, хотя бы даже и о таких мелких, как муравей. Он любил тайгу с ее населением и всячески заботился о ней.

Разговор наш перешел на охоту, на браконьеров, на лесные пожары.

Незаметно мы досидели с ним до полуночи. Наконец, Дерсу начал дремать. Я закрыл свою тетрадь, завернулся в одеяло, лег поближе к огню и скоро заснул. Ночью сквозь сон я слышал, как он поправлял огонь и прикрывал меня своей палаткой.

Глава

14

Тяжелый переход

Денудационная долина реки Кулумбе.— Броды.— Скала Мафа.— Упадок сил.— Гололедица.— Лес, поваленный бурею.— Лихорадка.— Кошмар.— Голод.— Берег моря.— Ван-Син-лаза.— Разочарование.— Миноносец «Грозный».— Спасение.— Возвращение на Амагу.— Отъезд А. И. Мерзлякова

С рассветом опять ударил мороз; мокрая земля замерзла так, что хрустела под ногами. От реки подымался пар. Значит, температура воды была значительно выше температуры воздуха. Перед выступлением мы проверили свои продовольственные запасы. Хлеба у нас осталось еще на двое суток. Это не особенно меня беспокоило. По моим соображениям, до моря было не особенно далеко, а там к скале Ван-Син-лаза продовольствие должен принести удэхеец Сале со стрелками.

За ночь обувь наша просохла. Когда солнышко взошло, мы с Дерсу оделись и бодро пошли вперед.

Более характерной денудационной долины чем Кулумбе, я не видывал. Река, стесненная горами, все время извивается между утесами. Можно подумать, что горные хребты здесь старались на каждом шагу создать препятствия для воды, но последняя взяла верх и силою проложила себе дорогу к морю.

Окрестные горы, можно сказать, совершенно оголены от древесной растительности; лес растет только около реки, окаймляя ее по обеим сторонам, как бордюром. Преобладающие породы здесь: лиственница, ель, береза и ольха. Ближе к горам, на местах открытых, приютились даурский шиповник, обыкновенная рябина, а около нее — каменная полынь с листвой, расположенной у основания стебля. С первого взгляда никто не угадал бы в ней родную сестру луговой полыни. В другом месте мы наткнулись на багульник

5 Зак. 2412

и множество папоротников. У первого — лист ажурный, небольшой по размерам; второй вид имел буровато-зеленые листья с красноватым оттенком с исподней стороны; у третьего — хотя лист и простой, но ему нельзя было отказать в изяществе.

По долине реки Кулумбе никакой тропы нет. Поэтому нам пришлось идти целиной. Не желая переходить реку вброд, мы пробовали было идти берегом, но скоро убедились, что это невозможно: первая же скала принудила нас перейти на другую сторону реки. Я хотел было переобуваться, но Дерсу посоветовал идти в мокрой обуви и согреваться усиленною ходьбою. Не прошли мы и полкилометра, как пришлось сно-

ва переходить на правый берег реки, потом на левый, затем опять на правый и т. д. Вода была холодная; голени сильно ломило — точно их сжимали в тисках.

По сторонам высились крутые горы, они обрывались в долину утесами. Обходить их было нельзя. Это отняло бы у нас много времени и затянуло бы путь лишних дня на четыре, что при ограниченности наших запасов продовольствия было совершенно нежелательно. Мы с Дерсу решили идти напрямик в надежде, что за утесами будет открытая долина. Вскоре нам пришлось убедиться в противном: впереди опять были скалы и опять пришлось переходить с одного берега на другой.

— Тьфу! — ворчал Дерсу.— Мы идем — все равно выдры. Маленько по берегу ходи, посмотри, вода есть — ныряй, потом опять на берег и опять ныряй...

Сравнение было весьма удачное. Выдры именно так и ходят.

Или мы привыкли к воде, или солнце пригрело нас, а может быть, то и другое вместе, только броды стали казаться не такими уже страшными и вода не такой холодной. Я перестал ругаться, а Дерсу перестал ворчать. Вместо прямой линии, наш путь изображал собою зигзаги. Так мы пробились до полудня, но под вечер попали в настоящее ущелье. Оно тянулось более чем на четыреста метров. Пришлось идти прямо по руслу реки. Иногда мы взбирались на отмель и грелись на солнце, а затем снова опускались в воду. Наконец, я почувствовал, что устал.

День кончился, и в воздухе стало холодать. Тогда я предложил своему спутнику остановиться. В одном месте между утесами был плоский берег, куда водой нанесло много плавника. Мы взобрались на него и первым делом развели большой костер, а затем принялись готовить ужин.

Вечером я подсчитал броды. На протяжении пятнадцати километров мы сделали тридцать два брода, не считая

сплошного хода по ущелью. Ночью небо опять затянуло тучами, а перед рассветом пошел мелкий и частый дождь. Утром мы встали раньше обыкновенного, поели немного, напились чаю и тронулись в путь. Первые шесть километров мы шли больше по воде, чем по суше.

В среднем течении река Кулумбе очень извилиста. Она все время жмется к утесам и у подножия их образует глубокие ямы. Во многих местах русло ее завалено камнями и занесено буреломом. Можно представить себе, что здесь делается во время наводнений! Один раз я, другой раз Дерсу оборвались в ямы и вымокли как следует.

Наконец узкая и скалистая часть долины была пройдена. Горы как будто стали отходить в стороны. Я обрадовался, полагая, что море недалеко, но Дерсу указал на какую-то птицу, которая, по его словам, живет только в глухих лесах, вдали от моря. В справедливости его доводов я сейчас же убедился. Опять пошли броды, и, чем дальше тем глубже. Раза два мы разжигали костры, главным образом для того, чтобы погреться.

Часов в двенадцать дня мы были около большой скалы Мафа, что по-удэхейски значит «медведь». Действительно, своими формами она очень его напоминает и состоит из плотного песчаника с прослойками кварца и известкового шпата. У подножия ее шла свежепротоптанная тропа; она пересекала реку Кулумбе и направлялась на север. Дерсу за скалой нашел бивак. По оставленным на нем следам он узнал, что здесь ночевал Мерзляков с командой, когда шел с Такемы на Амагу.

Мы рассчитали, что если пойдем по тропе, то выйдем на реку Найну к корейцам, а если пойдем прямо, то придем на берег моря к скале Ван-Син-лаза. Путь на Найну нам был совершенно неизвестен, и к тому же мы совершенно не знали, сколько времени может занять этот переход. До моря же мы рассчитывали дойти если не сегодня, то во всяком случае завтра к полудню.

Закусив остатками мяса, мы пошли далее. Часа в два дня мелкий дождь превратился в ливень. Это заставило нас остановиться раньше времени и искать спасения в палатке. Я страшно прозяб, руки мои закоченели, пальцы не гнулись, зубы выбивали дробь. Дрова, как на грех, попались сырые и плохо горели.

Наконец, все было налажено. Тогда мы принялись сушить свою одежду. Я чувствовал упадок сил и озноб. Дерсу достал из котомки последний сухарь и советовал поесть. Но мне было не до еды. Напившись чаю, я лег к огню, но никак не мог согреться.

Около полуночи дождь прекратился, но изморось продолжала падать на землю. Дерсу ночью не спал и все время поддерживал костер.

Часа в три утра в природе совершилось что-то необычайное. Небо вдруг сразу очистилось. Началось такое быстрое понижение температуры воздуха, что дождевая вода, не успевшая стечь с ветвей деревьев, замерзла на них в виде сосулек. Воздух стал чистым и прозрачным. Луна, посеребренная лучами восходящего солнца, была такой ясной, точно она вымылась и приготовилась к празднику. Солнце взошло багровое и холодное.

Утром я встал с головной болью. По-прежнему чувствовался озноб и ломота в костях. Дерсу тоже жаловался на упадок сил. Есть было нечего, да и не хотелось. Мы выпили немного горячей воды и пошли в путь.

Скоро нам опять пришлось лезть в воду. Сегодня она показалась мне особенно холодной. Выйдя на противоположный берег, мы долго не могли согреться. Но вот солнышко поднялось из-за гор, и под его живительными лучами начал согреваться озябший воздух.

Как ни старались мы избежать бродов, нам не удалось от них отделаться. Но все же заметно было, что они становились реже. Через несколько километров река разбилась на протоки, между которыми образовались острова, поросшие тальниками. Тут было много рябчиков. Мы стреляли, но ни одного не могли убить, руки дрожали, не было сил прицеливаться как следует. Понуро мы шли друг за другом и почти не говорили между собой.

Вдруг впереди показался какой-то просвет. Я думал, что это море. Но большое разочарование ждало нас, когда мы подошли поближе. Весь лес лежал на земле. Он был повален бурею в прошлом году. Это была та самая пурга, которая захватила нас 20, 21 и 22 октября при перевале через Сихотэ-Алинь. Очевидно, центр тайфуна прошел именно здесь.

Надо было обойти бурелом стороной или идти по островам, среди тальников. Не зная, какой длины и ширины будет площадь поваленного леса, мы предпочли последнее. Река сплошь была занесена плавником, и, следовательно, всюду можно было свободно перейти с одного берега на другой. Такой сплошной завал тянулся километров шесть, если не больше. Наше движение было довольно медленно. Мы часто останавливались и отдыхали. Но вот завалы кончились и опять началась вода. Я насчитал еще 23 брода, затем сбился со счета и шел без разбора.

После полудня мы еле-еле тащили ноги. Я чувствовал себя совершенно разбитым; Дерсу тоже был болен. Один раз мы

видели кабана, но нам было не до охоты. Сегодня мы рано стали на бивак.

Здесь я окончательно свалился с ног: меня трясла сильная лихорадка, и почему-то опухли лицо, ноги и руки. Дерсу весь вечер работал один. Потом я впал в забытье. Мне все время грезилась какая-то тоненькая паутина. Она извивалась вокруг меня и постепенно становилась все толще и толще и наконец принимала чудовищные размеры. Мне казалось, что горный хребет Карту движется с ужасающей быстротой и давит меня своей тяжестью. В ужасе я вскакивал и кричал. Хребет Карту сразу пропадал, и вместо него опять появлялась паутина, и опять она начинала увеличиваться, приобретая в то же время быстрое вращательное движение. Смутно я чувствовал у себя на голове холодную воду.

Сколько продолжалось такое состояние, не знаю. Когда я пришел в себя, то увидел, что покрыт кожаной курткой гольда.

Был вечер; на небе блестели яркие звезды. У огня сидел Дерсу; вид у него был изнуренный, усталый.

Оказалось, что в бреду я провалялся более двенадцати часов. Дерсу за это время не ложился спать и ухаживал за мною. Он клал мне на голову мокрую тряпку, а ноги грел у костра. Я попросил пить. Дерсу подал мне отвар какой-то травы противного сладковатого вкуса. Дерсу настаивал, чтобы я выпил его как можно больше. Затем мы легли спать вместе и, покрывшись одной палаткой, оба уснули.

Следующий день был 13 октября. Сон немного подкрепил Дерсу, но я чувствовал себя совершенно разбитым. Однако дневать здесь было нельзя. Продовольствия у нас не было ни крошки. Через силу мы поднялись и пошли дальше вниз по реке.

Долина становилась все шире и шире. Буреломы и гарь остались позади; вместо ели, кедра и пихты чаще стали попадаться березняки, тальники и лиственницы, имеющие вид строевых деревьев.

Я шел как пьяный. Дерсу тоже перемогал себя и еле-еле волочил ноги. Заметив впереди, с левой стороны, высокие утесы, мы заблаговременно перешли на правый берег реки. Здесь Кулумбе сразу разбилась на восемь рукавов. Это в значительной степени облегчило нашу переправу. Дерсу всячески старался меня подбодрить. Иногда он принимался шутить, но по его лицу я видел, что он тоже страдает.

— Каза, каза! (то есть чайка) — закричал он вдруг, указывая на белую птицу, мелькавшую в воздухе.— Море далеко нету.

И как бы в подтверждение его слов из-за поворота с левой стороны выглянула скала Ян-Тун-лаза — та самая скала, которую мы видели около устья Кулумбе, когда шли с реки Такемы на Амагу. Надежда на то, что близок конец нашим страданиям, придала мне силы. Но теперь опять предстояло переправляться на левый берег Кулумбе, которая текла здесь одним руслом и имела быстрое течение. Поперек реки лежала длинная лиственница. Она сильно качалась. Эта переправа отняла у нас много времени. Дерсу сначала перенес через реку ружья и котомки, а затем помог переправиться мне.

Наконец, мы подошли к скале Ян-Тун-лаза. Тут на опушке дубовой рощи мы немного отдохнули. До моря оставалось еще километра полтора. Долина здесь делает крутой поворот к юго-востоку.

Собрав остаток сил, мы поплелись дальше. Скоро дубняки стали редеть, и вот перед нами сверкнуло море.

Наш трудный путь был кончен. Сюда стрелки должны были доставить продовольствие, здесь мы могли оставаться на месте до тех пор, пока окончательно не выздоровеем.

В шесть часов пополудни мы подошли к скале Ван-Син-лаза. Еще более горькое разочарование ждало нас здесь: продовольствия не было. Мы обшарили все уголки, засматривали за бурелом, за большие камни, но нигде ничего не нашли. Оставалась еще одна надежда: быть может, стрелки оставили продовольствие по ту сторону скалы Ван-Син-лаза. Гольд вызвался слазить туда. Поднявшись на ее гребень, он увидел, что карниз, по которому идет тропа, покрыт льдом. Дерсу не решился идти дальше. Сверху он осмотрел весь берег и ничего там не заметил. Спустившись назад, он сообщил мне эту печальную весть и сейчас же постарался утешить.

— Ничего, капитан,— сказал он,— около моря можно всегда найти кушать.

Потом мы пошли к берегу и отворотили один камень. Из-под него выбежало множество мелких крабов. Они бросились врассыпную и проворно спрятались под другие камни. Мы стали ловить их руками и скоро собрали десятка два. Тут же мы нашли еще двух протомоллюсков и около сотни раковин береговичков. После этого мы выбрали место для бивака и развели большой огонь. Протомоллюсков и береговичков мы съели сырыми, а крабов сварили. Правда, это дало нам немного, но все же первые приступы голода были утолены.

Зная исполнительность своих людей, я никак не мог понять, почему они не доставили продовольствие на указанное

место. Завтра надо перейти через скалу Ван-Син-лаза и попытаться берегом дойти до корейцев на реке Найне.

Лихорадка моя прошла, но слабость еще осталась. Дерсу хотел завтра рано утром сбегать на охоту и потому лег спать пораньше. Я долго сидел у огня и грелся.

Ночь была ясная и холодная. Звезды ярко горели на небе; мерцание их отражалось в воде. Кругом было тихо и безлюдно; не было слышно даже всплесков прибоя. Красный полумесяц взошел поздно и задумчиво глядел на уснувшую землю. Высокие горы, беспредельный океан и глубокое темно-синее небо — все было так величественно, грандиозно. Шепот Дерсу вывел меня из задумчивости: он о чем-то бредил во сне.

Утомленный тяжелой дорогой, измученный лихорадкой, я лег рядом с ним и уснул.

Чуть брезжило. Сумрак ночи еще боролся с рассветом, но уже видно было, что он не в силах остановить занимавшейся зари. Неясным светом освещала она тихое море и пустынный берег.

Наш костер почти совсем угас. Я разбудил Дерсу, и мы оба принялись раздувать угли. В это время до слуха моего донеслись два каких-то отрывистых звука, похожие на вой.

— Это изюбр ревет,— сказал я своему приятелю.— Иди поскорей: быть может, ты убьешь его.

Дерсу стал собираться, но затем остановился, подумал немного и сказал:

— Нет, это не изюбр. Теперь его кричи не могу.

В это время звуки опять повторились, и мы ясно разобрали, что исходят они со стороны моря. Они показались мне знакомыми, но я никак не мог припомнить, где раньше слышал.

Я сидел у огня спиною к морю, а Дерсу против меня.

Вдруг он вскочил на ноги и, протянув руку, сказал:

— Смотри, капитан!

Я оглянулся и увидел миноносец «Грозный», выходящий из-за мыса.

Точно сговорившись, мы сделали в воздух два выстрела, затем бросились к огню и стали бросать в него водоросли. От костра поднялся белый дым. «Грозный» издал несколько пронзительных свистков и повернулся в нашу сторону. Нас заметили... Сразу точно гора свалилась с плеч. Мы оба повеселели.

Через несколько минут мы были на борту миноносца, где нас радушно встретил П. Г. Тигерстедт.

Оказалось, что он, возвращаясь с Шантарских островов, зашел на Амагу и здесь узнал от А. И. Мерзлякова, что я

ушел в горы и должен выйти к морю где-нибудь около реки Кулумбе. Староверы ему рассказали, что удэхеец Сале и двое стрелков должны были доставить к скале Ван-Син-лаза продовольствие, но по пути, во время бури, лодку их разбило о камни, и все то, что они везли с собой, утонуло. Они сейчас же вернулись обратно на Амагу, чтобы с новыми запасами продовольствия пойти вторично нам навстречу. Тогда П. Г. Тигерстедт решил идти на поиски. Ночью он дошел до Такемы и повернул обратно, а на рассвете подошел к реке Кулумбе, подавая сиреной сигналы, которые я и принял за рев изюбра.

П. Г. Тигерстедт взялся доставить меня к отряду. За обильным яствами столом и за стаканом чаю мы и не заметили, как дошли до Амагу.

Здесь А. И. Мерзляков, ссылаясь на ревматизм, стал просить позволения уехать в город Владивосток, на что я охотно согласился. Вместе с ним я отпустил также стрелков Дьякова и Фокина и велел им с запасами продовольствия и с теплой одеждой выйти навстречу мне по реке Бикину.

Через час «Грозный» стал сниматься с якоря.

Мое прощание с моряками носило более чем дружеский характер. Стоя на берегу, я увидел на мостике миноносца командира судна. Он посылал мне приветствия, махая фуражкой. Когда «Грозный» отошел настолько далеко, что нельзя уже было разобрать на нем людей, я вернулся в старообрядческую деревню.

Теперь в отряде осталось только семь человек: я, Дерсу, Чжан-Бао, Захаров, Аринин, Туртыгин и Сабитов. Последние не пожелали возвращаться во Владивосток и добровольно остались со мной до конца экспедиции. Это были самые преданные и самые лучшие люди в отряде.

Глава

15

Низовья реки Кусуна

Хребет Караминский.— Зыбучий песок.— Река Соен.— Мелкие горные ручьи.— Река Витухэ.— Последние перелетные птицы.— Летающие куры.— Туземцы на реке Кусуне. — Священное дерево.— Жилище шамана.— Морской старшина.— Расставание с Чжан-Бао.— Выступление

Следующие пять дней я отдыхал и готовился к походу на север вдоль берега моря.

Приближалась зима. Голые скелеты деревьев имели безжизненный вид. Красивая летняя листва их, теперь пожелтевшая и побуревшая, в виде мусора валялась на земле. Куда девались те красочно разнообразные тона, которыми ранней осенью так богата растительность в Уссурийском крае!

Кормить мулов становилось все труднее и труднее, и я решил оставить их до весны у староверов.

20 октября, утром, мы тронулись в путь. Старообрядец Нефед Черепанов вызвался проводить нас до реки Соена. На этом пути в море впадает несколько мелких речек, имеющих только туземные названия. Это будут: Мэяку, Найна, Калама, Гианкуни и Лоси.

Горный хребет, с которого они берут начало, называемый староверами Караминским, тянется параллельно берегу моря и является водоразделом между рекой Амагу и вышеперечисленными речками. Наивысшие точки Караминского хребта будут: Киганкуни, Лысуха, Водолей и Три Брата. Все они имеют сглаженные контуры и состоят из мелафиров, базальтов и их туфов.

Растительность на горах, как травяная, так и кустарниковая, пышная; зато древесная, как и везде по морскому побережью, очень бедна. Редколесье состоит главным образом из лиственницы, ольхи, дуба, черной и белой березы.

С реки Амагу мы выступили довольно поздно, поэтому не могли уйти далеко и заночевали на реке Соене.

Река эта (по-удэхейски Суа или Соага) состоит из двух речек — Гага и Огоми, длиною каждая в 7—8 километров, сливающихся в $1^1/_2$ километрах от моря. Речка Гага имеет три притока: справа Нунги с притоком Дагдасу и Дуни, а слева — один только ключ Ада, с перевалом на Кусун. Речка Огоми имеет два притока: Канходя и Цагдаму. Около устья Соен образует небольшую, но глубокую заводь, соединяющуюся с морем узкою протокою. Эта заводь и зыбучее болото рядом с ней — остатки бывшей ранее лагуны.

Когда мы подошли к реке, было уже около двух часов по-

полудни. Со стороны моря дул сильный ветер. Волны с шумом бились о берег и с пеной разбегались по песку. От реки в море тянулась отмель.

Я без опаски пошел по ней и вдруг почувствовал тяжесть в ногах. Хотел было я отступить назад, но, к ужасу своему, почувствовал, что не могу двинуться с места. Я медленно погружался в воду.

— Зыбучий песок! — закричал я не своим голосом и оперся ружьем в землю, но и его стало засасывать.

Стрелки не поняли, в чем дело, и в недоумении смотрели на мои движения. Но в это время подошли Дерсу и Чжан-Бао. Они бросились ко мне на помощь: Дерсу протянул сошки, а Чжан-Бао стал бросать мне под ноги плавник. Ухватившись рукой за валежину, я высвободил сначала одну ногу, потом другую и не без труда выбрался на твердую землю.

Зыбуны на берегу моря, по словам Черепанова и Чжан-Бао,— явление довольно обычное. Морской прибой взрыхляет песок и делает его опасным для пешеходов. Когда же волнение успокаивается, тогда по нему свободно может пройти не только человек, но и лошадь с полным вьюком. Делать нечего, пришлось остановиться и, в буквальном смысле, ждать у моря погоды.

На реке Гага, как раз против притока Ада, в пяти километрах от моря, есть теплый ключ. Окружающая его порода — диабаз. Здесь, собственно говоря, два ключа: горячий и холодный. Оба они имеют выходы на дне небольшого водоема, длина которого равна 2, ширина 5 и глубина 0,6 метра. Со дна с шипением выделяется сероводород. Температура воды равна +28,1°; на поверхности земли, около резервуара, было +12°. Температура воздуха +7,5° С.

Ночью море успокоилось. Черепанов сказал правду: утром песок уплотнился так, что на нем даже не оставалось следов ног.

Около реки Соена Караминский хребет отходит несколько в глубь материка, постепенно повышаясь на север, а около моря выступает цепь холмов, отмытых водою вдоль оси их простирания.

Из мысов, с которыми у туземцев связаны какие-либо сказания, можно отметить два: Омулен Гахани и Сугдэма Оногони. Здесь морским прибоем в береговых утесах выбило глубокие пещеры, порода обрушилась, и во многих местах образовались одиноко стоящие каменные столбы.

Километрах в десяти от реки Соена тропа оставляет берег и через небольшой перевал, состоящий из роговообманкового андезита, выходит к реке Витухэ — первый правый приток Кусуна. Она течет вдоль берега в направлении с юго-запада к северо-востоку и по пути принимает в себя один только безыменный ключик. Окрестные горы покрыты березняком, порослью дуба и сибирской пихтой.

Время стояло позднее, осеннее, но в воздухе было еще настолько тепло, что люди шли в одних фуфайках. По утрам бывали заморозки, но днем температура опять поднималась до + 4 и 5° С. Длинная и теплая осень является отличительной чертой Зауссурийского края.

Несмотря на столь позднее время, в лесу еще можно было видеть кое-где перелетных и неперелетных птиц. На полях, где паслись лошади староверов, в сухой траве копошились серые скворцы. Вид у них был веселый, игривый. Далее, в редколесье, я заметил большого пестрого дятла, птицу всюду распространенную и действительно пеструю. Тут же с места на место перелетали белобрюхие синицы. К ним присоединились и другие мелкие птицы, в числе которых я узнал белоголовую овсянку. По времени ей надлежало бы уже давно отлететь к югу, но, вероятно, в прибрежном районе, вследствие длинной осени и запаздывания весны, перелеты птиц также запаздывают. Попадались еще какие-то пестренькие птички с красными пятнами на голове, быть может чечетки. Столь раннее появление этой северной гостьи можно объяснить тем, что в горах Зауссурийского края после лесных пожаров выросло много березняков, где она и находит для себя обильный корм. Вероятно, реки Амагу и Кусун будут южной границей ее распространения в Зауссурийском крае. Эта розовая птичка держится в лесистых горных местах и ведет скрытный образ жизни. Потом я увидел двух азиатских канюков. Эти проворные хищники все время носились по воздуху и описывали большие круги. Завидев подходящих людей, они бросались нам навстречу и, испуская пронзительные крики, кружились над головами. На дереве, на берегу ручья, сидела обыкновенная сорока. Я узнал ее по чеката-

нию и черному с белым оперению. При приближении отряда она снялась с дерева и полетела неровным полетом, распустив свой длинный хвост.

За перевалом тропа идет по болотистой долине реки Витухэ. По пути она пересекает четыре сильно заболоченных распадка, поросших редкой лиственницей. На сухих местах царят дуб, липа и черная береза с подлесьем из таволги вперемежку с даурской калиной. Тропинка привела нас к краю высокого обрыва. Это была древняя речная терраса. Редколесье и кустарники исчезли, и перед нами развернулась широкая долина реки Кусуна. Вдали виднелись китайские фанзы.

140 Когда после долгого пути вдруг перед глазами появляются жилые постройки, люди, лошади и собаки начинают идти бодрее. Спустившись с террасы, мы прибавили шагу.

Собака моя бежала впереди и старательно осматривала кусты по сторонам дороги. Вскоре мы подошли к полям; хлеб был уже убран и сложен в зароды. Вдруг Альпа сделала стойку. «Неужели фазаны?» — подумал я и приготовил ружье. Я заметил, что Альпа была в сильном смущении: она часто оглядывалась и как будто спрашивала, продолжать работу или нет. Я подал знак: она осторожно двинулась вперед, усиленно нюхая воздух. По стойкам ее я видел, что тут были не фазаны, а кто-то другой. Вдруг с шумом поднялись сразу три птицы. Я стрелял и промахнулся. Полет птиц был какой-то тяжелый, они часто махали крыльями и перед спуском на землю неловко спланировали. Я следил за ними глазами и видел, что они спустились во дворе ближайшей к нам фанзы. Это оказались домашние куры. Так как туземцы их не кормят, то они вынуждены сами добывать себе корм на полях. Для этого им приходится уходить далеко от жилищ. Очевидно, способность летать развилась у них постепенно, вследствие постоянного упражнения. Будучи испуганы какими-либо животными, они должны были спасаться не только бегством, но и при помощи крыльев.

Куры и тропа привели нас к фанзе старика удэхейца Люрл. Семья его состояла из пяти мужчин и четырех женщин.

Удэхейцы на реке Кусуне сами огородничеством не занимаются, а нанимают для этого китайцев. Одеваются они наполовину по-китайски, наполовину по-своему, говорят по-китайски и только в том случае, если хотят посекретничать между собою, говорят на родном языке. Женские костюмы отличаются пестротой вышивок, а на груди, подоле и рукавах украшаются еще светлыми пуговицами, мелкими рако-

винами, бубенчиками и разными медными побрякушками, отчего всякое движение обладательниц их сопровождается шелестящим звоном.

Мне очень хотелось поближе познакомиться с кусунскими удэхейцами. Поэтому я, несмотря на усиленные приглашения китайцев, остановился у туземцев. Мне скоро удалось заручиться их доверием; они охотно отвечали на мои вопросы и всячески старались услужить. Особенно же они ухаживали за Дерсу.

Лет сорок тому назад удэхейцев в прибрежном районе было так много, что, как выражался сам Люрл, лебеди, пока летели от реки Самарги до залива Ольги, от дыма, который поднимался от их юрт, из белых становились черными. Больше всего удэхейцев жило на реках Тадушу и Тетюхе. На Кусуне было 22 юрты, на Амагу — только 3 и на Такеме — 18. Тогда граница обитания их спускалась до реки Судзухе и к западу от нее.

Как и везде, кусунские удэхейцы находились в неоплатных долгах у китайцев. Первобытная честность их теперь стала падать. Они не говорили, сколько поймали соболей: худших отдавали кредиторам, а лучших оставляли у себя и потом торговали ими тихонько где-нибудь на стороне. Такой обман являлся единственным средством борьбы с китайцами, немилосердно их эксплуатировавшими. Затем они старались набрать в кредит как можно больше, в расчете, что кредитор, опасаясь совсем потерять долг, согласится на уступки и сделает скидку. Иногда это им удавалось, но иногда китайцы выходили из терпения и жестоко расправлялись со своими должниками.

Следующий день я посвятил осмотру окрестностей.

Река Кусун (по-китайски Кусун-гоу и по-удэхейски Куи или Куги) впадает в море немного севернее мыса Максимова. Между устьем Витухэ и устьем Кусуна образовалась длинная заводь, отделенная от моря валом из гальки и песка шириною в 80 метров. Обыкновенно в этой заводи отстаиваются китайские лодки, застигнутые непогодой в море. Раньше здесь также скрывались хищнические японские рыбалки. Несомненно, нижняя часть долины Кусуна раньше была тоже лагуной, как и в других местах побережья, о чем уже неоднократно говорилось.

Река Кусун придерживается левой стороны долины. Она идет одним руслом, образуя по сторонам много сухих рукавов, играющих роль водоотводных каналов, отчего долина Кусуна в дождливое время года не затопляется водой. По показаниям удэхейцев, за последние тридцать лет здесь не было ни одного наводнения.

Левый, возвышенный, террасообразный берег реки имеет высоту около 30 метров и состоит из белой глины, в массе которой можно усмотреть блестки колчедана. Где-то в горах удэхейцы добывают довольно крупные куски обсидиана. Растительность в низовьях Кусуна довольно невзрачная и однообразная. Около реки, на островах и по сухим протокам — густые заросли тальников, имеющих вид высоких пирамидальных тополей, с ветвями, подымающимися кверху чуть ли не от самого корня. Среди них попадается осина, немало ольхи.

Все удобные земли располагаются с правой стороны реки, где почва весьма плодородная и состоит из ила и чернозема с прослойками гальки и песка, вследствие чего травы развиваются весьма пышно, в особенности тростники, достигающие 2,5—3 метров высоты. В сообществе с ними, а иногда отдельно, цельными площадями растет обыкновенная полынь, а около реки, на галечниковых и песчаных наносах,— другая полынь, с ветвистым высоким стеблем и с густой, пышной метелкой. Тут было много и еще каких-то злаков и цветковых растений, но все они настолько завяли, что определить их по внешнему виду даже приблизительно было нельзя. Дальнейший сбор гербарного материала не имел смысла.

Кусунские тазы-удэхейцы находились в переходном состоянии от охотничьего образа жизни к земледельческому. Вследствие отдаленности влияние китайцев сказалось на них неглубоко. Поэтому здесь мне удалось увидеть много того, чего нет на юге Уссурийского края. Так, например, в одном месте, около глубокого пруда, стояло фигурное дерево «Тхун». Оно все было покрыто резьбою, а на главных ветвях его были укреплены идолы, изображающие людей, птиц и животных. Это место запретное: здесь обитает злой дух Огзо. История дерева такова. Несколько лет тому назад около пруда поселилась семья удэхейцев, состоящая из трех мужчин, трех женщин и семерых детей. Однажды ночью один из братьев, выйдя из фанзы, услышал всплески воды в пруде и чье-то сопение. Подойдя поближе, он увидел какое-то большое животное, похожее на сивуча. Пруд не сообщался ни с рекой, ни с морем. В страхе удэхеец убежал домой. Тогда все решили, что это был черт.

Спустя немного времени один за другим начали умирать дети. Позвали шамана. В конце второго дня камлания он указал место, где надо поставить фигурное дерево, но и это не помогло. Смерть уносила одного человека за другим. Очевидно, черт поселился в самом жилище. Оставалось послед-

нее средство — уступить ему фанзу. Так и сделали. Забрав все имущество, они перекочевали на реку Уленгоу.

В одном километре от фигурного дерева находилось жилище шамана. Я сразу узнал его по обстановке. Около тропы четыре кола с грубыми изображениями человеческих лиц. Это «цзайгда», охраняющие дорогу. Они имеют на головах ножи, которыми и поражают черта. На деревьях красовались медвежьи черепа и деревянные бурханы. Тут же стояли древесные пни, вкопанные в землю острыми концами и корнями кверху. На них тоже были сделаны грубые изображения человеческих лиц. Против самого входа в жилище стоял большой деревянный идол Мангани-Севохи с мечом и копьем в руках, а рядом с ним — две оголенные от сучьев лиственницы с корою, снятою кольцами.

Внутреннее устройство фанзы ничем не отличалось от фанз прочих туземцев. На стене висел бубен с колотушкой, пояс с погремушками, шаманская юбка с рисунками и деревянная маска, отороченная мехом медведя. Шаман надевает ее во время камлания для того, чтобы страшным видом запугать черта.

От старика Люрл я узнал, что в прибрежном районе Кусун будет самой южной рекой, по которой можно перевалить на Бикин, а самой северной — река Един (мыс Гладкий). По этой последней можно выйти и на Бикин и на Хор, смотря по тому, по которому из двух верхних притоков идти к перевалу. Он также сообщил мне, что в прибрежном районе Зауссурийского края осень всегда длинная и рекостав наступает на месяц, а иногда и на полтора месяца позже, чем к западу от водораздела. Поэтому я решил идти по берегу моря до тех пор, пока не станут реки, и только тогда направиться к Сихотэ-Алиню.

На заводях Кусуна мы застали старого лодочника, маньчжура Хей-ба-тоу, что в переводе значит морской старшина. Это был опытный мореход, плавающий вдоль берегов Уссурийского края с малых лет. Отец его занимался морскими промыслами и с детства приучил сына к морю. Раньше он плавал у берегов Южно-Уссурийского края, но последние годы, под давлением русских, перекочевал на север.

Хей-ба-тоу хотел еще один раз сходить на реку Самаргу и вернуться обратно. Чжан-Бао уговорил его сопровождать нас вдоль берега моря. Решено было, что завтра удэхейцы доставят наши вещи к устью Кусуна и с вечера перегрузят их в лодку Хей-ба-тоу.

Когда мы вернулись назад, были уже глубокие сумерки. В фанзах засветились огоньки. В наш дом собрались почти все китайцы и удэхейцы. Было людно и тесно. Дерсу сооб-

щил мне, что «все люди» собрались чествовать экспедицию за то, что мы отнеслись к ним дружелюбно. Китайцы принесли водку, свинину, муку, овощи и устроили ужин.

Я не дождался конца пирушки и рано лег спать. Ночью сквозь щели в дверях я видел свет и слышал людские голоса, но пьянства, ссор и ругани не было. Китайцы мирно разговаривали и рассуждали о грядущих событиях.

Утром на другой день я поднялся рано и тотчас же стал собираться в дорогу. Я по опыту знал, что если удэхейцев не торопить, то они долго не соберутся. Так и случилось. Удэхейцы сперва починяли обувь, потом исправляли лодки, и выступить нам удалось только около полудня.

На Кусуне нам пришлось расстаться с Чжан-Бао. Обстоятельства требовали его возвращения на реку Санхобе. Он не хотел взять с меня денег и обещал помочь, если на будущий год я снова приду в прибрежный район. Мы пожали друг другу руки и расстались друзьями.

Переправившись через Кусун, мы поднялись на террасу и пошли к морю. Эта часть побережья до самой реки Тахобе состоит из туфов и базальтовой лавы. Первые, под влиянием пресной воды и лучей солнца, приняли весьма красивую пеструю окраску.

Утром был довольно сильный мороз (—10° С), но с восходом солнца температура стала повышаться и к часу дня достигла +3° С. Осень на берегу моря именно тем и отличается, что днем настолько тепло, что смело можно идти в одних рубашках, к вечеру приходится надевать фуфайки, а ночью — завертываться в меховые одеяла. Поэтому я распорядился всю теплую одежду отправить морем на лодке, а с собой мы несли только запас продовольствия и оружие. Хейба-тоу с лодкой должен был прийти к устью реки Тахобе и там нас ожидать.

От реки Кусуна до реки Тахобе семь километров. На этом протяжении в море впадает несколько горных ручьев, которые удэхейцы называют: Догум, Тохонкси, Сюнды, Ампо и Диенсу.

Глава

16

Солоны

Река Тахобе.— Обиженная белка.— Обиталище черта.— Гроза со снегом.— Агды.— Лакомство солона.— Снежный перевал.— Стойкость туземца к холоду.— Река Кумуху.— Лоси.— Возвращение к морю

Устье реки Тахобе находится между мысами Максимова и Олимпиады. Раньше оно было у левого края долины, но потом переместилось, вследствие чего образовался слепой рукав, впоследствии превратившийся в болото.

В низовьях долина Тахобе покрыта редколесьем из вяза, липы, дуба и черной березы. Места открытые, чистые и годные для поселений находятся немного выше, в двух километрах от моря.

Тут мы нашли маленькую фанзочку. Обитателей ее я принял сначала за удэхейцев и только вечером узнал, что это были солоны.

Наши новые знакомые по внешнему своему виду мало чем отличались от уссурийских туземцев. Они показались мне как будто немного ниже ростом и шире в костях. Кроме того, они более подвижны и более экспансивны. Говорили они по-китайски и затем на каком-то наречии, составляющем смесь солонского языка с гольдским. Одежда их тоже ничем не отличалась от удэхейской, разве только меньше было пестроты и орнаментов.

Вся семья солонов состояла из десяти человек: старика отца, двух взрослых сыновей с женами и пятерых малых детей.

Как попали они сюда из Маньчжурии? Из расспросов выяснилось следующее. Раньше они жили на реке Сунгари, откуда ради охоты переселились на реку Нор, впадающую в Уссури. Когда там появились многочисленные шайки хунхузов, китайское правительство выслало против них свои

войска. Семья солонов попала в положение между двух огней; с одной стороны на них нападали хунхузы, а с другой — правительственные войска, которые избивали всех без разбору. Тогда солоны бежали на Бикин, затем перекочевали через Сихотэ-Алинь и остались на берегу моря.

Следующие четыре дня были посвящены осмотру рек Тахобе и Кумуху. Сопровождать нас вызвался младший из солонов, Да-парл. Это был молодой человек крепкого телосложения, без усов и бороды. Он держал себя гордо и свысока посматривал на стрелков. Я невольно обратил внимание на легкость его походки, ловкость и изящество движений.

Дня через два мы выступили в поход.

Река Тахобе — длиною около 68 километров и имеет течение с запада на восток, с небольшим склонением к югу. По обе стороны ее на ширину до 200 метров тянутся полосы гальки, заваленной корчами и буреломом.

24-го числа мы дошли до реки Бали, а 25-го стали подходить к водоразделу. Годы утратили свои резкие очертания. Места их заняли невысокие сопки с пологими склонами.

В 1907 году в прибрежном районе был урожай кедровых орехов, но к западу от Сихотэ-Алиня их не было вовсе. Зато желудей много уродилось в бассейне Уссури, и, наоборот, в Зауссурийском крае дуб был пустоцветным.

Мы шли по левому берегу реки. Я, Дерсу и Да-парл впереди, а Захаров и Аринин шагах в пятнадцати сзади. Вдруг впереди, на валежнике, показалась белка. Она сидела на задних лапках и, заложив хвостик на спинку, грызла кедровую шишку. При нашем приближении белка схватила свою добычу и бросилась на дерево. Оттуда, сверху, она с любопытством посматривала на людей. Солон тихонько подкрался к кедру, крикнул и изо всей силы ударил по стволу палкой. Белка испугалась, выронила свою добычу и забралась еще выше. Этого только и надо было солону. Он поднял шишку и, нимало не обращая внимания на обиженного зверька, пошел дальше. Белка прыгала с ветки на ветку и фырканьем выражала неудовольствие за грабеж среди бела дня. Мы от души смеялись. Дерсу способа этого не знал и в будущем для добычи орехов решил тоже применять солонские приемы.

— Тебе сердись не надо,— сказал он, обращаясь с утешениями к белке.— Наша внизу ходи, как орехи найди? Тебе туда смотри, там много орехов есть.— Он указал рукой на большой кедр; белка словно поняла его и направилась в ту сторону.

Кстати, два слова о маньчжурской белке. Этот представитель грызунов имеет удлиненное тело и длинный пушистый

хвост. Небольшая красивая головка его украшена большими черными глазами и небольшими закругленными ушами, оканчивающимися пучком длинных черных волос, расположенных веерообразно. Общая окраска белки пепельно-серая, хвост и голова черные, брюшко белое. Изредка встречаются отдельные экземпляры с желтыми подпалинами.

Белка — животное то оседлое, то кочевое, смотря по тому, изобилует ли избранный ею для поселения район пищею. Она заблаговременно усматривает, в чем будет недород и в чем избыток, и заранее перекочевывает то в дубняк, то в кедровники или лиственные леса с подлесьем из орешника. Весь день она пребывает в движении и даже в ненастную погоду выходит из своего гнезда пробежаться по дереву. Она, можно сказать, положительно не выносит покоя и только в темноте лежит на боку, свернувшись и закинув хвост на голову. Чуть свет — белка уже на ногах. Кажется, движение ей так же необходимо, как вода, пища и воздух.

Лет двадцать тому назад беличья шкурка стоила 20 копеек. По мере спроса на ее мех цена на него возрастала и ныне доходит до 3 рублей за штуку.

Главными врагами белки являются куница, соболь и человек.

Весь день в воздухе стояла мгла; небо затянуто паутиной слоисто-перистых облаков; вокруг солнца появились «венцы»; они суживались все более и более и, наконец, слились в одно матовое пятно. В лесу было тихо, а по вершинам деревьев уже разгуливал ветер.

Это, видимо, беспокоило Дерсу и солона. Они что-то говорили друг другу и часто поглядывали на небо.

— Плохо,— сказал я,— ветер начинает дуть с юга.

— Нет, протянул Дерсу.— Его так ходи.— И он указал на северо-восток.

Мне показалось, что он ошибся, и я начал было возражать.

— Посмотри на птицу! — воскликнул Дерсу.— Видишь, она на ветер смотрит.

Действительно, на одной из елей сидела ворона головой к северо-востоку. Это было самое выгодное для нее положение, при котором ветер скользил по перу. Наоборот, если бы она села боком или задом к ветру, то холодный воздух проникал бы под перо и она стала бы зябнуть.

К вечеру небо покрылось тучами, излучение тепла от земли уменьшилось, и температура воздуха повысилась с +2 до +10° С. Это был тоже неблагоприятный признак. На всякий случай мы прочно поставили палатки и натаскали побольше дров.

Но опасения наши оказались напрасными: ночь прошла благополучно.

Утром, когда я проснулся, то прежде всего взглянул на небо. Тучи на нем лежали параллельными полосами в направлении с севера к югу.

Мешкать нельзя было. Мы проворно собрали свои котомки и пошли вверх по реке Тахобе. Я рассчитывал в этот день добраться до Сихотэ-Алиня, но вследствие непогоды этого нам сделать не удалось.

Около полудня в воздухе вновь появлялась густая мгла. Горы сделались темно-синими и угрюмыми. Часа в четыре хлынул дождь, а вслед за ним пошел снег, мокрый и густой. Тропинка сразу забелела; теперь ее можно было далеко проследить среди зарослей и бурелома. Ветер сделался резким и порывистым.

Надо было остановиться на бивак. Недалеко от реки, с правой стороны, высилась одинокая скала, похожая на развалины замка с башнями по углам. У подножия ее рос мелкий березняк. Место это мне показалось удобным, и я подал знак к остановке.

Стрелки принялись таскать дрова, а солон пошел в лес за сошками для палатки. Через минуту, я увидел его бегущим назад. Отойдя от скалы шагов сто, он остановился и посмотрел наверх, потом отбежал еще немного и, возвратившись на бивак, что-то тревожно стал рассказывать Дерсу. Гольд тоже посмотрел на скалу, плюнул и бросил топор на землю.

После этого оба они пришли ко мне и стали просить, чтобы я переменил место бивака. На вопрос, какая тому причина, солон сказал, что, когда под утесом он стал рубить дерево, сверху в него черт два раза бросил камнями. Дерсу и солон так убедительно просили меня уйти отсюда и на лицах у них написано было столько тревоги, что я уступил им и приказал перенести палатки вниз по реке метров на четыреста. Тут мы нашли место еще более удобное, чем первое.

Дружно все принялись за работу: натаскали дров и развели большие костры. Дерсу и солон долго трудились над устройством какой-то изгороди. Они рубили деревья, втыкали в землю и подпирали сошками. На изгородь они не пожалели даже своих одеял.

На задаваемые вопросы Дерсу объяснил мне, что изгородь эту они сделали для того, чтобы черт со скал не мог видеть, что делается на биваке. Мне стало смешно, но я не высказывал этого, чтобы не обидеть старого приятеля. Мои стрелки расположились рядом и мало думали о том, смотрит на них черт с сопки или нет. Они больше интересовались ужином.

Вечером непогода ухудшилась. Люди забились в палатки и согревались горячим чаем. Часов в 11 вечера вдруг густо повалил снег и вслед за тем что-то сверкнуло на небе.

— Молния! — воскликнули стрелки в один голос.

Не успел я им ответить, как послышался резкий удар грома.

Эта гроза со снегом продолжалась до двух часов ночи. Молнии сверкали часто и имели красный оттенок. Раскаты грома были могучие и широкие; чувствовалось, как от них содрогались земля и воздух.

Явление грозы со снегом было так ново и необычно, что все с любопытством посматривали на небо, но небо было темное, и только при вспышках молнии можно было рассмотреть тяжелые тучи, двигавшиеся в юго-западном направлении.

Один удар грома был особенно оглушителен. Молния ударила как раз в той стороне, где находилась скалистая сопка. К удару грома примешался еще какой-то сильный шум; произошел обвал. Надо было видеть, в какое волнение пришел солон! Он решил, что черт сердится и ломает сопку.

Он развел еще один огонь и спрятался за изгородь. Я взглянул на Дерсу. Он был смущен, удивлен и даже испуган: черт на скале, бросавший камнями, гроза со снегом и обвал в горах— все это перемешалось у него в голове и, казалось, имело связь друг с другом.

— Эндули [1] черта гоняй! — сказал он довольным голосом и затем что-то неожиданно стал говорить солону.

Между тем гроза стала удаляться, но молнии еще долго вспыхивали на небе, отражаясь широким пламенем на горизонте, и тогда особенно отчетливо можно было рассмотреть контуры отдаленных гор и тяжелые дождевые тучи, сыпавшие дождем вперемежку со снегом.

Издали долго еще доносились глухие раскаты грома, от которых вздрагивали земля и воздух.

Напившись чаю, стрелки легли спать, а я долго еще сидел с Дерсу у огня и расспрашивал о чертях и о грозе со снегом. Он мне охотно отвечал.

— Гром — это Агды. Когда черт долго держится в одном месте, то бог Эндули посылает грозу, и Агды гонит черта. Значит, там, где разразилась гроза, был черт. После ухода черта (то есть после грозы) кругом воцаряется спокойствие: животные, птицы, рыбы, травы и насекомые тоже понимают, что черт ушел, и становятся жизнерадостными, веселыми...

---

[1] Бог неба.

О грозе со снегом он сказал, что раньше гром и молния были только летом, зимние же грозы принесли с собой русские. Эта гроза была третья, которую он помнил за всю свою жизнь.

За разговором незаметно прошло время.

Начинался рассвет... Из темноты стали выступать сопки, покрытые лесом, Чертова скала и кусты, склонившиеся над рекою. Все предвещало пасмурную погоду... Но вдруг неожиданно на востоке, позади гор, появилась багровая заря, окрасившая в пурпур хмурое небо. В этом золотисто-розовом сиянии отчетливо стал виден каждый куст и каждый сучок на дереве. Я смотрел, как очарованный, на светлую игру лучей восходящего солнца.

— Ну, старина, пора и нам соснуть часок,— обратился я к своему спутнику, но Дерсу уже спал, прислонившись к валежине, лежавшей на земле около костра.

На другой день мы все проспали и встали очень поздно.

По небу все еще ползли тучи, но они не имели уже такого страшного вида, как ночью.

Закусив немного и напившись чаю, мы прошли опять вверх по реке Тахобе, которая должна была привести нас к Сихотэ-Алиню. От места нашего бивака до главного хребта был еще один переход. По словам солона, перевал этот невысок.

По ту сторону его будет река Мыхе (приток Бикина); она течет вдоль Сихотэ-Алиня.

Я не пошел туда, а повернул вправо по ключику Ада, чтобы выйти в один из верхних притоков соседней реки Кумуху, намереваясь по ней спуститься к морю. В сумерки мы немного не дошли до водораздела и стали биваком в густом лесу.

Вечером солон убил белку. Он снял с нее шкуру, затем насадил ее на вертел и стал жарить, для чего палочку воткнул в землю около огня. Потом он взял беличий желудок и положил его на угли. Когда он зарумянился, солон с аппетитом стал есть его содержимое. Стрелки начали плеваться, но это мало смущало солона. Он сказал, что белка — животное чистое, что она ест только орехи да грибки, и предлагал отведать этого лакомого блюда. Все отказались...

В это время Аринин стал поправлять огонь и задел белку. Она упала. Стрелок поставил ее на прежнее место, но не так, как раньше, а головой книзу. Солон засуетился и быстро повернул ее головой кверху. При этом он сказал, что жарить белку можно только таким образом, иначе она обидится, и охотнику не будет удачи, а рыбу, наоборот, надо ставить к огню всегда головой вниз, а хвостом кверху.

28-го числа день был такой же пасмурный, как и накануне. Ручьи еще шумели в горах, но и они уже начали испытывать на себе заморозки. По воде всюду плыла шуга, появились забереги, кое-где стал образовываться донный лед.

Сразу от бивака начался подъем. Чем выше мы взбирались в гору, тем больше было снега. На самом перевале он был глубиной по колено. Темно-зеленый хвойный лес оделся в белый убор и от этого имел праздничный вид. Отяжелевшие от снега ветви елей пригнулись книзу и в таком напряжении находились до тех пор, пока случайно упавшая сверху веточка или еловая шишка не стряхивала пышные белые комья, обдавая проходящих мимо людей холодной снежной пылью.

Являлось полное впечатление зимы. В лесу царила удивительная тишина.

По барометрическим измерениям, высота перевала над уровнем моря оказалась равной 880 метрам.

Солон торопил. Он говорил, что скоро должен подуть северо-западный ветер и будет беда, если здесь нас застанет непогода.

Пурга в горах — обычное явление, если вслед за свежевыпавшим снегом подымается ветер. Признаки этого ветра уже налицо: тучи быстро бежали к востоку; они стали тоньше, прозрачнее, и уже можно было указать место, где находится солнце.

Я послушался совета солона и пошел скорее.

Спуск с перевала к реке Кумуху был такой же крутой, как и подъем со стороны Тахобе.

Лес, покрывающий северный склон водораздела между бассейнами обеих упомянутых рек, хвойно-смешанный, угрюмый, заваленный колодником.

Предсказания солона сбылись. Когда мы были внизу, в горах послышался шум, который постепенно усиливался и спускался в долину. Я оглянулся назад: снежные сопки курились — начиналась пурга.

Маленький ключик привел нас к каменистой, заваленной колодником речке Цаони, впадающей в Кумуху с правой стороны. После полуденного привала мы выбрались из бурелома и к вечеру достигли реки Кумуху, которая здесь шириной немного превосходит Цаони и мало отличается от нее по характеру. Ширина ее в верховьях не более четырех-пяти метров. Если отсюда идти по ней вверх, к Сихотэ-Алиню, то перевал опять будет на реке Мыхе, но уже в самых ее истоках. От устья реки Цаони до Сихотэ-Алиня считают один день пути.

Бивак мы устроили, как всегда, на берегу реки.

К вечеру небо очистилось от туч, и ночь обещала быть холодной. Я понадеялся на одеяло и лег в стороне от огня, уступив свое место солону, у которого одежонка была очень плохая. Часа в три утра я проснулся оттого, что озяб. Как ни старался я укрыться плотнее, ничего не помогало: холодный воздух находил себе лазейку и сквозил то в плечо, то в ноги. Пришлось встать.

Кругом было темно; огонь наш погас. Я собрал тлеющие головешки и стал их раздувать. Через минуту вспыхнуло пламя, и кругом все стало видно: Захаров и Аринин лежали под защитой палатки, а Дерсу спал сидя, одетый.

Собирая дрова, я увидел совсем в стороне, далеко от костра, спавшего солона. Ни одеяла, ни теплой одежды у него не было. Он лежал на ельнике, покрывшись только одним своим матерчатым кафтаном. Опасаясь, как бы он не простудился, я стал трясти его за плечо, но солон спал так крепко, что я насилу его добудился. Да-парл поднялся, почесал голову, зевнул, затем лег опять на прежнее место и громко захрапел.

Удэхейцы с удивительной стойкостью переносят холод. К этому они привыкают с детства, с того момента, как первый раз вдохнут в себя воздух.

Я погрелся немного у огня, затем залез к стрелкам в палатку и тогда хорошо заснул.

На другое утро мы все поднялись очень рано. Взятые с собою запасы продовольствия подходили к концу, и потому надо было торопиться. Наш утренний завтрак состоял из жареной белки, остатков лепешки, испеченной в золе, и кружки горячего чаю.

Когда мы выступили в путь, солнышко только что всходило. Светлое и лучезарное, оно поднялось из-за леса и яркими лучами осветило вершины гор, покрытые снегом.

Река Кумуху (по-удэхейски Кумму), названная русскими рекой Кузнецова, берет начало с хребта Сихотэ-Алинь, течет в широтном направлении, только в нижней своей части склоняется к югу и в море впадает около мыса Олимпиады (46° 12,5′ с. ш. и 138° 20,0′ в. д. от Гринвича). По пути Кумуху принимает в себя следующие притоки: с левой стороны — реки Яаса 1-я, Яаса 2-я, Усмага, Тапку, Ного, Тагды, Хандями, Дыонго, а с правой,— кроме Цыгони, по которой мы пришли, еще Лиго, Цаолосо, Бутыче и Амукта. Из них самая быстрая Лиго, а самая спокойная Тагды. С последней будет перевал на реку Сваин, впадающую в море севернее реки Кузнецова.

Удэхейцы в лодках подымаются до реки Тагды; дальше движение вверх по Кумухе возможно только по льду реки

на нартах. В средней части ее, в особенности с левой стороны, между реками Тагды и Яаса, видны следы давнишних пожарищ. Как и везде, наиболее выгорели леса по хребтам и сохранились только в долинах.

Река Кумуху интересна еще в том отношении, что здесь происходят как раз стыки двух флор — маньчжурской и охотской. Проводниками первой служат долины, второй — горные хребты. Создается впечатление, будто одна флора клином входит в другую. Теперь, когда листва опала, сверху, с гор, было хорошо видно, где кончаются лиственные леса и начинаются хвойные. Долины кажутся серыми, а хребты темно-зелеными.

Здесь среди кустарниковой растительности еще можно видеть кое-каких представителей маньчжурской флоры, например: 1) лещину, у которой обертка орехов вытянута в длинную трубку и густо усажена колючими волосками; 2) красноветвистый шиповник, с сильно удлиненными плодиками, сохраняющимися на ветках его чуть ли не всю зиму; 3) калину, дающую в изобилии сочные светло-красные плоды; 4) из касатиковых — вьющуюся диоскорею, мужские и женские экземпляры которой разнятся между собою; 5) актинидию, образующую густые заросли по подлесью, и 6) лимонник, с гроздьями красных ягод, от которых во рту остается легкий ожог, как от перца.

В среднем течении Кумуху имеет метров 20 ширины и около одного метра глубины по фарватеру. Средняя быстрота течения равна 8 километрам в час в малую воду. По словам туземцев, недалеко от моря есть выходы углей на дневную поверхность.

Как мы ни старались, но в этот день нам удалось дойти только до реки Тагды. До моря осталось еще километров двадцать.

Когда намеченный маршрут близится к концу, то всегда торопишься: хочется скорее закончить путь. В сущности, дойдя до моря, мы ничего не выигрывали. От устья Кумуху мы опять пойдем по какой-нибудь реке в горы; так же будем устраивать биваки, ставить палатки и таскать дрова на ночь; но все же в конце намеченного маршрута всегда есть что-то особенно привлекательное. Поэтому все рано легли спать, чтобы пораньше встать.

На другой день, чуть только заалел восток, все поднялись, как по команде, и стали собираться в дорогу. Я взял полотенце и пошел к реке мыться.

Природа находилась еще в том состоянии покоя, когда все дремлет и наслаждается предрассветным отдыхом. От реки подымались холодные испарения; на землю пала обильная

роса... Но вот слабый утренний ветерок пробежал по лесу. Туман тотчас пришел в движение, и показался противоположный берег. На биваке стало тихо — люди начали подкреплять себя пищей. Вдруг до слуха моего донеслось бренчание гальки: кто-то шел по камням. Я оглянулся и увидел две тени: одну высокую, другую пониже. Это были лоси — самка и годовалый телок. Они подошли к реке и начали жадно пить воду. Самка мотнула головой и стала зубами чесать свой бок. Я любовался животными и боялся, чтобы их не заметили стрелки. Вдруг самка почуяла опасность и, насторожив свои большие уши, внимательно стала смотреть в нашу сторону. Вода капала у нее с губ, и от этого расходи-

лись круги по спокойной поверхности реки. Лосиха встрепенулась, издала хриплый крик и бросилась к лесу. В это мгновение потянул ветерок, и снова противоположный берег утонул в тумане. Захаров стрелял и промахнулся, чему в душе я порадовался.

Наконец взошло солнце. Клубы тумана приняли оранжевые оттенки. Сквозь них стали вырисовываться кусты, деревья, горы...

Через полчаса мы шли по тропинке и весело болтали между собою.

На поляне, ближайшей к морю, поселился старовер Долганов, занимающийся эксплуатацией туземцев, живущих на соседних с ним реках. Мне не хотелось останавливаться у человека, который устраивал свое благополучие за счет бедняков, поэтому мы прошли прямо к морю и около устья реки нашли Хей-ба-тоу с лодкой. Он прибыл на Кумуху в тот же день, как вышел из Кусуна, и ждал нас здесь около недели.

Вечером стрелки разложили большие костры. У них было веселое настроение, точно они возвратились домой. Люди так привыкли к походной жизни, что совершенно не замечали ее тяготы.

Одни сутки мы простояли на месте. Нужно было отдохнуть, собраться с силами и привести в порядок свои вещи. Наконец, наступило 1 ноября — первый день зимнего месяца. Утром был мороз до 10° С при сильном ветре.

В каком бы направлении ветер ни дул — с материка в море или, наоборот, с моря на материк,— движение его всегда происходит по долинам. В тех случаях, если последние имеют северо-западное направление, ветер дует с такой силой, что опрокидывает на землю деревья и снимает с домов крыши. Обыкновенно с восходом солнца ветер стихает, а часа в четыре дня начинает дуть снова.

От реки Тахобе до Кумуху есть пешеходная тропа. Она проложена горами и проходит недалеко от моря. Расстояние это измеряется в 16 километров. В топографическом и геологическом отношении вся местность между двумя упомянутыми реками представляет обширный лавовый покров. Теперь это невысокие холмы, изрезанные большими оврагами. Когда-то тут был хороший лес. Ныне от него остались только пни и редкие сухостои. По оврагам, о которых я упомянул, в море текут ручьи: Цалла, Анкуга, Лолобинга, Тахалун, Калама и Кумолун.

Глава
17
Сердце Зауссурийского края

Мелкие речки на берегу моря.— Сухая мгла и звукопроницаемость воздуха.— Обоняние охотника.— Беспокойство и сомнения.— Перевал на реку Нахтоху.— Следы человека.— Удэхеец Янсели.— Притоки реки.— Удэхеец Монгули.— Китаец, укравший соболя.— Туземное население.— Кладбище.— Тревожная весть.— Исчезновение Хей-ба-тоу.— Безвыходное положение

На реке Кузнецова мы распрощались с солоном. Он возвратился к себе на реку Тахобе, а мы пошли дальше на север, Хей-ба-тоу было приказано следовать вдоль берега моря и дожидаться нас в устье реки Холонку.

От выпавшего снега не осталось и следа, несмотря на то, что температура все время стояла довольно низкая. На земле нигде не видно было следов оттепели, а между тем снег куда-то исчез. Это происходит от чрезвычайной сухости зимних северо-западных ветров, которые поглощают всю влагу и делают климат Зауссурийского края в это время года похожим на континентальный.

Здешняя растительность такая же чахлая, как и везде на побережье моря. Заметным становится преобладание хвойных пород; на сцену все больше и больше выступает лиственница, а дубняки отходят на задний план.

Тропа, которая до сего времени вела нас вдоль берега моря, кончилась около реки Кумуху. От мыса Олимпиады до реки Самарги, на протяжении 150 по прямой линии и 230 километров в действительности, берег горист и совершенно пустынен. Наподобие густой корковой щетки, хвойный замшистый лес одевает все горы и доходит вплотную до берега моря. Эта часть пути считается очень трудной. Сюда избегают заходить даже удэхейцы. Расстояние, которое по морю

на лодке можно проехать в полдня, пешком по берегу едва ли удастся пройти и в четверо суток.

За день мы прошли немного и стали биваком около реки Бабкова. Здесь можно видеть хорошо выраженные береговые террасы. Они высотою около 12 метров. Река в них промыла узкое ложе, похожее на каньон. По широкому заболоченному плато кое-где растут в одиночку белая береза, лиственница и поросль дуба.

Лодка Хей-ба-тоу могла останавливаться только в устьях таких рек, которые не имели бара и где была хоть небольшая заводь. Река Бабкова достоинствами этими не отличалась, и потому Хей-ба-тоу прошел ее мимо, с намерением остановиться около мыса Сосунова.

С утра погода была удивительно тихая. Весь день в воздухе стояла сухая мгла, которая после полудня начала быстро сгущаться. Солнце из белого стало желтым, потом оранжевым и, наконец, красным; в таком виде оно и скрылось за горизонтом. Я заметил, что сумерки были короткие: както скоро спустилась ночная тьма. Море совершенно успокоилось, нигде не было слышно ни единого всплеска. Казалось, будто оно погрузилось в сон. Часов в 10 вечера взошла луна. Она была очень больших размеров, имела странный вид и даже в полночь не утратила того красного цвета, который свойствен ей во время низкого стояния над горизонтом. Утесы на берегу моря, лес в горах и одиноко стоящие кусты и деревья казались как бы другими — не такими, как всегда. В полночь мгла сгустилась до того, что ее можно было видеть в непосредственной от себя близости, и это не был дым, потому что гарью не пахло. Вместе с тем воздух приобрел удивительную звукопроницаемость: обыкновенный голос на дальнем расстоянии слышался как громкий и крикливый; шорох мыши в траве казался таким шумом, что невольно заставлял вздрагивать и оборачиваться. Казалось, будто мы перенеслись в другой мир, освещенный не луною, а каким-то неведомым тусклым светилом. Вслед за тем воздух наполнился какими-то звуками, похожими на раскаты грома, глухие взрывы или отдаленную пушечную пальбу залпами. Звуки эти неслись откуда-то со стороны моря. Может быть, единственный раз в жизни мы слышали подземный гул.

Явление это навеяло на всех людей страх; Дерсу говорил, что во всю свою жизнь он никогда ничего подобного не слышал.

Я счел необходимым адресоваться к инструментам: барометр показывал 759, температура воздуха — 3° С, анемометр — полный штиль. Это интересное явление продолжа-

лось до рассвета. Когда мгла исчезла, снова подул холодный северо-западный ветер.

От реки Бабкова берег делает небольшой изгиб. Чтобы сократить путь, мы поднялись по одному из притоков реки Каменной, перевалили через горный кряж, который здесь достигает высоты 430 метров, и вышли на реку Холонку, невдалеке от ее устья, где застали Хей-ба-тоу с лодкой. За штиль ночью ветер, казалось, хотел наверстать потерянное и дул теперь особенно сильно; анемометр показывал 215.

Остальную часть дня я употребил на осмотр нижней долины Холонку. Здесь мы опять видим лагуну, длиною в пять и шириной в один километр. Она отделена от моря двухъярусным валом. Около устья река Холонку непомерно широка и глубока — это наиболее глубокое место бывшей лагуны. Длина обоих валов около 500 метров: один вал сложен из крупных окатанных валунов, обросших лишайниками, что доказывает, что камни эти давно уже находятся в состоянии покоя. Вал, ближайший к морю, меньше размерами и, видимо, только недавно наметан морским прибоем. Ныне на месте лагуны образовалось мшистое болото, поросшее голубикой, багульником и морошкой.

Вечером я сделал распоряжение: на следующий день Хей-ба-тоу с лодкой должен был перейти на реку Хатоху и там опять ждать нас, а мы пойдем вверх по реке Холонку до Сихотэ-Алиня и затем по реке Нахтоху спустимся обратно к морю.

Я распорядился, чтобы с вечера люди забрали все, что им надо, так как завтра Хей-ба-тоу хотел уйти на рассвете.

На другой день, 3 ноября, я проснулся раньше других, оделся и вышел из палатки.

Картина, которую я увидел, была необычайно красива. На востоке пылала заря. Освещенное лучами восходящего солнца море лежало неподвижно, словно расплавленный металл. От реки подымался легкий туман. Испуганная моими шагами стая уток с шумом снялась с воды и с криком полетела куда-то в сторону за болото.

Когда солнце поднялось над горизонтом, я увидел далеко в море парус Хей-ба-тоу.

Я согрел чай и разбудил своих спутников.

Закусив поплотнее, мы собрали свои котомки и тоже отправились в путь по намеченному маршруту.

Река Холонку (по-удэхейски Халланку) называется на картах рекой Светлой. Длиною она около 90 километров, течет в широтном направлении и начало имеет в горах Сихотэ-Алиня. Если идти вверх по реке, то в нижней половине ее в последовательном порядке будут встречаться следующие

притоки. С правой стороны — Хунды и Дя. Первая немного больше второй. Лососевые рыбы подымаются только до реки Дя, но главная масса их сворачивает на Хунды. С левой стороны Холонку принимает в себя только один приток — Тальмакси, по которому можно выйти на реку Пия, впадающую в море на 20 километров выше мыса Плитняк. В долине реки Холонку раньше были хорошие леса, но теперь они все уничтожены пожарами. Лес сохранился одинокими островками только в верхнем течении.

В этот день мы вышли сравнительно поздно, потому и прошли немного. С первых же шагов Дерсу определил, что река Холонку — не жилая, что туземцы заглядывают сюда редко и что года два назад здесь соболевали корейцы.

Чем дальше мы продвигались на север по берегу моря, тем чаще попадались лиственницы, береза Эрмана и аянская ель. Такие древесные породы, как тополь, вяз и липа, стали реже, а пробковое дерево и орех исчезли совсем. Зато особое распространение приобретали тальники и ольха. Мелколистная торфяниковая береза имела вид дерева. Леспедеца стала уступать место свое таволожнику с мохнатыми листьями. На каменистых склонах с правой стороны реки, недалеко от моря, я заметил оригинальный крыжовник, у которого густо покрыты колючками не только стебель, но даже и ягоды и листья, и особый вид можжевельника, стелющийся по земле длинными плетями, усаженными мелкими игольчатыми листочками.

Перед сумерками Дерсу ходил на охоту. Назад он вернулся с пустыми руками. Повесив ружье на сучок дерева, он сел к огню и заявил, что нашел что-то в лесу, но забыл, как этот предмет называется по-русски.

Так как он долго не мог найти его, то я стал задавать ему наводящие вопросы. Вдруг Дерсу спохватился:

— Дуба сынки! — воскликнул он простодушно и вслед за тем подал мне обыкновенный желудь.

Потом он сообщил мне, что нашел его на сопке с левой стороны реки, хотя вблизи самого дерева нигде не было видно. Очевидно, этот желудь занесла сюда какая-нибудь птица или мелкое животное вроде белки или бурундука.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Средняя суточная температура понизилась до 6,3° С, и дни заметно сократились. На ночь для защиты от ветра нужно было забираться в самую чащу леса. Для того чтобы заготовить дрова, приходилось рано становиться на биваки. Поэтому за день удавалось пройти мало, и на маршрут, который летом можно было сделать в сутки, теперь приходилось тратить времени вдвое больше.

Утром 4 ноября мы все проснулись от холода. Термометр показывал — 11° С при сильном ветре. Погревшись у огня, мы напились горячего чаю и тронулись в путь.

Все время, начиная от самого моря, по сторонам, в горах, тянулись сплошные гари.

Впереди и слева от нас высилась Плоская гора высотою в 600 метров, которую местные жители называют Кямо. С горного хребта, в состав которого она входит, берут начало три притока Холонку: реки Пуйму, Сололи и Дагды — единственное место в бассейне Холонку, где еще встречаются изюбры и кабаны. Подъем на лодке возможен только до реки Сололи.

Около устья реки Пуйму мы нашли развалившуюся корейскую зверовую фанзу и около нее старую дощатую лодку. Это показало, что наблюдения Дерсу были правильны.

Выбрав место для ночевки, я приказал Захарову и Аринину ставить палатку, а сам с Дерсу пошел на охоту. Здесь по обоим берегам реки кое-где узкой полоской еще сохранился живой лес, состоящий из осины, ольхи, кедра, тальника, березы, клена и лиственницы. Мы шли и тихонько разговаривали, он — впереди, а я — несколько сзади. Вдруг Дерсу сделал мне знак, чтобы я остановился. Я думал сначала, что он прислушивается, но скоро увидел другое: он подымался на носки, наклонялся в стороны и усиленно нюхал воздух.

— Пахнет,— сказал он шепотом,— люди есть.

— Какие люди?

— Кабаны,— отвечал гольд.— Моя запах найти есть.

Как я ни нюхал воздух, но никакого запаха не ощущал. Дерсу осторожно двинулся вправо и вперед. Он часто останавливался и принюхивался. Так прошли мы шагов полтораста. Вдруг что-то шарахнулось в сторону. Это была дикая свинья и с ней полугодовалый поросенок. Еще несколько кабанов бросилось врассыпную. Я выстрелил и уложил поросенка.

На обратном пути я спросил Дерсу, почему он не стрелял в диких свиней. Гольд ответил, что не видел их, а только слышал шум в чаще, когда они побежали. Дерсу был недоволен: он ругался вслух и потом вдруг снял шапку и стал бить себя кулаком по голове. Я засмеялся и сказал, что он лучше видит носом, чем глазами. Тогда я не знал, что это маленькое происшествие было повесткой к трагическим событиям, разыгравшимся впоследствии.

Поросенок весил около 24 килограммов и был как нельзя более кстати. Вечером мы лакомились свежей дичью; все

были веселы, шутили и смеялись. Один Дерсу был не в духе. Он все хмыкал и вслух спрашивал себя, как это он не видел кабанов.

После ужина стрелки разделились на смены и стали сушить мясо на огне, а я занялся путевым дневником.

5 ноября утром был опять мороз (— 14° С); барометр стоял высоко (757). Небо было чистое; взошедшее солнце не давало тепла, зато давало много света. Холод всех подбадривал, всем придавал энергии. Раза два нам пришлось переходить с одного берега на другой. В этих местах Холонку шириною около 6 метров; русло ее загромождено валежником.

Сегодня мы прошли еще два притока, впадающих в реку с левой стороны: Монинги 1-ю, Монинги 2-ю и Тигдамугу. Они также берут начало с горы Кямо. По долинам рек Монинги держатся лоси; свежие следы их попадались часто, но так как мы были вполне обеспечены продовольствием, то не задерживались здесь и прошли мимо. От реки Тигдамугу до реки Олосу (верхний левый приток Холонку) один день ходу. По самой реке Холонку и по Олосу можно в один день дойти до водораздела. Эта часть Сихотэ-Алиня с восточной стороны голая, а с западной покрыта хвойным лесом.

Шли мы теперь без проводника, по приметам, которые нам сообщил солон. Горы и речки так походили друг на друга, что можно было легко ошибиться и пойти не по той дороге. Это больше всего меня беспокоило. Дерсу, наоборот, относился ко всему равнодушно. Он так привык к лесу, что другой обстановки, видимо, не мог себе представить. Для него было совершенно безразлично, где ночевать — тут или в ином месте...

Согласно указаниям, данным солоном, после реки Тигдамугу мы отсчитали второй безымянный ключик и около него стали биваком. По этому ключику нам следовало идти к перевалу на реку Нахтоху.

Ночью я плохо спал. Почему-то все время меня беспокоила одна и та же мысль: правильно ли мы идем. А вдруг мы пошли не по тому ключику и заблудились! Я долго ворочался с боку на бок, наконец, поднялся и подошел к огню. У костра сидя спал Дерсу. Около него лежали две собаки. Одна из них что-то видела во сне и тихонько лаяла. Дерсу тоже о чем-то бредил. Услышав мои шаги, он спросонья громко спросил: «Какой люди ходи?» — и тотчас снова погрузился в сон.

Над землей, погруженной в ночную тьму, раскинулся темный небесный свод с миллионами звезд, переливавшихся цветами радуги. Широкой полосой, от края до края, протянулся Млечный Путь. По ту сторону реки стеной стоял молчаливый лес. Кругом было тихо, очень тихо...

6 Зак. 2412

С полчаса посидел я у огня. Беспокойство мое исчезло. Я пошел в палатку, завернулся в одеяло, уснул, а утром проснулся лишь тогда, когда все уже собирались в дорогу. Солнце только что поднялось из-за горизонта и посылало лучи свои к вершинам гор.

Сразу с бивака начался подъем. С первого же перевала мы увидели долину реки Пия; за ней высился другой горный хребет с гольцами, потом третий, покрытый снегом. За ними, вероятно, должна быть река Нахтоху.

По пути нам встречалось много мелких речек, должно быть, притоки реки Пия. Плохо, когда идешь без проводника: все равно как слепой. К вечеру мы дошли до какой-то

реки, а на другой день к двум часам пополудни достигли третьего перевала.

Подъем у него был продолжительный, но некрутой. Внизу, у подножия хребта, растет смешанный лес, который по мере приближения к гребню становится жидким и сорным. Лиственные породы скоро уступили место хвойным, и на смену кустарнику и травяному подлесью явились мхи и багульник.

Чем выше мы поднимались, тем больше было снегу. Увидя вверху просвет, я обрадовался, думая, что вершина недалеко, но радость оказалась преждевременной: то были кедровые стланцы. Хорошо, что они не занимали большого пространства. Пробравшись сквозь них, мы вступили на гольцы, лишенные всякой растительности. Я посмотрел на барометр — стрелка показывала 760 метров.

Отсюда, сверху, открывался великолепный вид во все стороны. На северо-западе виднелся низкий и болотистый перевал с реки Нахтоху на Бикин. В другую сторону, насколько хватал глаз, тянулись какие-то другие горы. Словно гигантские волны с белыми гребнями, они шли куда-то на север и пропадали в туманной мгле. На северо-востоке виднелась Нахтоху, а вдали на юге — синее море.

Холодный, пронзительный ветер не позволял нам долго любоваться красивой картиной и принуждал к спуску в долину. С каждым шагом снегу становилось все меньше и меньше. Теперь мы шли по мерзлому мху. Он хрустел под ногами и оставался примятым к земле.

Я шел впереди, а Дерсу сзади. Вдруг он бегом обогнал меня и стал внимательно смотреть на землю. Тут только я заметил человеческие следы; они направлялись в ту же сторону, куда шли и мы.

— Кто здесь шел? — спросил я гольда.

— Маленькая нога; такой у русских нету, у китайцев нету, у корейцев тоже нету,— отвечал он и затем приба-

вил: — Это унта[1], носок кверху. Люди совсем недавно ходи. Моя думай, наша скоро его догоняй.

Другие признаки, совершенно незаметные для нас, открыли ему, что этот человек был удэхеец, что он занимался соболеванием, имел в руках палку, топор, сетку для ловли соболей и, судя по походке, был молодой человек. Из того, что он шел напрямик по лесу, игнорируя заросли и придерживаясь открытых мест, Дерсу заключил, что удэхеец возвращался с охоты и, вероятно, направлялся к своему биваку. Посоветовавшись, мы решили идти по его следам, тем более что они шли в желательном для нас направлении.

Лес кончился, и опять потянулась сплошная гарь. Так прошли мы с час. Вдруг Дерсу остановился и сказал, что пахнет дымом. Действительно, минут через десять мы спустились к реке и тут увидели балаган и около него костер. Когда мы были от балагана шагах в ста, из него выскочил человек с ружьем в руках. Это был удэхеец Янсели с реки Нахтоху. Он только что пришел с охоты и готовил себе обед. Котомка его лежала на земле, и к ней были прислонены палка, ружье и топор.

Меня заинтересовало, как Дерсу узнал, что у Янсели должна быть сетка на соболя. Он ответил, что по дороге видел срезанный рябиновый прутик и рядом с ним сломанное кольцо от сетки, брошенное на землю. Ясно, что прутик понадобился для нового кольца. И Дерсу обратился к удэхейцу с вопросом, есть ли у него соболиная сетка. Последний молча развязал котомку и подал то, что у него спросили. Действительно, в сетке одно из средних колец было новое.

От Янсели мы узнали, что находимся на реке Дагды, текущей к Нахтоху. Не без труда удалось нам уговорить его быть нашим проводником. Главной приманкой для него послужили не деньги, а бердановские патроны, которые я обещал дать ему на берегу моря. По дороге я стал расспрашивать его о тех местах, которые мы проходили.

Река Нахтоху (по-удэхейски Накту или Нактана), названная топографами рекой Лебедева, такой же величины, как и река Холонку, и также имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, который называется здесь Кунка-Киамани. В верхней половине своего течения она состоит из двух рек: Нунгини и Дагды. Обе они сливаются на половине пути между морем и Сихотэ-Алинем. С правой стороны в Нахтоху впадают две реки: Амукты и Хагдыги.

Пространство между Дагды и Нангуни заполнено высокими скалистыми сопками, из которых особенно выделяются

---

[1] Туземная обувь.

вершины Ада и Тыонгони. Река Дагды принимает в себя справа еще две реки: Малу-Сагды, Малу-Наиса и два ключа: Эйфу и Адани, текущие с горы того же имени, а слева — несколько маленьких речек. Джеиджа, Ада 1-я, Ада 2-я и Тыонгони. От устья Дагды в три дня можно дойти до Сихотэ-Алиня.

Вся местность с правой стороны реки Дагды до реки Локтоляги обезлесена пожарами. В горах с левой стороны растут исключительно хвойные леса; внизу, по долине, участки гари чередуются с участками смешанного леса, тоже со значительной примесью хвои.

В начале ноября было особенно холодно. На реке появились забереги, и это значительно облегчило наше путешествие. Все притоки замерзли. Мы пользовались ими для сокращения пути и к вечеру дошли до того места, где Дагды сливается с Нунгини. Отсюда, собственно, и начинается река Нахтоху.

Последние два дня дул сильный северо-западный ветер. Он ломал сучья деревьев и носил их по воздуху, как пылинки. К вечеру 6 ноября ветер вдруг сразу стих. Мы так привыкли к его шуму, что неожиданно наступившая тишина показалась нам даже подозрительной.

В одной из ям в реке Янсели нашел мальму, заменяющую в Зауссурийском крае форель. Рыба это составила нам превосходный ужин, после которого мы, напившись чаю, рано легли спать, предоставив охрану бивака собакам.

Во вторую половину ночи все небо покрылось тучами. От Дерсу я научился распознавать погоду и приблизительно мог сказать, что предвещают тучи в это время года: тонкие слоистые облака во время штиля, если они лежат полосами на небе, указывают на ветер, и чем дольше стоит такая тишь, тем ветер будет сильнее.

Утром мы поплотнее закусили, чтобы не останавливаться днем, и часов в девять выступили в поход.

После слияния рек Нунгини и Дагды Нахтоху становится извилистой, но, имея опытного провожатого, мы пересекли «кривуны» напрямик, где можно было, и довольно быстро продвигались вперед.

На этом участке в Нахтоху впадают следующие реки: с левой стороны — Бия и Локтоляги с перевалами на одну из прибрежных рек — Эхе. Из выдающихся горных вершин тут можно подыматься только до реки Малу-Сагды. На подъем против воды нужно четверо суток, а на сплав по течению один день. Затем он сказал, что по реке Нахтоху идет кета, морская мальма и горбуша. Главная масса кеты на-

правляется по реке Локтоляги, мальма подымается до порогов реки Дагды, а горбуша — до реки Нунгини.

После полудня Янсели вывел нас на тропинку, которая шла вдоль реки, по соболиным ловушкам.

Я спросил нашего провожатого, кто здесь ловит соболей. Он ответил, что место это издавна принадлежит удэхейцу Монгули и, вероятно, мы вскоре встретим его самого. Действительно, не прошли мы и двух километров, как увидели какого-то человека; он стоял около одной из ловушек и что-то внимательно в ней рассматривал. Увидев людей, идущих со стороны Сихотэ-Алиня, он сначала было испугался и хотел бежать, но, когда увидел Янсели, сразу успокоился. Как всегда бывает в таких случаях, все разом остановились.
Стрелки стали закуривать, а Дерсу и удэхейцы принялись о чем-то горячо говорить между собою.

— Что случилось? — спросил я Дерсу.

— Манза соболя украл,— отвечал он.

По словам Монгули, китаец, проходивший по тропе дня два тому назад, вынул из ловушки соболя и наладил ее снова. Я высказал предположение, что, может быть, ловушка пустовала. Тогда Монголи указал на кровь — ясное доказательство, что ловушка действовала.

— Может быть, в ловушку попал не соболь, а белка? — спросил я опять.

— Нет,— ответил Монгули.— Когда бревном придавило соболя, он грыз приколышки, оставив на них следы зубов.

Тогда я спросил его, почему он думает, что вор был именно китаец. Удэхеец ответил, что человек, укравший соболя, был одет в китайскую обувь и в задке левой ноги у него не хватает одного гвоздя [1]. Доводы эти были вполне убедительны.

Отдохнув немного, мы отправились дальше и часов в пять дошли до устья реки Ходэ.

Вечером у огня я имел возможность хорошо рассмотреть своих новых знакомых. Нахтохуские удэхейцы невысокого роста, сухощавы, имеют овальное лицо с выдающимися скулами, вогнутый нос, карие, широко расставленные глаза с небольшою монгольскою складкою век, довольно большой рот, неровные зубы и маленькие руки и ноги.

— Точно детские! — говорили мои спутники, рассматривая их обувь, сшитую из выделанной лосиной кожи в виде олоч, с загнутыми кверху носками.

Цвет кожи удэхейцев можно было назвать оливковым со

---

[1] Китайская обувь (улы) имеет на пятках по два гвоздя с большими плоскими шляпками.

слабым оттенком желтизны. Летом они так сильно загорают, что становятся похожими на краснокожих. Впечатление это еще более усугубляется пестротою их костюмов. Длинные, прямые, черные как смоль волосы, заплетенные в две короткие косы, были сложены вдвое и туго перетянуты красными шнурами. Косы носятся на груди, около плеч. Чтобы они не мешали, когда человек нагибается, сзади, ниже затылка, они соединены перемычкой, украшенной бисером и ракушками.

Одежда нахтохуских удэхейцев состоит главным образом из трех кафтанов: двух нижних, матерчатых, и одного верхнего, сшитого из тонкой изюбровой кожи, выделанной под замшу. Рубашки застегиваются у правого плеча и сбоку, как

поддевки, и одеваются с напуском вокруг талии. Рукава около кистей стягиваются особыми нарукавниками. Затем принадлежностями костюма являются короткие штаны и наколенники, привязываемые ремешками к поясу. Головной убор состоит из белого капюшона, спускающегося на спину и плечи, и маленькой шапочки, на которой в стоячем положении прикреплен беличий хвост и несколько красных шнурков с кисточками. Весь костюм от головы до ступней ног, спереди и сзади, обшит цветными полосами и обильно украшен красными орнаментами, изображающими спиральные круги, стилизованных рыб, птиц и животных.

Удэхейцы большие любители металлических украшений, в особенности браслетов и колец. Некоторые старики еще носят в ушах серьги; ныне обычай этот выходит из употребления. Каждый мужчина и даже мальчики носят у пояса два ножа: один обыкновенный охотничий, а другой маленький, кривой, которым владеют очень искусно и который заменяет им шило, струг, буравчик, долото и все прочие инструменты.

Проговорили мы почти до полуночи. Пора было идти на покой. Удэхейцы взялись окарауливать бивак, а я пристроился около Дерсу, лег спиной к огню и скоро уснул.

На другой день с бивака мы снялись рано и пошли по тропе, проложенной у самого берега реки. На этом пути Нахтоху принимает в себя с правой стороны два притока: Хулеми и Гоббиляги, а с левой— одну только маленькую речку Ходэ.

Нижняя часть долины Нахтоху густо поросла даурской березой и монгольским дубом. Начиная от Локтоляги, она постепенно склоняется к югу и только около Хулеми опять поворачивает на восток.

От Ходэ долина сразу начинает расширяться. По сторонам, в горах, произрастают хвойные леса, а внизу, в долине,— смешанные, с преобладанием тополя и каменной березы. Кроме этих пород, мы встречаем здесь мелколистный

клен с серой корой и густой кроной, ильм — красивое, стройное дерево со светло-серой корой, и тис — оригинальное хвойное дерево с красными ягодами. Затем идут такие породы, которые не знаешь, куда и причислить: к кустарникам или деревьям, например бересклет широколистный, дающий длиннокрылые плоды, и кустарниковая ольха с блестящей темной корою. Особенно часто на Нахтоху встречаются таволга бузинолистная и жимолость, дающая черные, с сизым налетом, кислые ягоды.

Последние дни были холодные и ветреные. Анемометр показывал 225. Забереги на реке во многих местах соединились и образовали природные мосты. По ним можно было свободно переходить с одной стороны реки на другую.

Километрах в десяти от реки Гоббиляги кончается лес и начинаются открытые места. На последней поляне мы нашли три удэхейские фанзы. Здешние удэхейцы обзавелись китайскими постройками весьма недавно. Несколько лет тому назад они жили еще в юртах. Около каждого домика были небольшие огороды, возделываемые наемным трудом китайцев. Последние являются среди удэхейцев половинщиками в пушных промыслах. Из расспросов выяснилось, что река Нахтоху являлась последним северным пунктом, до которого с юга китайцы распространили свое влияние. Здесь было их только пять человек: четыре постоянных обитателя и один пришлый, с реки Кусуна.

Провожавшие нас удэхейцы бросились к нему и стали осматривать его обувь; в ней не хватало одного гвоздя. Они развязали его котомки, вынули из нее соболя и сообщили все подробности, при которых он совершил кражу. Китаец, полагая, что за ним подсматривали из кустов, сознался.

Удэхейцы удалились, довольные тем, что нашли свою добычу. Но не так отнеслись к этому остальные китайцы. Они пошептались между собою и затем объявили провинившемуся, что он опозорил их всех и потому должен оставить реку Нахтоху навсегда и уйти в другое место. Виновный, стоя с непокрытой головой, выслушал свой приговор и обещал на другой же день уйти из долины, чтобы никогда в нее более не возвращаться.

От туземного поселка до моря не более восьми километров. Недалеко от последней фанзы тропа разделилась надвое. Аринин пошел влево, а мы — прямо к берегу реки. Скоро он возвратился назад и сообщил, что среди тальников в маленькой лодочке лежит «морской бог». Я велел ему принести бурхана к себе, но затем раздумал и пошел туда сам. «Морской бог» в лодке оказался мертвым младенцем в гробу. Трупик засох и превратился в мумию. Рядом с ним оказа-

лось целое кладбище. Одни гробы стояли на коротких сваях под крышей, другие были засунуты между стволами тальников. Расколотые лодки, поломанные нарты, разорванные рыболовные сети, весла и остроги были брошены тут же около могил.

Я хотел было вскрыть один из гробов, но в это время в стороне услышал голоса и пошел к ним навстречу. Через минуту из кустов вышли два удэхейца, только что прибывшие с реки Едина.

Они сообщили нам крайне неприятную новость: 4 ноября наша лодка вышла с реки Холонку и с той поры о ней ни слуху, ни духу. Я вспомнил, что в этот день дул особенно сильный ветер. Пугуй (так называли одного из наших новых знакомых) видел, как какая-то лодка в море боролась с ветром, который относил ее от берега все дальше и дальше; но он не знает, была ли то лодка Хей-ба-тоу.

Это было для нас непоправимым несчастьем. В лодке находилось все наше имущество: теплая одежда, обувь и запасы продовольствия. При себе мы имели только то, что могли нести: легкую осеннюю одежду, по одной паре унтов, одеяла, полотнища палаток, ружья, патроны и весьма ограниченный запас продовольствия. Я знал, что к северу на реке Едине еще живут удэхейцы, но до них было так далеко и они были так бедны, что рассчитывать на приют у них всего отряда нечего было и думать.

Что делать?

С такими мыслями мы незаметно подошли к хвойному мелкорослому лесу, который отделяет поляны Нахтоху от моря.

Обыкновенно к лодке мы всегда подходили весело, как будто к дому, но теперь Нахтоху была нам так же чужда, так же пустынна, как и всякая другая речка. Было жалко и Хей-ба-тоу, этого славного моряка, быть может теперь уже погибшего. Мы шли молча; у всех была одна и та же мысль: что делать? Стрелки понимали серьезность положения, из которого теперь я должен был их вывести. Наконец, появился просвет; лес сразу кончился, показалось море.

Глава

18

Завещание

Приготовление к зимовке.— Река Един.— Поиски лодки.— Росомаха.— Побережье моря между реками Кумуху и Нахтоху.— Река Пия.— Роковой выстрел.— Испуг Дерсу.— Договор.— Обратный путь

Раньше около реки Нахтоху была лагуна, отделенная от моря косою. Теперь на ее месте большое моховое болото, поросшее багульником с ветвями, одетыми густым железистым войлоком ярко-ржавого цвета; голубикой с сизыми листочками; шикшей с густо облиственными ветвями, причем листья очень мелки и свернуты в трубочки. Среди этих кустарников еще можно было усмотреть отцветшие и увядшие: сабельник с ползучим корневищем; морошку с колючими полулежащими стеблями и желтыми плодами; болотную чину, по внешнему виду похожую на полевой горошек и имеющую крылатый стебель и плоские бобы; затем ирис-касатик с грубыми сухими и серыми листьями; и, наконец, обычную в болотах пушицу — высокое и красивое белое растение.

Мысы, окаймляющие маленькую бухточку, в которую впадает река Нахтоху, слагаются из пестрых вулканических туфов и называются по-удэхейски: северный — Чжа-алидуони и южный — Маас-дуони. Здесь, у подножия береговых обрывов, мы устроили свой бивак.

Вечером мы с Дерсу сидели у огня и совещались. Со времени исчезновения лодки прошло четверо суток. Если она была где-нибудь поблизости, то давно возвратилась бы назад. Я говорил, что надо идти на реку Амагу и зазимовать у староверов, но Дерсу не соглашался со мной. Он советовал остаться на Нахтоху, заняться охотой, добыть кож и сшить новую обувь. У туземцев, по его мнению, можно было получить сухую юколу и чумизу. Но тут возникли другие затруднения: морозы с каждым днем становились сильнее; недели

через две в легкой осенней одежде идти будет уже невозможно. Все-таки проект Дерсу был наиболее разумным, и мы на нем остановились.

После ужина стрелки легли спать, а мы с Дерсу долго сидели у огня и обсуждали наше положение.

Я полагал было пойти в фанзы к удэхейцам, но Дерсу советовал остаться на берегу моря. Во-первых, потому, что здесь легче было найти пропитание, а во-вторых, он не терял надежды на возвращение Хей-ба-ту. Если последний жив, он непременно возвратится назад, будет искать нас на берегу моря и если не найдет, то может пройти мимо. Тогда мы опять останемся ни с чем. С его доводами нельзя было не согласиться. Мысли одна другой мрачнее лезли мне в голову и не давали покоя.

Порывистый и холодный ветер шумел сухой травою и неистово трепал растущее вблизи одинокое молодое деревцо. Откуда-то из темноты, с той стороны, где были прибрежные утесы, неслись странные звуки, похожие на вой.

Беспокойство мучило меня всю ночь.

Возвращаться назад, не доведя дело до конца, было до слез обидно. С другой стороны, идти в зимний поход, не снарядившись как следует,— безрассудно. Будь я один с Дерсу, я не задумался бы и пошел вперед, но со мной были люди, моральная ответственность за которых лежала на мне. Под утро я немного уснул.

На другой день ветер был особенно силен: анемометр давал показания 242 при температуре воздуха — 6°С и при барометрическом давлении в 766 мм.

Стрелки, узнав о том, что мы остаемся здесь надолго и даже, быть может, зазимуем, принялись таскать плавник, выброшенный волнением на берег, и устраивать землянку. Это была остроумная мысль. Печи они сложили из плитнякового камня, а трубу устроили по-корейски, из дуплистого дерева. Входы завесили полотнищами палаток, а на крышу наложили мох с дерном. Внутри землянки настлали ельнику и сухой травы. В общем помещение получилось довольно удобное.

10 ноября к нам на бивак приходили удэхейцы с мыса Сосунова. Один из них взял палочку и ловко начертил на песке план. Когда я развернул перед ним сорокаверстную карту, он быстро ориентировался и сам стал указывать на ней реки, горы и мысы, правильно их называя. Я поразился, до какой степени быстро он освоился с масштабом и сразу понял, что такое проекция. Помню, как меня учили читать топографические карты и как долго не мог я к этому привыкнуть, а тут простой дикарь, отроду никогда не видевший их, разби-

рается так свободно, как будто он всю жизнь только этим и занимался. Я объясняю это тем, что люди, которым приходится бродить по горам, привыкают сверху видеть поверхность земли в проекции. Вместе с тем у них развивается и чутье масштаба.

На следующий день мы с Дерсу вдвоем решили идти к югу по берегу моря и посмотреть, нет ли там каких-нибудь следов пребывания Хей-ба-тоу, и кстати поохотиться.

Захаров и Аринин пошли на север, имея то же задание, а Савитов и Туртыгин — вверх по реке, к устью реки Ходэ.

Выступили мы с реки Нахтоху рано и пошли по намывной полосе прибоя.

С утра погода стояла хмурая; небо было: туман или тучи. Один раз сквозь них прорвался было солнечный луч, скользнул по воде, словно прожектором осветил сопку на берегу и скрылся опять в облаках. Вслед за тем пошел мелкий снег. Опасаясь пурги, я хотел было остаться дома, но просвет на западе и движение туч к юго-востоку служили гарантией, что погода разгуляется. Дерсу тоже так думал, и мы бодро пошли вперед. Через часа два снег перестал идти, мгла рассеялась и день выпал на славу — теплый и тихий.

Вода в горных ручьях была еще в движении, но по замирающему шуму уже заметно, что скоро и она должна будет покрыться ледяной корой и совсем замолкнуть. Там, где из расщелин в камнях сочилась вода и где раньше ее не было видно, теперь образовались большие ледяные натеки; они постоянно увеличивались в размерах и казались замерзшими водопадами.

Мы шли берегом моря и разговаривали о том, как могло случиться, что Хей-ба-тоу пропал без вести. Этот вопрос мы подымали уже сотый раз и всегда приходили к одному и тому же выводу: надо шить обувь и возвращаться к староверам на Амагу.

Впереди, шагах в полутораста от нас, бежала моя собака Альпа. Вдруг я заметил два живых существа: одно была Альпа, а другое — животное, тоже похожее на собаку, но темной окраски, мохнатое и коротконогое. Оно бежало около береговых обрывов неловкими и тяжелыми прыжками и, казалось, хотело обогнать сбоку. Поровнявшись с Альпой, мохнатое животное стало в оборонительное положение. Я узнал росомаху, самого крупного представителя из семейства хорьковых. Максимальные размеры этого стопоходящего, косматого и неуклюжего животного достигают одного метра длины и 45 сантиметров высоты. Общая окраска темно-бурая, спина черного цвета, от каждого плеча к заду по бокам тянется по широкой светло-серой полосе. Шерсть на нижней

части тела и на верхней половине ног значительно длиннее, чем на остальном теле. Шея росомахи короткая, голова толстая, удлиненная, ноги вооружены крепкими, сильными когтями.

Росомаха обитает в горных лесах, где есть козули и в особенности кабарга. Целыми часами она сидит неподвижно на дереве или на камне кабарожьей тропы, выжидая добычу. Она отлично изучила нрав своей жертвы, знает излюбленные пути ее и повадки: например, она хорошо знает, что по глубокому снегу кабарга бегает все по одному и тому же кругу, чтобы не протаптывать новой дороги. Поэтому, спугнув кабаргу, она гонится за ней до тех пор, пока последняя не замкнет полный круг. Тогда росомаха влезает на дерево и ждет, когда кабарга вновь пойдет мимо. Если это не удается, она берет кабаргу измором, для чего преследует ее до тех пор, пока та от усталости не упадет; при этом, если на пути она увидит другую кабаргу, то не бросается за ней, а будет продолжать преследование первой, хотя бы эта последняя и не находилась у ней в поле зрения. Росомаха — шкодливое животное: забравшись в амбары, она начинает с остервенением рвать все, что ей попадется на глаза. Сухое мясо, юколу и прочее продовольствие она непременно огадит и тогда уйдет. Раньше туземцы ценили мех росомахи выше соболиного и только с появлением китайцев и русских поняли свою ошибку. Лет двадцать тому назад мех росомахи ценился не более трех рублей. Специально за ней не охотятся, бьют только, если она случайно попадает под выстрел.

Росомаха распространена по всему Уссурийскому краю, примерно к югу до 44° широты. Ее нет в Посьетском, Барабашском, Суйфунском районах и около Никольска-Уссурийского [1].

Альпа остановилась и с любопытством стала рассматривать свою случайную спутницу. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня и сказал, что надо беречь патроны. Замечание его было вполне резонно. Тогда я отозвал Альпу. Росомаха бросилась бежать и скрылась в одном из оврагов.

Прибрежная линия между реками Холонку и Нахтоху представляет собою несколько изогнутую линию, отмеченную мысами Плитняка, Бакланьим и Сосунова (по-удэхейски Хуо-ло-дуони, Леникто-дуони и Хорло-дуони). Мысы эти заметно выдаются в море. За ними берег опять выгибается к северо-западу и вновь выдается около мыса Олимпиады.

По побережью моря, в направлении от реки Нахтоху к Унтугу, горные породы располагаются в таком порядке: сна-

---

[1] Ныне Уссурийск.

чала идет кремнистый сланец, затем андезит и местами стекловатый базальт. Еще южнее тянутся какие-то глубинные зеленокаменные породы, а выше их — базальтовый андезит и еще дальше — порфирит. Кроющие пласты состоят из цветных чередующихся слоев туфа. Здесь особенно интересен утес Хадиэ с плитняковой вертикальной и дуговой отдельностью.

Около реки Пия есть два утеса, Садзасу-мамаса-ни, имеющие человекоподобные формы. Удэхейцы говорят, что раньше это были люди, но всесильный Тему (хозяин рыб и морских животных) превратил их в скалы и заставил окарауливать береговые сопки.

Здесь, на берегу, валялось много сухого плавника. Выбрав 178
место для бивака, мы сложили свои вещи и разошлись в разные стороны на охоту.

Чрезвычайно извилистое русло реки Пия блуждает по долине, и, если смотреть на реку с высоты птичьего полета, получается впечатление кружев. В нижней части долины почва исключительно наносная: ил и полосы свежего песку, придавившего траву и кусты, свидетельствуют о том, что в конце лета места эти заливались водой два раза. Близ моря растет кустарниковая ольха и высокоствольный тальник, выше по долине — лиственница, белая береза, осина и тополь, а еще дальше — клен, осокорь, ясень и кое-где ель и кедр. Склоны гор, окаймляющие долину, поросли с солнечной стороны низкорослым дубняком, а с северной — старым замшистым хвойным лесом.

Охотиться нам долго не пришлось. Когда мы снова сошлись, день был на исходе. Солнце уже заглядывало за горы, лучи его пробрались в самую глубь леса и золотистым сиянием осветили стволы тополей, остроконечные вершины елей и мохнатые шапки кедровников. Где-то в стороне от нас раздался пронзительный крик.

— Кабарга! — шепнул Дерсу на мой вопросительный взгляд.

Минуты через две я увидел животное, похожее на козулю, только значительно меньше ростом и темнее окраской. Изо рта ее книзу торчали два тонких клыка. Отбежав шагов сто, кабарга остановилась, повернула в нашу сторону свою грациозную головку и замерла в выжидательной позе.

— Где она? — спросил меня Дерсу.

Я указал ему рукой.

— Где? — опять переспросил он.

Я стал направлять его взгляд рукой по линии выдающихся и заметных предметов, но, как я ни старался, он ничего не видел. Дерсу тихонько поднял ружье, еще раз внимательно

всмотрелся в то место, где было животное, выпалил и — промахнулся. Звук выстрела широко прокатился по всему лесу и замер в отдалении. Испуганная кабарга шарахнулась в сторону и скрылась в чаще.

— Попал? — спросил меня Дерсу, и по его глазам я увидел, что он не заметил результатов своего выстрела.

— На этот раз ты промазал,— отвечал я ему.— Кабарга убежала.

— Неужели моя попади нету? — спросил он испуганно.

Мы пошли к тому месту, где стояла кабарга. На земле не было крови. Сомнений не было: Дерсу промахнулся. Я начал подшучивать над своим приятелем, а Дерсу сел на

землю, положил ружье на колени и задумался. Вдруг он быстро вскочил на ноги и сделал на дереве ножом большую затеску, затем схватил ружье и отбежал назад шагов на полтораста. Я думал, что он хочет оправдаться передо мною и доказать, что его промах по кабарге был случайным. Однако с этого расстояния пятно на дереве было видно плохо, и он должен был подойти ближе. Наконец он выбрал место, поставил сошки и стал целиться. Целился Дерсу долго, два раза отнимал голову от приклада и, казалось, не решался спустить курок. Наконец он выстрелил и побежал к дереву. Из того, как у него сразу опустились руки, я понял, что в пятнышко он не попал. Когда я подошел к нему, то увидел, что шапка его валялась на земле, ружье тоже; растерянный взгляд его широко раскрытых глаз был направлен куда-то в пространство. Я дотронулся до его плеча, Дерсу вздрогнул и быстро-быстро заговорил.

— Раньше никакой люди первый зверя найти не могу. Постоянно моя первый его посмотри. Моя стреляй — всегда в его рубашке дырку делай. Моя пуля никогда ходи нету. Теперь моя пятьдесят восемь лет. Глаз худой стал, посмотри не могу. Кабарга стреляй — не попал, дерево стреляй, тоже не попал. К китайцам ходи не хочу — их работу моя понимай нету. Как теперь моя дальше живи?

Тут только я понял неуместность моих шуток. Для него, добывающего себе средства к жизни охотой, ослабление зрения было равносильно гибели. Трагизм увеличивался еще и тем обстоятельством, что Дерсу был совершенно одинок. Куда идти? Что делать? Где склонить на старости лет свою седую голову?

Мне нестерпимо стало жаль старика.

— Ничего,— сказал я ему,— не бойся. Ты мне много помогал, много раз выручал меня из беды. Я у тебя в долгу. Ты всегда найдешь у меня крышу и кусок хлеба. Будем жить вместе.

Дерсу засуетился и стал собирать свои вещи. Он поднял ружье и посмотрел на него, как на вещь, которая теперь была ему более совсем не нужна.

В это время солнце только что скрылось за горизонтом. От гор к востоку потянулись длинные тени. Еще не успевшая замерзнуть вода в реке блестела, как зеркало; в ней отражались кусты и прибрежные деревья. Казалось, что там внизу, под водой, был такой же мир, как и здесь, и такое же светлое небо...

Около речки мы разделились: Дерсу воротился на бивак, а я решил еще поохотиться. Долго я бродил по лесу и ничего не видел. Наконец, я устал и повернул назад.

На западе медленно угасала заря. Посиневший воздух 175
приобрел сонную неподвижность; долина приняла угрюмый вид и казалась глубокой трещиной на горах.

Вдруг в кустах что-то зашевелилось. Я замер на месте и приготовил ружье. Снова легкий треск, и из ольшаников тихонько на поляну вышла козуля. Она стала щипать траву и, видимо, совсем меня не замечала. Я быстро прицелился и выстрелил. Несчастное животное рванулось вперед и сунулось мордой в землю. Через минуту жизнь оставила его. Я взял свой ремень, связал козуле ноги и взвалил ее на плечи. Что-то теплое потекло мне за шею: это была кровь. Тогда я опустил свой охотничий трофей на землю и принялся кричать. Скоро я услышал ответные крики Дерсу. Он пришел без ружья, и мы вместе с ним потащили козулю на палке.

Когда мы подходили к биваку, был уже полный вечер. Взошла луна и своими фосфорическими лучами осветила море, прибрежные камни, лес и воду в реке. Кругом было тихо, только легкий ночной ветер слабо шелестел травою. Шум этот был так однообразен, что привыкшее к нему ухо совершенно его не замечало. На нашем биваке горел огонь; свет от него ложился по земле красными бликами и перемешивался с черными тенями и с бледными лучами месяца, украдкой пробивавшимися сквозь ветви кустарников. Вдали виднелся высокий Бакланий мыс, окутанный морскими испарениями.

После охоты я чувствовал усталость. За ужином я рассказывал Дерсу о России, советовал ему бросить жизнь в тайге, полную опасности и лишений, и поселиться вместе со мной в городе, но он по-прежнему молчал и о чем-то крепко думал.

Наконец я почувствовал, что веки мои слипаются. Я завернулся в одеяло и погрузился в сон.

Ночью я проснулся. Луна стояла высоко на небе; те звезды, которые были ближе к горизонту, блистали, как бриллианты. Было за полночь. Казалось, что вся природа погрузилась в дремотное состояние. Ничего нет прекраснее беспредельного широкого моря, залитого лунным светом, и глубокого неба, полного тихих сияющих звезд. Темная вода, громады утесов на берегу и молчаливый лес в горах так гармонировали друг с другом и создавали картину, полную величественной красоты.

Около огня сидел Дерсу. С первого же взгляда я понял, что он еще не ложился спать. Он обрадовался, что я проснулся, и стал греть чай. Я заметил, что старик волнуется,

усиленно ухаживает за мной и всячески старается, чтобы я опять не заснул. Я уступил ему и сказал, что спать мне более не хочется. Дерсу подбросил дров в костер и, когда огонь разгорелся, встал со своего места и начал говорить торжественным тоном.

— Капитан! Теперь моя буду говори. Тебе надо слушай.

Он начал с того, как он жил раньше, как стал одинок и как добывал себе пропитание охотой. Ружье всегда его выручало. Он продавал панты и взамен их приобретал у китайцев патроны, табак и материал для одежды. Он никогда не думал о том, что глаза могут ему изменить и купить их нельзя будет уже ни за какие деньги. Вот уже с полгода, как он стал ощущать ослабление зрения, думал, что это пройдет, но сегодня убедился, что охоте его пришел конец. Это его напугало. Потом он вспомнил мои слова, что у меня он всегда найдет приют и кусок хлеба.

— Спасибо, капитан,— сказал он.— Шибко спасибо! И вдруг он опустился на колени и поклонился в землю. Я бросился поднимать его и стал говорить, что, наоборот, я обязан ему жизнью и если он будет жить со мною, то этим только доставит мне удовольствие. Чтобы отвлечь его от грустных мыслей, я предложил ему заняться чаепитием.

— Погоди, капитан,— сказал Дерсу.— Моя еще говорить кончай нету.

После этого он продолжал рассказывать про свою жизнь. Он говорил о том, что, будучи еще молодым, от одного старика китайца научился искать женьшень и изучил его приметы. Он никогда не продавал корней, а в живом виде переносил их в верховья реки Лефу и там сажал в землю. Последний раз на плантации женьшеня он был пятнадцать лет назад. Корни все росли хорошо: всего там было двадцать два растения. Не знает он теперь, сохранились они или нет,— вероятно, сохранились, потому что посажены в глухом месте и поблизости следов человеческих не замечалось.

— Это все тебе! — закончил он свою длинную речь.

Меня это поразило; я стал уговаривать продать корни китайцам, а деньги взять себе, но Дерсу настаивал на своем.

— Моя не надо,— говорил он.— Мне маленько осталось жить. Скоро помирай. Моя шибко хочу панцуй [1] тебе подарить.

В глазах его было такое просительное выражение, что я не мог противиться. Отказ мой обидел бы его. Я согласился, но взял с него слово, что по окончании экспедиции он поедет со мной в Хабаровск. Дерсу согласился тоже.

Мы порешили весной отправиться на реку Лефу в поиски за дорогими корнями.

Посеребренная луна склонилась к западу. С восточной стороны на небе появились новые созвездия. Находящаяся в воздухе влага опустилась на землю и тонким серебристым инеем покрыла все предметы. Это были верные признаки приближения рассвета.

Дерсу еще раз подбросил дров в огонь. Яркое трепещущее пламя взвилось кверху и красноватым заревом осветило кусты и прибрежные утесы — эти безмолвные свидетели нашего договора и обязательств по отношению друг к другу.

Но вот на востоке появилась розовая полоска: занималась заря. Звезды быстро начали меркнуть; волшебная картина ночи пропала, и в потемневшем серо-синем воздухе разлился неясный свет утра. Красные угли костра потускнели и покрылись золой; головешки дымились,— казалось, огонь уходил внутрь их.

— Давай-ка соснем немного,— предложил я своему спутнику. Он встал и поправил палатку, затем мы оба легли и, прикрывшись одним одеялом, уснули как убитые.

Когда мы проснулись, солнце стояло уже высоко. Утро было морозное, ясное. Вода в озерках покрылась блестящим тонким слоем льда, и только полыньи казались темными пятнами.

На скорую руку мы закусили холодным мясом, напились чаю и, собрав котомки, пошли назад к реке Нахтоху.

Там мы застали всех в сборе. Аринин убил сивуча, а Захаров — нерпу. Таким образом, у нас получился значительный запас кожи и вдоволь мяса.

С 12 по 16 ноября мы простояли на месте. За это время стрелки ходили за брусникой и собирали кедровые орехи. Дерсу выменял у удэхейцев обе сырые кожи на одну сохатиную выделанную. Туземных женщин он заставил накроить унты, а шили их мы сами, каждый по своей ноге.

---

[1] Женьшень.

17-го утром мы распрощались с рекой Нахтоху и тронулись в обратный путь, к староверам. Уходя, я еще раз посмотрел на море с надеждой, не покажется ли где-нибудь лодка Хей-ба-тоу. Но море было пустынно. Ветер дул с материка, и потому у берега было тихо, но вдали ходили большие волны. Я махнул рукой и подал сигнал к выступлению. Тоскливо было возвращаться назад, но больше ничего не оставалось делать. Обратный путь наш прошел без всяких приключений.

22 ноября мы достигли Тахобе, а 23-го утром пришли на Кусун.

Глава

19

Возвращение Хей-ба-тоу

Сильный ветер.— Приключения Хей-ба-тоу.— Снаряжение в зимний путь.— Устройство нарт.— Рыбная ловля.— Привычка удэхейцев к холоду.— Саджи.— Зимний поход.— Накануне выступления.— Нартовый обоз.— Река Кусун с притоками.— Тигровая скала.— Горные породы.— Выгоревшие леса.— Зимняя палатка.— Лесные птицы.— Национализация чертей.— Удэхеец Сунцай

В геологическом отношении эта часть побережья мало интересна. Между Унтугу и рекой Кузнецова горные породы располагаются в следующем порядке: около ручья Унтугу Сагды с правой стороны виднеются выходы конгломератов из мелкой окатанной гальки, имеющие протяжение от северо-востока к юго-западу 51°, с углом падения в 18°; далее у мыса Хорло-дуони,— красные метаморфизованные лавы; еще южнее, около реки Каньчжоу, цветные чередующиеся слои базальтового туфа мощностью около 120—130 метров, и еще дальше — какая-то изверженная зеленекаменная порода со шлирами.

Около ключика Куа — высокие береговые террасы с массивным основанием из какой-то темной горной породы с неправильной трещиноватостью и, наконец, близ утеса Хадиэ — та же неизвестная порода, но с плитняковой вертикальной отдельностью.

22 ноября мы достигли реки Тахобе, а 23-го утром пришли на Кусун.

Еще со вчерашнего дня погода начала хмуриться. Барометр стоял на 756 при 10°. Небо было покрыто тучами. Около десяти часов утра пошел небольшой снег, продолжавшийся до полудня.

После короткого отдыха у туземцев на Кусуне я хотел

было идти дальше, но они посоветовали мне остаться у них еще на день. Удэхейцы говорили, что после долгого затишья и морочной погоды надо непременно ждать очень сильного ветра. Местные китайцы тоже были встревожены. Они часто посматривали на запад. Я спросил в чем дело. Они указали на хребет Кямо, покрытый снегом.

Тут только я заметил, что гребень хребта, видимый дотоле отчетливо и ясно, теперь имел контуры неопределенные, расплывчатые; горы точно дымились. По их словам, ветер от хребта Кямо до моря доходит через два часа.

Китайцы привязывали крыши фанз к ближайшим пням и деревьям, а зароды с хлебом прикрывали сетями, сплетенными из травы. Действительно, часов около двух пополудни начал дуть ветер, сначала тихий и ровный, а затем все усиливающийся. Вместе с ветром шла какая-то мгла. Это были снег, пыль и сухая листва, поднятая с земли вихрем. К вечеру ветер достиг наивысшего напряжения. Я вышел с анемометром, чтобы смерить его силу, но порывом его сломало колесо прибора, а самого меня едва не опрокинуло на землю. Мельком я видел, как по воздуху летели доска и кусок древесной коры, сорванные с какой-то крыши. Около фанзы стояла двухколесная китайская арба. Ветром ее перекатило через весь двор и прижало к забору. Один стог с сеном был плохо увязан, и в несколько минут от него не осталось и следа.

К утру ветер начал стихать. Сильные порывы сменялись периодами затишья. Когда рассвело, я не узнал места: одна фанза была разрушена до основания, у другой выдавило стену; много деревьев, вывороченных с корнями, лежало на земле. С восходом солнца ветер упал до штиля; через полчаса он снова начал дуть, но уже с южной стороны.

Надо было идти дальше, но как-то не хотелось: спутники мои устали, а китайцы были так гостеприимны. Я решил проднсвать у них еще одни сутки — и хорошо сделал. Вечером в этот день с моря прибежал молодой удэхеец и сообщил радостную весть: Хей-ба-тоу с лодкой возвратился назад, и все имущество наше цело. Мои спутники кричали «ура» и радостно пожимали друг другу руки. И, действительно, было чему радоваться: я сам был готов пуститься в пляс.

На другой день, чуть свет, мы все были на берегу. Хей-ба-тоу радовался не меньше нас. Стрелки теснились к нему и засыпали вопросами. Оказалось, что сильный ветер подхватил его около реки Каньчжу и отнес к острову Сахалину. Хей-ба-тоу не растерялся и всячески старался держаться ближе к берегу, зная, что иначе его отнесет в Японию. С ост-

рова Сахалина он перебрался в Императорскую Гавань[1] и уже оттуда спустился на юг вдоль берега моря. На реке Нахтоху он узнал от удэхейцев, что мы пошли на Амагу, тогда и он отправился за нами вдогонку. Вчерашнюю бурю он пережил на реке Холонку и затем в один день дошел до Кусуна.

Тотчас у меня в голове созрел новый план: я решил подняться по реке Кусуну до Сихотэ-Алиня и выйти на Бикин. Продовольствие, инструменты, теплая одежда, обувь, снаряжение и патроны — все это было теперь с нами.

Хей-ба-тоу тоже решил зазимовать на Кусуне. Плавание по морю стало затруднительным; у берегов появилось много плавающего льда; устья рек замерзали.

Не мешкая, стрелки стали разгружать лодку. Когда с нее были сняты мачты, руль и паруса, они вытащили ее на берег и поставили на деревянные катки, подперев с обеих сторон кольями.

На другой день мы принялись за устройство шести нарт[2]. Три мы достали у удэхейцев, а три приходилось сделать самим. Захаров и Аринин умели плотничать. В помощь им были приставлены еще два удэхейца. На Дерсу было возложено общее руководство работами. Всякие замечания его были всегда кстати, стрелки привыкли, не спорили с ним и не приступали к работе до тех пор, пока не получали его одобрения.

На эту работу ушло десять суток. Временами мои спутники ходили на охоту, иногда удачно, но часто возвращались ни с чем. С кусунскими удэхейцами мы подружились и всех наперечет знали в лицо и по именам.

25 ноября я, Дерсу и Аринин вместе с туземцами отправились на рыбную ловлю к устью Кусуна. Удэхейцы захватили с собой тростниковые факелы и тяжелые деревянные колотушки.

Между протоками, на одном из островов, заросших осиной, ольхой и тальниками, мы нашли какие-то странные постройки, крытые травою. Я сразу узнал работу японцев. Это были хищнические рыбалки, совершенно незаметные как с суши, так и со стороны моря. Один из таких шалашей мы использовали для себя.

Вода в заводи хорошо замерзла. Лед был гладкий, как зеркало, чистый и прозрачный; сквозь него хорошо были видны

---

[1] Ныне Советская Гавань.

[2] Легкие сани на трех стойках длиной 3,6, шириной 0,7 и высотой 0,6 метра с полозьями, загнутыми кверху спереди и сзади, чтобы они могли въезжать на колодник, запорошенный снегом, и плавно съезжать на землю.

мели, глубокие места, водоросли, камни и утонувший плавник. Удэхейцы сделали несколько прорубей и спустили в них двойную сеть. Когда стемнело, они зажгли тростниковые факелы и затем побежали по направлению к прорубям, время от времени с силою бросая на лед колотушки. Испуганная светом и шумом рыба, как шальная, бросалась вперед и путалась в сетях. Улов был удачный. За один раз они поймали одного морского тайменя, трех морских мальм, четырех кунж и одиннадцать красноперок. Потом удэхейцы снова опустили сети в проруби и погнали рыбу с другой стороны, потом перешли на озеро, оттуда в протоку, на реку и опять в заводь.

182 Часов в десять вечера мы окончили ловлю. Часть туземцев пошла домой, остальные остались ночевать на рыбалке. Среди последних был удэхеец Логада, знакомый мне еще с прошлого года. Ночь была морозная и ветреная. Даже у огня холод давал себя чувствовать. Около полуночи я спохватился Логада и спросил, где он. Один из его товарищей ответил, что Логада спит снаружи. Я оделся и вышел из балагана. Было темно, холодным ветром, как ножом, резало лицо. Я походил немного по реке и возвратился назад, сказал, что нигде костра не видел. Удэхейцы ответили мне, что Логада спит без огня.

— Как без огня? — спросил я с изумлением.

— Так,— ответили они равнодушно.

Опасаясь, чтобы с Логада чего-нибудь не случилось, я зажег свой маленький фонарик и снова пошел его искать. Два удэхейца вызвались меня провожать. Под берегом, шагах в пятидесяти от балагана, мы нашли Логада спящим на охапке сухой травы.

Одет он был в куртку и штаны из выделанной изюбровой кожи и сохатиные унты, на голове имел белый капюшон и маленькую шапочку с соболиным хвостиком. Волосы на голове у него заиндевели, спина тоже покрылась белым налетом. Я стал усиленно трясти его за плечо. Он поднялся и стал руками снимать с ресниц иней. Из того, что он не дрожал и не подергивал плечами, было ясно, что он не озяб.

— Тебе не холодно? — спросил я его удивленно.

— Нет,— отвечал он и тотчас спросил: — Что случилось?

Удэхейцы сказали ему, что я беспокоился о нем и долго искал в темноте. Логада ответил, что в балагане людно и тесно и потому он решил спать снаружи. Затем он поплотнее завернулся в свою куртку, лег на траву и снова уснул. Я вернулся назад в балаган и рассказал Дерсу о случившемся.

— Ничего, капитан,— ответил мне гольд.— Эти люди холода не боится. Его постоянно сопка живи, соболя гоняй. Где

застанет ночь, там и спи. Его постоянно спину на месяце греет.

Когда рассвело, удэхейцы опять пошли ловить рыбу. Теперь они применяли другой способ. Над прорубью была поставлена небольшая кожаная палатка, со всех сторон закрытая от света. Солнечные лучи проникали под лед и освещали дно реки. Ясно, отчетливо были видны галька, ракушки, песок и водоросли. Спущенная в воду острога немного не доставала дна. Таких палаток было поставлено четыре, вплотную друг к другу. В каждой палатке село по одному человеку; все другие пошли в разные стороны и стали тихонько гнать рыбу. Когда она подходила близко к проруби, охотники кололи ее острогами. Охота эта была еще добычливее, чем предыдущая. За ночь и за день удэхейцы поймали 22 тайменя, 136 кунж, 240 морских форелей и очень много красноперки.

На возвратном пути от моря к фанзам моя собака выгнала каких-то четырех птиц. Они держались преимущественно на песке и по окраске так подходили к окружающей обстановке, что их совершенно нельзя было заметить даже на близком расстоянии; вторично я увидел птиц только тогда, когда они поднялись на воздух. Я стрелял и убил одну из них. Это оказалась саджа, вероятно, случайно занесенная сюда ветром из Восточной Монголии. В Зауссурийском крае птица эта появилась впервые. Когда я показал ее туземцам, они стали шумно высказывать свое удивление и говорили, что никогда такой птицы не видели. Они сейчас же окрестили ее по-своему: «мафа» (медведь). Такое название они дали потому, что ноги ее напоминали ступню медведя.

Вскоре я убедился, что виденные мною птицы не были единственными. По дороге мы встретили их еще несколько стаек. Впоследствии я узнал, что в конце ноября того же года садж видели около залива Ольги и около реки Самарги. Птицы эти продержались с неделю, затем исчезли так же неожиданно, как и появились.

Пока делались нарты и лыжи, я экскурсировал по окрестностям, но бо́льшую часть времени проводил дома. Надо было все проверить, предусмотреть. Из личного опыта я знал, что нельзя игнорировать многовековой опыт туземцев. Впоследствии я имел много случаев благодарить удэхейцев за то, что слушался их советов и делал так, как они говорили.

2 декабря стрелки закончили все работы. Для окончательных сборов им дан был еще один день. На Бикин до первого китайского поселка с нами решил идти старик маньчжур Чиши-у. 4-го числа после полудня мы занялись укладкой

грузов на нарты. На утро оставалось собрать только свои постели и напиться чаю.

Вечером удэхейцы камланили [1]. Они просили духов дать нам хорошую дорогу и счастливую охоту в пути. В фанзу набралось много народу. Китайцы опять принесли ханшин и сласти. Вино подействовало на удэхейцев возбуждающим образом. Всю ночь они плясали около огней и под звуки бубнов пели песни.

Перед рассветом я ушел в самую дальнюю китайскую фанзу и там немного соснул.

Утро 4 декабря было морозное: — 19° С. Барометр стоял на высоте 756 мм. Легкий ветерок тянул с запада. Небо было

безоблачное, глубокое и голубое. В горах белел снег.

Первое выступление в поход всегда бывает с опозданием. Обыкновенно задержка происходит у провожатых: то у них обувь не готова, то они еще не поели, то на дорогу нет табаку и т. д.

Только к 11 часам утра, после бесконечных понуканий, нам удалось-таки, наконец, тронуться в путь. Китайцы вышли провожать нас с флагами, трещотками и ракетами.

За последние четыре дня река хорошо замерзла. Лед был ровный, гладкий и блестел, как зеркало. Вследствие образования донного льда и во время рекостава вода в реке поднялась выше своего уровня и заполнила все протоки. Это позволило нам сократить путь и идти напрямик, минуя извилины реки и такие места, где лед стал торосом.

Наш обоз состоял из восьми нарт [2]. В каждой нарте было по 30 килограммов полезного груза. Ездовых собак мы не имели, потому что у меня не было денег, да и едва ли на Кусуне нашлось бы их столько, сколько надо. Поэтому нарты нам пришлось тащить самим.

Удэхейский способ перевозки грузов зимою заключается в следующем. К передней части нарты привязывается веревка или ремень, которые оканчиваются лямкой, одеваемой через плечо. Сбоку, к ближайшей стойке у полоза, прикрепляется длинная жердь, называемая правилом. Человек держит правило правой рукой, направляет нарту и поддерживает ее при крутых поворотах.

Погода нам благоприятствовала. Нарты бежали по льду легко. Люди шли весело, шутили и смеялись.

Между реками Че и Цзава, посреди реки Кусуна, высится одинокая скала, которую туземцы называют Чжеле-Кадани. Старик Люрл рассказывал мне, что однажды он с другими

---

[1] То есть шаманили.

[2] Двое нарт принадлежали сопровождавшим нас туземцам.

охотниками долгое время стоял биваком около этой скалы. Один из удэхейцев заметил на вершине ее тигра. Он лежал на боку без движения. Удэхейцы простояли здесь несколько суток. За это время два раза шел снег. Он совершенно закрыл зверя. Вдруг, к удивлению их, на утро шестого дня зверь поднялся, встряхнулся и стал спускаться к реке. Тогда они поняли, что тигр был мертвым только на время (он может всегда делать это по своему желанию). Душа его (ханя) оставила тело и странствовала где-то далеко, потом вернулась назад, и тигр ожил снова. Удэхейцы испугались и убежали. С этой поры скала Чжеле-Кадани стала запретной. Другим таинственным местом в нижнем течении, с левой стороны Кусуна, будет скала, похожая на человеческое лицо. Удэхейцы называют ее Када-Дэлин, то есть Каменная голова.

По наблюдениям туземцев, лососевые рыбы идут по реке Кусуну неодинаково: кета идет до реки Сололи, горбуша до Бягаму и, как всегда, дальше всех забирается мальма. Особенно много ее бывает на реке Агдыне.

Река Кусун длиной около ста километров. Начало она берет с Сихотэ-Алиня и течет по кривой к северо-востоку. По характеру Кусун будет такая же быстрая и порожистая река, как и Такема. С реки Кусуна видны ближайшие отроги Сихотэ-Алиня. В истоках Ионя 1-я, Ионя 2-я, Ионя 3-я и Олосо находятся высокие горы Ионя-Кямони; их хорошо видно с моря. По словам удэхейцев, в котловине между тремя их вершинами есть озеро с пресной водой.

Породы, из которых слагаются ближайшие горы, в последовательном порядке от моря вверх по течению реки располагаются так: сначала базальты, потом андезиты и порфириты, затем какая-то темная лава с пустотами, выполненными ярко-зелеными конкрециями; далее следует мелкозернистый базальт и около реки Буй авгитовый андезит. Выше реки Буй километров на десять есть каменный уголь. Лет тридцать тому назад, во время пала, он загорелся и с той поры все время тлеет под землею. Другие выходы каменного угля на дневную поверхность находятся по ключику Необе, с левой стороны Кусуна, в 25 километрах от моря.

Еще недавно вся долина Кусуна была покрыта густыми смешанными лесами. Два больших пожара, следовавших один за другим, уничтожили их совершенно. Теперь Кусунская долина представляет собою сплошную гарь. Особенно сильно выгорели леса на реках Буй, Холосу, Фу, Бягаму, Сололи и Цзава 3-я. Живой лес сохранился еще только по рекам Одо, Агдыне и Сидэкси (она же Сиденгей).

Из животных в долине Кусуна обитают: изюбр, дикая коза, кабарга, куница, хорек, соболь, росомаха, красный

волк, лисицы, бурый медведь, рысь и тигр. Последнего чаще видят на реках Сиденгей 2-я и Оддэгэ.

В этот день мы прошли мало и рано стали биваком. На первом биваке места в палатке мы заняли случайно, кто куда попал. Я, Дерсу и маньчжур Чиши-у разместились по одну сторону огня, а стрелки — по другую. Этот порядок соблюдался уже всю дорогу.

Зимой, в особенности во время сильных ветров, надо умело ставить двускатную палатку. Остов ее складывается из тальниковых жердей, всегда растущих около реки в изобилии, и со всех сторон обтягивается полотнищами; вверху оставляется отверстие для выхода дыма. Для того чтобы в палатке

была тяга, надо немного приподнять одно из полотнищ (обыкновенно это делается со стороны входа). Но зато внутрь палатки вместе с чистым воздухом входит и холод. В этом случае опять-таки нам помог находчивый Дерсу. Он принес дуплистое дерево и положил его на землю так, что один конец его пришелся около костра, а другой остался снаружи. Это дуплистое дерево было отличным поддувалом. Сразу установилась тяга, и воздух в палатке очистился. На постели стрелки нарезали ельника и сверху прикрыли его сухой травою. Ночью все спали очень хорошо.

На другой день (5 декабря) я проснулся раньше всех, оделся и вышел из палатки. Предрассветные сумерки оттесняли ночную тьму на запад. Занималась заря. Мороз звонко пощелкивал по лесу; термометр показывал — 20° С. От полыней на реке подымался пар. Деревья, растущие вблизи их, убрались инеем и стали похожими на белые кораллы. Около проруби играли две выдры. Они двигались как-то странно, извиваясь, как змеи, и издавали звуки, похожие на свист и хихиканье. Иногда одна из них подымалась на задние ноги и озиралась по сторонам. Я наблюдал за выдрами из кустов, но все же они учуяли меня и нырнули в воду.

На обратном пути я занялся охотой на рябчиков и подошел к биваку с другой стороны. Дым от костра, смешанный с паром, густыми клубами валил из палатки. Там шевелились люди, вероятно, их разбудили мои выстрелы.

Напившись чаю и обувшись потеплее, стрелки весьма быстро сняли палатки и увязали нарты. Через какие-нибудь полчаса мы были уже в дороге. Солнце взошло в туманной мгле и багровое. Начался очередной день.

По тем островкам живого леса, которые в виде оазисов сохранились по сторонам реки, можно было судить о том, какая в этих местах была растительность. Здесь в изобилии росли кедр и тополь, там и сям виднелись буро-серые ветки кустарникового клена с сухими розоватыми плодами, а ря-

дом с ним — амурская сирень, которую теперь можно было узнать только по пучкам засохших плодов на вершинах голых ветвей с темно-серою корою. Ближе удалось рассмотреть куст жасмина и амурский барбарис, с сохранившимися замерзшими плодами.

К зиме в Зауссурийском крае количество пернатых сильно сократилось. Чаще всего встречались клесты — пестрые миловидные птички с клювами, половинки которых заходят друг за друга. Они собирались в маленькие стайки, причем красного цвета самцы держались особняком от желто-серых самок. Клесты часто спускались вниз, что-то клевали на земле и подпускали к себе так близко, что можно было в деталях рассмотреть их оперение. Даже будучи вспугнуты, они не отлетали далеко, а садились тут же, где-нибудь поблизости. Затем в порядке уменьшения особей следует указать на поползней. Я узнал их по окраске и по голосу, похожему на тихий писк. В одном месте я заметил двух японских корольков — маленьких птичек, прятавшихся от ветра в еловых ветвях. Там и сям мелькали пестрые дятлы с белым и черным оперением с красным надхвостием. Для этих задорных и крикливых птиц, казалось, не страшны были холод и ветер. Рыжие сойки, крикливые летом и молчаливые зимой, тоже забились в самую чащу леса. Увидя нас, они принимались пронзительно кричать, извещая своих товарок о грозящей опасности. Попадались также большеклювые вороны и какие-то дневные хищники, которых за дальностью расстояния рассмотреть не удалось. По проталинам, на притоках реки, раза два мы спугнули белых крохалей. Они держались парами,— вероятно, самцы и самки. Сабитов убил одного крохаля из винтовки. Пуля разорвала его на части, и я очень сожалел, что с птицы нельзя было снять шкуру для определения.

Часа в четыре мы дошли до ключика Олосо. Отсюда начались гари.

Дальше в этот день мы не пошли; выбрав небольшой островок, мы залезли в самую чащу и там уютно устроились на биваке.

Вечером стрелки рассказывали друг другу разные страхи, говорили о привидениях, домовых, с кем что случилось и кто что видел.

Странное дело: стрелки верили в существование своих чертей, но в то же время с недоверием и с насмешками относились к чертям удэхейцев. То же самое и в отношении религии; я неоднократно замечал, что удэхейцы к чужой религии относятся гораздо терпимее, чем европейцы. У первых невнимание к чужой религии никогда не заходит дальше

равнодушия. Это можно было наблюдать и у Дерсу. Когда стрелки рассказывали разные диковинки, он слушал, спокойно курил трубку и на лице его нельзя было заметить ни улыбки, ни веры, ни сомнения.

Утром 6 декабря мы встали до света. Термометр показывал — 21° С. С восходом солнца ночной ветер начал стихать, и от этого как будто стало теплее.

Раньше, когда долина Кусуна была покрыта лесом, здесь водилось много соболей. Теперь это пустыня. На горах выросли осинники и березняки, а места поемных лесов заняли тонкоствольные тальники, ольшаники и молодая лиственница.

В этот день мы дошли до устья реки Буй, которую китайцы называют Уленгоу. Тут мы должны были расстаться с Кусуном и повернуть к Сихотэ-Алиню.

Около устья Уленгоу жил удэхеец Сунцай. Это был типичный представитель своего народа. Он унаследовал от отца шаманство. Жилище его было обставлено множеством бурханов. Кроме того, он славился как хороший охотник и ловкий, энергичный и сильный плаватель на лодках по быстринам реки. На мое предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня Сунцай охотно согласился, но при условии, если я у него простою один день. Он говорил, что ему нужно отправить своего брата на охоту, излечить больную старуху мать и снарядиться самому в далекий путь.

Этой женщине было шестьдесят. Она являлась хранительницей древних традиций, обычаев и обрядов, знала много сказаний, знала, в каких случаях какой налагается штраф (байта), и считалась авторитетной в решении спорных вопросов о калыме при заключении или расторжении браков.

Я согласился пробыть в доме Сунцая весь следующий день и не раскаялся. Сам хозяин и его мать оказались довольно общительными, и потому мне удалось узнать много интересного о шаманстве и записать несколько сказок.

Вечером он угостил нас струганиной. На стол была подана целая замороженная рыба. Это оказался ленок (по размерам немного уступающий молодой горбуше). Мы отбросили предубеждения европейцев к сырой рыбе и оказали ей должную честь.

Глава

20

Через Сихотэ-Алинь

Река Уленгоу.— Гарь.— Наледи.— Труп китайца.— Сбросовый выступ.— Перевал Маака.— Облака и снег.— Западный склон Сихотэ-Алиня.— Дикушка.— Чертова юрта.— Реки Мыге и Бягаму.— Метель.— Бикин в верхнем течении.— Брошенная юрта.—Изгнание черта.— Страхи.— Ночные звуки

Следующие четыре дня (с 9 по 12 декабря) мы употребили на переход по реке Уленгоу. Река эта берет начало с хребта Сихотэ-Алиня и течет сначала к юго-востоку, потом к югу, километров тридцать опять на юго-восток и последние пять километров снова на юг. В средней части Уленгоу разбивается на множество мелких ручьев, теряющихся в лесу среди камней и бурелома. Вследствие из года в год не прекращающихся пожаров лес на горах совершенно уничтожен. Он сохранился только по обоим берегам реки и на островах между протоками.

Глядя на замерзшие протоки, можно подумать, что Уленгоу и летом богата водою. На самом деле это не так. Сбегающая с гор вода быстро скатывается вниз, не оставляя позади себя особенно заметных следов. Зимой же совсем другое дело. Вода заполняет ямы, рытвины, протоки и замерзает. Поверх льда появляются новые наледи, которые все увеличиваются и разрастаются вширь, что в значительной степени облегчало наше продвижение. На больших реках буреломный лес уносится водою, в малых же речках он остается лежать там, где упал. Зная это, мы захватили с собою несколько топоров и две поперечные пилы. При помощи их стрелки быстро разбирали завалы и прокладывали дорогу.

После 1 декабря сильные северо-западные ветры стали стихать. Иногда выпадали совершенно тихие дни. Показания

анемометра колебались теперь в пределах от 60 до 75, но вместе с тем стали увеличиваться морозы.

Чем ближе мы подвигались к перевалу, тем больше становилось наледей. Такие места видны издали по поднимающимся от них испарениям. Чтобы обойти наледи, надо взбираться на косогоры. На это приходится тратить много сил и времени. Особенно надо остерегаться, чтобы не промочить ног. В этих случаях незаменимой является удэхейская обувь из рысьей кожи, сшитая жильными нитками.

Здесь случилось маленькое происшествие, которое задержало нас почти на целый день. Ночью мы не заметили, как вода подошла к биваку. Одна нарта вмерзла в лед. Пришлось

ее вырубить топорами, потом оттаивать полозья на огне и исправлять поломки. Наученные опытом, дальше на биваках мы уже не оставляли нарты на льду, а ставили их на деревянные катки.

С каждым днем идти становилось все труднее и труднее. Мы часто попадали то в густой лес, то в каменистые россыпи, заваленные буреломом. Впереди с топором в руках шли Дерсу и Сунцай. Они рубили кусты и мелкие деревья там, где они мешали проходу нарт, или клали их около рытвин и косогоров в таких местах, где нарты могли опрокинуться. Чем дальше мы углублялись в горы, тем снега было больше. Всюду, куда ни глянешь, чернели лишенные коры и ветвей обгоревшие стволы деревьев. Весьма печальный вид имеют эти гари. Нигде ни единого следа, ни одной птицы...

Я, Сунцай и Дерсу шли впереди; стрелки продвигались медленно. Сзади слышались их голоса. В одном месте я остановился для того, чтобы осмотреть горные породы, выступающие из-под снега. Через несколько минут, догоняя своих приятелей, я увидел, что они идут нагнувшись и что-то внимательно рассматривают у себя под ногами.

— Что такое? — спросил я Сунцая.

— Один китайский люди три дня назад ходи,— отвечал Дерсу.— Наша след его найди.

Действительно, кое-где чуть-чуть виднелся человеческий след, совсем почти запорошенный снегом. Дерсу и Сунцай заметили еще одно обстоятельство; они заметили, что след шел неровно, зигзагами, что китаец часто садился на землю и два бивака его были совсем близко один от другого.

— Больной,— решили они.

Мы прибавили шагу.

Следы все время шли по реке. По ним видно было, что китаец уже не пытался перелезать через бурелом, а обходил

его стороною. Так прошли мы еще с полчаса. Но вот следы круто повернули в сторону. Мы направились по ним. Вдруг с соседнего дерева слетели две вороны.

— А-а! —сказал, остановившись Дерсу,— люди помирай есть.

Действительно, шагах в пятидесяти от речки мы увидели китайца. Он сидел на земле, прислонившись к дереву, локоть правой руки его покоился на камне, а голова склонилась на левую сторону. На правом плече сидела ворона. При нашем появлении она испуганно снялась с покойника.

Глаза умершего были открыты и запорошены снегом. Из осмотра места вокруг усопшего мои спутники выяснили, что когда китаец почувствовал себя дурно, то решил стать на бивак, снял котомку и хотел было ставить палатку, но силы оставили его; он сел под дерево и так скончался. Маньчжур Чиши-у, Сунцай и Дерсу остались хоронить китайца, а мы пошли дальше.

Целый день мы работали не покладая рук, даже не останавливаясь на обед, и все же прошли не больше десяти километров. Бурелом, наледи, кочковатые болота, провалы между камней, занесенные снегом, создавали такие препятствия, что за восемь часов пути нам удалось сделать только $4^1/_4$ километра, что составляет в среднем 560 метров в час. К вечеру мы подошли к гребню Сихотэ-Алиня. Барометр показывал 700 метров.

Следующий день был 14 декабря. Утро было тихое и морозное. Солнце взошло красное и долго не давало тепла. На вершинах гор снег окрасился в нежно-розовый цвет, а в теневых местах имел синеватый оттенок.

Осматривая окрестности, я заметил в стороне клубы пара, подымавшегося с земли.

Я кликнул Дерсу и Сунцая и отправился туда узнать, в чем дело. Это оказался железисто-сернистый водородный теплый ключ. Окружающая его порода красного цвета; накипь белая, известковая; температура воды + 27° С. Удэхейцам хорошо известен теплый ключ на Уленгоу как место, где всегда держатся лоси, но от русских они его тщательно скрывают.

От горячих испарений, кроме источника, все заиндевело; камни, кусты лозняка и лежащий на земле валежник покрылись причудливыми узорами, блеставшими на солнце, словно алмазы. К сожалению, из-за холода я не мог взять с собою воды для химического анализа.

Пока мы ходили по теплому источнику, стрелки успели снять палатку и связать спальные мешки.

Сразу с бивака начался подъем на Сихотэ-Алинь. Сначала мы перенесли на вершину все грузы, а затем втащили пустые нарты.

На самом перевале стояла маленькая китайская кумирня со следующей надписью: «Си-жи Циго вей-дассуай. Цзинь цзай да цин чжей шай линь». (В древности в государстве Ци был главнокомандующим. Теперь при дациньской династии охраняет леса и горы.)

В проекции положение этой части Сихотэ-Алиня представляется ломаной линией. Она идет сначала на северо-восток, потом делает изгиб к востоку и затем опять на северо-северо-восток. Здесь Сихотэ-Алинь представляет собою как бы сбросовый выступ (горст). Впоследствии во многих местах произошли повторные обвалы, позади сползшей земли скопилась вода и образовались водоемы. С восточной стороны подъем на Сихотэ-Алинь очень крутой. Истоки реки Буй (Уленгоу) представляют собою несколько мелких ручьев, сливающихся в одно место. Эти овраги делают местность чрезвычайно пересеченной. По барометрическим измерениям, приведенным к уровню моря, абсолютная высота перевала измеряется в 860 метров. Я назвал его именем Маака, работавшего в 1855 году в Амурском крае. Две высоты по сторонам перевала имеют туземные названия: правая — Атаксеони, высотой в 1120, и левая — Адахуналянгзянь, высотою в 1000 метров. Мои спутники окрестили их Горелым конусом и горой Гребенчатой.

Восточный склон Сихотэ-Алиня совершенно голый. Трудно представить себе местность более неприветливую, чем истоки реки Уленгоу. Даже не верится, чтобы здесь был когда-нибудь живой лес. Немногие деревья остались стоять на своих корнях. Сунцай говорил, что раньше здесь держалось много лосей, отчего и река получила название Буй, что значит сохатый; но с тех пор как выгорели леса, все звери ушли и вся долина Уленгоу превратилась в пустыню.

Солнце прошло по небу уже большую часть своего пути, когда стрелки втащили на перевал последнюю нарту.

Весь день стояла хорошая, ясная и солнечная погода. Термометр показывал — 17,5° С. Барометр стоял на 685. Легкий ветер гнал с востока небольшие кучевые облака. Издали они казались идущими высоко по небу, но по мере приближения к Сихотэ-Алиню как будто опускались к земле. Над водоразделом облака проходили совсем низко и принимали какой-то серовато-желтый оттенок. Каждое облачко разряжалось тончайшею искрящейся снежною пылью. Тогда вокруг солнца появлялись радужные венцы, но, как только облако проходило мимо, световое явление исчезало.

Западный склон Сихотэ-Алиня пологий, но круче, чем в истоках Арму. За перевалом сразу начинается лес, состоящий из ели, пихты и лиственницы. По берегам речек растет береза с желтою мохнатою корою, горный клен и ольха.

Обилие мхов и влаги не позволило пожарам распространиться дальше водораздела, хотя и с этой стороны кое-где выделялись выгоревшие плешины; в бинокль ясно было видно, что это не осыпи, а места пожарищ.

Увязав нарты, мы тотчас тронулись в путь.

Лес, покрывающий Сихотэ-Алинь, мелкий, старый, дровяного характера. Выбор места для бивака в таком лесу всегда доставляет много затруднений: попадешь или на камни, опутанные корнями деревьев, или на валежник, скрытый под мхом. Еще больше забот бывает с дровами. Для горожанина покажется странным, как можно идти по лесу и не найти дров... А между тем это так. Ель, пихта и лиственница бросают искры; от них горят палатки, одежда и одеяла. Ольха — дерево мозглое, содержит много воды и дает больше дыму, чем огня. Остается только каменная береза. Но среди хвойного леса на Сихотэ-Алине она попадается одиночными экземплярами. Сунцай, знавший хорошо эти места, скоро нашел все, что нужно было для бивака. Тогда я подал сигнал к остановке.

Стрелки стали ставить палатки, а я с Дерсу пошел на охоту в надежде, не удастся ли где-нибудь подстрелить сохатого. Недалеко от бивака я увидел трех рябчиков. Они ходили по снегу и мало обращали на нас внимания. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня.

— Не надо, не надо,— сказал он торопливо.— Их можно так бери.

Меня удивило то, что он подходил к птицам без опаски, но я еще более удивился, когда увидел, что птицы не боялись его и, словно домашние куры, тихонько, не торопясь отходили в сторону. Наконец, мы подошли к ним метра на четыре. Тогда Дерсу взял нож и, нимало не обращая на них внимания, начал рубить молоденькую елочку, потом очистил ее от сучков и к концу привязал веревочную петлю. Затем он подошел к птицам и надел петлю на шею одной из них. Пойманная птица забилась и стала махать крыльями. Тогда две другие птицы, соображая, что надо лететь, поднялись с земли и сели на растущую вблизи лиственницу: одна на нижнюю ветку, другая у самой вершины. Полагая, что птицы теперь сильно напуганы, я хотел было стрелять, но Дерсу опять остановил меня, сказав, что на дереве их ловить еще удобнее, чем на земле. Он подошел к лиственнице и тихонько поднял палку, стараясь не шуметь. Надевая петлю

7 Зак. 2412

на шею нижней птице, он по неосторожности задел ее палкой по клюву. Птица мотнула головой, поправилась и опять стала смотреть в нашу сторону. Через минуту она беспомощно билась на земле. Третья птица сидела так высоко, что достать ее с земли было нельзя. Дерсу полез на дерево. Лиственница была тонкая, жидкая. Она сильно качалась. Глупая птица, вместо того чтобы улететь, продолжала сидеть на месте, крепко ухватясь за ветку своими ногами, и балансировала, чтобы не потерять равновесия. Как только Дерсу мог достать ее палкой, он накинул ей петлю на шею и стащил вниз. Таким образом мы поймали всех трех птиц, не сделав ни одного выстрела. Тут только я заметил, что они были

крупнее рябчиков и имели более темное оперение. Кроме того, у самца были еще красные брови над глазами, как у тетеревов. Это оказался черный рябчик, или «дикушка», обитающий в Уссурийском крае исключительно только в хвойных лесах Сихотэ-Алиня, к югу до истоков Арму. Он совершенно не оправдывает названия «дикушки», данного ему староверами. Быть может, они окрестили его так потому, что он живет в самых диких и глухих местах. Китайцы называют его «дашугирл» (то-есть большой рябчик). Исследования зоба дикушки показали, что она питается еловыми иглами и брусникой.

Когда мы подходили к биваку, были уже глубокие сумерки. Внутри палатки горел огонь, и от этого она походила на большой фонарь, в котором зажгли свечу. Дым и пар, освещенный пламенем костра, густыми клубами взвивались кверху. В палатке двигались черные тени: я узнал Захарова с чайником в руках и маньчжура Чиши-у с трубкой во рту. Собаки, услышав, что кто-то идет, с лаем бросились к нам навстречу, но, узнав своих, начали ласкаться. В палатке все работы были уже закончены; стрелки пили чай. Сунцай назвал дикушек по-своему и сказал, что бог Эндури[1] нарочно создал непугливую птицу и велел ей жить в самых пустынных местах для того, чтобы случайно заблудившийся охотник не погиб с голоду.

Вечером мы отпраздновали переход через Сихотэ-Алинь. На ужин были поданы дикушки, потом сварили шоколад, пили чай с ромом, а перед сном я рассказал стрелкам одну из страшных повестей Гоголя.

Утром мы сразу почувствовали, что Сихотэ-Алинь отделил нас от моря: термометр на рассвете показывал —20° С. Здесь мы расстались с Сунцаем. Дальше мы могли идти сами; течение воды в реке должно было привести нас к Би-

---

[1] Божество, сотворившее мир.

кину. Тем не менее Дерсу обстоятельно расспросил его о дороге.

Когда взошло солнце, мы сняли палатки, уложили нарты, оделись потеплее и пошли вниз по реке Ляоленгоузе, имеющей вид порожистой горной речки с руслом, заваленным колодником и камнями. Километрах в пятнадцати от перевала Маака Ляоленгоуза соединяется с другой речкой, которая течет с северо-востока и которую удэхейцы называют Мыге. По ней можно выйти на реку Тахобе, где живут солоны. По словам Сунцая, перевал там через Сихотэ-Алинь низкий, подъем и спуск длинные, пологие. Река Мыге очень извилистая и измеряется пятью десятками километров. Окружающие леса состоят исключительно из хвойных пород.

С утра погода хмурилась. Воздух был наполнен снежной пылью. С восходом солнца поднялся ветер, который к полудню сделался порывистым и сильным. По реке кружились снежные вихри; они зарождались неожиданно, словно сговорившись, бежали в одну сторону, и так же неожиданно пропадали. Могучие кедры глядели сурово и, раскачиваясь из стороны в сторону, гулко шумели, словно роптали на непогоду.

При морозе идти против ветра очень трудно. Мы часто останавливались и грелись у огня. В результате за целый день нам удалось пройти не более десяти километров. Заночевали мы в том месте, где река разбивается сразу на три протоки. Вследствие ветреной погоды в палатке было дымно. Это принудило нас рано лечь спать.

Ночью вокруг луны появилось матовое пятно, неясное и расплывчатое.

Утром 17 декабря состояние погоды не изменилось к лучшему. Ветер дул с прежнею силою: анемометр показывал 220; термометр — 30° С. Несмотря на это, мы все-таки пошли дальше. Заметно, что к западу от Сихотэ-Алиня снегу было значительно больше, чем в прибрежном районе.

Река Мыге в среднем течении имеет 6—7 метров ширины. Во многих местах около берегов видны тонкие ледяные карнизы. Они получились вследствие убыли воды в реке после того, как она сверху замерзла.

В среднем течении река Мыге протекает по широкой долине, покрытой густым хвойно-смешанным лесом. Из лиственных пород здесь произрастают ольха, черемуха, тальники, осина, осокорь и береза. Судя по следам, которые мы видели в пути, можно заключить, что на Мыге водятся лось, кабарга, волк, выдра, белка, соболь и, вероятно, медведь.

19 декабря наш отряд достиг реки Бягаму, текущей с юго-востока, по которой можно выйти на реку Кусун. Эта река

и по величине, и по обилию воды раза в два больше Мыге. Близ своего устья она около 20 метров ширины и 1—1½ метра глубиною. По словам удэхейцев, вся долина Бягаму покрыта гарью; лес сохранился только около Бикина. Раньше Бягаму было одно из самых зверовых мест; особенно много было здесь лосей. Ныне это пустыня. После пожаров все звери ушли на Арму и Кулумбе, притоки Имана.

Пройдя по Бягаму еще два километра, мы стали биваком на левом ее берегу в густом ельнике. По счету это был наш двенадцатый бивак от моря.

В сумерки Захаров ходил на охоту, но вместо дичи принес рыбу, которую он нашел в яме подо льдом. Это были красно-

перка, затем толпыга и ленок — всего девять рыб.

20 декабря мы употребили на переход до Бикина. Правый берег Бягаму нагорный, левый — низменный и лесистый. Горы носят китайское название Бэй-си-лаза и Данцанза. Голые вершины их теперь были покрыты снегом и своей белизной резко выделялись из темной зелени хвои.

Бягаму огибает Бэй-си-лаза с юга и затем поворачивает на запад.

В нижнем течении река разбивается на протоки попарно, образуя острова, покрытые лесом. В верховьях ее растут лиственница, ель и пихта, в среднем течении встречается кедр, а внизу по долине растут хорошие смешанные леса, состоящие из ясеня, ильма, тополя, осокоря, ольхи, черемухи, сирени, бересклета, липы и тонкоствольного тальника.

Я измерил несколько елей. Из сорока измерений в четырех местах (по 10 измерений в каждом) я получил следующие цифры: 44, 80, 103 и 140 сантиметров. Цифры эти указывают на лучшие качества леса по мере удаления от Сихотэ-Алиня.

Из крупных млекопитающих в верховьях Бягаму встречаются лось, рысь, бурый медведь и росомаха; ниже по течению — изюбр, кабан и тигр. Из царства пернатых я встретил на снегу следы глухарей, затем несколько раз видел большеклювых ворон, соек, ореховок, ронж, пестрых дятлов, желн, поползней и снегирей. Дерсу сообщил мне, что зимой, когда начинают замерзать реки, все крупные пернатые хищники спускаются к низовьям рек, где им легче найти себе пропитание.

Бягаму встречает Бикин рекою шириною около 100 и глубиною в 2—2½ метра.

Бикин (по-удэхейски Бики и по-китайски Дизинхе) — одна из самых больших рек Уссурийского края. Она длиною около 500 километров, истоки ее находятся в горах Сихотэ-Алиня на широте мыса Гладкого.

Невдалеке от устья реки Бягаму стояла одинокая удэхейская юрта. Видно было, что в ней давно уже никто не жил. Такие брошенные юрты в представлении туземцев всегда служат обиталищем злых духов.

По времени нам пора было устраивать бивак. Я хотел было войти в юрту, но Дерсу просил меня подождать немного. Он накрутил на палку бересту, зажег ее и, просунув факел в юрту, с криками стал махать им во все стороны. Захаров и Аринин смеялись, а он пресерьезно говорил им, что, как только огонь вносится в юрту, черт вместе с дымом вылетает через отверстие в крыше. Только тогда человек может войти в нее без опаски.

Стрелки вымели из юрты мусор, полотнищем палатки завесили вход и развели огонь. Сразу стало уютно. Кругом разлилась приятная теплота.

Поздно вечером солдаты опять рассказывали друг другу страшные истории: говорили про мертвецов, кладбища, пустые дома и привидения. Вдруг что-то сильно бухнуло на реке — точно выстрел из пушки. Рассказчик прервал свою речь на полуслове. Все испуганно переглянулись.

— Лед треснул,— сказал Захаров.

Дерсу повернул голову в сторону шума и громко закричал что-то на своем языке.

— Кому ты кричишь? — спросил я его.

— Наша прогнал черта из юрты, теперь его сердится — лед ломает,— отвечал гольд.

И, высунув голову за полотнища палатки, он опять стал громко говорить кому-то в пространство.

— Все равно, наша не боится. Тебя надо другой место ходи. Там, выше, есть еще одна пустая юрта.

Когда Дерсу вернулся на свое место, лицо его было опять равнодушно сосредоточенное. Солдаты фыркали в кулак, а между тем со своими домовыми они так же были наивны, как и Дерсу со своим чертом.

В это время где-то далеко снова треснул лед.

— Уехал,— сказал Дерсу довольным тоном и махнул рукой в сторону шума.

Я оделся и вышел из юрты. Ночь была ясная. По чистому безоблачному небу плыла полная луна. Снег искрился на льду, и от этого казался еще светлее. В ночном воздухе опять воцарилось спокойствие.

Покончив с работой, я еще раз напился чаю, завернулся в одеяло и, повернувшись спиной к огню, сладко уснул.

Глава

21

Зимние праздники

Река Бикин в среднем течении.— Зимняя охота на кабанов.— Вечеринка в юрте.— Недоразумение с разменом денег.— Представление туземцев о расстояниях.— Елка в лесу.— Игры на льду.— Лотерея

Как надо было ожидать, к рассвету мороз усилился до 32° С. Чем дальше мы отходили от Сихоте-Алиня, тем ниже падала температура. Известно, что в прибрежных странах очень часто на вершинах гор бывает теплее, чем в долинах. Очевидно, с удалением от моря мы вступили в «озеро холодного воздуха», наполнявшего долину реки Уссури.

С восходом солнца мы тронулись в путь.

От устья Бягаму Бикин, если не считать его частичные изгибы, течет все время на запад. С правой стороны на значительном протяжении тянется высокий террасообразный берег, похожий на плоскогорье и известный у китайцев под названием Лао-бей-лаза. Это мощный лавовый покров. Верхний слой базальта превратился в глину, что и послужило причиной заболачивания террасы, а это в свою очередь повлияло на растительность. Поэтому мы видим здесь только березняки, осинники и тощую лиственницу.

С плоскогорья Лао-бей-лаза стекают два ключа: Кямту и Сигими Бяса. Далее, с правой стороны, в Бикин впадают: река Бэй-си-лаза, стекающая с горы того же имени, маленький ключик Музейза и река Лаохозен, получившая свое название от слова «лахоу», что значит тигр. По рассказам удэхейцев, несколько лет тому назад здесь появился тигр, который постоянно ходил по соболиным ловушкам, ломал западни и пожирал все, что в них попадалось.

Ни одна река так сильно не разбивается на протоки, как Бикин. Удэхейцы говорят, что есть места, где можно насчитать двадцать две протоки. Течение Бикина гораздо спокойнее, чем течение Имана, но русло его завалено топлым ле-

сом, что очень затрудняет плавание на лодках. От устья Бягаму до железной дороги около 350 километров.

Немного ниже Лаохозена находится небольшое удэхейское стойбище, носящее то же название и состоящее из трех юрт.

Мы подошли к нему в сумерки. Появление неизвестных людей откуда-то «сверху» напугало удэхейцев, но, узнав, что в отряде есть Дерсу, они сразу успокоились и приняли нас очень радушно. На этот раз палаток мы не ставили и разместились в юртах.

Вечером я расспрашивал удэхейцев об их жизни на Бикине и об отношениях их к китайцам.

М. Венюков, путешествовавший в Уссурийском крае в 1857 году, говорит, что тогда на реке Бикин китайцев не было вовсе, а жили только одни удэхейцы (он называет их орочонами). Сыны Поднебесной империи появились значительно позже. Они занесли сюда оспу, которая свирепствовала так сильно, что от некоторых стойбищ не осталось ни одного человека. В 1895 году на Бикине население состояло только из 306 душ обоего пола. Прибывшие на Бикин китайцы скоро превысили в численности удэхейцев, подчинили их себе и сделались полными хозяевами реки. Тогда удэхейцы впали в неоплатные долги и очутились в положении рабов. Рассказы о бесчеловечном обращении с ними китайцев полны ужаса: людей убивали, продавали, как скотину, избивали палками... Чтобы узнать о числе пойманных соболей, китайцы нередко прибегали к пыткам. Так продолжалось до тех пор, пока на помощь удэхейцам не пришел начальник Ястребов. С воинской командой он поднялся по реке и выселил с Бикина всех китайцев, оставив только стариков и калек. Эта мера помогла, удэхейцы вздохнули свободнее, но в последние годы опять начался наплыв китайцев на Бикин. На этот раз они колонизировались в местности Сигоу.

Уже две недели, как мы шли по тайге. По тому, как стрелки и казаки стремились к жилым местам, я видел, что они нуждаются в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная ночевка. Поэтому я решил сделать дневку в Лаохозенском стойбище. Узнав об этом, стрелки в юртах стали соответственно располагаться. Бивачные работы отпадали: не нужно было рубить хвою, таскать дрова и т. д. Они разулись и сразу приступили к варке ужина.

В сумерки возвратились с охоты юноши-удэхейцы и сообщили, что недалеко от стойбища они нашли следы кабанов и завтра намерены устроить на них облаву. Охота обещала быть интересной, и я решил пойти вместе с ними.

Зимой, если снега выпадут глубокие, амурские туземцы охотятся за кабанами на лыжах. Дикие свиньи убегают да-

леко, но скоро устают. Тогда охотники догоняют их и убивают копьями. Ружей на такую охоту не берут ради экономии патронов, которые в тайге всегда очень дороги. Кроме того, охота с копьем нравится удэхейцам как спорт. Здесь молодые люди имеют случай показать свою силу и ловкость.

С вечера они стали готовиться: перетянули ремни у лыж и подточили копья. Так как завтра выступление было назначено до восхода солнца, то после ужина все рано легли спать.

Было еще темно, когда я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо. Я проснулся. В юрте ярко горел огонь. Удэхейцы уже приготовились; задержка была только за мной.
200 Я быстро оделся, сунул два сухаря в карман и вышел на берег реки.

Чуть брезжилось; звезды погасли одна за другою; побледневший месяц медленно двигался навстречу легким воздушным облачкам. На другой стороне неба занималась заря. Утро было холодное. В термометре ртуть опустилась до — 39° С. Кругом царила торжественная тишина; ни единая былинка не шевелилась. Темный лес стоял стеной и, казалось, прислушивался, как трещат от мороза деревья. Словно щелканье бича, звуки эти звонко разносились в застывшем утреннем воздухе.

Удэхейцы шли впереди, а я следовал за ними. Пройдя немного по реке Лаохозен, они свернули в сторону, затем поднялись на небольшой хребет и спустились с него в соседний распадок. Тут охотники стали совещаться. Поговорив немного, они снова пошли вперед, но уже тихо, без разговоров.

Через полчаса стало совсем светло. Солнечные лучи, осветившие вершины гор, известили обитателей леса о наступлении дня.

В это время мы как раз дошли до того места, где юноши накануне видели следы кабанов.

Надо заметить, что летом дикие свиньи отдыхают днем, а ночью кормятся. Зимой обратное: днем они бодрствуют, а на ночь ложатся. Значит, вчерашние кабаны не могли уйти далеко. Началось преследование.

Я первый раз в жизни видел, как быстро удэхейцы ходят по лесу на лыжах. Вскоре я начал отставать от удэхейцев и затем потерял их из виду совсем. Бежать за ними вдогонку не имело смысла, и потому я пошел по их лыжне, не торопясь. Так прошел я, вероятно, с полчаса; наконец, устал и сел отдохнуть. Вдруг позади меня раздался какой-то шум. Я обернулся и увидел двух кабанов, мелкой рысцой перебегавших мне дорогу. Я быстро поднял ружье и выстрелил, но промахнулся. Испуганные кабаны бросились в сторону. Не

найдя крови на следах, я решил их преследовать. Минут через пятнадцать или двадцать я снова догнал кабанов. Они, видимо, устали и шли с трудом по глубокому снегу. Вдруг животные почуяли опасность и, словно солдаты по команде, быстро повернулись ко мне головами. По тому, как они двигали челюстями, и по звуку, который долетал до меня, я понял, что они подтачивали клыки. Глаза животных горели, ноздри были раздуты, уши настороженны. Будь один кабан, я, может быть, стрелял бы, но передо мной были два секача. Несомненно, они бросятся мне навстречу. Я воздержался от выстрела и решил подождать другого, более удобного случая. Кабаны перестали щелкать клыками; они подняли кверху свои морды и стали усиленно нюхать воздух, затем медленно повернулись и пошли дальше. Тогда я обошел стороною и снова догнал их. Кабаны остановились опять. Один из них клыками стал рвать кору на валежнике. Вдруг животные насторожились, затем издали короткий рев и пошли прокладывать дорогу влево от меня. В это время я увидел четырех удэхейцев. По выражению их лиц я понял, что они заметили кабанов. Я присоединился к ним и пошел сзади. Дикие свиньи далеко уйти не могли. Они остановились и приготовились к обороне. Удэхейцы обошли их кругом и стали сходиться к центру. Это заставило кабанов вертеться то в одну, то в другую сторону. Наконец, они не выдержали и бросились вправо. С удивительной ловкостью удэхейцы ударили их копьями. Одному кабану удар пришелся прямо под лопатку, а другой был ранен в шею. Этот последний ринулся вперед. Молодой удэхеец старался сдержать его копьем, но в это время послышался короткий сухой треск. Древко копья было перерезано клыками кабана, как тонкая хворостинка. Охотник потерял равновесие и упал вперед. Кабан метнулся в мою сторону. Инстинктивно я поднял ружье и выстрелил почти в упор. Случайно пуля попала прямо в голову зверя. Тут только я заметил, что удэхеец, у которого кабан сломал копье, сидел на снегу и зажимал рукой на ноге рану, из которой обильно текла кровь. Когда кабан успел царапнуть его клыком, не заметил и сам пострадавший. Я сделал ему перевязку, а удэхейцы наскоро устроили бивак и натаскали дров. Один человек остался с больным, другой отправился за нартами, а остальные снова пошли на охоту.

Поранение охотника не вызвало на стойбище тревоги; жена смеялась и подшучивала над мужем. Случаи эти так часты, что на них никто не обращал внимания. На теле каждого мужчины всегда можно найти следы кабаньих клыков и когтей медведя.

За день стрелки исправили поломки у нарт, удэхейские женщины починили унты и одежду. Чтобы облегчить людей, я нанял двух человек с нартами и собаками проводить нас до следующего стойбища.

На другой день, 23 декабря, мы продолжали наш путь.

Дальше река Бикин течет по-прежнему на северо-запад. Долина ее то суживается до 200 метров, то расширяется до трех и более километров.

Здесь, в горах, растет преимущественно хвойный строевой лес, а внизу, в долине,— смешанный, состоящий из ясеня, тополя, вяза, ильма, клена, дуба, липы и бархата.

После Лаохозена Бикин принимает в себя справа следующие речки: Сагде-ула, Кангату и Хабагоу, а слева — Чугулян-куни, Давасигчи и Сагде-гэ (по-китайски Ситцихе). С Давасигчи перевал будет опять-таки на реку Арму, в среднем ее течении. Две высокие сопки с правой стороны реки носят название Лао-бей-лаза и Сыфантай.

Около устья реки Давасигчи было удэхейское стойбище, состоящее из четырех юрт. Мужчины все были на охоте, дома остались только женщины и дети. Я рассчитывал сменить тут проводников и нанять других, но из-за отсутствия мужчин это оказалось невозможным. К моей радости, лаохозенские удэхейцы согласились идти с нами дальше.

После полудня мы миновали еще одно стойбище — Канготу. Здесь мы расстались с маньчжуром Чиши-у. Я снабдил его деньгами и продовольствием.

Незадолго до сумерек, немного не доходя реки Хабагоу, мы нашли еще одну жилую юрту и около нее стали биваком. В юрте была молодая женщина с двумя малыми детьми; муж ее тоже был на охоте. На этот раз я остался со стрелками в палатке. Вечером за мной пришел Дерсу и сказал, что женщина просит меня пожаловать к ней в гости. Обыкновенно удэхейские женщины до крайности молчаливы. Они всегда смотрят угрюмо и недоверчиво, не разговаривают с посторонними и часто даже лаконически не отвечают на задаваемые вопросы. В противоположность им наша новая знакомая была очень приветлива, держала себя просто и непринужденно. Она расспрашивала нас о кусунских тазах, о жизни в городе, о железной дороге и т. д. После ужина я попросил ее разменять мне десять рублей. Женщина стала тихонько о чем-то шептаться с Дерсу. Он что-то отвечал ей и громко смеялся. Потом я узнал, что она не понимает толку в деньгах и спрашивала его, не обману ли я ее, если она принесет деньги и предоставит мне самому в них разобраться. Получив успокоительный ответ, она отправилась в амбар и принесла оттуда небольшую берестяную коробочку, укра-

шенную орнаментами. В этой коробочке бумажных денег было рублей сорок. Подавая мне коробку, она сказала, что муж ее предпочитает серебряные деньги бумажным, потому что их можно прятать в земле, а она — потому, что их можно нашивать на одежду.

Я хотел разменять деньги помельче и, положив десятирублевую бумажку ей на колени, стал отбирать из коробки рублевки. Вдруг я увидел на глазах ее слезы.

— Что такое? — спросил я гольда.

— Она говорит,— ответил мне Дерсу,— что ты дал ей одну бумажку, а из коробки взял десять.

Я сказал ей, чтобы она не беспокоилась, что я ее не обману и, когда муж ее придет, то увидит, что я поступил правильно. Но удэхейка отвечала, что муж ее тоже не понимает счета в деньгах, и продолжала заливаться слезами. Чтобы успокоить ее, я отказался от размена денег, положил рублевые бумажки обратно, взял назад свою десятирублевку и подарил ей новенький серебряный полтинник. Тревога мигом сбежала с ее лица; сквозь слезы она улыбнулась, затем принялась нас угощать чумизной кашей с рыбьей икрой и снова стала расспрашивать о жизни удэхейцев, живущих по ту сторону Сихотэ-Алиня.

Часов в девять вечера я вышел из юрты и невольно обратил внимание на небо. Вследствие ли особенной чистоты воздуха или каких-либо иных причин, звезды по величине и яркости лучей казались крупнее, и от этого на небе было светлее, чем на земле. Контур соседних гор и остроконечные вершины елей были видны отчетливо, ясно, зато внизу все утопало во тьме. Неясные, почти неуловимые ухом звуки наполняли сонный воздух; шум от полета ночной птицы, падения снега с ветки на ветку, шелест колеблемой легким дуновением слабого ветерка засохшей былинки — все это вместе не могло нарушить тишины, царившей в природе.

Я подошел к палатке. Стрелки давно уже спали. Я посидел немного у огня, затем снял обувь, пробрался на свое место и тотчас уснул.

На следующий день мы пошли дальше. В горах видны превосходные кедровые леса, зато в долине хвойные деревья постепенно исчезают, а на смену им выступают широколиственные породы, любящие илистую почву и обилие влаги.

Животное население этих лесов весьма разнообразно. Тут водятся тигр, рысь, дикая кошка, белка, бурундук, изюбр, козуля, кабарга, росомаха, соболь, хорек и летяга. Белогрудый медведь встречается по нижнему течению Бикина только до реки Хабагоу; выше будут владения бурого медведя. Когда бывает урожай кедровых орехов, то кабаны поды-

маются до реки Бягаму, если же кедровых орехов уродится мало, то они спускаются книзу, за скалы Сигонку-Гуляни. Бикин по справедливости считается одною из самых рыбных рек в крае. В нем во множестве водятся: вверху — хариус и ленок, по протокам в тинистых водах — сазан, налим и щука, а внизу, ближе к устью,— таймень и сом. Кета поднимается почти до самых истоков.

Около скал Сигонку стояли удэхейцы. От них я узнал, что на Бикине кого-то разыскивают и что на розыски пропавших выезжал пристав, но вследствие глубокого снега возвратился обратно. Я тогда еще не знал, что это касалось меня. По рассказам удэхейцев, дальше были еще две пустые юрты. В этом покинутом стойбище я решил в первый предпраздничный день устроить дневку.

— В каком это месте? — спросил я удэхейцев.

— Бей-си-лаза-датани,— отвечал один из них.

— Сколько верст? — спросил его Захаров.

— Две,— отвечал удэхеец уверенно.

Я попросил его проводить нас, на что он охотно согласился. Мы купили у них сохатиного мяса, рыбы, медвежьего сала и пошли дальше. Пройдя три километра, я спросил проводника, далеко ли до юрты.

— Недалеко,— отвечал он.

Однако мы прошли еще четыре километра, а стойбище, как заколдованное, уходило от нас все дальше и дальше. Пора было становиться на бивак, но обидно было копаться в снегу и ночевать по соседству с юртами. На все вопросы, далеко ли еще, удэхеец отвечал коротко:

— Близко.

За каждым изгибом реки я думал, что увижу юрты, но поворот следовал за поворотом, мыс за мысом, а стойбища нигде не видно было. Так прошли мы еще километров восемь. Вдруг меня надоумило спросить проводника, сколько верст еще осталось до Бей-си-лаза-датани.

— Семь,— отвечал он тем же уверенным тоном.

Стрелки так и сели, и начали ругаться. Оказалось, что наш проводник не имел никакого понятия о верстах. Об этом удэхейцев никогда не следует спрашивать. Они меряют расстояние временем: полдня пути, один день, двое суток и т. д.

Тогда я подал сигнал к остановке. Удэхеец говорил, что юрты совсем близко, но никто ему уже не верил. Стрелки принялись спешно разгребать снег, таскать дрова и ставить палатки. Мы сильно запоздали: глубокие сумерки застали нас за работой. Несмотря на это, бивак вышел очень удобный.

Вечером я угостил своих спутников шоколадом и ромом.

Потом я рассказал им о жизни в древнем Риме, о Колизее и гладиаторах, которые своими страданиями должны были увеселять развращенную аристократию.

Стрелки слушали меня с глубоким вниманием.

Потом я показывал им созвездия на небе. Днем, при солнечном свете, мы видим только землю, ночью мы видим весь мир. Словно блестящая световая пыль была рассыпана по всему небосклону. От тихих сияющих звезд, казалось, нисходил на землю покой, и потому в природе было все так торжественно и тихо.

Следующий день мы простояли на месте.

Еще при отъезде из Владивостока я захватил с собой елочные украшения: хлопушки, золоченые орехи, подсвечники с зажимами, золотой дождь, парафиновые свечи, фигурные пряники и тому подобные подарки: серебряную рюмку, перочинный нож в перламутровой оправе, янтарный мундштук и т. д. Все это я хранил в коллекционных ящиках и берег для праздника.

Около нашей палатки росла небольшая елочка. Мы украсили ее бонбоньерками и ледяными сосульками.

Днем на реке были устроены игры. К вбитому в лед колу привязали две веревки, концы их прикрепили к поясам двух человек и завязали им глаза. Одному в руки был дан колокольчик, а другому — жгут из полотенца. Сущность игры заключалась в том, что один должен был звонить в колокольчик и уходить, а другой подкрадываться на звук и бить звонаря жгутом. Игра эта увлекала всех. Туземцы смеялись до упаду и катались по земле так, что я не на шутку стал опасаться за их здоровье. Когда стемнело, я велел зажечь бенгальские огни. Вечер был ясный и тихий.

При розыгрыше подарков Дерсу выиграл трубку, это вышло как раз кстати. Затем были розданы сласти. Все были довольны и веселы. Пение стрелков далеко разносилось по реке, будило эхо и лесных зверей.

Около полуночи стрелки ушли в палатки и, лежа на сухой траве, рассказывали друг другу анекдоты, острили и смеялись. Мало-помалу голоса их стали затихать, реплики становились все реже и реже. Стрелок Туртыгин пробовал было возобновить разговор, но ему уже никто не отвечал.

Скоро дружный храп возвестил о том, что все уснули.

Глава

22

Нападение тигра

Размен денег.— Замерзание реки.— Таза Китенбу.— Река Катэтабауни.— Перевал на Хор.— Непогода.— Бивак в снегу.— Дерсу и Альпа.— Буря.— Кабаны.— Тревожная ночь.— Тигр.— Рассвет.— Преследование зверя.— Следы.— Возвращение на бивак.— Росомахи

Утром я отпустил обоих проводников. Тут случилось довольно забавное происшествие. Я дал им каждому по десять рублей: одному десять рублей бумажкой, а другому две пятирублевых. Тогда первый обиделся. Я думал, что он недоволен платой, и указал ему на товарища, который явно высказывал удовлетворение. Оказалось совсем иное: удэхеец обиделся на то, что я дал ему одну бумажку, а товарищу две. Я забыл, что они не разбираются в деньгах. Желая доставить удовольствие второму, я дал ему взамен десятирублевой бумажки три трехрублевых и одну рублевую. Тогда обиделся тот, у которого были две пятирублевые бумажки.

Чтобы помирить их, пришлось дать тому и другому бумажки одинакового достоинства. Надо было видеть, с каким довольным видом они отправились восвояси.

После дневки у всех было хорошее настроение; люди шли бодро и весело.

От удэхейцев я узнал, что гроза со снегом, которую мы наблюдали 26 ноября на реке Нахтоху, была одновременно и на Бикине. Первый снег выпал здесь 11 ноября, когда река только что начала замерзать. Лед, прикрытый снегом, уже не утолщался более. Наоборот, там, где снег сдуло ветрами, река промерзла глубоко. Вот почему замерзание местных рек отличается такой неравномерностью. Толщина льда часто колеблется от 1 до 70 сантиметров. Поэтому, если снег выпал рано, то по реке надо ходить осторожно, все время пробуя лед толстой палкой. В этом случае незамени-

мыми являются лыжи. Если лед выдерживает удары палки, можно идти свободно без лыж. Стрелки с недоверием отнеслись к словам удэхейцев и шли, не разбирая, но после одного-двух купаний убедились, что такими советами пренебрегать нельзя.

За день мы прошли километров восемнадцать и стали биваком около реки Катэтабауни.

Здесь оказались три юрты и одна фанза, называемая Сидунгоу. В ней жили два старика: один из них был таза, другой — китаец-соболевщик. Хозяева фанзочки оказались очень гостеприимными и всячески старались нам услужить.

Мне очень хотелось подняться на Хорский перевал. Я стал расспрашивать о дороге. Таза Китенбу (так звали нашего нового знакомого) изъявил согласие быть проводником. Ему, вероятно, было около шестидесяти лет. В волосах на голове у него уже показались серебряные нити, и лицо покрылось морщинами. По внешнему виду он нисколько не отличался от китайцев. Единственным доказательством его туземного происхождения было его собственное заявление. Он рассказывал, что ранее жил на Уссури, но, потесненный русскими переселенцами, перекочевал на реку Бикин, где и живет уже более десяти лет.

Китенбу тотчас же стал собираться. Он взял с собою заплатанное одеяло, козью шкуру и старую, много раз чиненную берданку, я взял чайник, записную книжку и спальный мешок, а Дерсу — полотнище палатки, трубку и продовольствие.

Кроме нас троих, в отряде было еще два живых существа: моя Альпа и другая, принадлежащая тазе, серенькая остромордая собачка со стоячими ушами, с кличкой Кады.

Катэ-Табань (Катэтабауни) — маленькая горная речка, протекающая по долине, суженной близ устья и несколько расширяющейся к истокам. Окружающие ее горы покрыты старым хвойно-смешанным лесом.

С утра стояла хорошая погода. Мы рассчитывали, что к вечеру успеем дойти до зверовой фанзы по ту сторону водораздела. Однако нашим мечтаниям не суждено было сбыться. После полудня небо стало заволакиваться слоистыми облаками; вокруг солнца появились круги, и вместе с тем начал подыматься ветер. Я хотел уже было повернуть назад, но Дерсу успокоил меня, сказав, что пурги не будет, будет только сильный ветер, который назавтра прекратится. Так оно и случилось. Часа в четыре пополудни солнце скрылось, и не разберешь, в тучах или в тумане. Воздух был наполнен сухой снежной пылью.

Поднявшийся ветер дул нам навстречу и, как ножом, резал лицо. Когда начало смеркаться, мы были как раз на водоразделе. Здесь Дерсу остановился и стал о чем-то совещаться со стариком тазой. Подойдя к ним, я узнал, что старик таза немного сбился с дороги.

Из опасения заблудиться они решили заночевать под открытым небом.

— Капитан,— обратился ко мне Дерсу,— сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.

— Хорошо,— сказал я,— давайте выбирать место.

Оба моих спутника еще поговорили между собою и, отойдя в сторону шагов двадцать, начали снимать котомки.

Место для бивака было выбрано нельзя сказать чтобы удачное. Это была плоская седловина, поросшая густым лесом. В сторону от нее тянулся длинный отрог, оканчивающийся небольшою коническою сопкою. По обеим сторонам седловины были густые заросли кедровника и еще какого-то кустарника с неопавшею сухою листвой. Мы нарочно зашли в самую чащу его, чтобы укрыться от ветра, и расположились у подножия огромного кедра высотой, вероятно, метров в двадцать.

Дерсу взял топор и пошел за дровами, старик таза начал резать хвою для подстилки, а я принялся раскладывать костер.

Только к шести с половиною часам мы окончили бивачные работы и сильно устали. Когда вспыхнул огонь, на биваке стало сразу уютнее. Теперь можно было переобуться, обсушиться и подумать об ужине. Через полчаса мы пили чай и толковали о погоде.

Моя Альпа не имела такой теплой шубы, какая была у Кады. Она прозябла и, утомленная дорогой, сидела у огня, зажмурив глаза, и, казалось, дремала. Тазовская собака, с малолетства привыкшая к разного рода лишениям, мало обращала внимания на невзгоды походной жизни. Свернувшись калачиком, она легла в стороне и тотчас уснула. Снегом всю ее запорошило. Иногда она вставала, чтобы встряхнуться, затем, потоптавшись немного на месте, ложилась на другой бок и, уткнув нос под брюхо, старалась согреть себя дыханием.

Дерсу всегда жалел Альпу и каждый раз, прежде чем разуться, делал ей из еловых ветвей и сухой травы подстилку. Если поблизости не было ни того, ни другого, он уступал ей свою куртку, и Альпа понимала это. На привалах она разыскивала Дерсу, прыгала около него, трогала его лапами и всячески старалась обратить на себя внимание. И как толь-

ко Дерсу брался за топор, она успокаивалась и уже терпеливо дожидалась его возвращения с охапкой еловых веток.

Сами мы были утомлены не меньше, чем собаки, и потому тотчас после чая, подложив побольше дров в костер, стали устраиваться на ночь.

Расположились мы у огня каждый в отдельности. С подветренной стороны расположился я, Дерсу поместился сбоку.

Он устроил себе нечто вроде палатки, а на плечи набросил шинель. Старик таза поместился у подножия кедра, прикрывшись одеялом. Он взялся окарауливать бивак и поддерживать огонь всю ночь. Нарубив еловых веток, я разостлал на них свой мешок и устроился очень удобно. С одной стороны от ветра меня защищала валежина, а с другой — горел огонь.

В большом лесу во время непогоды всегда жутко. Так и кажется, что именно то дерево, под которым спишь, упадет на тебя и раздавит. Несмотря на усталость, я долго не мог уснуть.

Кто-то привел ветер в такое яростное состояние, что он, как бешеный зверь, бросался на все, что попадалось ему на пути. Особенно сильно доставалось деревьям. Это была настоящая борьба лесных великанов с обезумевшей воздушной стихией. Ветер налетал порывами, рвал, потом убегал прочь и жалобно выл в стороне. Являлось впечатление, будто мы попали в самую середину гигантского вихря. Ветер описывал большой круг, возвращался на наш бивак и нападал на кедр, стараясь во что бы то ни стало опрокинуть его на землю. Но это не удавалось.

Лесной великан хмурился и только солидно покачивался из стороны в сторону. Я вспомнил пургу около озера Ханка и снежную бурю при переходе через Сихотэ-Алинь. Я слышал, как таза подкладывал дрова в огонь и как шумело пламя костра, раздуваемое ветром. Потом все перепуталось, и я задремал. Около полуночи я проснулся. Дерсу и Китенбу не спали и о чем-то говорили между собою. По интонации голосов я догадался, что они чем-то встревожены.

«Должно быть, кедр качается и грозит падением»,— мелькнуло у меня в голове.

Я быстро сбросил с головы покрышку спального мешка и спросил, что случилось.

— Ничего, ничего, капитан,— отвечал мне Дерсу; но я заметил, что говорил он неискренно. Ему просто не хотелось меня беспокоить.

На биваке костер горел ярким пламенем. Дерсу сидел у огня и, заслонив рукой лицо от жара, поправлял дрова, со-

бирая уголья в одно место; старик Китенбу гладил свою собаку. Альпа сидела рядом со мной и, видимо, дрожала от холода.

Казалось, что все злые духи собрались в одно место и с воем и плачем носились по тайге друг за другом. Точно они хотели разрушить порядок, данный природе, и создать снова хаос на земле. То слышались исступленный плач и стенания, то дикий хохот и вой; вдруг на мгновение наступала тишина, и тогда можно было разбирать, что происходит поблизости. Но уже по этим перерывам было видно, что ветер скоро станет стихать.

Дрова в костре горели ярко. Черные тени и красные бли-

ки двигались по земле, сменяя друг друга; они то удалялись от костра, то приближались к нему вплотную и прыгали по кустам и снежным сугробам.

— Ничего, капитан,— сказал мне опять Дерсу.— Твоя можно спи. Наша так, сам говори.

Я не заставил себя упрашивать, закрылся опять с головою и заснул. Приблизительно через полчаса я снова проснулся. Меня разбудили голоса.

«Что-то неладное»,— подумал я и вылез из мешка.

Буря понемногу стихала. На небе кое-где показались звезды. Каждый порыв ветра сыпал на землю сухой снег с таким шумом, точно это был песок. Около огня я увидел своих приятелей. Таза был на ногах и к чему-то прислушивался. Дерсу стоял боком и, заслонив ладонью свет от костра, всматривался в темноту ночи. Собаки тоже не спали; они жались к огню, пробовали было ложиться, но тотчас же вскакивали и переходили на другое место. Они что-то чуяли и смотрели в ту же сторону, куда направлены были взоры Дерсу и старика тазы.

Ветер сильно раздувал огонь, вздымая тысячи искр кверху, кружил их в воздухе и уносил куда-то в глубь леса.

— Что такое, Дерсу?! — спросил я гольда.

— Кабаны ходи,— отвечал он.

— Ну так что же?

Кабаны в лесу — это так естественно: животные шли, наткнулись на наш бивак и теперь шумно выражали свое неудовольствие.

Дерсу сделал рукой досадливый жест и сказал:

— Как тебе столько тайга ходи — понимай нету!.. Зимой ночью кабаны ходи не хочу.

В той стороне, куда смотрели Дерсу и Китенбу, слышался треск ломаемых сучьев и характерное «чиханье» диких свиней.

Немного не доходя до нашего бивака, кабаны спустились с седловины и обошли коническую сопку стороной.

Я размялся, и спать мне уже не хотелось.

— А почему эти кабаны идут ночью? — спросил я Дерсу.

— Его напрасно ходи нету,— отвечал он.— Его другой люди гоняй.

Я подумал было, что он говорит про удэхейцев, и мысленно удивился, как ночью они ходят по тайге на лыжах. Но вспомнил, что Дерсу «людьми» называл не одних только людей, и сразу все понял: кабанов преследовал тигр. Значит, хищник был где-то поблизости от нас.

Понемногу в природе стал водворяться порядок. Какая-то другая сила начала брать верх над ветром и заставляла его успокаиваться. Но, судя по тому, как качались старые кедры, видно было, что там, вверху, не все еще благополучно.

Я не стал дожидаться чая, подтащил свой мешок поближе к огню, залез в него и опять заснул. Мне показалось, что я спал очень долго. Вдруг что-то тяжелое навалилось мне на грудь и одновременно с этим я услышал визг собаки и отчаянный крик Дерсу:

— Скорей!

Быстро сбросил я с себя верхний клапан мехового мешка. Снег и сухие листья обдали мне лицо. В то же мгновение я увидел, как какая-то длинная тень скользнула наискось к лесу. На груди у меня лежала Альпа.

Костер почти что совсем угас: в нем тлели только две головешки. Ветер раздувал уголья и разносил искры по снегу. Дерсу сидел на земле, упершись ногами в снег. Левою рукою он держался за грудь и, казалось, хотел остановить биение сердца. Старик таза лежал ничком в снегу и не шевелился.

Несколько мгновений я не мог сообразить, что случилось, и что мне надо делать. С трудом я согнал с себя собаку, вылез из мешка и подошел к Дерсу.

— Что случилось? — спросил я его, тряся за плечо.

— Амба, Амба! — испуганно закричал он.— Амба совсем наша бивак ходи! Один собака таскай!

Тут только я заметил, что нет тазовской собаки.

Дерсу поднялся с земли и стал приводить в порядок костер.

Как только появился огонь, таза тоже пришел в себя; он испуганно озирался по сторонам и имел вид сумасшедшего. В другое время он показался бы смешным.

На этот раз больше всего самообладания сохранил я. Это потому, что я спал и не видел того, что тут произошло. Однако скоро мы поменялись ролями: когда Дерсу успокоил-

ся, испугался я. Кто поручится, что тигр снова не придет на бивак, не бросится на человека? Как все это случилось и как это никто не стрелял?

Оказалось, что первым проснулся Дерсу; его разбудили собаки. Они все время прыгали то на одну, то на другую сторону костра. Спасаясь от тигра, Альпа бросилась прямо на голову Дерсу. Спросонья он толкнул ее и в это время увидел совсем близко от себя тигра. Страшный зверь схватил тазовскую собаку и медленно, не торопясь, точно понимая, что ему никто помешать не может, понес ее в лес. Испуганная толчком, Альпа бросилась через огонь и попала ко мне на грудь. В это самое время я услышал крик Дерсу.

Инстинктивно я схватил ружье, но не знал, куда стрелять.

Вдруг в зарослях позади меня раздался шорох.

— Здесь! — сказал шепотом таза, указывая рукой вправо от кедра.

— Нет, тут,— ответил Дерсу, указывая в сторону, совершенно противоположную.

Шорох повторился, но на этот раз с обеих сторон одновременно. Ветер шумел вверху по деревьям и мешал слушать. Порой мне казалось, что я как будто действительно слышу треск сучков и вижу даже самого зверя, но вскоре убеждался, что это совсем не то: это был или колодник, или молодой ельник.

Кругом была такая чаща, сквозь которую и днем-то ничего нельзя было бы рассмотреть.

— Дерсу,— сказал я гольду,— полезай на дерево. Тебе сверху хорошо будет видно.

— Нет,— отвечал он,— моя не могу. Моя старый люди: теперь дерево ходи — совсем понимай нету.

Старик таза тоже отказался лезть на дерево. Тогда я решил взобраться на кедр сам. Ствол его был ровный, гладкий и с подветренной стороны запорошенный снегом. С большими усилиями я поднялся не более как на три метра. У меня скоро озябли руки, и я должен был спуститься обратно на землю.

— Не надо,— сказал Дерсу, поглядывая на небо.— Скоро ночь кончай.

Он взял винтовку и выстрелил в воздух. Как раз в это время налетел сильный порыв ветра. Звук выстрела затерялся где-то поблизости.

Мы разложили большой огонь и принялись варить чай. Альпа все время жалась то ко мне, то к Дерсу и при малейшем шуме вздрагивала и испуганно озиралась по сторонам.

Минут сорок мы еще сидели у огня и делились впечатлениями.

Наконец начало светать. Воздух наполнился неясными сумеречными тенями, звезды стали гаснуть, точно они уходили куда-то в глубь неба. Еще немного времени — и кровавокрасная заря показалась на востоке. Ветер стал быстро стихать, а мороз — усиливаться. Тогда Дерсу и Китенбу пошли к кустам. По следам они установили, что мимо нас прошло девять кабанов и что тигр был большой и старый. Он долго ходил около бивака и тогда только напал на собак, когда костер совсем угас.

Я предложил Дерсу оставить вещи в таборе и пойти по тигровому следу. Я думал, что он откажется, и был удивлен, узнав, что Дерсу согласен отнять у тигра задавленную собаку.

Гольд стал говорить о том, что тигру дано в тайге много корма и запрещено нападать на человека. Этот тигр следил кабанов, но по пути увидел людей, напал на наш бивак и украл собаку.

— Такой Амба можно стреляй, греха нет,— закончил он свою длинную речь.

Закусив наскоро холодным мясом и напившись горячего чаю, мы надели лыжи и пошли по тигровому следу.

Непогода совсем почти стихла. Вековые ели и кедры утратили свой белый наряд, зато на земле во многих местах намело большие сугробы. По ним скользили солнечные лучи, и от этого в лесу было светло по-праздничному.

От нашего бивака тигр шел обратно старым следом и привел нас к валежнику. Следы шли прямо под бурелом.

— Не торопись, капитан,— сказал мне Дерсу.— Прямо ходи не надо; надо кругом ходи, хорошо посмотри.

Мы стали обходить бурелом стороною.

— Уехали! — вдруг закричал Дерсу и быстро повернул в направлении нового следа.

Тут ясно было видно, что тигр долго сидел на одном месте. Под ним подтаял снег. Собаку он положил перед собою и слушал, нет ли сзади погони. Потом он понес ее дальше.

Так мы прошли еще три часа.

Тигр не шел прямо, а выбирал такие места, где было меньше снегу, где гуще были заросли и больше бурелома. В одном месте он взобрался на поваленное дерево и долго стоял на нем, но вдруг чего-то испугался, прыгнул на землю и несколько метров полз на животе. Время от времени он останавливался и прислушивался: когда мы приближались, то уходил сперва прыжками, а потом шагом и рысью.

Наконец Дерсу остановился и стал советоваться со стариком тазой. По его мнению, надо было возвратиться назад, потому что тигр не был ранен, снег недостаточно глубок и преследование являлось бесполезной тратой времени.

Мне казалось странным и совершенно непонятным, почему тигр не ест собаку, а тащит ее с собой. Как бы в ответ на мои мысли, Дерсу сказал, что это не тигр, а тигрица и что у нее есть тигрята; к ним-то она и несет собаку. К своему логовищу она нас не поведет, а будет водить по сопкам до тех пор, пока мы от нее не отстанем. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Когда было решено возвращаться на бивак, Дерсу повернулся в ту сторону, куда ушел тигр, и закричал:

— Амба! Твоя лицо нету. Ты вор, хуже собаки. Моя тебя не боится. Другой раз тебя посмотри — стреляй.

После этого он закурил свою трубку и пошел назад по протоптанной лыжнице.

Немного не доходя до бивака, как-то случилось так, что я ушел вперед, а таза и Дерсу отстали. Когда я поднялся на перевал, мне показалось, что кто-то с нашего бивака бросился под гору. Через минуту мы подходили к табору.

Все наши вещи были разбросаны и изорваны. От моего спального мешка остались только одни клочки. Следы по снегу указывали, что такой разгром произвели две росомахи. Их-то, вероятно, я и видел при приближении к биваку.

Собрав, что можно было, мы быстро спустились с перевала и пошли назад к биваку.

Идти под гору было легко, потому что старая лыжница хотя и была запорошена снегом, но крепко занастилась. Мы не шли, а просто бежали и к вечеру присоединились к своему отряду.

Глава

23

Конец путешествию

Река Бикин в нижнем течении.— Ночевка в покинутом жилище.— Грязная вода.— Местность Сигоу.— Новый год.— Прием у китайцев.— Встреча с Мерзляковым.— Олон.— Порочное население.— Табандо.— Река Алчан.— Железнодорожная станция

Двадцать девятого декабря мы выступили в дальнейший поход вниз по реке Бикину, которая здесь течет строго на запад. Чем ниже, тем река больше разбивается на протоки. При умении можно ими пользоваться и значительно сокращать дорогу.

На островах между протоками, в местностях Хойтун и Митахеза, мы встречаем туземцев, происшедших от брака китайцев с удэхейскими женщинами. Это те же «чжа-губай» (по-китайски «кровосмешение»), что и в прибрежном районе на реках Тадушу, Тетюхе и Санхобе. Они живут в фанзах китайского типа и занимаются рыболовством, охотой и огородничеством. Насколько недавно люди эти занялись земледелием, видно из того, что на возделываемой ими земле сохранились пни, которые они не успели еще выкорчевать.

Река Бикин считается самою лесистою рекою. Лесом покрыто все: горы, долины и острова. Бесконечная тайга тянется во все стороны на сотни километров. Немудрено, что места эти в бассейне Уссури считаются самыми зверовыми.

Около горы Бомыдинза, с правой стороны Бикина, мы нашли одну пустую удэхейскую юрту. Из осмотра ее Дерсу выяснил, почему люди покинули жилище,— черт мешал им жить и строил разные козни: кто-то умер, кто-то сломал ногу, приходил тигр и таскал собак. Мы воспользовались этой юртой и весьма удобно расположились в ней на ночлег.

Стрелки пошли за дровами, а Дерсу опять принялся дымом изгонять черта из юрты. Я взял ружье и пошел вниз по реке на разведки.

С утра хмурившаяся погода разразилась крупным мокрым снегом при полном безветрии.

Громадные кедры, словно исполинские часовые, стояли теперь неподвижно и не шептались между собой.

Вечерние сумерки, хлопья снега, лениво падающего с неба, и угрюмый, молчаливый лес — все это вместе создавало картину бесконечно тоскливую...

Мимо меня бесшумно пролетела сова, испуганный заяц шарахнулся в кусты, и сова тотчас свернула в его сторону.

Я посидел немного на вершине и пошел назад. Через несколько минут я подходил к юрте. Из отверстия ее в крыше клубами вырывался дым с искрами, из чего я заключил, что мои спутники устроились и варили ужин.

За чаем стали опять говорить о привидениях и злых духах.

Захаров все домогался, какой черт у гольдов. Дерсу сказал, что черт не имеет постоянного облика и часто меняет «рубашку», а на вопрос, дерется ли черт с добрым богом Эндури, гольд пресерьезно ответил:

— Не знаю! Моя никогда это не видел.

После чая, когда все полегли на свои места, я еще с час работал, приводил в порядок свой дневник и затем все покончил сном.

30 декабря наш отряд дошел до местности Тугулу с населением, состоящим из «кровосмешанных» туземцев. Чем ближе мы подвигались к Уссури, тем больше и больше встречалось китайцев и тем больше утрачивался тип удэхейцев.

В этих местах Бикин принимает в себя следующие маленькие речки: Амба, Фунзилаза, Уголикоколи, Рохоло и Тугулу. Из возвышенностей в этом районе следует отметить с правой стороны гранитные сопки: Фунзилаза, Рохоло, Джара-Хонкони, местность Ванзиками, а с левой стороны: Бамбабоза с вершинами Амбань, Уголи и Лансогой со скалой Банга, состоящей из мелафира. Ниже Сыфантая Бикин достигает ширины до двухсот метров при глубине около двух метров и быстроте течения четыре километра в час.

Потому ли, что земля переместилась в плоскости эклиптики по отношению к солнцу, или потому, что мы все более и более удалялись от моря (вероятно, имело место и то и другое), но только заметно день удлинился и климат сделался ровнее. Сильные ветры остались позади. Барометр мед-

ленно подымался, приближаясь к 760. Утром температура стояла низкая (—30° С), днем немного повышалась, но к вечеру опять падала до —25° С.

Сегодня случилось маленькое событие, опечалившее Дерсу и очень меня насмешившее.

В моей сумочке было много всякой мелочи: цветные карандаши, перочинный ножик, резина, игольник с нитками, шило, часы, секундомер и пр. Часть этих предметов, в том числе и роговую чернильницу с завинчивающейся пробкой и наполненную чернилами, я дал нести Дерсу. После полудня он вдруг подбежал ко мне и тревожным голосом сообщил, что потерял...

— Что? — спросил я его.

Он мялся и не знал, что ответить. Я видел, что он находился в затруднительном положении и мысленно перебирал в памяти все известные русские слова.

— Что ты потерял? — переспросил я его вторично.

— Грязную воду,— ответил он сконфуженно.

В лексиконе его не было слова «чернила», и он не знал, как назвать жидкость, которая все так пачкает.

Мои спутники рассмеялись, а он обиделся. Он понял, что мы смеемся над его оплошностью, и стал говорить о том, что «грязную воду» он очень берег. Одни слова, говорил он, выходят из уст человека и распространяются вблизи по воздуху. Другие закупорены в бутылку. Они садятся на бумагу и уходят далеко. Первые пропадают скоро, вторые могут жить сто годов и больше. Эту чудесную «грязную воду» он, Дерсу, не должен был носить вовсе, потому что не знал, как с ней надо обращаться.

Последний день 1907 года мы посвятили переходу к местности Сигоу (Западная долина), самому населенному пункту на Бикине. Здесь живут исключительно китайцы. В 1882 году селение это называлось Сиа-моу-диуза, в 1894 году в нем насчитывалось 70 человек. Немного выше Сигоу (километра на два) есть еще два поселка, Цамодынза и Дафазигоу (последний ныне заброшен). Обитатели Сигоу занимаются исканием женьшеня, охотой, соболеванием, выгонкой спирта и эксплуатацией удэхейцев. С большим трудом они очищают от леса участки земли и засеивают их пшеницей и кукурузой.

Горный хребет с правой стороны реки называется Олонцынза и имеет две видные вершины: Дангоза и Цамодынза. Отроги последних оканчиваются около реки скалистыми обрывами Чжагали, Хонкони и Дайгу.

Рядом с Бикином и почти параллельно ему течет большая река Алчан. На перевале между этими двумя реками,

на горе Нюосыдыцзы, есть естественный водоем овальной формы, около 150 метров в окружности.

То обстоятельство, что навстречу нам выезжал пристав, подняло мой престиж в глазах китайцев. Вероятно, поэтому они устроили нам торжественную встречу с флагами, трещотками, ракетами и бумажными фонарями. С большой помпой мы вступили в селение Сигоу.

Китайцы зарезали свинью и убедительно просили меня провести у них завтрашний день. Наши продовольственные запасы истощились совсем, а перспектива встретить новый год в более культурной обстановке, чем обыкновенный бивак, улыбалась моим стрелкам. Я согласился принять приглашение китайцев, но взял со своих спутников обещание, что пить много вина они не будут. Мои спутники сдержали данное слово, и я ни одного из них не видел в нетрезвом состоянии.

Следующий день был солнечный и морозный. Утром я построил свою команду, провозгласил тост за всех, кто содействовал снаряжению нашей экспедиции. В заключение я сказал людям приветственное слово и благодарил их за примерную службу. Крики «ура» разнеслись по лесу.

Из соседних фанз выбежали китайцы и, узнав, в чем дело, опять пустили в ход трещотки.

Только что мы разошлись по фанзам и принялись за обед, как вдруг снаружи донесся звон колокольчика. Китайцы прибежали с известием, что приехал пристав. Через несколько минут кто-то в шубе ввалился в фанзу. И вдруг пристав этот превратился в А. И. Мерзлякова. Мы поздоровались. Начались расспросы. Оказалось, что он (а вовсе не пристав) хотел было идти мне навстречу, но отложил свою поездку вследствие глубокого снега.

Мой путь приближался к концу. Из Сигоу мы поехали на лошадях, пришедших вместе с А. И. Мерзляковым. Всего саней было трое.

От Сигоу до станции Бикин на протяжении 160 километров идет хорошая санная дорога, проложенная лесорубами. Это расстояние мы проехали в трое суток.

Сказать, какой ширины здесь река, нельзя, равно не поддается исчислению и быстрота движения воды по руслу. В разных протоках течение различное. По Бикину (в нижнем течении) сплавляется много леса, поэтому русло его ежегодно очищают от бурелома, но, несмотря на это, плавание плотов не всегда бывает благополучным. Много их разбивается около утесов Чжагали, Хонкони и Дайгу.

Высокий горный хребет, протянувшийся с правой стороны Бикина, называется Олонцынза. Он выдвигает от себя на

юг мощный отрог, оканчивающийся сопкой Олонгу-Уони. Бикин обходит ее с юга и затем вновь поворачивает на запад. В этом горном кряже есть несколько приметных вершин со следующими названиями: Богоулаза, Чжунтайза и Госхондза, обрывающаяся к реке утесами Синдафу и Гсанза. Около Чжунтайзы есть выходы бурого угля на дневную поверхность.

Километрах в пятнадцати от Сигоу, вниз по реке Бикину, встречается местность, свободная от леса и с землею, годною для обработки. Тут жили окитаившиеся гольды.

Здешние китайцы в большинстве случаев разные бродяги, проведшие жизнь в грабежах и разбоях. Любители легкой наживы, они предавались курению опиума и азартным играм, во время которых дело часто доходило до кровопролития. Весь беспокойный, порочный элемент китайского населения Уссурийского края избрал низовья Бикина своим постоянным местопребыванием. Здесь по островам, в лабиринте потоков, в юртах из корья, построенных по туземному образцу, они находили условия, весьма удобные для своего существования.

Местное туземное население должно было подчиниться и доставлять им продовольствие. Мало того, китайцы потребовали, чтобы мясо и рыбу приносили к ним женщины. Запуганные тазы все это исполняли. Невольно поражаешься тому, как русские власти мирились с таким положением вещей и не принимали никаких мер к облегчению участи закабаленных туземцев.

От Сигоу вниз по реке Бикину часто встречались зимовья, построенные русскими лесопромышленниками. Зимовье от зимовья находилось на расстоянии 25 километров. За день мы проехали километров пятьдесят и заночевали около устья реки Гооголауза.

3 января мы выехали еще задолго до восхода солнца. Возчики-казаки поторапливали нас, да и всем нам одинаково хотелось поскорее добраться до железной дороги.

Когда еще далеко, то обыкновенно идешь не торопясь, но чем ближе приближаешься к концу, тем больше волнуешься, начинаешь торопиться, делать промахи и часто попадаешь впросак. В таких случаях надо взять себя в руки и терпеливо подвигаться, не ускоряя шага.

От Олона до Табандо около 40 километров. Здесь река прижимается к правому краю долины, а слева тянется огромное болото. Горы отходят далеко в сторону и теряются в туманной дали на юго-западе.

Река Алчан будет правым, самым большим и последним притоком Бикина. Верховья ее находятся в горах Оло (по-китайски Олонцзинза).

Длина реки около ста километров и в истоках слагается из двух рек: Санго (что по-удэхейски значит «медведь») и самого Алчана, который в верхней части имеет широтное направление.

Дальше направление течения Алчана определяет невысокий расплывшийся в ширину горный кряж, идущий в направлении с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Оконечность его подходит к Бикину и называется Даютай.

Место это называется Банадо, что значит «переволок».
220 Обыкновенно здесь перетаскивают лодки из одной реки в другую, что значительно сокращает дорогу и дает выигрыш во времени.

У казаков про Табандо ходят нехорошие слухи. Это постоянный притон хунхузов. Они поджидают тут китайцев, направляющихся на Уссури, и обирают их дочиста. Хунхузы не дают спуска и русским, если судьба случайно занесет их сюда без охраны.

Широкая долина Алчана с правой стороны нагорная, с левой — пологая. Около переволока она суживается до одного километра. Это будет как раз место его прежнего впадения в Бикин. Отсюда Алчан течет уже большой рекой, шириною в 60—80 и глубиною 2—$2\frac{1}{2}$ метра. По долине в среднем его течении наблюдается развитие диоритов, малафитов, базальтов, андезитов и их туфов.

Обогнув гору Даютай, Алчан, как уже выше было сказано, входит в старое русло Бикина и по пути принимает в себя с правой стороны еще три обильных водой притока: Ольду (по-китайски Култухе), Таудахе и Малую Лултухе. Алчан впадает в Бикин в десяти километрах к югу от станции железной дороги того же имени. Долина его издавна славится как хорошее охотничье угодье и как место женьшеневого промысла.

Из животных здесь держатся: изюбр, дикая козуля, кабарга, кабан, тигр, росомаха, енотовидная собака, соболь и рысь. Последняя чаще всего встречается по реке Култухе. С 1904 года по реке Алчану стали производиться большие порубки и сплав леса. Это в значительной степени разогнало зверей, но все же и теперь еще казаки, по старой памяти, ходят на Алчан и никогда не возвращаются с пустыми руками.

В селение Табандо мы приехали в сумерки. Здесь было восемь фанз, в которых жило до семидесяти человек китайцев.

4 января было последним днем нашего путешествия. Казаки разбудили меня очень рано.

Было темно, но звезды на небе уже говорили, что солнце приближается к горизонту. Морозило... Термометр показывал —34° С. Гривы, спины и морды у лошадей заиндевели. Когда мы тронулись в дорогу, только что начинало светать.

На переволоке было так мало снегу, что пришлось вылезти из саней и переносить на себе грузы.

Дно низового Бикина илистое и песчаное. Около берегов часто попадаются сухие речки и между ними маленькие озерки, а дальше в сторону — болота, поросшие редкой лиственницей и тощею белой березой.

Вскоре после полудня мы прибыли в казачий поселок Георгиевский, немного здесь отдохнули и отправились на станцию Уссурийской железной дороги.

Красота жизни заключается в резких контрастах. Как было бы приятно из удэхейской юрты сразу попасть в богатый городской дом! К сожалению, переход этот бывает всегда постепенным: сначала юрта, потом китайская фанза, за ней крестьянская изба, затем уже город.

После долгого питья из кружки дешевого кирпичного чая с привкусом дыма с каким удовольствием я пил хороший чай из стакана! С каким удовольствием я сходил в парикмахерскую, вымылся в бане и затем лег в чистую постель с мягкой подушкой!..

Глава

24 Смерть Дерсу

Приехали мы в Хабаровск 7 января вечером. Стрелки пошли в свои роты, а я вместе с Дерсу отправился к себе на квартиру, где собрались близкие мне друзья.

На Дерсу все поглядывали изумленно и с любопытством. Он тоже чувствовал себя не в своей тарелке и долго не мог освоиться с новыми условиями жизни.

Я отвел ему маленькую комнату, в которой поставил кровать, деревянный стол и два табурета. Последние ему, видимо, совсем были не нужны, так как он предпочитал сидеть на полу или чаще на кровати, поджав под себя ноги по-турецки. В этом виде он напоминал бурхана из буддийской кумирни. Ложась спать, он, по старой привычке, поверх сенного тюфяка и ватного одеяла каждый раз подстилал под себя козью шкурку.

Любимым местом Дерсу был уголок около печки. Он садился на дрова и подолгу смотрел на огонь. В комнате для него все было чуждо, и только горящие дрова напоминали тайгу. Когда дрова горели плохо, он сердился на печь и говорил:

— Плохой люди, его совсем не хочу гори.

Иногда я подсаживался к нему, и мы вспоминали все пережитое во время путешествий. Эти беседы обоим нам доставляли большое удовольствие.

Однажды мне пришла мысль записать речь Дерсу фонографом. Он вскоре понял, что от него требовалось, и произнес в трубку длинную сказку, которая заняла почти весь валик. Затем я переменил мембрану на воспроизводящую и завел машину снова. Дерсу, услышав свою речь, переданную ему обратно машиной, нисколько не удивился, ни один мускул на лице его не шевельнулся. Он внимательно прослушал конец и затем сказал:

— Его,— он указал на фотограф,— говорит верно, ни одного слова пропускай нету.

Дерсу оказался неисправимым анимистом: он очеловечил и фонограф.

По возвращении из экспедиции всегда бывает много работы: составление денежных и служебных отчетов, вычерчивание маршрутов, разборка коллекций и т. п. Дерсу заметил, что я целые дни сидел за столом и писал.

— Моя раньше думай,— сказал он,— капитан так сиди,— он показал, как сидит капитан,— кушает, людей судит, другой работы нету. Теперь моя понимай: капитан сопка ходи — работай, назад город ходи — работай. Совсем гуляй не могу.

Такое представление у туземцев о начальствующих лицах вполне естественно. В словах Дерсу мы узнаем китайских
чиновников, которые главным образом несут обязанности судей, милуют и наказывают по своему усмотрению. Дерсу, быть может, сам и не видел их, но, вероятно, много слышал от тех гольдов, которые бывали в Сан-Сине.

Однажды, войдя к нему в комнату, я застал его одетым. В руках у него было ружье.

— Ты куда? — спросил я.

— Стрелять,— отвечал он просто и, заметив в моих глазах удивление, стал говорить о том, что в стволе ружья накопилось много грязи. При выстреле пуля пройдет по нарезам и очистит их; после этого канал ствола останется только протереть тряпкой.

Запрещение стрельбы в городе было для него неприятным открытием. Он повертел ружье в руках и, вздохнув, поставил его назад в угол. Почему-то это обстоятельство особенно сильно его взволновало.

На другой день, проходя мимо комнаты Дерсу, я увидел, что дверь в нее приотворена. Случилось как-то так, что я вошел тихо. Дерсу стоял у окна и что-то вполголоса говорил сам с собою. Замечено, что люди, которые подолгу живут одинокими в тайге, привыкают вслух выражать свои мысли.

— Дерсу! — окликнул я его.

Он обернулся. На лице его мелькнула горькая усмешка.

— Ты что? — обратился я к нему с вопросом.

— Так,— отвечал он.— Моя здесь сиди все равно утка. Как можно люди в ящике сидеть? — Он указал на потолок и стены комнаты.— Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй.

Дерсу замолчал, повернулся к окну и опять стал смотреть на улицу. Он тосковал об утраченной свободе. «Ничего,— подумал я.— Обживется и привыкнет к дому».

Случилось как-то раз, что в его комнате нужно было сделать небольшой ремонт: исправить печь и побелить стены. Я сказал ему, чтобы он дня на два перебрался ко мне в кабинет, а затем, когда комната будет готова, он снова в нее вернется.

— Ничего, капитан,— сказал он мне.— Моя можно на улице спи: палатку делай, огонь клади, мешай нету.

Ему казалось все так просто, и мне стоило больших трудов отговорить его от этой затеи. Он не был обижен, но был недоволен тем, что в городе много стеснений: нельзя стрелять, потому что все это будет мешать прохожим.

Однажды Дерсу присутствовал при покупке дров; его поразило то, что я заплатил за них деньги.

— Как! — закричал он.— В лесу много дров есть, зачем напрасно деньги давай?

Он ругал подрядчика, назвав его «плохой люди», и всячески старался убедить меня, что я обманут. Я пытался было объяснить ему, что плачу деньги не столько за дрова, сколько за труд, но напрасно. Дерсу долго не мог успокоиться и в этот вечер не топил печь. На другой день, чтобы не вводить меня в расход, он сам пошел в лес за дровами. Его задержали и составили протокол. Дерсу по-своему протестовал, шумел. Тогда его препроводили в полицейское управление. Когда мне сообщили об этом по телефону, я постарался уладить дело.

Сколько потом я ни объяснял ему, почему нельзя рубить деревьев около города, он меня так и не понял.

Случай этот произвел на него сильное впечатление. Он понял, что в городе надо жить не так, как хочет он сам, а как этого хотят другие. Чужие люди окружали его со всех сторон и стесняли на каждом шагу. Старик начал задумываться, уединяться; он похудел, осунулся и даже как будто еще более постарел.

Следующее маленькое событие окончательно нарушило его душевное равновесие, он увидел, что я заплатил деньги за воду.

— Как! — опять закричал он.— За воду тоже надо деньги плати? Посмотри на реку,— он указал на Амур,— воды много есть. Землю, воду, воздух бог даром давал. Как можно?

Он не договорил, закрыл лицо руками и ушел в свою комнату.

Вечером я сидел в кабинете и что-то писал. Вдруг я услышал, что дверь тихонько скрипнула. Я обернулся: на пороге стоял Дерсу. С первого взгляда я увидел, что он хочет меня

В. К. Арсеньев и Дерсу Узала
за съемкой местности

Горная река в среднем течении

Река Анюй

Дерсу Узала

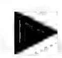
Женьшень

Кедровник на Сихотэ-Алине

Самострел

Бивак удехэйцев

Пятнистый олень

Стойбище орочей на р. Анюй

Дерсу у зимовья в тайге

В. К. Арсеньев в удехэйском костюме в Хабаровском музее

В. К. Арсеньев в начале экспедиции 1927 г.

В походе (1927 г.). Арсеньев берет направление

*Участники экспедиции 1927 г.
Стоят: Х. Намука,
В. К. Арсеньев (с повязкой
из-за больного зуба),
П. Хутунка. Сидят: С. Бизанка,
С. Уленка, Ф. Мулинка,
А. Намука, Н. Е. Кабанов,
С. Геонка, А. И. Кардаков*

*Экспедиция 1927 г. встретилась
с опознавательным знаком,
сделанным В. К. Арсеньевым
в 1909 г.*

*Пойменные леса в северной
части Приморья*

*Уголок девственной
Уссурийской тайги*

Сунцай Геонка — последний проводник экспедиции 1927 г.

Встреча двух экспедиций 1927 г. в тайге (второй слева — В. К. Арсеньев)

В. К. Арсеньев (Кадр из документального фильма 1928 г.)

Экспедиция 1927 г. Бивак

В. К. Арсеньев в кабинете (Кадр из документального фильма)

Рабочий кабинет В. К. Арсеньева

о чем-то просить. Лицо его выражало смущение и тревогу. Не успел я задать вопрос, как вдруг он опустился на колени и заговорил:

— Капитан! Пожалуйста, пусти меня в сопки. Моя совсем не могу в городе жить: дрова купи, воду тоже надо купи, дерево руби — другой люди ругается.

Я поднял его и посадил на стул.

— Куда же ты пойдешь? — спросил я.

— Туда! — он указал рукой на синеющий вдали хребет Хехцир.

Жаль мне было с ним расставаться, но жаль было и задерживать. Пришлось уступить. Я взял с него слово, что через месяц он вернется обратно, и тогда мы вместе поедем на реку Уссури. Там я хотел устроить его на житье у знакомых мне тазов.

Я полагал, что Дерсу дня два еще пробудет у меня, и хотел снабдить его деньгами, продовольствием и одеждой.

Но вышло иначе.

На другой день, утром, проходя мимо его комнаты, я увидел, что дверь в нее открыта. Я заглянул туда — комната была пуста.

Уход Дерсу произвел на меня тягостное впечатление, словно что-то оборвалось в груди, закралось какое-то нехорошее предчувствие; я чего-то боялся, что-то говорило мне, что я больше его не увижу. Я был расстроен на весь день; работа валилась у меня из рук. Наконец я бросил перо, оделся и вышел.

На дворе была уже весна: снег быстро таял. Из белого он сделался грязным, точно его посыпали сажей. В сугробах в направлении солнечных лучей появились тонкие ледяные перегородки; днем они рушились, а за ночь опять замерзали. По канавам бежала вода. Она весело журчала и словно каждой сухой былинке торопилась сообщить радостную весть о том, что она проснулась и теперь позаботится оживить природу.

Возвращающиеся с полевых работ стрелки говорили, что видели на дороге какого-то человека с котомкой за плечами и с ружьем в руках. Он шел радостный, веселый и напевал песню. Судя по описаниям, это был Дерсу.

Недели через две после его ухода от своего приятеля И. А. Дзюль я получил телеграмму следующего содержания.

«Человек, посланный вами в тайгу, найден убитым».

«Дерсу!» — мелькнуло у меня в голове. Я вспомнил, что для того, чтобы в городе его не задерживала полиция, я выдал ему свою визитную карточку с надписью на оборотной

9 Зак. 2412

стороне, кто он, и что жительство имеет у меня. Вероятно, эту карточку нашли и дали мне знать по телеграфу.

На другой день я выехал на станцию Корфовскую, расположенную с южной стороны хребта Хехцира. Там я узнал, что рабочие видели Дерсу в лесу на дороге. Он шел с ружьем в руках и разговаривал с вороной, сидевшей на дереве. Из этого они заключили, что, вероятно, он был пьян.

На станцию Корфовскую поезд пришел почти в сумерки.

Было уже поздно, и поэтому мы с И. А. Дзюлем решили идти к месту происшествия на другой день утром.

Всю ночь я не спал. Смертельная тоска щемила мне сердце.

Я чувствовал, что потерял близкого человека. Как много мы с ним пережили! Сколько раз он выручал меня в то время, когда сам находился на краю гибели!

Чтобы рассеяться, я принимался читать книгу, но это не помогало. Глаза механически перебирали буквы, а в мозгу в это время рисовался образ Дерсу, того Дерсу, который последний раз просил меня, чтобы я отпустил его на волю.

Я обвинял себя в том, что привез его в город. Но кто бы мог подумать, что все это так кончится!

Под утро я немного задремал, и тотчас мне приснился странный сон: мы — я и Дерсу — были на каком-то биваке в лесу. Дерсу увязывал свою котомку и собирался куда-то идти, а я уговаривал его остаться со мною. Когда все было готово, он сказал, что идет к жене, и вслед за этим быстро направился к лесу. Мне стало страшно; я побежал за ним и запутался в багульнике. Появились пятипальчатые листья женьшеня. Они превратились в руки, схватили меня и повалили на землю.

Я слабо вскрикнул и сбросил с головы одеяло. Яркий свет ударил мне в глаза. Передо мной стоял И. А. Дзюль и тряс меня за плечо.

— Здорово же вы заспались! — сказал он.— Пора вставать.

Часов в девять утра мы вышли из дому.

Был конец марта. Солнышко стояло высоко на небе и посылало на землю яркие лучи. В воздухе чувствовалась еще свежесть ночных заморозков, в особенности в теневых местах, но уже по талому снегу, по воде в ручьях и по веселому, праздничному виду деревьев видно было, что ночной холод никого уже запугать не может.

Маленькая тропка повела нас в тайгу. Мы шли по ней долго и почти не говорили между собою. Километра через полтора справа от дорожки я увидел костер и около него три фигуры. В одной из них я узнал полицейского пристава.

Двое рабочих копали могилу, а рядом с ней на земле лежало чье-то тело, покрытое рогожей. По знакомой мне обуви на ногах я узнал покойника.

— Дерсу! Дерсу! — невольно вырвалось у меня из груди.

Рабочие изумленно посмотрели на меня. Мне не хотелось при посторонних давать волю своим чувствам; я отошел в сторону, сел на пень и отдался своей печали.

Земля была мерзлая; рабочие оттаивали ее огнем и выбирали то, что можно было захватить лопатой. Минут через пять ко мне подошел пристав. Он имел такой радостный и веселый вид, точно приехал на праздник. Потому ли, что на своей жизни ему много приходилось убирать брошенных трупов и он привык относиться к этой работе равнодушно, или потому, что хоронили какого-то безвестного «инородца», только по выражению лица его я понял, что особенно заниматься розысками убийц он не будет и намерен ограничиться одним протоколом. Он рассказал мне, что Дерсу нашли мертвым около костра. Судя по обстановке, его, видимо, убили сонным. Грабители искали у него денег и унесли винтовку.

Часа через полтора могила была готова. Рабочие подошли к Дерсу и сняли с него рогожку. Прорвавшийся сквозь густую хвою солнечный луч упал на землю и озарил лицо покойника. Оно почти не изменилось. Раскрытые глаза смотрели в небо; выражение их было такое, как будто Дерсу что-то забыл и теперь силился вспомнить. Рабочие перенесли его в могилу и стали засыпать землею.

— Прощай, Дерсу! — сказал я тихо.— В лесу ты родился, в лесу и покончил расчеты с жизнью.

Минут через двадцать над тем местом, где опустили тело гольда, возвышался небольшой бугорок земли.

Покончив со своим делом, рабочие закурили трубки и, разобрав инструменты, пошли на станцию вслед за приставом. Я сел на землю около дороги и долго думал об усопшем друге.

Как в кинематографе, передо мною одна за другой вставали картины прошлого: первая встреча с Дерсу на реке Лефу, озеро Ханка, встреча с тигром на Ли-Фудзине, лесной пожар на реке Санхобе, наводнение на Билимбе, переправа на плоту через реку Такему, маршрут по реке Иману, голодовка на Кулумбе, путь по Бикину и т. д.

В это время прилетел поползень. Он сел на куст около могилы, доверчиво посмотрел на меня и защебетал.

«Смирный люди»,— вспомнилось мне, как Дерсу называл этих пернатых обитателей тайги. Вдруг птичка вспорхнула и полетела в кусты. И снова тоска защемила мне сердце.

— Прощай, Дерсу! — сказал я в последний раз и пошел по дороге.

Летом 1908 года я отправился в третье путешествие, которое длилось два года.

В 1910 году, зимой, я вернулся в Хабаровск и тотчас поехал на станцию Корфовскую, чтобы навестить дорогую могилку. Я не узнал места — все изменилось: около станции возник целый поселок, в пригорьях Хехцира открыли ломки гранита, начались порубки леса, заготовка шпал. Мы с А. И. Дзюль несколько раз принимались искать могилу Дерсу, но напрасно. Приметные кедры исчезли, появились новые дороги, насыпи, выемки, бугры, рытвины и ямы...

Прощай, Дерсу!

СКВОЗЬ ТАЙГУ

Глава

1

Сборы и отъезд

230 Вопрос о географическом обследовании Уссурийского края в границах Нижний Амур — озеро Кизи, Татарский пролив и река Хор был поднят еще в 1908 году. Тогда Приамурским отделом Русского Географического общества была снаряжена экспедиция под моим начальством, работавшая подряд в течение двух лет в северной части горной области Сихотэ-Алинь.

В 1926 и 1927 годах было решено снарядить ряд специальных экспедиций с заданиями осветить бассейны рек Хора, Анюя, Копи и Хади в дендрологическом, геологическом, экономическом и колонизационном отношениях. В ноябре 1927 года Дальневосточное районное переселенческое управление предложило мне сорганизовать экспедицию по маршруту г. Хабаровск — Советская Гавань с целью выяснить, что́ представляют собой в колонизационном отношении местности, тяготеющие к проектируемой железной дороге. На эту экспедицию было ассигновано 12 000 рублей, и выступление ее предполагалось ранней весной, как только спадут снега и вскроются реки.

Так как путь экспедиции должен был пролегать по местности совершенно пустынной и безлюдной или только изредка касающейся границ обитания туземного населения внутри страны, то он мог быть выполнен лишь при наличии питательных баз, заранее устроенных в верховьях рек Тутто, Хади, Копи, Анюя, Хора, Пихцы, Мухеня и Немпту. Завоз грузов на эти базы предполагалось произвести заранее, пока реки были еще скованы льдом и имелось нартовое сообщение; но вследствие недоразумений деньги переведены были в мое распоряжение лишь в конце апреля. Только с этого момента экспедиция фактически приступила к снаряжению в далекий путь.

Однако время было упущено, реки вскрылись ото льда, и потому завоз грузов на питательные базы надо было про-

изводить на лодках, что́ было несравненно труднее и стоило значительно дороже.

Экспедиции в пути надлежало перейти четыре горных хребта, где возможно было встретить большие каменистые россыпи, предстояли переправы через быстрые горные реки с высокими обрывистыми берегами и через зыбучие болота. Поэтому я решил отказаться от вьючных животных и весь маршрут построил так, что две трети пути мог пользоваться лодками, и только через водоразделы из одного бассейна в другой мы должны были идти пешком с котомками за плечами.

Надо сказать, что в это же время и в тех же местах по изысканию железнодорожного пути работали две партии. Одна под руководством инженера путей сообщения Н. Н. Мазурова, другая возглавлялась инженером Н. М. Львовым.

Первоначально я предполагал идти от Хабаровска на Советскую Гавань и в состав экспедиционного отряда пригласил профессора-ботаника В. М. Савича и сотрудника Хабаровского краевого музея А. И. Кардакова.

Позднее ассигнование денег вынудило нас перестроить весь маршрут в обратном порядке и разделиться на два отряда. В. М. Савич со студентами К. К. Высоцким, Г. И. Каревым и Г. П. Гончаровым должен был произвести обследование верховьев рек Немпту, Мухеня и Пихцы, затем перевалить на реку Хор и спуститься по этой последней до Уссурийской железной дороги. Я же с А. И. Кардаковым и студентом-геоботаником Н. Е. Кабановым должен был начать свое путешествие от Советской Гавани, идти вверх по реке Хади к истокам реки Копи, потом через хребет Сихотэ-Алинь на реку Анюй, затем перейти на реку Хор, а с Хора на Пихцу и держать курс на г. Хабаровск. Словом, пока я буду работать на восточной стороне Сихотэ-Алиня, В. М. Савич тем временем устроит в указанных местах три питательные базы.

Сообразно этому плану и денежные средства были распределены на три части: 1000 рублей оставлена забронированной для отчетных камеральных работ по возвращении экспедиции в г. Владивосток; мой отряд, совершивший весь маршрут от моря до реки Амура, располагал 7060 и отряд В. М. Савича — 4545 рублями.

Маршрут от г. Хабаровска к Советской Гавани можно было начинать в любой день. Это направление давало целый ряд преимуществ, от которых мы теперь вынуждены были отказаться. Путешествие от моря к Хабаровску зависело не только от расписания пароходных рейсов, но и от других причин, которые никто не в силах предвидеть заранее.

Казалось, будто все наладилось, но вдруг совершенно неожиданно выплыла новая неприятность. Совторгфлот грузы экспедиции вместо Советской Гавани заслал на остров Сахалин. Ничего более не оставалось, как дождаться их возвращения в г. Владивосток, чтобы со следующим рейсом самому доставить их куда следует.

Обязанности между участниками экспедиции распределились следующим образом. Лично я взял на себя руководство экспедицией, подготовительные, организационные и ликвидационные работы, производство маршрутной съемки и обследование пути в колонизационном и естественноисторическом отношениях. А. И. Кардаков выполнял все поручения, связанные с званием помощника начальника экспедиции. Кроме того, на него же были возложены обследование охотничьего и промыслового хозяйства туземцев и фотографическая съемка в пути. Н. Е. Кабанов собирал гербарный и почвенный материал и вел наблюдения по своей специальности.

Кроме научных сотрудников в состав экспедиции еще входили туземцы. Я умышленно взял только одних орочей, потому что они знали хорошо окрестности и служили одновременно рабочими и проводниками, умели долбить лодки и управляться с ними на перекатах, снабжали рыбой и мясом всех участников экспедиции. Ныне, оглядываясь назад, в прошлое, я вижу, что поступил правильно. Во время наводнения многие экспедиции потерпели аварии, только в моем отряде не было несчастий, и мы благополучно дошли до Хабаровска.

Я взял сначала девять туземцев. Троих я вернул еще с реки Тутто, двое должны были сопровождать Н. Е. Кабанова при спуске по реке Копи, а остальные четверо — Прокопий Хутунка, Федор Мулинка, Александр Намука и Сунцай Геонка — совершили со мной весь маршрут. Последние два работали со мной еще в 1907, 1908 и 1909 годах и имели награды от Русского Географического общества.

По окончании экспедиции из Хабаровска в г. Владивосток они были отправлены по железной дороге, а затем на пароходе Совторгфлота к месту своего жительства в Советскую Гавань и на реку Нахтоху.

В пути мы должны были пересечь пять горных складок и, следовательно, все имущество (походное, научное, личное) и продовольствие нести на себе в котомках. Поэтому с собой взято было только то, без чего никак обойтись нельзя. Все лишнее отброшено: был взвешен каждый золотник и учтена всякая мелочь.

Научное снаряжение состояло из: фотографического ап-

парата, секундомера, буссоли Шмалькальдера, пикетажных тетрадей для съемок, дневников, гербарной папки, бумаги, маленькой рулетки, половинки небольшого бинокля, барометра-анероида, термометра-праща, термометра для воды, минимального термометра, небольшой шанцевой лопатки, маленьких монолитных ящичков для образцов почв, почвенных мешочков, фотографических пластинок, ботанических ножей, цветных и обыкновенных карандашей, резинок и т. д.

Бивачное снаряжение составляли: комарники-палатки (по одной на научного работника и по одной большего размера на двух рабочих), тенты для защиты их от дождя, три алюминиевых котелка, входящих один в другой, с крышками (чайников не брали вовсе), козьи шкурки как подстилки для спанья, три топора и пр.

Походным снаряжением были: легкие дождевики, куски клеенки для укрытия котомок от дождя, сигнальные ракеты, веревки для увязки тех же заблудившихся людей, острога, инструменты для долбления лодок (упала). Сюда же надо отнести огнестрельное оружие, состоящее из одной магазинной винтовки и одного дробового ружья, патронташи, запас пороха, дроби, ружейных гильз и инструментов для снаряжения, патронов, рыболовные удочки, блесны и т. п.

Личное имущество каждого участника экспедиции состояло из: легкого одеяла, двух смен белья, запасной пары унтов, полотенца, которое было использовано для лямок к котомке, мыльницы с мылом, зубной щетки, гребенки, игольника с нитками, кусочков материи для заплат и прочей мелочи.

Все имущество без исключения — как то, чтó отправлялось на питательные базы, так равно и то, чтó мы везли с собой,— было уложено в жестяные банки, запаянные и укупоренные в ящики керосинового типа. Такая упаковка очень удобна. На базах продовольствие предохраняется от расхищения грызунами, большие звери тоже боятся шума, издаваемого жестяными банками, да и в походе в ненастную погоду оно не нуждается в укрывании брезентами. На базах груз хранился в особых амбарчиках на сваях, сделанных из накатника и крытых древесным корьем. Места для баз были заранее указаны. Пройти мимо их мы не могли. Туземцы по целому ряду мелких, едва заметных признаков сразу определяли их местонахождение.

1 июня я закончил последние формальности, подал телеграммы и в три часа дня взошел на пароход «Син-пин-ган». Когда окончилась погрузка лошадей для геологической эк-

спедиции, направляющейся на остров Сахалин, были уже полные сумерки. Накрапывал дождь... В 9 часов вечера «Син-пин-ган» снялся с якоря и вышел в море. Несмотря на ненастье, пассажиры еще долго находились на палубе и любовались Владивостоком, который при вечернем освещении действительно имел эффектный вид. Дома города, расположенные по склонам гор, взбирались до самых вершин, отчего все сопки казались иллюминованными. Множество огней как бы повисло в воздухе; они расходились, перемещались, сливались вместе и все разом отражались в черной воде.

Когда «Син-пин-ган» вышел из бухты Золотой Рог, красивая панорама исчезла и пароход очутился в непроницаемой тьме. На небе не видно было ни звезд, ни луны; шел мелкий дождь. При слабом свете, который вырывался из иллюминаторов и люков, виднелись иногда темные силуэты матросов, проходивших по мокрой палубе, и вахтенный начальник на капитанском мостике. Утомленный за день, я спустился в свою каюту и постарался забыться сном.

На пароходе было людно и тесно, а в каютах душно. Поэтому, как только стало светать, я оделся и вышел на палубу.

Первое, что мне бросилось в глаза, были чистое, безоблачное небо и широкая гладь спокойного моря. «Син-пин-ган» шел вдоль берега, держа курс к северо-востоку. Я сел на скамейку и стал любоваться картиной, которая развертывалась подобно длинной панораме. Вдали виднелись задернутые дымкой зубчатые кряжи гор, прорезанные узкими долинами. К востоку от них тянулись длинные отроги, падающие в море отвесными скалами. Это типичный «продольный» берег, который тянется на многие сотни километров в направлении от юго-юго-запада к северо-северо-востоку. Читателю, быть может, интересно узнать, что надо понимать под этим названием. Продольный берег тянется параллельно горным складкам, которые в тех местах, где они близко подходят к морю, отмыты вдоль оси своего простирания, вследствие чего здесь совершенно отсутствуют какие бы то ни было бухты и заливы. Вот почему к северу от мыса Мосолова высадка на берег весьма затруднительна, в особенности в летнее время, когда ветер дует с моря и создает сильный прибой.

Многочисленные мысы, стойко выдерживающие натиск волн, образовали тип берега, который в географии принято называть «кулисный». И действительно, словно кулисы в театре, они выдвигаются вперед один за другим. Первый мыс виден ясно, отчетливо, второй слегка затянут синеватой

дымкой, следующий виден еще слабее, а дальше они совсем тонут во мгле и кажутся повисшими в воздухе и как бы отделившимися от воды. Неопытный мореплаватель может подумать, что между двумя мысами есть бухта, где судно могло бы найти укрытие от непогоды. На самом деле это лишь небольшой выгиб скалистого и высокого берега, иногда даже лишенного намывной полосы прибоя.

От мыса Песчаного берег Уссурийского края делает поворот к северу и дальше идет в меридиональном направлении. Таким образом, часть побережья, прилегающая к означенному мысу, является местом, где пересекаются две тектонические линии. Вот почему поблизости образовалась глубокая впадина, именуемая Советской Гаванью; вот почему здесь чаще всего бывают землетрясения, о которых сохранилось много интересных рассказов.

Глава

2

Советская Гавань

236 Пароход наш прибыл в Советскую Гавань 4 июня. Поздно вечером мы высадились на берег, а на другой день получили свой багаж.

Мои спутники занялись разборкой имущества, а я отправился в районный исполнительный комитет для выполнения некоторых служебных формальностей.

Советская Гавань, о которой здесь идет речь, состоит из огромной юго-западной бухты в двенадцать километров и из ломаного залива Константиновского в десять километров длиной. Кроме того, у берегов ее образовалось еще несколько второстепенных бухточек, из которых заслуживают внимания Маячная, откуда идет грунтовая дорога на Маяк, затем Японская, где больше всего поселилось русских колонистов, потом бухта Концессии, где находятся ныне все государственные и административные учреждения, и, наконец, бухта Хади, в которую впадает река того же имени.

В заливе Константиновском есть бухта Постовая, где был потоплен воспетый Гончаровым фрегат «Паллада» и где до сих пор сохранились развалины укреплений, построенных еще в 1854 году. Большой остров Милютина недавно соединился с материком узким песчаным перешейком, по обе стороны которого образовались две бухты, не имеющие русских названий.

Таких гаваней, как Советская, немного на земле. Большая, закрытая со всех сторон, она может вместить любой флот в мире. Берега ее настолько приглубы, что большие океанские пароходы могут приставать к ним вплотную, как в благоустроенном порту. Единственным недостатком гавани является изолированность ее от населенных пунктов страны.

Берега Советской Гавани слагаются из базальтов, которые имеют не столбчатую, а матрацевую отдельность. От моря со стороны юго-восточной Советская Гавань отделяется довольно высоким горным хребтом Доко, слагающимся из пород массивно-кристаллических.

На оконечности этого хребта после гибели парохода Добровольного флота «Владимир» в 1897 году поставлен Николаевский маяк.

К Советской Гавани нам еще придется возвратиться, когда будем говорить об устройстве поверхности в бассейнах рек, в нее впадающих.

Все население Советской Гавани делится на три группы: администрацию, обывателей и туземцев. Первые являются государственными служащими девятнадцати государственных учреждений. Администрация обслуживает не только одну Советскую Гавань, но все побережье моря от устья Тумнина до реки Самарги.

Что делают жители Советской Гавани и откуда добывают средства к жизни? Земледелием занимаются очень немногие. Обитатели Советской Гавани имеют прямые и косвенные заработки в «Дальлесе» и немного рыбачат. Некоторые эксплуатируют лошадей, отдавая их как бы «напрокат» по 30 рублей в месяц с головы. Живут они на берегу в ожидании каких-либо заработков по выгрузке, разгрузке, перевозке, переноске грузов, прибывающих на пароходах. Кое-какие плотничные, столярные и слесарные работы они имеют в административных учреждениях. Несмотря на то что все здесь выпивают, нигде не слышишь площадной ругани, нет краж, ссор, драк, и если вы видите где-нибудь замок на двери, то больше для того, чтобы дать знать посетителю, что хозяев нет дома. С этой стороны «совгаванцы» безупречны.

Третью группу населения составляют орочи — народность маньчжурского племени. В отдаленном прошлом они обитали где-то на севере и неизвестно когда появились на берегах Великого океана. Своей родной колыбелью они все же считают Советскую Гавань, которую они называют Хади. Но с тех пор как в окрестных лесах застучали топоры лесорубов, орочи покинули свои прежние поселения и ушли частью на Тумнин и приток его Хуту, а частью за водораздельный хребет Сихотэ-Алинь в верховья реки Хунгари, куда к ним трудно проникнуть не только от моря, но и со стороны реки Амура.

В три дня мы закончили все подготовительные работы, разобрали имущество и часть грузов отправили на Копи для питательной базы. Как раз к этому времени прибыли туземцы со своими лодками.

Самым старшим из них был ороч Александр Намука — человек невысокого роста, лет сорока пяти, молчаливый и спокойный. Он имел мелкие черты лица; волосы его на голове начали уже седеть. Когда Намука говорил по-русски,

то все твердые согласные буквы произносил как мягкие. Если он делал что-нибудь неудачно, то конфузился и на лице его появлялась растерянная улыбка.

Вторым по возрасту был удэхеец Сунцай Геонка, мужчина сорока лет, сухощавого сложения и роста ниже среднего. Это был человек порывистый, у которого периоды безделья чередовались с весьма напряженной деятельностью. С деньгами он обращался как с вещью совершенно бесполезной и тратил их на всякие пустяки, покупая все, что попадалось на глаза. Когда он хотел в чем-нибудь убедить меня, то лицо его принимало такое выражение, как будто он испытывал большие физические страдания. Сунцай был незаурядный

шаман, и этот дар наследовал от своего покойного отца.

Затем в порядке возраста следует ороч Федор Мулинка, тоже среднего роста, лет 36. Природа наградила его золотыми руками. Он был хорошим кузнецом, хорошим звероловом, ловко бил острогой рыбу, считался лучшим специалистом по изготовлению лодок. Федор Мулинка говорил мало. Когда он старался что-нибудь запомнить, то напрягал свое мышление и морщил лоб. Это был самый суеверный человек в отряде.

Четвертым моим спутником был Прокопий Хутунка — ороч в возрасте тридцати лет, роста ниже среднего. Я его знал еще мальчиком. От природы любознательный, он сам научился читать по-русски. Хутунка был человек умный, трудолюбивый, с покладистым характером. Несмотря на свою худобу и некоторую кривоногость, он мог нести большие тяжести и совершать длительные переходы. В данном случае сказывалась не столько его физическая сила, сколько втянутость в работу. Хутунка еще молодой был шаманом.

Все четверо имели черные волосы, темно-карие глаза, желтовато-смуглую кожу, маленькие руки и ноги. Одеты они были в смешанные костюмы, состоящие из частей одежд русских и орочских. Обувь все они да и мы с А. И. Кардаковым носили туземную, сшитую наподобие олоч из выделанной сохатиной кожи.

В дальнейшем изложении я буду называть их сокращенно по родам: Намука, Мулинка, Хутунка и Геонка.

Орочи привезли неприятное известие, что устье реки Хади, по которой нам надлежало подниматься в горы, загромождено плавниковым лесом. Последние дни были сильно ненастные — все время шли дожди, перемежавшиеся со снегом. Вода в реках поднялась значительно выше своего уровня. Как раз на реке Хади «Дальлес» производил порубки. Вода, вышедшая из берегов, подхватила этот лес и понесла его вниз по течению. Недалеко от устья, где Хади разбива-

ется на протоки, образовался большой затор, который грозил задержать нас на неопределенно долгое время.

На другой день я поднялся чуть свет и поспешил на улицу. Было прохладно. Солнце еще скрывалось за горами, но уже чувствовалось благотворное влияние его живительных лучей. Над Советской Гаванью стоял туман. Он медленно двигался к морю. Все говорило за то, что день будет ясный, светлый и теплый.

В 10 часов утра на четырех лодках мы вышли из Японской бухты и направились в залив Константиновский, где я должен был связаться с астрономическим пунктом и от него уже начать свои съемки.

В Советской Гавани в 1855 году соединенная англо-французская эскадра выжгла старый лес артиллерийским огнем.
На месте его вырос другой лес, но его в возрасте около семидесяти лет сожгли русские. Потом опять стал появляться совсем молодой лесок, состоящий из лиственницы и березы.

Сухостой, оставшийся кое-где одиночными деревьями со времени Севастопольской кампании, крупного размера. Туземцы говорят, что он твердый как сталь и не поддается рубке.

Ближе к выходу в море западный берег гавани подвержен наводнению. Под влиянием атмосферных агентов порода разрушается и обваливается на намывную полосу прибоя громадными глыбами. Здесь можно наблюдать удивительную эрозию. Некоторые образцы, несмотря на свои большие размеры, так и просятся в музеи.

Размытые глыбы лавы приняли весьма причудливые очертания. Одни из них похожи на людей, другие на птиц, третьи на фантастических животных, застывших в позах невыразимых страданий. Когда море «дышит», мертвая зыбь проникает и в Советскую Гавань. Блестящая грудь воды медленно вздымается, бесшумно подходит к берегу и с зловещим шорохом старается как можно глубже проникнуть в каверны между камнями. Другая сила вынуждает ее уйти обратно в море. Но волны упрямы и с ропотом настойчиво опять идут к берегу — и так без конца в течение многих веков.

Местные туземцы одухотворили причудливые камни и в появлении их на земле усмотрели вмешательство сверхъестественной силы.

Следующий день был воскресный. Покончив с работами в заливе Константиновском, мы сели в лодки и направились к устью реки Хади. Погода была какая-то странная. Весь день в воздухе стояла густая мгла; солнце имело вид оранжевого диска с резко очерченными краями, так что на него

можно было свободно смотреть невооруженным глазом, и, как всегда в таких случаях бывает, появилась сильная звукопроницаемость. Где-то далеко выстрелили из ружья. Стоголосое эхо превратило этот звук в грохот пушечной пальбы, который подобно грому прокатился из конца в конец над всей гаванью. По опыту я знал, что такая мгла и такое эхо предвещали непогоду. И действительно, к вечеру мгла рассеялась, и тогда на небе стали видны тучи, низко бегущие над землей.

День был на исходе, когда мы вошли в реку Хади и достигли орочского селения Дакты-Боочани. Это был последний жилой пункт, за которым начиналась глухая тайга на

многие сотни километров. Туземцы встретили нас на берегу. Грустно выглядели орочские балаганы, и не менее жалкий вид имели обитатели их. После гражданской войны орочи впали в бедность и к новым условиям жизни еще не успели приспособиться, а Комитет содействия малым народностям Севера на Дальнем Востоке только недавно начал свою работу.

Один из домиков оказался порожним. Он принадлежал слепому старцу Ивану Бизанка, о котором речь будет ниже.

Туземные женщины быстро привели покинутую юрту в жилой вид, подмели пол и поправили корье на крыше.

После ужина я пошел осматривать селение. Было сумрачно и холодно; начинал накрапывать дождь. Дым от костров не поднимался кверху, а повис в воздухе неподвижными белыми полосами. В одном из домиков жила вдова с двумя детьми. Она недавно потеряла своего мужа, с которым я был хорошо знаком. Я навестил ее. Сюда же собрались и остальные туземцы. Бедная женщина засуетилась и не знала, чем нас угощать. Я попросил ее не беспокоиться и велел принести свои запасы. Мои спутники раздали детишкам сухари. Они стали их грызть с большим наслаждением. Среди орочей находился уже пожилой человек и хороший следопыт Андрей Намука. Он дал нам много полезных советов и указал, как попасть в истоки реки Иоли. Надо сказать, что никто из моих провожатых не бывал в верховьях реки Тутто и никто не знал, чтó представляет собой перевал между нею и бассейном реки Копи. Единственно, чем могли мы руководствоваться,— это расспросными данными. Андрей Намука сообщил целый ряд мелких примет, которые должны были служить нам ориентировочными пунктами и привести нас в самые истоки Иоли.

Мы все вместе пили чай и вспоминали прошлое. В этот вечер я узнал, что многих из моих друзей-туземцев уже не было в живых. В загробный мир ушли Антон Сагды, Егор

Лабори, Федор Бутунгари, Тимофей Бизанка и многие-многие другие. Все старые люди перемерли, и один только Иван Бизанка (по-орочски Чочо) доживал свои последние дни на реке Копи. С ним я был особенно дружен.

Как-то разговор затих, я задумался, и тотчас передо мной встала невысокая тщедушная фигура Чочо с лицом оливково-красного цвета от дыма и загара, с косой на голове, одетого в длинную рубашку маньчжурского покроя, узкие штаны с кожаными наколенниками и унты из выделанной сохатиной кожи. Это был удалой охотник, известный повсеместно как хороший кузнец, умеющий «починять замки у ружей». Он родился давно. Его отец и мать погибли в тайге от страшной оспы, а малолетка подобрали своеродцы и воспитали как приемыша. Чочо долго, очень долго жил на земле и много-много видел диковинных вещей. Так, он видел, как первый раз в Гавань пришли русские, и как они сами потопили свой корабль фрегат «Паллада», и как потом многих из них покосила голодная болезнь — цинга.

Однажды в 1897 году он после удачной охоты с двумя товарищами возвращался в Гавань. Плыли они на небольшой лодке вдоль берега моря и везли с собой мясо только что убитого сохатого. Когда они поравнялись с мысом Гыджу, то вдруг увидели большое судно у самого берега. Это оказался пароход Добровольного флота «Владимир», наскочивший в тумане на камни. Пассажиры были высажены на берег. На судне был крайне ограниченный запас продовольствия, и среди людей начался голод. Узнав, в чем дело, Бизанка тотчас отдал им всего лося, а сам поспешил в Гавань, где собрал всех окрестных орочей и отправил их на помощь погибающим. Затем, не теряя времени, он взял небольшую лодочку и со своим братом Тимофеем отправился морем в залив Де-Кастри, где тогда была телеграфная станция. Днем и ночью они гребли веслами, иногда пользовались парусом и на третий день явились на военный пост, где и сообщили о происшествии. Только тогда узнал Владивосток о несчастье, постигшем пароход «Владимир», только тогда была послана помощь погибающему судну, команде и пассажирам.

Потом Чочо крестили и дали ему имя Иван. Я встретился с ним в 1908 году. Он оказал мне целый ряд незаменимых услуг. Много раз мы ходили с ним в тайгу, много раз ночевали вдвоем у костра, прикрывшись одним одеялом.

Тогда он был пожилым человеком, и в волосах его уже белели серебряные нити.

Мы расстались. Я уехал на Камчатку, а Иван Бизанка остался на реке Хади. Вскоре в селении Дакты-Боочани умер его брат Тимофей, у которого было золотых и серебряных

монет «великое множество». Чочо похоронил брата на реке Хади по своему обряду с большим почетом, отправив в загробный мир все любимые вещи покойного, охотничьи и рыболовные принадлежности, а золото и серебро закопал в тайге. В 1922 году старик ослеп и одинокий перекочевал к своим сородичам на реку Копи, ожидая, когда пробьет и его последний час. Многие русские и орочи искали спрятанные сокровища, оцениваемые в 12 000 рублей. Тщетно! Сам Чочо Бизанка уже забыл, где закопал их, и теперь в состоянии полной слепоты не мог узнать это место. Оно находилось, быть может, совсем рядом с жилищем, в котором мы сидели и вспоминали далекое былое. Пламя костра освещало

стены юрты с отверстием вверху, через которое клубами вместе с искрами выходил дым. Снаружи слышались шум воды в реке, загроможденной плавниковым лесом, шорох дождя на крыше да ворчание что-то не поладивших между собой собак. Я распрощался с орочами и отправился в осиротелый дом Чочо Бизанка, давший нам теперь последний приют.

За ночь вода в реке поднялась еще выше. Не имея выхода к морю, она стала прокладывать новые русла. Эти вновь образовавшиеся протоки и позволили нам без особых приключений обойти завалы стороной.

Теперь читателю необходимо несколько познакомиться с климатическими особенностями страны, по которой пролегал путь нашей экспедиции, без чего ему не совсем будет понятно дальнейшее.

Водораздельный хребет Сихотэ-Алинь и сопутствующие ему параллельные горные складки (расположенные вдоль берега моря и почти перпендикулярно к направлению господствующих ветров) играют большую роль климатической границы. Разница в фенологических явлениях к востоку и к западу от главного водораздела достигает двадцати и даже тридцати суток. В то время, когда на западе все реки уже покрылись льдом и по ним установилась санная дорога, реки прибрежного района еще не начинают замерзать, и обратно, весной, когда на западе сообщение по рекам уже прекращается и наступает ледоход, на восточной стороне речные воды еще скованы льдом. Значит, в бассейне Амура будет ранняя весна и ранняя осень, в прибрежном районе — длинная затяжная весна и такая же длинная осень. Словом, при передвижении от запада к востоку мы как бы во времени переносимся назад, а при обратном движении — перегоняем времена года и переносимся вперед.

Река Хади состоит из двух рек: самой Хади и Тутто. Первая короче, но многоводнее, долина ее шире, развалистее и притоки значительной величины; вторая — длиннее, долина

ее у́же и похожа на ущелье; притоками ее являются небольшие горные ручьи.

Оставив большую часть людей около устья последней, я пошел вверх по реке Хади. Весь прибрежный район и вся долина реки Хади представляют собой горную страну, покрытую хвойным лесом, состоящим из даурской лиственницы, растущей высоким стройным деревом как на моховых болотах, так и на сухой каменистой почве, лишь было бы побольше света. Значительную примесь к ней составляла своеобразная аянская ель, проникшая на юг чуть ли не до самого Владивостока. Неизменным спутником последней являлась белокорая пихта. Само название ее указывает на гладкую и светлую кору. Отличительным признаком этого дерева являются темная, но мягкая хвоя и черно-фиолетовые шишки. Там и сям одиночными экземплярами виднелась береза Эрмана, которую легко узнать по корявым стволам с желтоватой берестой, висящей лохмотьями. Она растет только в тенистых, старых лесах одиночными экземплярами и, по мнению ботаников, является вымирающим деревом.

По пути мы только один раз видели след медведя; остальные звери отсутствовали. Зато птиц встречалось много. Первой на глаза мне попалась скопа, которую орочи называют «соксоки». Этот пернатый хищник все время летал над рекой, иногда задерживаясь на одном месте, трепеща крыльями и высматривая добычу. Вдруг он камнем упал в воду и тотчас взлетел кверху с рыбой в лапах. Поднявшись на воздух, скопа ловко отряхнула свои крылья и поспешно улетела в лес. Потом я заметил пугливую серую цаплю. Она все время была настороже и каждый раз, когда из-за поворота показывалась лодка, тотчас снималась с места и летела дальше по реке, издавая хриплые крики. Иногда мы видели кроншнепов, тоже весьма строгих птиц. Они грациозно расхаживали по камням, входили в реку и что-то доставали из воды своими кривыми клювами. По-видимому, они только что прилетели и не успели еще разбиться на отдельные пары. Кроме этих птиц А. И. Кардаков отметил еще уток-морянок, шилохвосток, касаток, корольков, также плисок и трясогузок.

Мы поднялись по Хади до Медвежьего ключа. Дальше река стала узкой и порожистой. Здесь отсутствовала растительность, любящая глубокие наносные слои почвы. Лес рос непосредственно на камнях. Вся местность была заболочена или завалена большими глыбами лавы.

Убедившись, что вся колонизационная емкость долины реки Хади невелика, мы повернули назад и по течению ее спустились к устью реки Тутто.

Подъезжая к биваку, когда лодка встала против воды, я опустил в воду серебряную блесну (металлическая рыбка с крючками, замаскированными красным гарусом) и сразу поймал одну симу, первую из лососевых рыб, входящих из моря в реки Тумнин, Хади и Копи. После меня А. И. Кардаков поймал на ту же блесну еще другую рыбину. Известно, что все лососевые при входе в пресную воду ничего не едят и кормятся тем запасом жизненных сил, который они приобрели в море. Что побудило симу погнаться за блесной? По-видимому, у лососевых хищническая привычка хватать ртом всякую мелкую рыбешку сохраняется и после того, как они оставляют море и входят в реки.

Вечером мы сидели у костра и занимались каждый своим делом. Когда совсем стемнело, ороч Мулинка пошел к речке за водой и, возвратясь, сообщил, что с неба падают звезды. Я тотчас надел обувь и отошел от огня подальше в лес.

Дождь только что перестал. Большие кучевые облака двигались над землей, заслоняя собой то одно, то другое созвездие. Ветер пробегал по вершинам деревьев и стряхивал с них последние дождевые капли. Где-то журчала вода.

Мулинка был прав. На небе одна за другой появлялись падающие звезды с длинными хвостиками. Одни из них чуть были заметны, другие яркими полосами прорезывали темную бездну. Я знал, что никакого хвоста в сущности нет и что это только свойство глаза сохранять впечатление, оставленное быстро двигающимся телом. Один из метеоров прошел сравнительно близко к земле. К сожалению, нашедшая тучка заслонила его. Сквозь облако видна была только широкая полоса света. Точно вспышка молнии, только более длительная и беззвучная.

Когда я вернулся на бивак, то застал своих спутников уже спящими. Один только Мулинка бодрствовал. Я заметил в руках у него желтую прошлогоднюю траву. Он подсушил ее на огне, затем свернул в комочек, перевязал веревочкой и спрятал в сумочку.

— Бросай не могу,— сказал он, обратясь ко мне.

— Зачем тебе этот мусор? — спросил я его в свою очередь.

Тогда он сказал, что массовое появление падающих звезд на небе на языке их называется «голó» (л — картавое). Тот, кто первый увидит их, должен скорее собрать с земли сухую листву, траву, сено, солому или просто гнилушку и в течение трех дней держать при себе. Это принесет удачу на охоте и оградит человека от какой-нибудь беды.

Он не стал слушать мои возражения и начал укладываться на ночь. Вскоре я тоже последовал его примеру.

Глава

3

Вверх по реке Тутто

После небольшого отдыха мы пошли дальше вверх по реке Тутто. От дождей она вздулась и представляла собой стремительный горный поток. Во многих местах вода выступила из берегов и затопила лес. Ориентировочными пунктами нам служили постройки, брошенные японцами, когда у них были здесь лесные концессии. Эти полуразвалившиеся бараки давали нам приют, и мы радовались им, как будто это были самые роскошные гостиницы. Наконец и японские развалины остались сзади. Теперь перед нами была громадная лесная пустыня, безжизненная, дикая, первобытная и девственная.

Надо познакомить читателя, что представляет собой орочская лодка (улимагда). Это долбленый челнок длиной в 6, 8 и 10 метров и вышиной в 40 сантиметров; дно ее делается толщиной в 3—4, а борта — в 1—2 сантиметра. Вперед от днища выдвигается лопатообразный нос, немного полукруглый и немного загнутый кверху. Грузоподъемность улимагды — полтонны. Лодка устроена так, что она не разрезает воду, а, так сказать, взбирается на нее и может проходить через самые мелкие перекаты. Орочи идут на шестах, причем один человек стоит на носу челнока, другой — на корме. Положение лодки неустойчивое; сама она весит очень немного, а центр тяжести поднят высоко.

На порогах лодка качается. От быстро бегущей воды у пассажира кружится голова, а тут еще надо работать шестами. Для этого нужны глазомер, ловкость и главным образом спокойствие. Спуск по воде опаснее подъема, потому что лодку несет и надо далеко смотреть вперед и заранее соображать, как обойти камни или утонувший плавник. Зато подъем очень утомителен. Люди упираются в дно реки шестами и с силой проталкивают улимагду против течения. Иногда при всем напряжении сил едва удается продвинуть лодку на один-два метра. За день так устают руки, что ночью долго не можешь уснуть. Обыкновенно начинает ло-

мить вертлюжную головку плечевой кости и локоть другой руки.

Никто лучше орочей не умеет плавать на таких челноках. Движения их соразмерны и грациозны. И мужчины и женщины с детства втягиваются в эту работу. Можно сказать, они все летнее время проводят на воде: ловят рыбу или доставляют грузы для лесоустроительных партий и рабочих «Дальлеса».

26 июня экспедиция наша достигла местности Элангса, что значит Трехречье, откуда, собственно, и начинается река Тутто. Здесь она принимает в себя две небольшие речки: слева — Нюалу, справа — Тороку, а ниже — еще три горных ручья: Туточе, Гадака и Уникуле.

Этот переход был совершен при весьма неблагоприятных условиях и всех очень утомил, в особенности туземцев, на долю которых выпали наибольшие трудности.

У места слияния трех рек мы должны были оставить лодки и дальше идти по реке Нунгини пешком с котомками за плечами. Надо было сделать дневку, просушить имущество, приготовить обувь и наладить котомки.

Как раз день выпал солнечный и теплый. Я воспользовался свободным временем и отправился на ближайшую сопку, чтобы с высоты птичьего полета посмотреть, далеко ли еще до перевала. Переправившись через реку Тутто, я вступил в густой хвойный лес и взял направление на одну из возвышенностей, которая казалась мне командующей в этой местности. Сначала подъем был пологий, но, чем дальше, тем он становился все круче и круче.

Преобладающим насаждением этих мест были ель и пихта с примесью все той же эрмановой березы. Почвенный покров состоял из лиственных мхов, образующих густые плотные подушки болотно-зеленого цвета, по которым протянулись длинные тонкие стебли канадского дерена с розетками из ланцетовидных листочков. Здесь же в массе произрастали заячья кислица с тройчатопластинчатыми листочками на тонких черешках и с приятно кислым привкусом, напоминающим молодой щавель, затем хребетовка с вечнозелеными кожистыми овальными листьями и, наконец, невысокие, но весьма изящные папоротники. Чем выше я поднимался, тем больше отставали ель и пихта и чаще встречалась лиственница с подлеском из багульника подбелого, издающего сильный смолистый запах и образующего сплошные заросли. Выше деревья стали тоньше и низкорослее.

Тут было не так густо и не так сыро. Багульник тоже остался сзади, и на его месте появилась кустарниковая береза Миддендорфа.

Тут я сел, чтобы отдохнуть. Было за полдень. Солнце стояло высоко на небе и обильно посылало на землю теплые лучи свои. Они озаряли замшистые деревья, валежник на земле, украшенный мхами, и большие глыбы лавы, покрытые пенькообразными лишаями. В этой игре света и тени лес имел эффектно-сказочный вид. Так и казалось, что вот-вот откуда-нибудь из-за пня выглянет маленький эльф в красном колпаке с седой бородой и с киркой в руках. Я задумался и, как всегда в таких случаях бывает, устремил глаза в одну точку.

Эльф не показывался, а вместо него я вдруг увидел небольшого грациозного зверька рыже-бурого цвета с белым брюшком и черным хвостиком. Это оказался горностай, близкий родственник ласки. Он взобрался на одну из колодин и сел на задние лапки. Меня это очень удивило, тем более что горностай — животное ночное и норку свою покидает только после солнечного заката. Я стал наблюдать за ним, стараясь не шевелиться. Горностай не сразу успокоился; он постоянно оглядывался в мою сторону. Наконец, убедившись, что никакой опасности ему не грозит, стал держать себя свободнее. Я скоро заметил, что он за кем-то охотился. В это время показалась ящерица. Она тоже охотилась за насекомыми и проворно лазала по валежине. Когда пресмыкающееся приблизилось к тому месту, где находился горностай, последний сделал ловкий прыжок. Он как-то вскинул задом, подпрыгнул кверху и свалился за колодину. Ящерица тоже исчезла. Поймал ли ее горностай или нет, мне не удалось рассмотреть. Тогда я поднялся со своего места, обошел кругом колодину и, не найдя ничего, пошел на вершину.

Тут было много лавовых глыб, я взобрался на одну из них и стал осматривать окрестности. Дивная горная панорама представилась моим глазам. Передо мной было обширное пространство, заполненное множеством столовых гор, покрытых хвойным лесом. На запад они поднимались все выше и выше, а на восток, к морю, заметно снижались. Невольно напрашивался вопрос: как мог образоваться такой рельеф? Несомненно, мы имеем дело с каким-то плато, которое впоследствии разделилось на ряд столовых гор. Геологу рисуется отдаленное прошлое, когда слагалась поверхность северной части Уссурийского края, принявшая ныне такой странный вид.

Водораздельный хребет Сихотэ-Алинь в южной своей части проходит сравнительно недалеко от берега моря, но на широте мыса Туманного (немного севернее устья реки Самарги) он отходит от моря в глубь страны и, огибая истоки реки Тумнина, почти вплотную подходит к реке Амуру. Кроме этого

хребта восточнее его проходит еще одна складка, которая служит водоразделом между притоками верхнего Копи и верхнего течения реки Аделами, впадающей в Хуту, с одной стороны, и бассейнами рек Хади и Тутто, несущими свои воды в Советскую Гавань.

Во время дислокации, имевшей место, по-видимому, в третичном периоде, где-то около второго параллельного хребта на дневную поверхность вылилось много базальтовой лавы, которая образовала чрезвычайно мощный покров, заполнивший все пространство между рекой Хуту и рекой Копи. Этот лавовый поток докатился до Советской Гавани. Наибольшей мощности он достигает в истоках рек около перевала, и на-

именьшую высоту языки его имеют около моря. Этим и объясняется сильно развитая береговая линия между мысом Лессепс-Дата и Николаевским маяком. Лава была сильно насыщена газами. По расположению пустот (ноздреватость породы) можно видеть, в каком направлении она двигалась, будучи в пластичном состоянии.

Во время повторной дислокации произошел глубокий провал, именуемый ныне Советской Гаванью. Значит, лавовый покров старше ее. Подтверждение этого мы находим в том, что дно гавани слагается из больших базальтовых глыб, которые, разрушаясь, образуют грунт, состоящий из породистого гравия характерного темно-серого цвета. Затем начались процессы денудации. Дождевая вода в движении своем по лавовому покрову действовала, как пила и напильник. Она промыла в нем глубокие овраги с очень крутыми, а иногда даже с совершенно отвесными краями. Так образовались долины рек Ма, Уй, Хади и Тутто.

Во многих местах под влиянием атмосферных агентов лава распалась на отдельные глыбы, которые образовали большие осыпи по краям долины. Они покрылись мхами и поросли лесом. Это особенно заметно, когда взбираешься на гору. Нога все время срывается и проваливается то в решетины между корнями, то в пустоты между обломками базальта.

Местом, откуда из недр земли на дневную поверхность вылилась лава, надо считать истоки рек Санку (приток Копи), Хади и Тутто. Подтверждение этому мы находим, во-первых, из множества отдельных конических сопок, между которыми по неглубоким и развалистым лощинам бегут ручьи; во-вторых, здесь встречаются обломки и другой горной породы, вероятно подстилающей лаву и составляющей первоначальную поверхность страны, впоследствии залитой базальтом.

Из вышеприведенного описания следует, что образование

долин Хади и Тутто еще не закончено. Мы всюду видим едва начинающиеся почвообразовательные процессы. Вот почему нигде по долинам нельзя найти тополя и других древесных пород, произрастающих на илистой наносной почве, богатой гумусом. В местах, где скопились наносы, встречаются почвы подзолистые и торфяниковые.

Должно быть, я долго пробыл на сопке, потому что солнце успело уже значительно переместиться на небе и тени на земле стали длиннее. Сделав краткие записи в свою походную книжку, я начал спуск обратно в долину реки Тутто.

По пути я нашел скелет кабарги, видимо затравленной росомахой, потому что на костях ее были следы довольно крупных зубов. Кабарга относится к жвачным животным. Она небольшого роста и похожа на лань. Самцы не имеют рогов, но зато снабжены длинными верхними клыками, выступающими изо рта вниз и несколько загнутыми назад. На брюхе около пупка у самцов находится особый железистый мешок, в котором накопляется мускус. Росомаха величиной с собаку среднего размера и принадлежит к семейству хорьковых, но по строению тела напоминает барсука. Задние ноги ее стопоходящие. Она ловко лазает по деревьям и является самым опасным врагом кабарги. Ближе к реке я спугнул небольшого зайца серого цвета с белым брюхом и темными ушами. Как угорелый он бросился от меня в кусты, испугался сам и заставил меня вздрогнуть и обернуться.

День умирал, когда я приближался к своему биваку. Солнце скрылось за горами и готово было совсем уйти на покой. Стало прохладнее. Над рекой появился туман, он сгущался все больше и больше, и скоро в нем утонула вся местность Элангса.

На биваке я застал всех своих спутников в сборе. Я рассказал им о том, что видел в горах. Орочи добавили к перечисленным мной животным еще лося, медведя, рысь, волка, выдру, колонка, ежа и соболя. Последний в недавнем прошлом в изобилии водился на самых берегах Советской Гавани, но теперь вследствие систематического истребления лесов пожарами и лесорубами близок к полному исчезновению.

После ужина я сел ближе к костру и долго делал записи в свой дневник. Когда я кончил работу, было уже поздно. Огонь на биваке горел ярко, а кругом было совсем темно. С неба вместе с тихим сиянием звезд снисходил покой на усталую землю. В лесу царила глубокая тишина, нарушаемая только ровным шумом воды на перекатах.

На другой день мы тронулись в путь, неся все имущество и продовольствие на себе. Это путешествие по тайге, зава-

ленной буреломом, с тяжелыми котомками за плечами было чрезвычайно утомительным. Надо все время внимательно смотреть под ноги. Чуть только зазеваешься по сторонам, как тотчас натыкаешься на пень или колодину. В этих случаях легко поранить ноги и руки об острые сучья валежника, замаскированного травой.

Реку Тутто русские называют Гадкой. Она начинается в горах, которые являются водоразделом между рекой Санку, несущей свою воду к юго-западу в реку Копи, истоками Буту, текущей к северо-востоку, рекой Аделами — к северу (тоже приток Буту) и рекой Иоли — к юго-западу и впадающей в Копи с левой стороны. Направление течения Тутто

по кривой к востоку таково, что выпуклая часть дуги обращена к северу. Она длиной около 180 километров.

Верхняя часть реки носит название Нунгини; она протекает по узкому ущелью с очень крутыми, а подчас с совершенно отвесными краями. Теперь пороги уступили место каскадам, которые преграждали путь чуть ли не на каждом шагу. Вследствие половодья мы не могли переходить с одного берега на другой и вынуждены были держаться одного края долины, а это в свою очередь вынуждало нас карабкаться на высокие кручи, на что тратилось много времени и сил.

Дня через два мы достигли второй развилки, которую туземцы называют Чжоодэ. Орочи не знали, по которой речке следует идти дальше. Опасаясь, как бы не заблудиться, они решили произвести разведки. Мулинка пошел в одну сторону, Намука — в другую, а Геонка полез на голую сопку. Все остальные люди остались внизу устраивать бивак. Когда все разошлись, я сел на камни и стал вычерчивать свою съемку и делать записи в путевой дневник.

После местности Элангса лиственница стала быстро исчезать. Дальше пошли глухие елово-пихтовые леса дровяного характера с подлесьем из канадского дерена, раздельнолепестной кислицы и папоротника-многоножки. Странный вид имела здешняя тайга. Деревья не достигали больших размеров, и многие из них росли в наклонном положении.

К сумеркам вернулся Намука. Он поднялся по юго-западной речке почти до истоков и нашел там бивак двух русских. По оставленным ими следам он усмотрел, что они приходили сюда зимой в позапрошлом году. С ними была собака, которая пропала в тайге. Потом один человек заболел, а другой все время ходил на белкование; но охота была неудачной. Когда запасы продовольствия кончились, они сделали грубые нарты и ушли через перевал на реку Хади. Люди эти часть своего имущества сложили в лабазы. По-види-

мому, они хотели прийти сюда вторично, но не осуществили своего намерения ни в прошлом, ни в этом году.

Вскоре за Намука пришел и Геонка. Вид у него был встревоженный. Он поставил ружье к дереву, молча сел на валежину и долго смотрел на огонь. На вопрос, что видел он сверху и далеко ли до перевала, он отвечал, что до вершины сопки не дошел, потому что место это худое. Во-первых, он дважды заблудился, во-вторых, он три раза натыкался на одну и ту же валежину. Когда он подходил к вершине, загроможденной глыбами лавы, кто-то бросил в него сухой веткой; там он слышал смех и разные голоса. Тогда ему стало ясно, что на сопке живет черт, и он поспешил на бивак предупредить нас о неприятном соседстве. Наши шутки рассердили Геонка. Он ворчал себе под нос и сердито поглядывал на нас как на людей невежественных, с которыми не стоит разговаривать на эту тему. Что делать? Пришлось ему уступить.

Время шло, а Мулинка все еще не возвращался. После полуночи мы поправили огонь, нарезали сухой травы и стали устраиваться на ночь, как вдруг бесшумно, словно привидение, из темноты вынырнул Мулинка. Только обитатели лесов способны в темную безлунную ночь ходить по тайге, заваленной колодником, взбираться на кручи и карабкаться по карнизам, где и днем-то идешь все время с опаской. Я всегда удивлялся их способности держать в темноте верное направление. Потому ли, что они ночью лучше видят, чем европейцы, или потому, что обладают особым чувством ориентировки, но во всяком случае ни ночная тьма, ни дождь, ни пересеченная местность препятствиями им не служат.

Мулинка подошел к костру с таким видом, как будто он только что отлучился от него. Орочская этика требует, чтобы вновь пришедший не сразу приступал к повествованиям о своих приключениях. Это говорится так, между делом. Мулинка еще раз подбросил дров в костер, поставил на огонь чайник и закурил трубку. Мало-помалу он разговорился и сообщил, что прошел очень далеко. Путь его был тяжелый и опасный. К сумеркам он добрался до маленькой зверовой фанзы, выстроенной корейцами два года тому назад. В прошлом году осенью в ней был один старик. Он хотел было ловить кабаргу и стал делать загородь с петлями, но порубил себе руку и ушел назад. На обратном пути Мулинка нашел старую нартовую дорогу, проложенную гольдами. Он проследил ее до самого нашего бивака. По ней мы завтра и пойдем к перевалу.

Читатель ошибется, если подумает, что нартовая дорога действительно дорога, хорошо наезженная и с колеями. Она

существует только зимой. Чтобы нарты не опрокинулись, кое-где подкладывают под полозья валежины и обрубают некоторые сучки, чтобы они не мешали движению. Если большое дерево, упавшее на землю, преграждает дорогу, в стволе его делаются топором углубления для полозьев нарт. Вот и все. Весной, когда растает снег, от дороги остаются столь ничтожные следы, что непосвященный в таежные тайны человек пройдет мимо и не заметит их. Вот по такой нартовой дороге Мулинка и пришел на бивак.

Было уже далеко за полночь, когда он кончил свой рассказ. В это время опять начал накрапывать дождь. Мы оправили палатку и легли спать. Слышно было, как с деревьев звучно капала вода на землю, как потрескивали дрова в огне и храпели мои соседи.

К утру дождь пошел еще сильнее. Нам всем хотелось поскорее добраться до перевала, и потому, невзирая на ненастную погоду, мы собрали свои котомки и пошли по нартовой дороге.

Сразу с бивака она стала взбираться на косогор. Кверху поднимались высокие горы, а внизу пенилась и шумела река. Иногда целый день уходил на то, чтобы подняться на гребень какого-нибудь непропуска и вновь спуститься в долину. Сопровождавшие меня туземцы руководствовались какими-то мелкими, едва заметными признаками: старая затеска на дереве, сломанный куст, порубленное дерево. Они сопоставили эти знаки с тем, что говорил им Андрей Намука, и уверенно шли дальше. В верховьях Нунгини где-то должен был находиться гольдский балаган. Он стал как бы целью нашего путешествия: мы о нем говорили, о нем думали и его искали. Наконец 30 июня желанный балаган был найден. Мы были в самых истоках реки Тутто.

Н. Е. Кабанов отметил, что от развилки Чжоодэ во владение сопками вступили исключительно елово-пихтовые леса. Деревья стали ниже ростом и имели болезненный вид. Бородатый лишайник обильно украсил ветви их. Местами целые площади леса были затянуты им, как паутиной. Пусть читатель представит себе седой хвойный лес, в котором полузасохшие деревья с отмершими вершинами стоят прямо и в наклонном положении. Некоторые деревья упали и как-то странно подняли кверху свои корни. Всюду был мох: на сухостое, на валежнике и на камнях под ногами. Это в полном смысле слова лесная пустыня. Здесь царила глубокая тишина, нарушаемая только свистом ветра, пробегающего по вершинам елей и пихт. Я пробовал было экскурсировать в стороны, но каждый раз, как только уда-

лялся от бивака, жуткое чувство охватывало меня, и я спешил снова к людям.

По мере того как мы удалялись от моря и подымались по реке Тутто, мы как бы во времени переносились назад, а когда подошли к перевалу, то застали начало весны. В конце июня здесь была еще примятая прошлогодняя трава и только начинали распускаться ранние цветы: курослеп болотный — растение, любящее воду и лесную тень, с почковидными листьями и крупными желтыми цветами; часто встречалась обыкновенная синюха с перистыми листьями и темно-фиолетовыми цветами, имеющими ярко-оранжевые тычинки.

Температура заметно снизилась, и по временам шел дождь со снегом. Все это производило впечатление марта месяца.

30 июня мы подошли к водоразделу и здесь увидели любопытную картину. Почва была совершенно промерзшей, мох хрустел под ногами. Всюду лежал снег, который под влиянием солнечных лучей принял фирновую структуру, и рядом с ним большие заросли золотистого рододендрона с ветвями вышиной до плеч человека, усаженными кожистыми блестящими темно-зелеными листьями и с шапками золотисто-желтых цветов.

Гольдский балаган оказался развалившимся. Около него на старой лиственнице грубо было вырезано большое человеческое лицо, запачканное смолой. Это «тору», перед которым гольды каждый раз, выступая на охоту, совершали моления. Рядом с лиственницей на четырех столбиках было поставлено деревянное корытце. В нем сжигались листья багульника и клались жертвоприношения. Бурхан имел такой вид, как будто он окарауливал развалины балагана и чем-то был озабочен.

Сумерки застали нас за работой. На мыске у слияния двух ручьев по соседству с балаганом мы устроили бивак. На другой день была назначена дневка. Надо было отдохнуть, собраться с силами, починить одежду и обувь. Утомленные дневным переходом, мои спутники рано легли спать. У огня остались мы только вдвоем с Мулинка. Я занимался своим делом, а он зашивал порванные унты. Время от времени мы подбрасывали сухие ветки в костер, огонь разгорался ярче. Тогда стволы деревьев выступали из темноты и как бы приближались к биваку. По земле прыгали то светлые блики, то черные тени. Я заметил, что Мулинка часто поглядывал вправо от себя.

— Чего его все сюда смотри? — сказал он недовольным тоном.

— Кто? — спросил я ороча.

— Черт! — отвечал он, указывая на бурхан. Я поднял голову и при ярком пламени костра увидел «тору» на лиственнице. Деревянное человеческое лицо, казалось, ожило и как будто наблюдало за нами. В течение многих лет бурхан этот исправно нес свои обязанности по охране балагана и теперь точно был недоволен дерзостью пришельцев, осмелившихся растащить его на дрова. Я поймал себя на том, что дремлю над своей работой. Мулинка уже спал. Я убрал свои дневники и последовал его примеру.

Перед рассветом появился густой туман. Я уже отчаивался, что моя экскурсия не состоится. Но вот выглянуло солнце, и туман рассеялся. Я быстро оделся и отправился на

рекогносцировку к перевалу, высота которого определяется в 1200 метров. Подъем на него с восточной стороны был длинный, пологий и очень сырой.

Когда я поднялся на вершину хребта, лес быстро начал редеть и предо мной открылось обширное болото, по которому там и сям виднелись большие лужи стоячей воды вроде озерков. По ту сторону его плотной зубчатой стеной стоял темный лес. Здесь природа как будто особенно хотела отделить один речной бассейн от другого. Ей казался недостаточным высокий горный хребет, недостаточно и зыбучее болото, надо было воздвигнуть еще лесную преграду из замшистых и уродливо выродившихся елей и пихт. Такие болота на высоких горах орочи населяют чудесами своего воображения. В них живут громадные змеи «сунму», глотающие сохатых. Страшные крики их бывают слышны на большом расстоянии. Все живое избегает этих мест, и никто не заходит сюда до тех пор, пока зимние морозы не скуют льдом озера, в которых обитают гигантские пресмыкающиеся.

Когда я вышел на опушку леса, солнце уже прошло по небосклону большую часть своего пути. Оно было деформированное и имело красноватый цвет. От болот медленно подымались тяжелые испарения. Кругом стояло жуткое безмолвие. Я был один и в то же время чувствовал себя как бы окруженным невидимыми таинственными существами, которые прятались за деревьями и наблюдали за мной. И вдруг эта мертвая тишина нарушилась каким-то протяжным криком. Он пронесся через все болото и был похож на мычание, которое начиналось стенящими звуками, переходило в октаву и кончилось как бы тяжелым вздохом. Вероятно, это был медведь, потому что лось кричит не так и только осенью. Опасаясь, что сумерки застанут меня в лесу, я начал обратный спуск с перевала.

Когда я подходил к палаткам, солнце только что скры-

лось за горизонтом; земля слабо освещалась еще холодным сиянием, отраженным от неба. На биваке ярко горел огонь. Свет его отражался в какой-то маленькой луже. Около костра виднелись черные силуэты людей. Они вытягивались кверху и принимали уродливые очертания, потом припадали к земле и быстро перемещались с одного места на другое. Точно гигантское колесо с огненной втулкой и черными спицами вертелось то в одну, то в другую сторону в зависимости от того, как передвигались люди. Придя на бивак, я рассказал, что видел на перевале. Орочи остались в убеждении, что это была именно та большая змея, о которой им рассказывали гольды.

На другой день мы распрощались с «тору» и с балаганом и стали взбираться на перевал, который назвали Утомительным. Мы не останавливались на нем и, придерживаясь опушки леса, более чем по колено в воде обошли болото стороной.

Глава

4

Худая долина

256 С перевала Утомительного вода сбегала между кочками в виде бесчисленных струй. Мы следовали за ними в направлении к северо-западу. Это смущало меня. Ведь если ошибиться только на один или два градуса, можно попасть в бассейн реки Аделами, впадающей в Хуту.

Скоро наши опасения рассеялись: вода все больше и больше забирала к западу. Мы сначала спускались по ровному и пологому склону, потом мало-помалу стали обрисовываться края долины. Около полудня наш маленький отряд дошел до того места, где наша речка приняла с правой стороны еще такую же речку и круто повернула на юго-запад.

В истоках реки Тутто были ущелья, а с этой стороны — весьма пологий скат; там был снег и ранняя весна, а здесь — теплое лето. Этот переход от одного времени года к другому всем нам показался очень резким. Мох на земле и на деревьях, низкая температура и обилие влаги создавали полнейшую формацию лесной тундры. От соприкосновения с болотами влага воздуха конденсировалась и превращалась в туман. Было холодно и сыро... Часов в 10 утра туман начал клубиться, кое-где проглянуло синее небо, и живительные солнечные лучи озарили мокрую землю.

Первые насекомые, приветствовавшие нас после перехода через перевал, были комары. Потому ли, что мы здесь впервые встретились с ними в этом году, или потому, что маленькие крылатые кровопийцы были голодны, но только укусы их показались нам очень чувствительными. Пришлось прикрыть лица сетками и надеть на руки перчатки, а туземцы завязали головы платками, которые предусмотрительно захватили с собой из Советской Гавани.

После перевала вместо ели и пихты на сцену сразу выступила лиственница, которая вскоре сделалась господствующей породой. В долине подлеском ее явилась кустарниковая береза Миддендорфа с угловатыми ветками, красновато-бу-

рой шелушащейся корой и мелкими листочками, а по склонам гор — багульник подбелый с ветвями, стелющимися по земле. Красивая темно-зеленая кожистая листва его сначала понравилась нам, но потом мы не раз вспоминали мхи елово-пихтового леса и часто проклинали оба этих кустарника. Они весьма затрудняли наше движение, в особенности когда приходилось идти косогорами. Нога скользит по веткам, которые лежат все в одном направлении и непременно сверху вниз по склону горы; люди часто падают и затрачивают много сил, чтобы пройти несколько десятков шагов. Чем круче такой склон, тем неувереннее шаг, тем больше шансов сорваться под обрыв и разбиться насмерть.

Километров через десять еще какой-то ручей подошел с 257
севера. Теперь долина вполне определилась: ближайшие сопки имели остроконечные вершины, а за ними вдали виднелись высокие горы. Перед нами встал вопрос: куда мы попали? По мнению орочей, это была река Иоли, которую избегают все туземцы. Дурной славой пользуется она. Один человек пропал здесь без вести, другой заболел и по возвращении назад скоро умер, третий сошел с ума, у тунгусов пали олени, рыба дохнет сама в воде, в болотах водятся большие змеи и т. д. Даже копинские орочи, хорошо знавшие все притоки своей реки, на предложение начертить схематический план Иоли, как бы сговорившись, в один голос заявляли, что не бывали на ней и ничего сказать про нее не могут.

К полудню мы спустились далеко вниз. Туман, державшийся на перевале, превратился в большие кучевые облака, число и размеры которых постоянно увеличивались. Они двигались большими плотными массами и имели снежно-белые закругленные края. Сильно парило...

— Будет Агды,— говорили орочи, поглядывая на запад.

И действительно, оттуда надвигалась черная туча и слышались отдаленные удары грома. Кругом все замерло, ветер стих. В нагретом, наэлектризованном воздухе витало едва уловимое беспокойство и чувствовалось какое-то напряжение, которое вот-вот должно было разразиться сильной грозой.

Мы принялись спешно ставить палатки. Орочи побежали в лес за древесным корьем; оба моих спутника носили дрова, развязывали котомки и старались спрятать вещи от дождя.

В виде страшного лохматого чудовища летела туча над землей, протянув вперед свои лапы и стараясь как бы охватить весь небосклон. От рева его содрогалась земля, и из

10 Зак. 2412

пасти вылетали длинные языки пламени. Вдруг на земле сразу сделалось сумрачно — чудовище поглотило солнце. Несколько крупных капель упало на землю, деревья сердито зашумели и все разом качнулись в одну сторону. Вслед за тем хлынул ливень вместе с градом. Молнии прорезывали темные тучи огненными стрелами, сильные удары грома сотрясали воздух, отчего дождь шел еще сильнее. Эхо вторило им в горах и широкими раскатами перекидывалось через все небо от одного облака к другому.

Мы забились в палатки и, прижавшись друг к другу, прислушивались к ветру, который налетал порывами и ломал деревья в лесу. Один раз молния ударила где-то по соседству

с нашим биваком. Я почувствовал острую боль в ушах и до самого вечера не мог восстановить свой слух.

К вечеру гроза начала стихать, дождь превратился в изморось. Орочи развели большой огонь и сушили свои одежды, от которых клубами поднимался пар. Я взял ружье и пошел немного пройтись по берегу речки, которая здесь описывала дугу. Справа от нее стеной стоял хвойно-смешанный лес, а слева была большая песчанная отмель. После грозы воздух сделался удивительно прозрачен. Небо почти очистилось от туч, последние остатки которых уходили за перевал. Вечерняя заря погасла совсем. Величественная громада гор, отдаленные вспышки молнии, глухие удары грома и ночной мрак, надвинувшийся на землю, создавали мрачную картину, но полную величественной красоты. Случайно я поднял глаза и вверху в беспредельной высоте совершенно потемневшего неба увидел мелкие серебристые облака. Сначала они были едва заметны, но вскоре сделались явственно видимыми и как будто сами издавали свет настолько сильный, что местонахождение их можно было определить даже сквозь тучки, проходившие низко над землей. Такие серебристо-белые облака бывают видны только в чистом воздухе после дождя. Водяной пар не мог подняться в столь высокие слои атмосферы. Может быть, это была тонкая пыль или какой-нибудь другой газ, более легкий, чем воздух, газ, который долго светился и после полуночи медленно погас. Я повернул назад. Гроза ушла уже далеко, и грома не было слышно. Во всей природе водворилось спокойствие, и только зарницы напоминали о недавней буре.

За ночь мы все хорошо отдохнули и назавтра продолжали наш путь вниз по реке Иоли.

От затяжных дождей вода стояла в ней высокая, и это принуждало нас все время держаться левого края долины. Опять пришлось карабкаться через многочисленные непропуски.

Большими препятствиями для передвижений являлись грузы, которые мы несли на себе, и заросли багульника, вытеснившего другие кустарники.

После полудня случилось как-то, что мы разделились: Н. Е. Кабанов, А. И. Кардаков и три ороча пошли сопками, а я и Геонка спустились в долину. Здесь оказалось идти еще хуже, чем косогором. Кустарниковая береза Миддендорфа росла вперемежку со спиреей иволистной, имеющей листья, как у тальника, и с высокими травами.

Наибольшие трудности выпадают всегда на долю идущего впереди. Поэтому мы чередовались. Когда была моя очередь пробираться сквозь заросли, я случайно вышел на тропу, протоптанную медведями. Она шла как раз в том направлении, которое нам было нужно. Тропа скоро вывела нас на песчаную отмель, поросшую ивняками и заваленную колодником.

Как-то случилось так, что Геонка немного отстал, а я вышел вперед. Подойдя к бурелому, я сел, не снимая котомки. В это время я увидел небольшого зверька длиной около 60 сантиметров, буро-желтого цвета, с пушистым хвостом и с небольшими стоячими ушами. Я тотчас узнал в нем колонка. Зверек сидел на земле около большой валежины, поджав под себя лапки, и что-то держал во рту. Он так был занят своим делом, что не замечал меня, и это дало мне возможность рассмотреть его как следует. Колонок что-то прижимал передними лапками, кого-то сердито кусал и шевелил своим хвостиком. В это время я сделал неосторожное движение и напугал его. Он издал звук, похожий на короткое хрипение, прыгнул на валежину, ловко пробежал по тонкому прутику и скрылся в траве. Тогда я встал со своего места и увидел около колодины довольно большую гадюку с характерным для нее пестрым ромбоидальным рисунком на спине. У змеи была перекушена шея. Она лежала с открытым ртом и медленно извивалась.

Хотелось еще понаблюдать за колонком, но его, может быть, пришлось бы долго ждать. В это время подошел Геонка. Я сообщил ему о том, что видел, и указал на змею. Он сказал мне, что колонок ловит птиц, мышей, пищух, белок, бурундуков и других мелких животных. Самый сильный шаманский дух («севон») всегда является в образе колонка и называется «соле». По его мнению, я видел не обыкновенное животное, а именно севона, которого шаман послал убить злого духа, принявшего вид ядовитой змеи. Самое лучшее будет, закончил он, если мы уйдем поскорее отсюда. Сказав это, Геонка пошел вперед по медвежьей тропе, а я за ним следом.

Чем дальше мы спускались вниз по реке, тем она становилась многоводнее. Больших притоков не было, но множество мелких ручьев впадало в нее справа и слева.

Интересной особенностью долины реки Иоли являются высокие древние речные террасы с массивными основаниями, имеющими вид широких плато.

Теперь наша задача заключалась в том, чтобы найти тополь такого размера, чтобы из него можно было долбить лодку. Каждое большое дерево привлекало внимание орочей. Они снимали котомки и бегали в лес, но каждый раз возвращались разочарованные.

На этом пути Н. Е. Кабанов отметил еще следующие породы: особые виды ив (пирамидальную, росистую), потом осину с характерными трепещущими листьями на длинных черешках, растущих одиночными экземплярами среди других древесных пород. Лиственница занимала все возвышенные места — террасы и склоны гор. Из кустарников стали встречаться дерен татарский с яйцевидными листьями и бледно-зеленовато-серыми цветами, шиповник горный с колючими красновато-бурыми ветвями и с мелкими овальными листочками, слегка опушенными с исподней стороны. Берега с галечниковыми отложениями у самой воды были заполнены густыми зарослями белокопытника дланевидного — весьма декоративного растения с крупными, глубоко изрезанными острозубчатыми листьями. Орочи нарезали ножами множество его сочных длинных черешков. Они ели их так аппетитно, что соблазнили и нас. Вкусом белокопытник похож на молодые стебли ангелики, которой в деревнях любят лакомиться ребятишки. Во всяком случае это растение может быть причислено к съедобным. Русские переселенцы иногда в шутку называют его «ороченский огурец».

Наконец 3 июля желанное дерево было найдено. Это был тополь Максимовича вышиной в 25—30 метров и в два обхвата на грудной высоте. Он рос по другую сторону реки. С великой радостью мы сбросили со своих плеч котомки в сознании, что дальше их нести не придется. Пока орочи налаживали переправу через реку, мы втроем устроили бивак. Туземцы осмотрели тополь, обсудили, куда и как он упадет, убрали весь валежник и затем принялись рубить его с особыми заклинаниями.

Стоял лесной великан на берегу реки Иоли и многим сородичам своим, растущим вблизи себя, он дал право тоже называться большими деревьями. Двести с лишним лет он, как патриарх, охранял порядок в лесу и, быть может, простоял бы еще сто лет, если бы не семь двуногих пигмеев, пришедших сюда с топорами. Тополь, подрубленный у кор-

ней, вздрогнул, затрещал, качнулся и начал падать сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. С большим шумом, ломая другие деревья, он грохнулся на землю и погиб. Мулинка тотчас срубил одну из веток его и всадил ее вертикально в середину пня.

На мой вопрос, что это значит, он ответил, что это душа дерева — «ханя-моони». Так делают всегда, когда его рубят для лодки. Если дерево рубится для того, чтобы сделать гроб покойнику, то «ханя» в пень не втыкается.

Орочи отмерили около 20 метров от комля и отрубили вершину. Они работали дружно, с увлечением, быстро сняли с болванки кору и в полдня срубили заболонь, выровняли дно будущей лодки и обтесали ее бока.

Начинало уже смеркаться, когда туземцы возвратились на бивак. Недолго усталые люди беседовали у огня и рано уснули.

Следующие два дня были солнечные и теплые. Орочи большими рычагами перевернули болванку тополя и поставили ее днищем на катки. Затем длинной веревкой, намазанной углем, они наметили верхние края лодки и с помощью березовых клиньев принялись срубать все, что было выше этих линий. Еще полдня ушло на выемку древесной массы из середины лодки. Я любовался работой туземцев. Главным мастером был Мулинка. Он давал указания, и все слушались его беспрекословно. Тем временем Намука у комля болванки очертил границы лопатообразного носа и снял всю лишнюю древесину. На второй день к вечеру лодка вчерне была готова.

5 июля орочи отделали улимагду начисто. Особыми поперечными топориками (упала) они стесали борта ее настолько, что казалось, будто она сделана из фанеры. Дно лодки оставили несколько толще, чтобы оно могло выдержать давление камней на перекатах. Теперь оставалось только опалить улимагду. Религиозный предрассудок не позволяет делать это на том месте, где было срублено дерево. Орочи сплавили ее на другую сторону реки и пошли за берестой. Особыми распорками они немного раздвинули борта улимагды в стороны, затем поставили ее днищем на деревянные катки и по всей длине разложили под ней березовое корье. Опаливанием лодки достигается одновременно осушка ее и осмаливание.

Пока Мулинка и Хутунка обжигали улимагду, Намука сделал кормовое весло, а Сунцай приготовил шесты. Часам к двум пополудни 5 июля все было готово. Не медля нимало, мы уложили все наши грузы в лодку и, вооружившись шестами, поплыли вниз по реке Иоли.

Горная складка, служащая водоразделом между бассейнами рек Тутто и Хади, текущих в море, и реки Иоли, текущей в Копи, имеет столообразный характер. Гребень ее ровный, без острых вершин и глубоких седловин. Он все время повышается к югу и в потоках реки Ситыли образует командующую высоту всего прибрежного района Советской Гавани. Гора эта называется Инда-Иласа. С нее видны все горы на юг до Самарги и на север до Хуту включительно.

На вершине этой сопки тоже большое болото с лужами стоячей воды, в котором орочи поселили каких-то фантастических чудовищ вроде ящериц громадных размеров.

Гора Инда-Иласа является узлом, от которого звездообразно отходят большие отроги. По распадкам между ними бегут с одной стороны две речки Ситыли, левые притоки Иоли, с другой — река Санку, впадающая в Копи.

Река Иоли течет вдоль столообразного горного хребта по межскладчатой долине, но, огибая сопку Инда-Иласа, режет ее вкрест простирания. Здесь долина делается изломанной, река бежит «в щеках» через бурные пенистые пороги.

В петрографическом отношении она гораздо богаче и разнообразнее реки Тутто. Вперемежку с базальтами, которые все больше и больше отстают, на дневной поверхности появляются обнажения гранитов аспидоподобных глинистых сланцев, различных изверженных и метаморфизированных пород и конгломератов.

Первую Ситыли мы прошли шестого числа, а вторую — долго не могли найти. При устье она разбивается на много мелких рукавов, замаскированных густой растительностью. В среднем течении Иоли чрезвычайно порожиста и извилиста. Скалистые сопки то с одной, то с другой стороны, а иногда и сразу с обеих сторон сжимают ее русло. Прибавьте к этому большой уклон дна реки, и тогда представление о порогах Иоли будет полное. Как бешеный зверь, вода прыгает через камни, пенится, всплескивается кверху и местами образует широкие каскады. Спуск по Иоли в этих местах опасен и доставляет много хлопот.

Чтобы облегчить лодку, мы оставили в ней двух орочей, а сами полезли на гору. Как только мы поднялись на ее вершину, сразу увидели, что река описывает почти полный круг. Тогда мы пошли к ней по кратчайшему направлению.

Здесь я впервые встретил плосколистную березу. Она росла сплошными насаждениями на местах старых пожарищ. Спустившись в долину Иоли, мы опять попали в пойменный лес, состоящий из ольховника с крупными одноцветными с

обеих сторон листьями, и ивняка, растущего то кустарником, то деревцом с ветвистой кроной.

Минут через двадцать мы вышли на большую галечниковую отмель. На ней у самой воды я заметил около десятка большеклювых ворон, прилетевших сюда для отдыха и водопоя. На сером фоне камней, запачканных илом, они резко выделялись своим черным цветом. Как только я вышел из зарослей, одна из птиц, которая была ближе ко мне, громко каркнула и испуганно снялась с места. За ней тотчас поднялись на воздух и другие вороны и улетели в лес. Там они нашли филина и стали его преследовать. Ночной хищник прятался в чаще, отбивался от них как мог и перелетал с одного дерева на другое. Через четверть часа и филин и вороны скрылись из виду.

Выйдя к реке, мы сели на камни и стали ждать свою лодку.

Вдруг из-за поворота показалась небольшая стайка остроклювых крохалей. По-видимому, это были самцы, потому что, судя по времени, самки должны были находиться около гнезд со своими еще не оперившимися птенцами. Крохали не видели нас и подплыли довольно близко, а когда заметили опасность, все разом нырнули в воду. Течением отнесло их к другому берегу. Как только они опять появились на поверхности, тотчас поднялись на воздух и полетели вниз по реке.

Утром шел небольшой дождь, а после полудня погода разгулялась. Солнечные лучи прорвали туманную завесу и осветили мокрую землю. Над галечниковой отмелью реял теплый воздух. В это время пролетел какой-то жук. С громким гудением он описал круг над нашими головами и, видимо, хотел сесть. Увидев жука, Мулинка вдруг сорвался с места и принялся ловить его с таким видом, как будто он представлял собой большую ценность. Зная, что туземцы довольно равнодушны к насекомым, я очень удивился, почему Мулинка ловит его так старательно, и стал ему помогать. Общими стараниями мы поймали жука. Это оказалась бронзовка золотисто-зеленого цвета с белесоватыми черточками на задних частях надкрылий.

Получив насекомое, Мулинка тотчас посадил его в коробку из-под спичек и спрятал за пазуху. При этом объяснил, что бронзовка есть душа сохатого, который сейчас где-нибудь спит. Проснувшись, лось отправится искать свою душу и сам придет к нам на бивак. Каждый охотник знает это, старается поймать бронзовку и носит ее с собой до тех пор, пока не встретит лося, что обычно случается на второй или на третий день.

Когда прибыла лодка, было уже настолько поздно, что не имело смысла плыть дальше, и потому мы решили встать биваком.

Как всегда, орочи вытащили улимагду на берег и принялись разгружать ее. Намука пошел в лес рубить жерди для палатки, а Мулинка собрал большую охапку дров для костра. Он нарезал стружек и сунул их под хворост, потом достал спички, и едва открыл коробок, как бронзовка вылезла из него и с жужжанием полетела к лесу.

— А-та-тэ! — закричал Мулинка и с досадой посмотрел вслед насекомому.— Теперь сохатого найти не могу,— продолжал он в раздумье.

Минут через десять на бивак вернулся Намука. Он нес на плече две длинные жерди. Сбросив их на землю, он сказал, что в лесу наткнулся на сохатого, который в испуге бросился в чащу. Намука жалел, что с ним не было ружья, а Мулинка был убежден, что это был тот самый зверь, который приходил за своей душой.

За отрогами Инда-Иласа долина Иоли значительно расширилась: горы отошли в стороны и только по временам подходили к реке то с одной, то с другой стороны. Бег воды тоже стал спокойнее, но зато количество плавника увеличилось, в особенности на протоках.

По рекам, которые обычно посещаются туземцами, в колоднике делаются проходы; но мы нигде не нашли следов порубок, ни одного старого бивака, ни одного костра. Все это подтверждало слова орочей, что сюда никто не ходит ни летом, ни зимой.

Во время полуденного привала я взобрался на одну из прибрежных сопок с голой вершиной. Эта экскурсия дала мне возможность познакомиться с общей топографией окрестностей.

Общее направление долины реки Иоли юго-западное, только последние двенадцать километров она течет в широтном направлении и впадает в Копи под острым углом. Все горы, в том числе в Инда-Иласа, имеют столовый характер и достигают значительной высоты. Ближе к устью, с левой стороны, сопки сильно размыты и выходят в долину гигантскими утесами, лишенными растительности. Когда наша лодка прошла мимо них, я узнал, что устье реки уже недалеко.

Глава

5

Савушка Бизанка

Экспедиция достигла реки Копи 8 июля. Здесь около скал Омоко Мамача мы увидели красный флаг с надписью: «Шлем привет и желаем счастливого пути». Это была питательная база, устроенная лесной стражей — К. И. Надеждиным и К. Г. Осиповым. В старой брошенной юрте мы нашли свои ящики с продовольствием. Вместе с тем тут нас ждала и неприятность: значительная часть сухарей, присланных из Владивостока, оказалась гнилой и червивой. После дневки я послал А. И. Кардакова и троих орочей вниз по реке Копи к устью Чжакумэ, где я рассчитывал найти туземцев, достать у них еще одну лодку и прикупить продовольствие.

Пока лодки ходили на реке Чжакумэ, мы с Н. Е. Кабановым занялись изучением ближайших окрестностей. Он ежедневно экскурсировал в горы, а я ходил к скалам Омоко Мамача.

Если смотреть на них со стороны устья реки Иоли, они представляются руинами древнего замка, заросшими буйной растительностью. Некоторые утесы имеют странные очертания: один из них похож на сидящего человека, который несколько повернул голову и прислушивается к чему-то, другой имеет вид старика, всматривающегося в даль, рядом с ним замер в неподвижной позе уродливый карлик, поднявший кверху руку и как бы указывающий на самую большую скалу. Это и есть Омоко Мамача. Потому ли, что я знал смысл этих двух слов, она показалась мне похожей не то на монаха в длинной одежде, не то на колдунью с гневным лицом, скрестившую на груди руки. Это была странная игра природы. Точно кто-нибудь нарочно гигантским зубилом вытесал из камней разные фигуры. Как в облаках при некоторой фантазии можно видеть очертания людей, птиц, животных, так и в этих камнях было что-то такое, что заставляло отождествлять их с живыми существами.

Долина реки Копи типично денудационная и слагается из ряда котловин, соединенных узкими проходами. Котловины

эти очень опасны для заселения, потому что во время дождей они затопляются водой. Здесь же находятся и главные притоки Копи. Последняя от устья реки Иоли до моря имеет протяжение в 170 километров. Огибая знакомую нам сопку Инда-Иласа, она делает к югу большую излучину, а затем опять поворачивает на восток и впадает в бухту Андреева примерно около 48,6° северной широты. На этом пути Копи принимает в себя следующие притоки: справа Чжауса, Чжакумэ и Бяпали, где еще сохранилось довольно много соболей, затем река Тепты, по которой орочи ходят на реку Ботчи, впадающую в бухту Гроссевича немного южнее Копи; потом следуют две небольшие речки Май и Копка. С левой стороны Копи не имеет сколько-нибудь значительных притоков, к которым относится и Санка. Истоки ее находятся между рекой Ханди и горой Инда-Иласа.

Дня через два посланные возвратились. Вместе с ними прибыл и ороч Савушка Бизанка. На его лодке я полагал отправить к морю Н. Е. Кабанова.

Купить у туземцев ничего не удалось. Они сами кормились рыбой, которая только начинала доходить сюда единичными экземплярами. Делать нечего! Волей-неволей приходилось довольствоваться тем недоброкачественным продуктом, который был в нашем распоряжении.

Вновь прибывший ороч Савушка был моим старым приятелем. Имя свое он получил при крещении еще маленьким мальчиком. За тихий и покладистый характер русские стали называть его ласкательно. Годы шли, из мальчика Савушка сделался мужчиной, потом состарился, а ласкательное имя так при нем и осталось. Ему теперь было около шестидесяти лет. Это был мужчина среднего роста, сухопарого сложения. Невзгоды скитальческой жизни наложили на лицо его особый отпечаток, по которому сразу можно узнать охотника-зверолова. Сосредоточенность во взгляде, некоторая скромность, молчаливость и спокойствие так характерны для обитателей лесов. Савушка не имел ни бороды, ни усов; темно-карие глаза его потускнели немного, но все же он видел еще хорошо. Кожа на лице и на руках его загорала так много раз, что навсегда осталась красновато-смуглой. Лет двадцать пять тому назад, по маньчжурскому обычаю, он носил косу, теперь на голове его были выцветшие редкие волосы; короткими прядями они свешивались на затылке и на висках. Одет был Савушка в свой национальный костюм, сшитый из какой-то материи, которая имела неопределенно-серый цвет. Верхняя рубашка до колен с косым воротом и с застежками на боку была подпоясана ремешком так, что вокруг талии получился напуск. На ногах он носил короткие штаны, длин-

ные наколенники без всяких украшений и особую туземную обувь (унты), сшитую из выделанной сохатиной кожи. На поясе с правой стороны висели два ножа, с которыми орочи никогда не расстаются.

За последние годы здоровье Савушки сильно пошатнулось. Он стал кашлять кровью. Во время таких припадков он очень страдал и делался совершенно беспомощным. Сопровождавшие меня орочи относились к старику с большим почтением и старались всячески ему служить. Они починяли его обувь, стлали ему постель и не позволяли носить дрова.

Мы встретились с ним как старые друзья. Когда Савушка от орочей узнал, что мы вышли на Копи, сам вызвался проводить нас до Сихотэ-Алиня. Это очень меня устраивало, так как он считался добычливым охотником, лучшим следопытом и хорошим проводником.

Много лет мы не виделись с ним. Судьбе угодно было, чтобы жизненные пути наши опять сошлись около скалы Омоко Мамача. За это время много воды утекло в реку Копи. Мы оба уже постарели и, пожалуй, даже не сразу узнали бы друг друга. Первые минуты мы не знали, как и с чего начать обоюдные расспросы. А поговорить было о чем! Мы сели с ним на опрокинутую лодку и стали вспоминать прошлое. Он сообщил мне грустные вести. Неумолимая смерть унесла в могилу многих туземцев, с которыми я встречался в 1908 году.

Вечером после ужина орочи, ездившие на реке Чжакумэ, и оба моих спутника рано легли спать, а я, Савушка и Хутунка еще долго разговаривали между собой. В старой покинутой юрте было так уютно. Огонь весело прыгал по веткам, которые время от времени кто-нибудь из нас подбрасывал в костер. Он оживал, вспыхивал длинными языками и освещал сходившиеся кверху стены нашего временного жилища. Вход в юрту был завешен полотнищем палатки; в другом конце ее были сложены ящики с провизией. По обе стороны огня спали люди. Дым от костра выходил через отверстие в крыше. Порой сквозь него виднелось небо, освещенное бледными лучами месяца.

Я рассказал Савушке о том, как мы шли по реке Иоли и как нашли свою питательную базу. Разговор наш перешел на скалу Омоко Мамача, и я спросил его, почему ее так назвали. Тогда Савушка сообщил мне следующее сказание.

Раньше, очень давно, в верховьях Копи жили человек Кангей и две женщины — Атынига и Омоко. Жили они долго, несколько сот лет, состарились и окаменели. Много веков они стояли в полном согласии, но однажды заспорили о том,

кто из них является хозяином местных гор. Спор их перешел в ссору и в ужасную драку, от которой содрогались все сопки и стонала тайга. Кангей остался победителем и сохранил за собой место. Одна старуха, Атынига, убежала и села на правом берегу Копи между реками Бяпали и Тепты, а другая вместе с семьей своей перешла на левый берег реки около устья Иоли и стала называться Омоко Мамача.

С тех пор орочи, удэхе и гольды, когда проходят мимо скал, останавливаются и кладут на камни свои приношения: лоскутки материи, кусочки сахару, листочки табаку или выливают несколько капель водки и просят послать им удачную охоту и счастливое окончание пути. Этот обычай соблюдается и по сие время.

Снаружи послышался какой-то всплеск. Я поспешно вышел из юрты. Тихая светлая ночь облегала уснувшую землю. На небе стояла полная луна. От нее кверху и в стороны крестообразно расходились четыре луча; несколько в стороне справа и слева виднелись еще два лучезарных пятна со слабой ахроматизацией, которые принято называть «ложные луны». Свет месяца отражался в реке серебристыми переливами. От воды поднимался легкий туман. Теперь скалы Омоко Мамача приняли другой вид: одни части их были ярко освещены, а другие погружены в глубокий мрак. По небу плыло белое облачко. Оно казалось неподвижным, а самая большая скала с гневным выражением окаменевшего лица как будто двигалась ему навстречу. Облачко проходило, и гигантский утес вновь делался неподвижным.

В это время опять послышались всплески. Это лососи шли метать икру для того, чтобы дать жизнь себе подобным и погибнуть в истоках реки.

Я вернулся в юрту и сел на свое место. Спать мне не хотелось. Мы достали сухарей и стали пить чай. Савушка рассказывал, что случилось на реке Копи в давно минувшие времена. Он вспоминал дни своей юности, когда русских в стране было мало, тайга щедро снабжала охотников пушниной и мясом, а реки изобиловали рыбой. Раньше соболь водился у самого моря, а теперь за ним надо ходить в верховья реки Копи. В настоящее время лучшим охотничьим местом считается река Чжауса с несколькими притоками, из которых самым интересным будет река Оанды. В истоках она слагается из трех речек (Элангса). Здесь находится страшная сопка Гугдаманты, где погибло несколько охотников.

Дело было так. Однажды вверх по реке Чжаусе отправились семь орочей из рода Докодика и один человек из рода Копинка. Был очень глубокий снег. В сумерки охотники

нашли следы семи сохатых. Они решили ночевать тут, рассчитывая на следующее утро догнать лосей, которые далеко уйти не могли. Когда совсем стемнело, орочи услышали рев животных. Люди из рода Докодика стали смеяться над сохатыми, говоря: «Не кричите, мы все равно завтра всех вас перебьем». Один только Копинка не глумился над животными. Он был старый, опытный охотник и знал, что после медведя лоси занимают самое почетное место среди зверей, что зимой они никогда не кричат, а если кричат, то неспроста. На другой день с рассветом орочи пошли на охоту, но сохатые уходили все дальше и дальше. День был уже на исходе, когда лоси поднялись на сопку Гугдаманты и начали опускаться по самому крутому ее склону, который внизу кончается отвесными обрывами. Охотники бросились за ними. Вдруг животные закричали опять, и в это мгновение вся масса снега начала двигаться сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Вместе со снегом стали падать камни, валежник. Лавина вырывала с корнями деревья и стремительно неслась книзу, все увеличиваясь в размерах и все разрушая на своем пути. В этой лавине погибли все сохатые и семь охотников из рода Докодика. Спасся только один Копинка. Он сразу повернул вправо по косогору и вовремя вышел из беды. Когда стаяли снега, орочи пошли искать погибших охотников. У подножия обрыва они нашли перемешанные кости людей и сохатых. В дни своей юности Савушка ходил туда. С той поры крутой склон сопки Гугдаманты остался голым. По его словам, обвалы там бывают часто в глубокоснежные зимы. Внизу под обрывом нагромождены груды камней, буреломного леса. Едва на них появляется молодая растительность, как их снова засыпает землей и снегом.

Савушка замолчал. В наступившей тишине слышно было ровное дыхание спящих и потрескивание дров в огне. В это время снаружи донеслись какие-то странные звуки. Словно кто стонал и вздыхал. Я приподнял полог у дверей и выглянул из юрты. Месяц уже находился на половине своего пути к западу и мягким сиянием озарял кроны больших деревьев. Испарения над рекой сгустились. Высоко на небе блистал Юпитер своим ровным белым светом. Кругом было тихо. Вся природа грезила предрассветным сном.

— Это выпь,— сказал Хутунка.— Когда ее кричит, люди видят худой сон.

Как бы в подтверждение его слов, Мулинка потянулся и застонал. Хутунка разбудил его. Мулинка открыл глаза, что-то пробормотал, потом повернулся на другой бок и снова уснул.

Время шло, а мы втроем все сидели и тихо разговаривали между собой. Такие бессонные ночи у огня в глухой тайге в дружеской беседе с человеком, к которому питаешь искреннюю симпатию и которого не видел много лет, всегда полны неизъяснимой прелести. Это лучшие страницы моих путевых дневников.

— Наши орочи теперь совсем трудно живи,— сказал Савушка.— Двенадцать года назад шибко большая вода была,— продолжал он,— тогда много людей погибло.

В это наводнение попал и Хутунка. Он жил тогда около устья реки Бяпали, а юрта Савушки была на Чжакумэ. Я кое-что слышал об этом наводнении и просил обоих моих

собеседников рассказать о нем возможно подробнее.

Лето 1915 года было очень ненастное. Дожди шли все время с большим постоянством. Один раз очень сильный ливень длился подряд двое суток. Он не позволял женщинам и детям выходить из жилищ. Опасаясь, как бы водой не унесло лодки, орочи вытащили их подальше на берег и поставили на катки. В течение одних суток они должны были шесть раз опрокидывать их и выливать дождевую воду. К вечеру второго дня вдруг сверху вода пришла валом и сразу затопила все берега. Подхватив в лесу валежник, она понесла его вниз по реке. Чем дальше, тем плавник увеличивался в размерах и в конце концов превратился в лавину, обладающую такой же разрушительной силой, как и ледоход. Эта лавина шла по долине и своим напором ломала живой лес. Орочи бросились к лодкам, но уже не могли добраться до возвышенного края долины. Все лодки были раздавлены плавником. Первыми погибли женщины и дети. Мужчины взбирались на бурелом, но деревья сталкивались между собой и калечили людей, которые тут же тонули под ними. Савушка спасся, но он совершенно был лишен возможности подать помощь своим родным, которые гибли у него на глазах. Это страшное наводнение во многих местах долины реки Копи совершенно уничтожило лес. Теперь на месте его стоит пяти-, десятилетний лиственничный молодняк.

Старик умолк и погрузился в грустные воспоминания.

В это время в воздухе опять пронеслось какое-то беспокойство. Должно быть, лиса поймала зайца или росомаха схватила кабаргу. Мы вышли из юрты. Луна уже совсем снизилась к лесу. Сквозь туман, поднявшийся от воды, чуть виднелся противоположный берег. Кругом стояла торжественная тишина. Листья кустарников и трава, смоченная росой, были совершенно неподвижны. Голубой сумрак еще

окутывал землю, но уже неуловимо в воздухе и где-то на небе чувствовалось приближение зари.

Савушка утомился. Мы вернулись в юрту, поправили огонь и легли спать.

На другое утро я встал позже всех. Мои спутники были уже на ногах. Я поспешно оделся и вышел на свежий воздух. Сквозь туман чуть-чуть виднелись скалистые сопки и деревья на другом берегу реки. Можно было опять ожидать дождя. Но вот взошло солнце. Туман пришел в движение; большие клубы его, серые, как грязная вата, потянулись к востоку, цепляясь за прибрежные кусты. Кое-где появились просветы.

Около лодок возились орочи. Они осматривали их, что-то заколачивали и приготовляли новые шесты. Часам к восьми утра погода разгулялась. Тогда мы спустили лодки на воду и поплыли вверх по реке Копи. В истоках она слагается из двух речек одинаковой величины. По правой, Чжоодэ, будет перевал на реке Даагды (приток Самарги), а по левой — в верхний Анюй, впадающий в Амур ниже Хабаровска. Близ слияния обеих упомянутых речек находится скала Кангэй, о которой говорилось выше, затем справа одна только небольшая горная речка Талеучи, а слева притоки Булунге, Дю и Иггу. По последней нам надлежало идти к Сихотэ-Алиню.

В долине реки Копи основную массу лесной растительности составляет все та же лиственница с подлесьем из багульника. Кое-где одиночными экземплярами встречается маньчжурский ясень со светло-серой корой, покрытой правильными продольными трещинами. Он растет по уремам в сообществе с бальзамическим тополем, из которого туземцы долбят свои лодки. Здесь также, по словам туземцев, изредка встречается корейский кедр — большое стройное дерево с ветвями, поднимающимися кверху и как бы срезанными на одной высоте, вследствие чего вершина его кажется тупой. Все это были представители маньчжурской флоры, проникшие сюда с юга вдоль берега моря и с запада через Сихотэ-Алинь.

Река Иггу впадает в Копи недалеко от Иоли. К полудню мы дошли до ее устья и здесь сделали большой привал. Орочи принялись варить чай, а Савушка пошел ловить рыбу. Он вырубил длинное удилище и прикрепил к нему тонкую лесу, к концу которой привязал самодельный рыболовный крючок, искусно обделанный шерстью и грубым кабаньим волосом в виде мухи с раскрытыми крыльями. Для охоты он избрал такое место, где вода подмывала скалистый берег, пенилась и бурлила. Сущность ловли заключалась в следую-

щем: с помощью длинного удилища мушка забрасывается на воду; сдерживаемая лесой, она всплывает на поверхность; рыба принимает ее за действительное насекомое, хватает ртом и попадает на крючок. Через минуту старик выбросил на камни хариуса с оранжево-малиновыми плавниками и с серебристой чешуей, по которой параллельно рядами расположены красивые фиолетовые пятнышки. Савушка взмахнул удочкой другой раз. Не успела еще мушка коснуться поверхности реки, как из воды стремительно выскочила вторая рыба и повисла на крючке, за ней последовала третья, четвертая — и так сорок шесть штук.

Последний хариус был несколько бо́льших размеров, со вздутым животом, без грудных и брюшных плавников. Когда я взял его в руки, он издал какой-то звук, похожий на скрипение. Уродливая рыба сильнее других билась на берегу. Она широко раскрывала жабры и хватала ртом воздух. Савушка наклонился, чтобы поближе рассмотреть странного хариуса, но он вдруг подпрыгнул так высоко, что задел его хвостом по лицу. Это рассердило старика. Он отшвырнул рыбу ногой и, ворча что-то себе под нос, отошел к воде и снова принялся за ловлю; но рыба больше не клевала, словно кто прогнал ее отсюда. Савушка поставил неудачу дальнейшего лова в связь с уродливым хариусом и считал его всему виновником. Когда потрошили рыб, в желудке голобрюхого хариуса оказались две ящерицы: одна целая, недавно проглоченная, другая частично переваренная.

Отдохнув немного, мы продолжали наше плавание по реке Иггу дальше и на второй день пути дошли до притока ее Гаду, впадающего с левой стороны. Здесь Иггу разбилась на несколько рукавов, забитых плавником. Это обстоятельство заставило нас рано встать на бивак.

Орочи с топорами в руках пошли разбирать завалы бурелома, а я, Савушка и А. И. Кардаков решили подняться на одну из ближайших сопок, чтобы с вершины ее посмотреть на долину реки Иггу.

Сначала мы шли по хвойному лесу, состоящему из лиственницы, ели и пихты. Чем выше, тем качество их становилось хуже; они были меньше размерами, ниже ростом и имели отмершие вершины. Мы придерживались тропы, протоптанной сохатыми, но самих животных видеть не удалось. Вершина сопки была округло-плоская, поросшая кедровым сланцем, толстые ветви которого действительно стелются по земле, образуя труднопроходимые заросли. Рядом с ним около камней приютились даурский рододендрон с мелкими зимующими кожистыми листьями, а на сырых местах — ба-

гульник лежачий с белым соцветием и вечнозелеными кожистыми листьями, издающими сильный смолистый запах. Мы выбрали место, откуда можно было видеть долину Иггу, и сели на камни.

За труды, понесенные при восхождении на сопку, мы были вознаграждены красивой горной панорамой. Река Иггу имеет общее направление с северо-запада к юго-востоку и в проекции имеет вид растянутой латинской буквы S. Перед нами была древняя горная страна, сильно размытая. Высокие куполообразные сопки, словно гигантские окаменевшие волны, толпились со всех сторон. Некоторые из них выходили в долину с мысами. Ближние сопки видны были отчетливо ясно, а дальние тонули в туманно-синей мгле, несколько смягчавшей суровую красоту предгорий Сихотэ-Алиня. Солнце уже прошло бо́льшую часть своего пути по небу. Лучи его падали на землю под острым углом, вследствие чего одни склоны гор были ярко освещены, а другие находились в тени.

А. И. Кардаков сфотографировал несколько видов и пошел на бивак. На обратном пути мы с Савушкой как-то сбились со зверовой тропы и попали в хвойно-смешанный лес со значительной примесью каменной березы. Стволы деревьев были старые, дуплистые. Обыкновенно древесина в них сгнивает раньше коры. Некоторые рухлянки чуть только держались на корнях. При небольшом давлении на них рукой они тотчас падали на землю. Много таких берестяных футляров валялось по склону горы. Савушке это не понравилось.

— Как наша сюда попал? — говорил он, не то обращаясь ко мне, не то к самому себе.

Вслед за тем он круто свернул вправо, но тут наткнулся на большую груду рухляка.

— Вот посмотри: «Ыи телюга́ моони́ омуты ни» (эта березовая кора — все равно люди),— сказал он, указывая на четыре березовых футляра, лежавших на земле: два крестообразно, а два пониже углом, так, что вершина его касалась нижней части креста, а концы расходились в стороны.

Конечно, из обломков березовых стволов, во множестве валявшихся на земле, можно скомбинировать какие угодно фигуры: людей, зверей, жилищ, лодок и т. д., но для этого надо дать волю фантазии. Так думал я, но у Савушки на этот счет были свои соображения. Он с опаской посторонился от рухляка.

Я подошел поближе к крестообразной фигуре, чтобы получше рассмотреть ее, но старик закричал мне, чтобы я не трогал березового валежника. В это время позади себя я

услышал какой-то звук, точно кто-то вздохнул, и вслед за тем один ствол, совсем подгнивший у корня, как-то странно согнулся, осел и стал падать на землю. Я едва успел отскочить в сторону.

— Наша надо скоро ходи в другое место,— сказал Савушка и начал быстро спускаться по склону горы. Я последовал за ним.

На все мои вопросы он не отвечал и был чем-то взволнован. Когда мы вышли на реку, ночные тени уже зарождались в лесу. Неслышными волнами они выползали из-под старых елей и обволакивали прибрежные кусты и груды колодника на отмелях. Деревья приняли странную окраску,

которую нельзя назвать ни черной, ни зеленой. Какая-то ночная птица пронеслась мимо нас на своих мягких крыльях. Через несколько минут мы подходили к биваку. При свете огня видны были палатки, лодки, вытащенные на отмель, и люди, двигающиеся у костра.

Орочи сообщили мне, что дальше по реке много заломов, но все же продвигаться вперед можно. Вопрос заключался лишь в том, хватит ли продовольствия.

После ужина я стал расспрашивать орочей о березовом валежнике, виденном нами на сопке. Они сказали мне, что в горах живет горный дух Какзаму. Это худотелый великан с редькообразной головой и с трехпалыми руками. Он может превращаться в любого зверя. Тогда он сбрасывает с себя внешнюю оболочку, которая и валяется на земле в виде берестяных футляров. Это одежда Какзаму. Посещать такие места не следует — может напасть хищный зверь, упасть дерево или камень, можно сломать или вывихнуть ногу или тяжело заболеть. На следующее утро мне сообщили, что Савушка лежит на земле и кашляет кровью.

Болезнь Савушки задержала нас на месте до девяти часов утра. Когда он оправился немного, орочи помогли ему сесть в лодку, и затем мы тронулись в путь.

От места нашего бивака заломы тянулись на протяжении двухсот шагов; дальше протоки опять соединились в одно русло. Несмотря на то что с бивака мы выступили поздно, нам все же удалось продвинуться вверх по реке довольно далеко. Плыли мы до самого вечера и, может быть, прошли бы еще несколько километров, если бы не новые заломы. Следующий день был неудачный: река стала мелководной и еще больше заваленной колодником.

Как образуются такие заломы? В ненастное время года вода подмывает корни больших деревьев, растущих по берегам реки. Когда последние падают, они увлекают за собой молодняк. Вода подхватывает его и несет вниз по течению.

Где-нибудь такой лесной великан застревает. Тотчас около него скопляется плавник — все больше и больше. Напором воды стволы деревьев так втиснуты друг в друга, что разобрать их голыми руками невозможно.

Медленно мы продвигались вперед, все время прорубаясь в заломах. Перетаскивание лодок на руках тоже требовало расчистки пути и усиленной работы топорами. На реке Иггу встречались водопады, основанием которых служили большие лиственничные стволы, упавшие в реку. С той стороны, откуда идет вода, скопилось много песка и гальки. Иногда дерево при падении своем застревает вершиной на другом берегу. Между нижним его краем и поверхностью воды остается столь небольшое пространство, что улимагда задевает за него своими бортами. Людям надо или ложиться на дно лодки, или перелезать через дерево.

За тесниной, которую мы видели с высоты горы, долина расширилась. Справа по течению был обрывистый берег, поросший редкостойной лиственницей, а слева — широкие древнеречные террасы. За ним и дальше виднелись ущелья и высокие остроконечные горы. Весь ландшафт производил впечатление дикой и величественной красоты. По словам Савушки, в этих местах весной держится так много сохатых, что табуны их на белом фоне снегов кажутся большими темными пятнами. Терраса была обезлесена пожарами и теперь покрылась мелколистным березняком двадцати- и тридцатилетнего возраста. Здесь в изобилии росла голубица обыкновенная. На ней было так много ягод, что все кустарники имели синевато-сизый оттенок. Там и сям виднелись большие пятна желтых саранок с цветами величиной с большую рюмку, расположенными, как канделябры.

19 июля мы бросили лодки и опять понесли грузы на себе.

Пусть читатель представит себе заболоченную тайгу, заваленную буреломом, и банную атмосферу, и он поймет, что́ значит идти в гору с тяжелыми котомками за плечами.

Чем ближе мы подходили к водораздельному хребту Сихотэ-Алинь, тем больше характер местности становился расплывчатым. Остроконечные сопки исчезли, а вместо них появились холмы со сглаженными контурами как результат эрозии. Изменился и характер лесов: такие же замшистые и заболоченные, как и в истоках реки Иоли.

В этот же день произошла в тайге встреча с отрядом инженера Н. М. Львова, который, пройдя по рекам Хуту и Аделами, вышел к Сихотэ-Алиню и теперь со съемкой спускался по реке Иггу на Копи, чтобы потом перебраться на реку Хади около Улема. После совместной дневки оба отряда пошли каждый по своему маршруту.

Глава

6

В отрогах Сихотэ-Алиня

23 июля мы расстались с Н. Е. Кабановым. Вместе с больным Савушкой он спустился обратно по рекам Иггу и Копи к морю.

Самый перевал через Сихотэ-Алинь представляет собой глубокую седловину. Первый раз я перешел через него в марте 1909 года и назвал именем Русского Географического общества. Севернее и южнее седловины хребет слагается из высоких гор с плоскими вершинами, покрытыми ягельной тундрой. В этих местах он имеет крутые склоны, обращенные к востоку, и пологие скаты — к западу. Отсюда можно видеть истоки реки Гобили (правый приток Анюя), реки Аделами (приток Хуту), а на юге — истоки Копи и Самарги. На перевале, который исчисляется в 1100 метров над уровнем моря, был репер инженера Н. Н. Мазурова. Он нашел здесь мою доску с надписью: «Перевал Русского Географического общества. 28 марта 1909 г. В. К. Арсеньев, казак Крылов, стрелки: Марунич, Рожков, Глегола» — и прибил ее к дереву на старое место. Рядом с ней пониже я прибил другую доску с надписью: «21 июля 1927 г. В. К. Арсеньев, А. И. Кардаков, П. Хутунка, Ф. Мулинка, А. Намука и С. Геонка».

С вершины перевала открывался вид на долину реки Цзаво, впадающей в Дынми, которая в свою очередь впадает в Анюй в среднем его течении с левой стороны. По небу ползли тяжелые тучи, они задевали за вершины Сихотэ-Алиня; на западе виднелись просветы в облаках и высокие сопки, озаренные солнцем.

Было уже поздно, когда мы начали спуск с перевала, и потому, как только нашли воду, тотчас встали биваком около старого моего астрономического пункта.

Утром меня разбудил мелкий и частый дождь, барабанивший в полотнища палатки. Надо сказать, что высоко в горах ненастная погода — явление довольно обычное. Всякое

облако разряжается дождем. Вот почему на вершинах гор мы видим густой моховой покров, из которого можно выжимать воду, как из губки. В то время как внизу при морочном небе стоит сухая погода, в горах непременно идет дождь. Надо было поскорее спускаться в долину реки Иггу.

Обстановка была не из веселых. Густой туман, хвойный лес, затянутый бородатым лишайником, и мох на стволах деревьев и на земле нагоняли смертную тоску. Дождь шел без перерывов, то усиливаясь, то ослабевая. Весь день мы просидели в палатках, пили чай от скуки и жевали сухари.

К утру 25 числа дождь как будто немного перестал. Тогда мы пошли вниз по ключику Сололи. В горах шумел сильный ветер, и видно было, как раскачивались деревья.

Хмурая, заболоченная тайга еще некоторое время продолжалась и к западу от Сихотэ-Алиня, но все же заметно было, что лиственница опять стала вытеснять аянскую ель и пихту. Сфагновые мхи и багульник тоже остались позади. Робко, нерешительно, сначала одиночными кустами, а потом и целыми группами стали выступать ольховники с темно-бурой корой и глянцевито-смолистой листвой и какой-то тальник с тонкими ланцетовидными листьями, зазубренными по краям. Я отметил в своем дневнике знакомую нам кустарниковую березу и даурский рододендрон с серой корой и с мелкими темными кожистыми листочками. Там, где по руслу ручья древесная растительность была реже, пышно разросся вейник Лангсдорфа. Здесь он не достигал таких размеров, как на местах равнинных, но во всяком случае в зарослях его легко может укрыться медведь.

С переходом через Сихотэ-Алинь мы сразу попали в начало осени. Кое-где на деревьях листва уже начинала желтеть. И не мудрено! Во-первых, мы были довольно высоко над уровнем моря, а во-вторых, во времени мы еще раз как бы перенеслись вперед.

Сололи представляет собой небольшой горный ручей, текущий по продольной долине. Сначала мы спускались по сильно размытому склону, изрезанному узкими ущельями, из которых бежала вода шумящими каскадами. Мало-помалу долина оформилась. Чем дальше, тем больше она расширялась и вместе с тем углублялась между отрогами Сихотэ-Алиня, которые окаймляли ее с северной и южной сторон и имели вид высоких горных хребтов.

На пути А. И. Кардаков заметил морянок с бело-черным оперением, серыми ногами, оранжевым клювом и длинными рулевыми перьями в хвосте. Они казались смирными и подпускали человека довольно близко, но на самом деле все время были настороже. Их очень трудно убить из ружья,

потому что они успевают нырнуть раньше, чем долетит до них дробь при выстреле. Затем я видел черную оляпку — небольшую птичку величиной с дрозда, очень проворную и ловкую. Она перепрыгивала с камня на камень и постоянно озиралась по сторонам. Оляпка издавала крики, похожие на чириканье, только более певучие; в такт им она помахивала хвостиком и кивала своей грациозной головкой. Я остановился и стал следить за нею, но она вдруг бросилась в самую пучину, где вода пенилась и бурлила. Оляпка держала себя так, как будто это была ее родная стихия. Через минуту она появилась на поверхности, перелетела на отмель и стала опять входить в воду все глубже и глубже, пока со-

всем не скрылась с головой. Я подошел к самому берегу. В это мгновение оляпка выскочила на камни и как ни в чем не бывало, даже не отряхнувшись, перелетела на другую отмель, потом на третью и скрылась за поворотом.

Следующие два дня снова были ненастные и холодные. Тучи низко бежали над землей и, не переставая, сыпали дождем. Только по вечерам являлась возможность отжать воду из одежды и просушить ее на огне.

На второй день пути мы уже встретили японскую березу, весьма похожую на белую европейскую, потом маньчжурский ясень, о котором упоминалось при описании лесов на реке Копи, мелколистный клен с желтой древесиной, буро-серой корой и с пятилопастными глубокозубчатыми листьями и, наконец, тополь Максимовича таких размеров, что из него можно было долбить лодки. Переход от охотской растительности на восточном склоне Сихотэ-Алиня к маньчжурской в бассейне реки Цвава очень резок. Тут уже было и другое подлесье, состоящее из кистевой бузины; ее легко узнать по крупной листве и по гроздям мелких красных ягод. Тут же рос чубышник с листьями, как у женьшеня, и с тонкими ломкими шипами. Достаточно при ходьбе задеть его, чтобы сразу получить несколько заноз в пальцы рук. Еще больше заноз набивается в колени. К счастью, они не проникают глубоко под кожу и потому не вызывают нагноений.

Как только подходящие по размерам деревья были найдены, туземцы приступили к долблению лодок.

Во время сильного ветра с дождем я как-то простудился. К счастью, это случилось тогда, когда мы кончили путь с котомками. Я все время бодрился, перемогал себя и еле держался на ногах. Пока орочи делали лодки, я отлеживался в палатке. Лихорадочное состояние стало проходить, но слабость еще не позволяла вставать с постели, если можно этим

именем назвать охапку хвойных веток на земле, прикрытых травой.

Наконец 28 августа дождь перестал. Орочи пошли за протоку опаливать лодки, а А. И. Кардаков отправился куда-то с фотографическим аппаратом. На биваке остался я один.

День был тихий и томительно жаркий, в воздухе не ощущалось ни малейшего движения: листва на деревьях и тонкие стебли вейника находились в состоянии абсолютного покоя. Время тянулось бесконечно долго. Какая-то истома охватила всю природу и погрузила ее в дремотное состояние. Даже мошки и комары куда-то исчезли. В шесть часов вечера я надел обувь и вышел из палатки. Солнечные лучи еще пробирались сквозь чащу леса и радужными тонами переливались на тенетах паука, раскинутых между двумя тальниками. День угасал. Нежное дыхание миллионов растений вздымало к небесам тонкие ароматы, которыми так отличается лесной воздух от городского. Я сел на камни и долго смотрел на запад. Солнце скрылось за горизонтом как раз в направлении долины Цзаво. В той стороне небосклон был совершенно безоблачен. На фоне его резко проектировались остроконечные вершины елей и пихт. Они-то именно и привлекли к себе мое внимание. Над каждым деревом вилась кверху быстро вращающаяся тонкая струйка, похожая на дым. Чем выше было хвойное дерево, тем больше и темнее была струя.

Я протер глаза, думая, что это мне кажется вследствие лихорадочного состояния. Но тогда почему не было таких же дымков над березами и тальниками? Вблизи росли две молодые елочки. С трудом я поднялся на ноги и встал по отношению к ним в такое положение, чтобы вершины их тоже проектировались на фоне зари, и тотчас увидел над ними такие же вращающиеся струйки. В это время на бивак пришел Геонка. Я велел ему качнуть ту и другую елочку. Струйки мгновенно исчезли. Когда же деревья встали неподвижно, струйки появились снова. Тогда я позвал удэхейца к себе и спросил его, не видит ли он что-нибудь над деревьями.

— Моя думай, это мошки,— сказал он и затем добавил: — Моя сейчас его поймай.

Он подошел к елочкам и стал ловить мошек головной сеткой. Он махал ею до тех пор, пока убедился в бесполезности своих занятий. Геонка устал, он вернулся ко мне и в раздумье сказал:

— Моя первый раз такой посмотри. Не знаю, хорошо это или худо?!

Солнце спускалось все ниже и ниже. Западный горизонт сделался багровым. Как только стало прохладнее, крутящиеся струйки исчезли. Возможно, что это были эфирные масла, которые собирались у верхних частей елей и пихт. Они поднимались кверху, приобретая вращательное движение. Через них преломлялись лучи вечерней зари, и от этого они казались темными.

А. И. Кардаков и орочи с работ вернулись, когда стало уже совсем смеркаться.

К утру следующего дня я почувствовал себя значительно лучше. С восходом солнца мы распрощались с нашим биваком, поплыли вниз по реке Цзаво и в полдень вошли в реку Дынми.

Западнее Сихотэ-Алиня и параллельно ему проходит очень древняя и сильно размытая горная складка, слагающаяся из метаморфических сланцев. Складка эта представляет собой первозданную земную кору и является той древнейшей осью, около которой впоследствии сложился современный Уссурийский край. На реке Дынми можно видеть прекрасные обнажения кристаллических сланцев. В местах обвалов образовались красивые гроты. Ниже их с правой стороны тянется высокий скалистый берег, состоящий из сильно перемятых глинистых сланцев, имеющих мелкоплитняковую или листоватую отдельность. Пласты сильно изогнуты, местами опрокинуты и даже поставлены наголову.

Там, где река Дынми прорезает их, образуется опасный порог; вода идет через него со скоростью 18 километров в час, бьется о прибрежные скалы, низвергается вниз пенящимися каскадами и в течение веков медленно, но непрестанно размывает мощные толщи сланцев, сложившихся миллионы лет тому назад. От шума воды на перекатах нельзя говорить обычным голосом, надо кричать на ухо друг другу. Ниже русло реки завалено камнями и тоже на значительном протяжении представляет собой широкий порог, где вода идет с ропотом, как бы негодуя на природу, которая и тут хотела создать ей препятствия на пути к Амуру.

Около порога мы остановились в нерешительности. Как быть? Спускаться по каскадам опасно, а перетаскивать лодки с грузами через высокие скалы невозможно. Взвесив все «за» и «против», орочи решили рискнуть. Едва мы оттолкнулись от берега, как быстрое течение подхватило нашу утлую ладью и со скоростью курьерского поезда понесло на порог. Мимо мелькали кусты и деревья, росшие на берегу. Справа и слева из реки высовывались камни, обливаемые водой. Белая пена и волны окружили нас со всех сторон и точно бежали вперегонки с лодкой. Мы решились на отча-

янный шаг, но другого выхода не было. Если бы со стороны какой-нибудь наблюдатель мог взглянуть на наши лица, он увидел бы их бледными, увидел бы плотно сжатые губы и широко раскрытые испуганные глаза. Лодка качалась, прыгала через каскады и накренялась то на один, то на другой бок. Вода заливала ее, но, несмотря на это, мы мчались вниз с головокружительной быстротой.

Орочи стояли на ногах и шестами отталкивались от камней, которые, как живые, вдруг появлялись из воды в непосредственной близости и как будто соперничали между собой в желании во что бы то ни стало преградить нам дорогу. У меня закружилась голова. Вдруг лодка сразу осела вниз. Холодный душ обдал меня с ног до головы и заставил вскрикнуть. Вслед за тем лодка выправилась, течение сделалось спокойнее, шум стал стихать, отодвигаясь куда-то назад. Только тогда я увидел, что сижу более чем по пояс в воде. Орочи свернули к берегу и подошли к галечниковой отмели. Они втащили немного лодку на камни и принялись берестяным ковшом выкачивать воду через корму.

Надо было отдохнуть и просушить намокшую одежду. Я воспользовался остановкой и пошел вдоль берега. Ниже по течению галечниковая отмель переходила в слои ила и песка, нанесенного водой. На них я заметил два свежих следа — тигровый и изюбриный и один старый медвежий. В это время я увидел Мулинка. Он шел и что-то внимательно рассматривал на земле. На лице его я прочел выражение тревоги.

— Амба́ хоктони (тигровый след)? — сказал я ему по-орочски.

— Посмотри сам,— ответил он мне и указал рукой на узенькую полоску на песке, как бы оставленную длинной щепкой. Быть может, это был след змеи или что-нибудь еще в этом роде. Я высказал вслух свои соображения.

— Тебе понимай нету,— ответил он мне и продолжал на своем родном языке: — «Ыи сугала́ хоктони Багдыхе» (т. е. «Это след лыжи Багдыхе»).

Затем он громко крикнул, и тотчас отозвалось звучное эхо сначала спереди, потом сзади нас, потом опять далеко впереди, словно кто перекликался в тайге. Эхо прошло перекатами через весь лес и замерло где-то в горах. Мулинка стоял, повернув немного голову в сторону, приоткрыв рот и вслушиваясь в эти странные звуки. Когда последний отголосок замер, он торопливо пошел к лодке и что-то быстро стал говорить другим орочам. На лицах их тоже выразилась тревога. Они поспешно начали сталкивать лодку в воду и звать меня.

Через минуту мы плыли дальше вниз по реке Дынми. Тогда я начал расспрашивать их о причинах торопливого ухода от порога, который мы с опасностью для жизни, но успешно прошли на лодках. Из ответов туземцев я узнал, что Багдыхе есть маленький карлик. Он весь в волосах, даже лицо у него покрыто шерстью. Этот Багдыхе живет в лесу, где много скал, и устраивает эхо. Он делает так, что люди слышат свои голоса, которые повторяются вдали и возвращаются обратно. Орочи боятся «скал с эхом» и стараются обойти их стороной. Такие места легко узнать. Тут всегда летом и зимой есть следы Багдыхе. Он ходит на одной лыже. След его мы и видели около галечниковой отмели на песке.

Ниже порога русло реки Дынми во многих местах завалено камнями. Эти мелководные участки представляют собой широкие пороги, где вода идет шумливо, но сравнительно спокойно. Плавание на лодках здесь возможно, но нужно внимательно смотреть вперед. Не доходя 15 километров до устья, Дынми разбивается на протоки, забитые плавником.

Спускались мы довольно скоро и пока что благополучно. Иногда большая протока заводила нас в такой лабиринт, из которого можно было выбраться, только возвращаясь назад. Орочи часто останавливались и делали разведки. Они както угадывали, куда надо плыть: внешний вид протоки, быстрота течения и пена — ничто не ускользало от их внимания. Привычное ухо туземцев различало разные шумы воды впереди, и сообразно этому они принимали то или иное решение.

Чем больше мы удалялись от Сихотэ-Алиня, тем больше изменялся характер растительности. Ель, пихта и лиственница начали взбираться на самые вершины гор, а в долинах появились широколиственные леса маньчжурского типа. Теперь уже всюду встречался душистый тополь Максимовича. Стройные светло-серые стволы его имели толщину двачетри обхвата на высоте груди. Тут же в сообществе с ним произрастал горный ильм — исконный обитатель первобытных лесов, еще не испорченных человеком. Казалось, будто кроны деревьев составляли особый слой воздушной растительности, покоящейся на прямых и ровных пепельно-серых стволах ильма и тополя. Там, вверху, среди переплетающихся между собой густо облиственных ветвей обитают четвероногие: рысь, куница, росомаха, белка, соболь — и птицы: филин, сова, ореховка, желна, сойка, поползень и дятел. По соседству с ильмом и тополем в лесной тени виднелся мелколистный клен с пятилопастными остроконечными листьями, уже начавшими краснеть. По берегам реки появилась спирея иволистная с мелкими цветами, сидящими

на стебельках в виде розовых помпонов. Тут же росла сорбария обыкновенная — довольно высокий кустарник с узловатыми ветвями, перистыми листьями и с ароматными белыми соцветиями в виде пышного султана, на которых всегда держится много насекомых.

Ближе к воде рос бледно-зеленый бальзамин-недотрога — оригинальное растение с травянистыми стеблями и жирными листьями. Название «недотрога» оно получило оттого, что плоды его при малейшем к ним прикосновении лопаются с легким треском и разбрасывают семена далеко в стороны. Вейника тоже стало больше. Он рос вместе с полынью обыкновенной, листья которой издают приятный запах, если потереть их между пальцами. Полынь уже отцвела; большие метелки ее стали блекнуть и подсыхать. Отмели реки были декоративно украшены большими листьями знакомого нам белокопытника. Теперь он уже стал грубым и приобрел какой-то неприятный горьковатый привкус. Но самым красивым растением, невольно приковывающим к себе внимание, был папоротник страусопер, громадные листья которого действительно напоминали страусовые перья и вполне оправдывали данное ему название.

Целый ряд признаков указывал, что Анюй недалеко. Вдали во мгле виднелись горные хребты, которые шли в направлении, перпендикулярном к долине реки Дынми.

Весь день стояла переменная погода. Несколько раз принимался идти дождь, и только к вечеру небо немного очистилось. Мы не дошли до устья несколько километров и встали биваком на правом берегу реки, которая делала тут изгиб. С одной стороны выступала большая отмель, а с другой — был обрывистый берег. Вода подмывала его, отчего некоторые деревья росли в наклонном положении. На песке было много медвежьих следов. Орочи стали устраивать бивак, а я взял ружье и пошел по отмели. Один след показался мне каким-то странным. Медведь, оставивший отпечатки своих лап, должен был иметь длинное тело и короткие ноги. Он ходил по отмели взад и вперед и убежал, как только заметил наши лодки.

Сначала я шел быстро, ломая кусты сорбарии, но потом умерил шаг и старался идти возможно тише. Один раз мне показалось, что я видел зверя: что-то темное мелькнуло впереди. Другой раз до слуха моего донесся шорох в кустах. Следы вывели меня на реку и оборвались у воды. Досадно мне стало, что не удалось догнать зверя с уродливыми ногами. Я присел на берегу, чтобы отдохнуть немного.

Должно быть, солнце опустилось за горизонт, потому что вдруг сделалось сумрачно и прохладно. В это время над ре-

кой появился туман. Белые длинные клочья его тянулись кверху и принимали фантастические очертания. Среди глубокой тишины, царившей в природе, я слышал биение собственного сердца. На темной поверхности воды появились круги. Какая-то рыба хватала ртом воздух. Вдруг что-то булькнуло у самых моих ног. Большая лягушка прыгнула с берега, но тотчас всплыла наверх и уставилась на меня своими выпученными глазами. Тогда я поднялся с валежника и направился к биваку.

На отмели я застал Геонка. Он вышел со стороны и, по-видимому, тоже возвращался на бивак. Я окликнул удэхейца. Он обернулся и замер в неподвижной позе. Когда я по-

дошел к нему вплотную, то увидел, что он смотрит куда-то мимо меня в пространство. В глазах его я прочел удивление и страх. Я оглянулся. Туман на реке исчез, и только около кустов с левой стороны реки держался один обрывок его, густой и белый. Он похож был на человека в длинной одежде с рукой, поднятой как бы для нанесения удара. Голова привидения казалась закутанной в вуаль, концы которой развевались по воздуху.

— Ыи ганиги-и-и! (последнее «г» — придыхательное),— громко воскликнул Геонка с таким видом, как будто он нашел наконец разгадку явления.

«Ниги» — подхватило лесное эхо.

Как бы испугавшись человеческого голоса, туманная фигура сжалась, затем снизилась к воде и пропала. Последний обрывок тумана растаял в воздухе.

— Зачем его сюда ходи? — сказал удэхеец в раздумье, направляясь к палаткам.

Когда мы пришли на бивак, он оживленно начал говорить орочам о видении. Те слушали с большим вниманием, задавали вопросы и вставляли свои замечания.

После ужина я стал расспрашивать Геонка о том, что такое ганиги. Удэхеец сказал, что этим именем называются женщины, живущие в воде. Они очень красивы и имеют рыбьи хвосты. Иногда ганиги выходят из воды голыми или в одежде, сотканной из тумана. Они зовут человека по имени и называют его род. Такой человек непременно утонет.

Меня поразило в описании ганиги сходство с русалками. Сходство не только общее по смыслу, но даже и в деталях. Откуда оно? Может быть, русалки и ганиги зародились где-нибудь в Средней Азии в древние времена. Отсюда они попали на запад к славянам и на северо-восток к удэхейцам.

Долго еще туземцы беседовали на эту тему. Они говорили, что ганиги любят приставать к людям, они манят их к себе, и если рассердятся, то угоняют рыбу, ломают лодки, портят

сети, уносят остроги. Иногда их видят плывущими по реке на буреломе или в лодке. При встрече с человеком они уходят в воду или растворяются в воздухе, как туман, и становятся невидимыми. Чтобы прогнать ганиги, надо крикнуть или выстрелить из ружья. Разговоры эти затянулись до полуночи. Перед тем как ложиться спать, туземцы на всякий случай подтащили лодки поближе к костру и решили всю ночь поддерживать большой огонь.

Глава

7

Верхний Анюй

30 июля мы вышли на Анюй. Я не узнал места впадения Дынми.

Раньше она бурливо вливала воды свои у подножия скалистой сопки, а теперь устье ее переместилось на полкилометра к югу.

Старое русло было занесено галькой и уже успело зарасти молодым лесом. Видно было, что река дважды меняла свое направление. Теперь Дынми вливалась в Анюй тихо и спокойно. От старого русла ее отделяет большая галечниковая отмель. Здесь в амбаре я нашел свою базу, любезно устроенную мне инженером Н. Н. Мазуровым, и его письмо от 2 августа, которым он извещал меня, что по реке Тормасуни нельзя идти вследствие большой воды.

Около устья Анюя мы сделали дневку. День выпал, как нарочно, солнечный и теплый. Орочи растянули на гальке палатки для просушки и принялись разбирать имущество, а я направился к реке Анюю. Я ожидал встретить его бурным, как и раньше. Тогда плавание по нему считалось опасным. Помню, в 1908 году мы с величайшим трудом подымались по этой реке. Взять перекат было рискованным предприятием. Я помню страшные водовороты «иока», которые втягивали в себя большие деревья.

Во многих местах туземцы не решались плыть на лодках и перетаскивали лодки по берегу. Таков был Анюй лет двадцать тому назад. Велико же было мое изумление, когда мы дошли до устья Дынми. Последняя встретила Анюй величаво спокойным. «Глядишь и не знаешь — идет или не идет величавая его ширина. Ни зашелохнет, ни прогремит».

Я не узнал Анюя. Географически — это он, а по характеру — совсем другая река. В 1908 году я назвал его «бешеным» и весьма опасным для плавания, а теперь, в 1927 году, я увидел спокойную, тихую реку, вполне доступную для сплава леса. В 1908 году в верховьях вода шла двенадцать, а внизу десять километров в час. Теперь течение значитель-

но ослабело: вверху оно равняется восьми, а внизу шести километрам в час. Эту перемену в режиме реки заметили и туземцы. Они говорят, что ее течение стало спокойнее и плавание вверх по реке легче; истоки ее сделались доступнее, равно и спуск по воде стал тоже лучше и безопаснее. Если раньше по реке спускались в два дня, теперь на такое же плавание нужно трое с половиной и даже четверо суток.

Что за перемена произошла с Анюем? Причин может быть только две: или стало меньше воды, или произошло выравнивание дна.

Вечером перед сумерками мы сидели на берегу реки и говорили о том, что, по-видимому, какие-то силы нивелировали дно реки. Как бы в подтверждение моих слов вдруг со стороны Анюя послышался странный шум, похожий на подземный грохот. Шум этот возник выше по воде. Он то усиливался, то замирал, то неожиданно снова поднимался и приближался к нам. Это был рев, стенание и «скрежет зубовный». Когда шум поравнялся с нами, стало ясно, что вода по дну влекла какую-то большую тяжесть — несомненно, каменную глыбу, быть может, в несколько тонн величиной. Затем шум этот прекратился.

Трудовой день окончился, я возвратился на бивак, орочи принялись готовить ужин. Скоро весь табор погрузился в сон. Мне не спалось. Ночь выпала на редкость тихая и спокойная. Темное небо, усеянное миллионами звезд, казалось беспредельно глубоким. И вдруг опять этот шум: глухой и могучий, таинственный и грозный! В ночной тишине он показался очень резким. Очевидно, вода подмыла ложе каменной глыбы и снова стала увлекать ее вниз по течению. И опять он то затихал, то усиливался, то совсем сходил на нет. Из соседней палатки вышел Намука. Его тоже разбудили странные звуки. На биваке они не вызвали переполоха, но в одиночестве среди безмолвной тайги такой шум способен взволновать душу туземца, у которого нет другого объяснения, как вмешательство сверхъестественной силы. Подобный шум, которому мы сами можем дать лишь гадательное объяснение, способен произвести сильное впечатление и на образованного человека. Что же говорить про туземца, видящего во всем козни злого духа!

Во многих местах края за последние двадцать лет произошли большие изменения. Там, где были скалы, появились осыпи и русло рек переместилось в сторону. В данном случае тоже произошло выравнивание дна большой горно-таежной реки. Некоторые протоки занесло галькой, водовороты исчезли. Школа Лайеля учит нас, что все изменения происходят медленно, почти незаметно для глаза в течение мно-

гих веков, тысячелетий... Песчинку за песчинкой наносит вода, и капля по капле долбит камень. Если же мы не замечаем этого, то потому только, что жизнь наша коротка, знания ничтожны и равнодушие велико. Под влиянием воды и атмосферных агентов лик земли претерпевает большие изменения. Через 20—30 лет туземцы не узнают мест, посещенных ими ранее. С исчезновением лесов разрушения на земной поверхности могут происходить гораздо быстрее.

Геологические часы Лайеля не имеют ровного хода; они идут скачками и временами требуют поправок на катаклизмы Кювье.

Сихотэ-Алинь в верховьях Хора и Анюя представляет собой сильно размытую горную страну. Здесь залегают пять параллельных хребтов, очень древних и расположенных высоко над уровнем моря. Эти горные складки обусловили направления рек по межскладчатым долинам и долинам прорывов. Если забраться в самые истоки Хора и там спросить проводника, на какую реку можно выйти, если пойти через сопки вправо, тот ответит: «На Анюй», а если идти через горы влево, то получится тот же лаконический ответ: «На Анюй». Значит, верховья Хора являются «объемлемыми», а верховья Анюя «объемлющими».

Самой восточной горной складкой будет Сихотэ-Алинь, самой западной — водораздел между рекой Хором и истоками рек Немпту и Мухенем, впадающих в Амур с правой стороны ниже Хабаровска, на которые мы и держали свой путь. В верховьях Анюя горы невелики; они имеют вид пологих холмов с широкими седловинами и представляют собой прекрасный образец эрозийного ландшафта.

Отсюда Анюй сначала течет на юго-запад, потом немного на юго-восток, затем поворачивает на северо-восток, каковое направление и сохраняет до приема в себя с правой стороны реки Дынми.

В верхнем течении Анюй мелководен. Множество порогов делают плавание по нему чрезвычайно опасным. Туземцы заходят сюда только зимой по льду реки. Долина, как таковая, отсутствует; сопки поднимаются прямо из воды крутыми склонами или совершенно отвесными скалами, чередующимися в шахматном порядке то с одной, то с другой стороны. Местами падение дна реки прямо заметно на глаз.

Только один раз удэхейцы сделали попытку забраться в самые верховья Анюя. Они спустились вниз по воде с соблюдением всех предосторожностей, сдерживая лодку ремнями и перетаскивая ее волоком через камни и т. д. Попытка эта стоила им одной человеческой жизни.

В истоках Анюй слагается из трех горных ручьев. Место слияния их называется Элацзаво. Отсюда, если идти вниз по течению, Анюй принимает в себя следующие притоки: слева — Сагдыбяза, Микингали, Бомболи и Тоуса 1-я, а справа — Иокобязани, Удзяки, Тоуса 2-я и Дынми. Против Иокобязани в скале есть пещера. В глубине ее слышны разные крики, и сверху сыплются камни. Это жилище одного из самых страшных злых духов — Какзаму. Проходя мимо пещеры, охотники стараются не шуметь и не разговаривать. Другой замечательной рекой будет Бомболи, берущая начало с высокого горного хребта Тальдаки-Янгени, служащего водоразделом между Хором и Анюем. Вся долина Бомболи завалена большими круглыми камнями, благодаря чему она и получила свое настоящее название. Зимой из-под камней выходит пар, и вода в ней никогда не замерзает. Немного ниже Микингали на Анюе есть очень красивый водопад. Здесь во всю ширину реки дно обрывается уступом, с которого масса воды свергается вниз с большим шумом.

У подножия уступа образовался глубокий водоем, в котором осенью держится много кеты.

31 июля мы расстались с рекой Дынми и поплыли вниз по Анюю, который на протяжении по крайней мере сорока километров проходит среди ущелий. Долина его имеет крайне изломанный характер и обставлена высокими скалистыми сопками. Это типичная денудационная долина, в которой более или менее широкие котловины чередуются с узкими проходами, удачно названными русскими «щеками». По руслу, сжатому с обеих сторон, река силой проложила себе дорогу. Приближаясь к порогу, вода начинает волноваться и гневно роптать, затем ропот ее превращается в грозный рев; она стремительно несется вниз, прыгает по камням и бьется о прибрежные утесы, как бы желая раздвинуть их в стороны.

Заслышав шум воды на перекате, орочи встают в лодках, разбирают шесты и пытливо всматриваются вперед, прикрывая рукой глаза от солнца.

Один из порогов был особенно опасен. Три ряда камней шли поперек реки так, что один из них — средний — примыкал к левому, а два других — к правому берегу. Задержав улимагды носом против воды, орочи начали спускать их по течению в первый узкий проход. Когда камни были обойдены, они продвинули лодки поперек реки вправо, пока не подошли ко второму проходу. Здесь опять спустили лодки по воде, опять передвинули их боком влево и благополучно вышли из каменных ловушек.

11 Зак. 2412

Когда течением несколько отнесло нас от камней, туземцы уложили шесты так, чтобы они во всякую минуту были под руками, разобрали весла и уселись на свои места.

По среднему течению Анюя произрастают хорошие смешанные леса, состоящие из хвойных и широколиственных пород. Здесь впервые мы встретили корейский кедр, сначала одиночными экземплярами, а потом и более частыми насаждениями. Обычно ствол кедра в верхней части разделяется на несколько ветвей; они поднимаются кверху одним пучком, по которому издали всегда можно отличить кедр от ели и пихты. Кроме тополя, ясеня и ильма здесь же рос монгольский дуб, сохраняющий листву до весны, пока новые почки не сбросят их на землю. Возможно, что этот дуб раньше был вечнозеленым деревом. Местообитанием дуба были солнечные склоны гор. Тут же вперемежку с дубом нашла себе приют черная береза. Уже одно название ее указывает, на что следует обратить внимание. И действительно, ствол ее покрыт блестящей темно-бурой корой, которая, растрескиваясь, образует нечто вроде твердо сидящих чешуй. У черной березы совершенно иное расположение ветвей, что резко отличает ее от белой и каменной берез, описание которых приводилось выше. В сообщество с перечисленными древесными породами вошла и амурская липа с толстыми приземистыми стволами и большими узловатыми ветвями. Если дуб и черная береза избрали себе южные склоны гор, то липа спустилась ниже, где толще были слои наносной земли; но в то же время она сторонилась других деревьев, которые могли бы затенить ее от солнца. По уремам появились в изобилии высокоствольные тальники (ива корзиночная), образовавшие местами целые рощи. Ветви их поднимаются от самого комля и идут кверху вдоль ствола, отчего деревья имеют вид пирамидальных тополей. Повсюду стали попадаться высокие кусты лещины маньчжурской, орехи которой покрыты длинными колючими чехликами в виде трубок. Описание подлесья было бы неполное, если бы мы не упомянули о лимоннике китайском, взбирающемся по кустам и стволам деревьев поближе к свету. Его можно узнать по красным ягодам, висящим небольшими плотными кистями, и по приятному запаху, который издают его стебли в местах свежих изломов, действительно своим ароматом напоминающие лимон. В сырых местах виднелись пышные заросли папоротников (осмунда коричневая) с грубыми плойчатыми листьями, нередко вытесняющие всякую другую растительность, и другой вид (кочедыжник женский), с более изящными и нежными листьями, на которых поры (с исподней стороны) расположены не по краям лепестков, а по середине их. Здесь

было много и других интересных растений, описание которых отняло бы много времени и места. Все они уже отцвели и обсеменились.

Вегетационный период приближался к концу. Деревья еще не утратили своего летнего наряда, но листва их уже начала блекнуть и разукрашиваться в яркие осенние тона.

Весь день мы плыли по Анюю, любуясь скалистыми берегами, лесистыми островами и пенящимися порогами. Утесы на гребнях гор имели вид старых замков, разрушенных временем и покинутых людьми.

Лодки наши, влекомые течением, плыли посредине реки, но иногда так близко проходили около берегов, что вынуждали нас пригибаться книзу, чтобы не задеть головами за ветви и стволы деревьев, низко склонившихся над водой. Мы сидели тихо и внимательно посматривали по берегам.

Один раз нас обогнал какой-то небольшой пернатый хищник. Он летел совсем низко над водой почти без взмахов крыльями. Хутунка стрелял его влет и убил.

Вынутая из воды птица оказалась черноухим коршуном. Он имел рыжевато-бурое оперение, темноокрашенную голову и вырезанный в середине хвост. По словам туземцев, этот коршун питается дохлой рыбой. Иногда он поднимается высоко на небо и оттуда падает камнем вниз, но, немного не долетев до поверхности воды, ловко изворачивается и вновь взлетает кверху.

Около полудня мы сделали привал. Выйдя на берег, я услышал в соседних кустах пронзительные крики сойки и скоро увидел ее саму. Она имела красивое рыжевато-красное оперение с голубыми и черными зеркальцами на крыльях и хохол на голове. Сойка, воровски озираясь по сторонам, все время прыгала с ветки на ветку, иногда выскакивая наружу, и опять проворно пряталась в чаще. Во вторую половину дня я заметил двух речных зуйков — чрезвычайно миловидных птичек с темным и белым оперением и по внешнему виду похожих на куличков, только с короткими клювами. Они быстро бегали по песчаной отмели и что-то клевали у самой воды. Время от времени останавливались и грациозно помахивали своими хвостиками. Когда лодки подошли совсем близко, они сначала отбежали от приливной волны, потом поднялись на воздух, перелетели к другому берегу и низко над водой понеслись вдоль реки.

Незадолго до сумерек мы стали выбирать место для бивака. С правой стороны высились мрачные утесы, а слева тянулся галечниковый низменный берег, заросший молодыми ивняками. В одном месте была глубокая заводь, весьма удобная для стоянки лодок. Тут же на берегу валялось много

сухого валежника. Орочи принялись ставить палатки, а я пошел немного по отмели к лесу. На берегу сухой протоки я увидел еще одну птицу — восточносибирского погоныша, называемого местными жителями болотной куницей. Погоныш ведет уединенный образ жизни. Весь день он скрывается в зарослях и только перед сумерками решается выходить на открытые места. Осторожная и неуклюжая птица эта, довольно бесцветная, серо-бурая, с желтым клювом и большими ногами, шла как-то сгорбившись и вытянув вперед шею.

Я сделал неосторожное движение. Погоныш испугался, неловко взметнулся кверху и полетел, как-то странно болтая крыльями и ногами. Просто даже не верится, что он может совершать перелеты осенью и весной на большие расстояния.

Вечером после ужина мы все рано разошлись по палаткам. Я тоже залез в свой комарник и погрузился в дремотное состояние. Проснулся я часа в четыре утра. Не хотелось мне будить своих спутников, не хотелось одеваться, и потому я терпеливо лежал на своем жестком ложе, думал о пройденном пути и соображал свой дальнейший маршрут.

Вдруг вся палатка разом осветилась, словно вспыхнула молния, и вслед за тем через полторы-две минуты по лесу прокатился какой-то гул, точно удар грома или отдаленный пушечный выстрел. Тогда я приподнял полу палатки и выглянул наружу.

На земле было еще темно, но на восточном горизонте как будто начинало брезжить. Несколько ярких звезд мерцало над рекой. На противоположном берегу два высоких кедра стояли неподвижно и тоже как будто прислушивались к странному шуму, всколыхнувшему сонный воздух. Прошло еще несколько минут. Великое безмолвие снова овладело землей. В соседней палатке кто-то храпел. Костер на нашем биваке совсем почти погас; только одна головешка еще тлела в золе. Обильная роса смочила полы палатки.

Что же это было? Может быть, в самом деле молния и удар грома, может быть, падение болида на землю. Я очень пожалел, что не адресовался к секундной стрелке часов тотчас после вспышки света. Тогда можно было бы определить, как далеко от нашего бивака находилось то место, откуда пришел этот гул.

Я почувствовал, что прозяб. Тогда я встал и развел большой огонь. Через полчаса проснулся Мулинка. Он тоже слышал удар грома и думал, что надвигается гроза. Наши голоса разбудили остальных людей.

Когда совсем рассвело, мы были уже в дороге.

Все большие притоки Анюя находятся в среднем его те-

чении и располагаются так: Дынми и Гобилли — с правой стороны, а Поди и Тормасунь — с левой. Река Поди невелика. В проекции она вместе со своим притоком Тальки образует фигуру, похожую на цифру четыре. По ней против воды на лодках можно подниматься четверо суток и затем надо еще два дня идти пешком до перевала на реку Хор.

В долине Тальки старое пожарище. Здесь держится много сохатых.

Река Гобилли больше Поди. Она течет вдоль Сихотэ-Алиня и несколько под углом к нему с северо-востока. В основе строения долины залегают какие-то пестрые с черными прослойками метаморфизированные горные породы, пронизанные жилами молочно-белого кварца, окрашенного в ржаво-красные, голубые, желтые и зеленоватые тона. На половине пути между истоками Гобилли и ее устьем, но ближе к Анюю есть три водопада. Выше последнего по всем правым притокам будут перевалы на Хунгари, а по всем левым — в бассейн реки Хуту, впадающей в Тумнин. Первый левый приток между вторым и третьим водопадами удэхейцы называют Чжанге уоляни, что значит речка, ведущая на перевал, по которой прошел Чжанге. Этим именем, каковое и удержалось до сих пор, они назвали меня в 1908 году. Тогда я со своими пятью спутниками вышел на реку Буту и потерпел там аварию. Без оружия и продовольствия, с большими лишениями мы добрались до реки Хуту, где, наверно, погибли бы с голода, если бы не случайная встреча с орочами.

На Гобилли мы теперь не задерживались, поплыли дальше и 1 августа после полудня подошли к реке Тормасуни. Здесь на большой галечниковой отмели мы застали две удэхейские семьи.

Все мужчины из рода Кялондига зачем-то ушли на Амур, и дома остались только женщины и дети. Среди них была одна старуха лет семидесяти. Несмотря на свой преклонный возраст, она сохранила живость движений, хорошие зрение и слух. По тому, как она делала распоряжения и как приказания ее исполнялись, видно было, что она пользовалась среди других женщин большим авторитетом. Старуха расспрашивала сопровождавших меня туземцев о том, как мы шли и как живут копинские орочи.

Я велел своим спутникам готовить обед, а сам отправился на ближайшую горелую сопку, чтобы с вершины ее взглянуть на реку Тормасунь. От непрекращающихся дождей она вышла из берегов и с такой силой выносила свою мутную воду в Анюй, что прижимала течение последнего к противоположному берегу.

Тормасунь (удэхейцы называют Тонмасу) такой же величины, как и Гобилли, и течет по отношению к Анюю под острым углом, почти в широтном направлении. С правой стороны она принимает в себя три небольших притока: Томчу, Ялу и Сизюку, а с левой стороны — одну только речку Мангни.

Из всех притоков Анюя Тормасунь считается самым быстрым. Подъем против течения по нему возможен только в сухое время года. Если вода в реке хоть немного подымется выше своего обычного уровня, пороги и каскады ее делаются недоступны. На подъем против воды тратится до девяти суток, но зато перевал на реку Сор настолько невелик, что люди предпочитают перетаскивать через него лодки, чем по ту сторону делать новые. Женщины с ребенком на руках переходят от реки Тормасуни до реки Сора в один день, а мужчины в то же время с котомками за плечами успевают сделать три конца.

Все это было крайне заманчиво, но большая вода наложила запрет на Тормасунь.

Горная сопка, с которой я теперь обозревал окрестности, лет десять тому назад была покрыта большим хвойно-смешанным лесом. После пожара много стволов осталось стоять на корню и еще больше их валялось на земле. Теперь здесь разрослись актинидии, они обвивали сухостойный бурелом, перекидывались на кусты и местами образовали такие заросли, что я неоднократно должен был прибегать к помощи ножа, чтобы освободиться от опутывавших меня длинных гибких лиан. Актинидии дают очень вкусные сочные плоды, которые русские переселенцы называют кишмишем.

Интересно также отметить окраску листьев этого оригинального растения. Полностью или частично они утратили зеленый цвет и сделались белыми, бледно-розовыми и пурпуровыми. Может быть, окраска эта служит для насекомых приманкой к невзрачным белесоватым цветам, скрытым под листвой. Увидев издали розовые и белые блики, шмели принимают их за цветы, а приблизившись к ним, находят истинные цветы по запаху, который они выделяют.

Выйдя из зарослей, я вступил в живой лес и остановился, чтобы передохнуть. В это время я увидел небольшое животное с блестящей черно-бурой шерстью, таким же темным и довольно пушистым хвостом. Изящная остромордая головка зверька сидела на соразмерно длинной шее, нижняя часть которой и грудка были окрашены в желтый цвет с зеленоватым оттенком. Я тотчас узнал куницу. Она пробиралась по залежине несколько наискось к моему пути. В движениях ее было много грациозного и кошачьего. Куница

меня не видела и держала себя непринужденно. Я решил наблюдать за нею. Однако она вскоре заметила меня, остановилась, затем осторожно опустилась на брюшко и припала к колодине вплотную. Общая окраска животного до того подходила под цвет темной коры дерева, украшенной желто-зеленым мхом, что если бы я не видел его раньше, то мог бы пройти мимо и не заметить. Своими черными глазами куница смотрела на меня в упор. Я совершенно не хотел лишать жизни это грациозное животное и любовался им несколько минут. Быть может, куница думала, что я ее не вижу, и потому притаилась. Желая проверить это, я сделал движение рукой — зверек не шелохнулся. Я сделал шаг, другой — он еще плотнее прижался к дереву. Случайно я задел ногой длинную тонкую ветку, конец которой лежал как раз на колодине около животного. Куница испугалась и с поразительной быстротой взобралась на высокий кедр. Как потом я ни всматривался, увидеть ее более не мог. Может быть, в стволе дерева было дупло, в котором она и спряталась.

Через полчаса я был около удэхейских юрт. Мои спутники уже пообедали и ждали только моего возвращения.

Посоветовавшись с орочами, я решил спуститься еще немного по Анюю до местности Кандахе и там задержаться на несколько суток. Была надежда, что за это время спадет вода и, может быть, явится возможность идти вверх по реке Тормасуни. Для этого надо было пополнить запасы продовольствия. Кроме того, необходимо было приодеть своих людей. Они сильно обносились, а путь предстоял еще длинный, еще более трудный и опять-таки по местности совершенно безлюдной.

Глава

8

Наводнение

296 Между рекой Тормасунью и местностью Кандахе, ближе к последней, на возвышенном правом берегу Анюя стоит покинутый дом, который удэхейцы называют доке.

Спускаясь к реке, я решил его осмотреть и велел пристать к берегу, а другой лодке идти дальше и устраивать бивак где-нибудь ниже. Орочи ловко повернули улимагду и, пройдя на шестах против воды метров двадцать, причалили к высокому яру. Они тотчас достали свои трубки и стали курить, а я по тропе, уже заросшей травой, подошел к дому.

Он был деревянный, но срубленный чисто. Углы его были аккуратно вытесаны; верхний тесовый край около крыши, а равно и карнизы окон украшены резьбой. Дом был расположен вдоль берега и передним фасадом обращен к реке. С лицевой стороны он имел три окна, слева — одно окно и справа — дверь. Хорошо пригнанные рамы во многих местах еще сохранили стекла, потолок и пол были плотно сколочены и не имели щелей. Справа от входа стояла железная печь, а за ней тянулись длинные деревянные нары.

Кое-какие вещи лежали на полках и были разбросаны на полу.

Получалось впечатление весьма поспешного отъезда, похожего на бегство.

Приглядываясь к деталям, я узнал работу китайцев. Дом покинули недавно — в прошлом году. Вокруг него выросло много травы. Этот дом принадлежал удэхейцу Маха Кялондига. Он нанял китайцев, и за 800 рублей они «срубили ему домик на славу». Но недолго в нем прожил Маха.

С первых же дней, как он поселился в нем, вблизи стали твориться странные вещи: как только люди гасили огни и ложились спать, около дома начинал кто-то ходить, в печной железной трубе слышались вздохи, в лесу раздавались голоса и кто-то пронзительно свистел.

Уже это одно указывало Маха на то, что место для дома выбрано неудачно, и он начал жалеть о затраченных день-

гах. Осенью появились новые нехорошие признаки. Берег, где стоял дом Маха, с незапамятных времен был известен своей прочностью. Никакое наводнение не подмывало его, и в течение многих лет он сохранил свои очертания, а тут вдруг ни с того ни с сего неожиданно обвалился. Маха стал задумываться и поговаривать о том, чтобы весной после ледохода разобрать дом и сплавить его куда-нибудь вниз по реке или продать. Но кто купит дом с такой нехорошей репутацией? Пришла зима, и тут случились два события, которые окончательно решили участь нового дома. Осенью Маха купил лошадь, но не позаботился о заготовке ей корма в достаточном количестве. Когда она стала голодать, он решил ее гнать вниз по реке. Но едва согнал лошадь на лед, запорошенный снегом, как она сразу провалилась и утонула, а сам он еле-еле выбрался из воды.

Второе событие принесло еще большее несчастье. Старший сын Маха, молодой человек 22 лет, по имени Гяма, пошел с двумя товарищами на охоту. На свежевыпавшем снегу они нашли след рыси и стали ее преследовать.

Рысь, спасаясь от охотников, взобралась на большую сухую ель, выросшую среди камней, острые края которых торчали из-под снега. Охотники стреляли и убили животное, но так неудачно, что оно застряло между ветвями и не падало на землю. Оставалось или рубить дерево, или лезть кому-либо на его вершину. Гяма избрал последнее и стал взбираться наверх. Когда он уже был близко к цели, один сучок, на который он оперся коленом, вдруг обломился. Охотник полетел вниз и всей тяжестью своего тела ударился о камни. Он сломал обе ноги, два ребра и спинной хребет. Через полчаса после падения Гяма умер. Товарищи доставили его тело домой.

На другой день после похорон сына Маха собрал свое имущество, уложил все в нарты и покинул проклятое место навсегда. Новым местожительством он избрал местность Пунчи, где находился старый балаган из корья. В нем я и застал его вместе с семьей.

Осмотрев дом, я вышел наружу. Печальный вид имело покинутое жилище. Пусть причиной являются предрассудки, невежество, но все же люди сами с чувством страха перед неведомым, неизвестным бежали. Прошлое покинутых домов всегда окружено таинственностью. О них ходят легенды (чем больше дом, тем страшнее легенда), которые со временем или забываются совсем, или растут и принимают фантастически большие размеры.

День клонился к вечеру. Сумрачное небо грозило дождем. В тайге было тихо, а вверху ветер гнал тучи и лохматил их

края. Сердитые, темные, они мчались куда-то на северо-восток, как бы с намерением излить всю злобу свою в потоках дождевой воды, и неизвестно было, какие силы гнали их и за какие вины отдавалась земля во власть рассвирепевшей стихии. В это время лесная тишина нарушалась громкими тоскливыми криками. Сначала я думал, что это сова, но потом узнал малую болотную цаплю. С неба упало несколько капель — начал накрапывать дождь. Надо было поскорее добраться до бивака. Шагая по тропе, я чуть было не наступил на большую жабу. Она сидела, расставив передние лапы, как будто подбоченясь. Чувствуя приближение сумерек, она выползла из земли, чтобы насладиться ненастьем и поохотиться за ночными насекомыми.

Орочи оттолкнули лодку от берега, и мы поплыли вниз по Анюю.

Сумерки быстро сгущались — заметно становилось темнее. Еще несколько ударов веслом, и покинутое жилище скрылось за поворотом.

2 августа одна из лодок с двумя орочами — Геонка и Хутунка — отправилась вниз по Анюю. Они должны были пробраться на Амур, сделать там необходимые покупки и как можно скорее возвращаться назад. В это время погода испортилась и снова пошли затяжные дожди, вынудившие нас к бездействию. В эти ненастные дни мы нашли приют в маленьком бревенчатом домике удэхейца Инси Амуленка, расположенном на правом берегу Анюя, в местности, носящей название Кандахе. Около дома стояли амбар на сваях и юрта из корья — первобытные постройки, с которыми туземцы никак не могут расстаться, даже в том случае, когда заимствуют более совершенные жилища у русских и китайцев.

Семья Инси Амуленка состояла из его жены, взрослого женатого сына Тунси, его свояченицы, двоих детей и малолетней родственницы, которая жила у него в качестве приемыша.

Инси был мужчина лет шестидесяти, довольно высокого роста, сухощавый. Лицо его было немного скуластое и нос с ясно выраженной горбинкой. Небольшие усы и небольшая козлиная борода указывали на его южное происхождение. Так оно и было. Из расспросов выяснилось, что Инси родился в южной части Уссурийского края. С малых лет он терпел жестокие притеснения от китайцев, систематически обиравших его отца. После смерти своих родителей манзы за долги объявили его «да-хула-цзы», т. е. вечным даровым работником. Тогда он бежал на север. Долго Инси плыл морем вдоль берега, прятался среди скал, спал без огня и питался тем, что попадалось ему под руку на намывной полосе

прибоя: мелкими крабами, морскими ежами, раковинами, береговичками, яйцами птиц и т. п. Через месяц он добрался до реки Копи и поселился около притоков Бяпали. Здесь Инси женился. Когда же на Копи началась рубка леса, он перекочевал на Анюй в местность Кандахе, где и прожил около десяти лет.

На Анюе Инси считался одним из самых сильных шаманов. Он имел шаманский костюм с головным убором и шаманский бубен в берестяном футляре, на котором красной и черной красками изображены были различные животные, помогающие ему при камлании.

От своих притеснителей-китайцев он научился земледелию. Около его дома мы нашли небольшой огород, на котором были посажены картофель, табак, стручковый перец и китайская капуста. Этот огород доставлял немало хлопот Инси. В окрестностях бродило много кабанов. Они часто навещали Кандахе и чинили потравы.

Тунси вырыл ловчую яму и поймал в нее супоросную свинью, которая принесла ему много поросят. Это были очень милые подвижные животные рыжеватого цвета с продольными черными полосами вдоль всего тела. Молодые кабаны очень привязались к людям и все время лезли в дом, что тоже доставляло немало хлопот женщинам, постоянно гнавшим их на двор.

Не только кабаны, но и медведи и тигры частенько подходили к дому вплотную. Один раз два мальчика восьми и десяти лет пошли на охоту за рябчиками. Шагах в полутораста от дома проходила старая сухая протока. Мальчики туда и направились. Когда они вошли в старицу, то неожиданно наткнулись на тигра. Зверь уставился на них своими желто-зелеными глазами. Тогда старший из мальчиков выстрелил в него дробью. Тигр затряс головой и убежал.

В перерыве между дождями мы совершали экскурсии и уходили иногда далеко от дома.

10 августа утро было ненастное, но потом погода как будто стала немного разгуливаться. Вынужденное сидение на одном месте всем очень надоело. Поэтому, как только выглянуло солнце, А. И. Кардаков взял свой фотографический аппарат и поехал на другую сторону, за Анюй, а я направился в сторону от реки с намерением достигнуть края долины.

Путь мой пролегал по большому лесу, состоящему из пород: даурской лиственницы, аянской ели, белокорой пихты, корейского кедра, душистого тополя, маньчжурского ясеня, амурской липы, монгольского дуба, горного ильма и черной березы. Кроме того, здесь произрастал акатник — небольшое

деревцо, ствол которого имеет сердцевину красно-коричневого цвета, окруженную желтой заболонью.

Древесина акатника настолько тверда, что о нее тупятся топоры. Коричневая шелушистая кора и средней величины овальные кожистые листья, белесоватые с исподней стороны, дадут читателю некоторое представление об этом деревце, названном в честь известного исследователя Маака.

По соседству с акатником виднелся маньчжурский орех — родной брат грецкого ореха и одно из самых красивых деревьев в Уссурийском крае. Большие листья его расположены по концам ветвей, а орехи с толстой кожурой окружены мясистой зеленой оболочкой с остроконечными выступами. Древесина здешнего ореха считается весьма ценной.

Там и сям виднелись светло-серые стволы пробкового дерева, называемого русскими бархатным. Под пробковой морщинистой корой его лежит слой заболони ярко-желтого цвета. Листья этого дерева по внешнему виду несколько напоминают иву или рябину. Весной оно одевается зеленью позже всех. На Анюе мы застали его уже с черными ягодообразными плодами, издающими своеобразный резкий запах.

На солнцепеках по каменистым местам росла группами и в одиночку колючая аралия, имеющая вид пальмы с перистораздельными листьями в метр величиной. Ствол ее достигает высоты от трех до пяти метров и сплошь усажен большими острыми шипами, из самой середины листвы поднимается кверху большое бело-желтое соцветие.

Аралия тоже отцвела и готовилась осыпать свои семена на землю.

Но самым красивым растением в долине Анюя, бесспорно, был амурский виноград. Местами он так опутывал кусты и деревья, что за листвой его, уже окрашенной в цветистые нежно-розовые тона, положительно не видно было, кого именно он избрал своей опорой, чтобы подняться повыше к солнцу. Если ему мало было места, он перебрасывался на соседнюю растительность, цепляясь усиками за ветви деревьев, или свешивался вниз длинными гирляндами. Плоды у него уже начали созревать и приобрели синеватый оттенок.

Я старался выбирать места открытые, где меньше было валежника. Попутно я заметил ядовитую чемерицу белую, с грубыми плойчатыми листьями, космополитичный папоротник — орляк обыкновенный, листья которого действительно похожи на крылья орла, и ландыш маньчжурский, который ничем не отличается от европейского вида.

Тут было много и других цветковых растений, которые

мне не были известны. Я не задерживался около них и шел дальше.

В августе в тайге всегда появляется много пауков темно-бурого цвета. Некоторые из них достигают довольно больших размеров и имеют брюшко величиной с медную двухкопеечную монету и ножки толщиной в спичку. Между деревьями они натягивают свои тенета и сидят в самой их середине в хорошую погоду и под листвой во время ненастья. Когда идешь по тайге, все время натыкаешься на этих по существу безобидных и флегматичных животных. Паутина часто садится на лицо, руки, одежду и доставляет много неприятностей. Днем паук сидит неподвижно и как будто спит, но, если тронуть паутину, он немного шевельнет ножками и приготовится к бегству, если это враг, или к нападению, если это насекомое. Паутина его колесного типа обычно помещается в большом треугольнике, стенки которого сотканы из таких прочных нитей, что они производят впечатление шелковых, и нужно употребить некоторое усилие, чтобы разорвать их рукой.

Я все время придерживался небольшой тропы, которая, чем дальше от дома Инси Амуленка, тем становилась все слабее и слабее. В одном месте я вдруг увидел протянутую поперек нее тонкую нить. Опасаясь, как бы не попасть на самострел, я остановился и стал осматриваться.

Скоро все разъяснилось: то, что я принял за волосяную нить, была паутина длиной в пять метров, а несколько в стороне находился и владелец ее. Большой темный паук неподвижно сидел в самом центре правильного восьмиугольника. Как раз под паутиной была довольно глубокая лужа с чистой прозрачной водой. Я взял прутик и тронул им паука. Он шевельнулся и снова замер в неподвижной позе. Тогда я легонько ударил его по брюшку. Паук быстро, точно падая, опустился вниз и повис на паутине, но я оборвал ее. Паук упал в воду и, к великому моему удивлению, пошел на дно, где и притаился.

Зная, что все пауки дышат воздухом, я решил понаблюдать за ним и посмотреть, как долго он будет находиться в таком положении.

Прошло пять — десять минут, а паук сидел в воде, как будто это была его родная стихия. Я хотел было его опять тронуть прутиком, но вдруг он, словно пробка, всплыл на поверхность и стал загребать ногами, как веслами, направляясь к берегу. Через минуту паук выбрался на сушу и направился к высокому травянистому растению. Это был дудник даурский. Достигнув вершины его, он сел на край плодонесущего зонтика и стал пускать по ветру паутину до тех

пор, пока она не зацепилась за одну из основных нитей его тенет. Убедившись, что паутина достигла цели, он подтянул ее немного к себе, затем спрыгнул с растения, покачался в воздухе и стал быстро взбираться наверх. Через минуту паук сидел на том самом месте, откуда я столкнул его в воду.

Во всем происшедшем интересными являются три момента: первый — способность паука долго быть под водой, второй — способность его изменять удельный вес своего тела и по желанию тонуть в воде и всплывать на поверхность и третий — чувство ориентировки по отношению к своей паутине, ветру и растущим поблизости растениям.

Я не стал больше беспокоить паука, обошел его тенета и начал подниматься на сопку.

Дождевая вода сбегала по склону горы многочисленными струями. Они соединялись в ручьи и шумными каскадами стремились книзу, словно опасаясь опоздать к наводнению, признаки которого были уже налицо. Ожили старицы и сухие протоки; в лесу вода появилась в таких местах, где ее совсем нельзя было ожидать.

По небу двигались большие кучевые облака и заслоняли собой солнце.

Сильно парило... Я несколько раз садился на колодник и рукавом рубашки обтирал свое лицо, с которого обильно струился пот.

Наконец я достиг вершины. Передо мной развернулся угрюмый горный ландшафт. Весь юго-восточный склон неба был закрыт тучами. На переднем плане виднелся край долины реки Анюя, за ним другой хребет, а дальше — еще какие-то высокие сопки. Они терялись в косых полосах дождя, которые как бы соединяли небо с землей. Над истоками Анюя, Поди и Тормасуни они были совершенно непроницаемыми. Там, по-видимому, шел сильный ливень.

Все это были плохие признаки, грозившие задержать нас на Кандахе на неопределенно долгое время. Но была надежда, что, быть может, погода изменится к лучшему, вода в Тормасуни спадет и мы благополучно достигнем реки Хора.

В это время нашла большая туча и заслонила собой солнце. Опять стало сумрачнее, и снова пошел дождь, мелкий и частый. Тогда я повернул обратно и часа в три пополудни пришел домой, вымокший до последней нитки.

К вечеру разразилась настоящая буря. Сильный порывистый ветер ломал ветви деревьев и сотрясал маленький домик до основания. Дождь хлестал по окнам, и слышно было, как вода ручьями стекала с крыши. Мои спутники — туземцы — приутихли и молча сидели на нарах.

В такие минуты человек сознает свое бессилие перед гроз-

ными силами природы, когда они выходят из равновесия и превращаются в ураган, известный у народов Востока под названием тайфуна. С этими мыслями я уснул.

На другой день рано утром меня разбудили тревожные голоса людей. Я слышал, как они волновались, что-то носили, бросали; все делалось торопливо, бегом...

Я поспешно оделся и вышел из дому. Одного взгляда на протоку было достаточно, чтобы понять, в чем дело. Внешний вид ее изменился до неузнаваемости.

Мутная, желтая вода прибывала с большой быстротой и распространялась вширь, заливая все более или менее низменные места. По воде плыли ветки, обломанные бурей, и всякий мусор. Люди оттаскивали подальше лодки, уносили весла, шесты и все, что вода могла захватить с собой. Через какие-нибудь четверть часа весь левый берег протоки оказался во власти водяной стихии. Правый берег был выше, но и здесь вода уже заполняла все ложбинки. Она проникала всюду, везде находила лазейки и топила лес. Только небольшая часть этого берега, наиболее возвышенная, в виде «острова печального» поднималась среди обширных «сильвасов». К вечеру вода стала угрожать и нашему маленькому островку. Зальет или не зальет его ночью? Этот тревожный вопрос был написан у всех на лицах.

На Анюй страшно было смотреть. Как бешеный зверь, он метался в своих берегах. Огромные желто-пенистые волны с головокружительной быстротой неслись книзу. По реке плыли большие деревья, бороздя дно своими ветвями. Сдвинутые с места камни, увлекаемые водой, тоже катились вниз. Движение их можно было проследить по перемещающимся пенистым всплескам и характерному шуму, похожему на заглушенные взрывы.

Наша протока, в обычное время несущая свою воду тихо и бесшумно, теперь заговорила и громко стала вторить Анюю. По ней бежали бесчисленные водовороты; они зарождались внезапно, быстро двигались вниз по течению и так же внезапно пропадали, чтобы вновь появиться где-нибудь в стороне. Настала вторая ночь. Что принесет нам рассвет?

Мне не спалось. Все время у меня из головы не выходили женщины с детьми на галечниковой отмели около устья реки Тормасуни. Что сталось с ними? Нет никакого сомнения, что грозные волны теперь бегут через отмель и юрты их снесены.

Лодки туземцев были далеко от жилища. Вероятно, их унесло водой, которая появилась ночью валом, когда все спали. Несомненно также, что сухая протока около лесистого яра, соединяющая отмель с берегом, была мгновенно затоп-

лена и отрезала женщинам путь к отступлению. Добраться до реки Тормасуни в такую воду совершенно невозможно. И при мелководье времени на это надо не менее десяти часов. Да теперь уже было поздно и бесполезно. Единственная надежда на то, что старая женщина была настороже и при первых признаках наводнения заблаговременно подтащила лодки к балаганам. Меня также беспокоила участь орочей, посланных мною к устью Анюя. Вследствие обилия мошки, возможно, они заночевали на гальке. Большая вода могла застать их врасплох и унести лодки.

Мучимый этими мыслями, я не мог уснуть. Было два часа ночи. Я оделся и вышел на берег протоки. Поставленная

нами еще с вечера водомерная рейка указывала, что вода неуклонно прибывала, хотя уже и не так быстро. Еще пять сантиметров, и наш остров будет затоплен.

Полная луна за лесом низко склонилась к горизонту. Лучи ее проникали между стволами деревьев и серебрились в быстро бегущей воде. На чистом безоблачном небе, таком чистом, точно его вымыли дождями, блестел Юпитер во всей своей ослепительной красоте. Там, вверху, на небе, царило спокойствие, а внизу был хаос.

Страшный рев несся со стороны Анюя, и к нему то и дело примешивался грохот падающих деревьев. Одни «питомцы столетий» падали потому, что вода подмыла корни их, другие — под напором плавника.

Вдруг откуда-то издали донесся странный гул, похожий на гром или отдаленную пушечную канонаду: где-то произошел обвал.

Я прошелся немного вдоль берега, частью уже затопленного, и снова вернулся к водомерной рейке. Она указывала на один и тот же уровень. Вода подступила к самому краю нашего острова и остановилась.

— Есть две страшные стихии,— говорят орочи,— огонь и вода. После пожара остается чистое место и после наводнения тоже остается чистое место. Будь осторожен и всегда бойся огня и воды. Простая, но жизненная философия.

В это время какая-то тень на мгновение закрыла луну. Это был большой филин. Он сел на соседнее дерево и стал ухать. Убедившись еще раз, что подъем воды прекратился, я вернулся в свою палатку и тотчас уснул.

Восемнадцать суток продержало нас наводнение на Кандахе. Все эти дни шли дожди и вода в реке то убывала немного, то прибывала вновь. Потеряв надежду на полный ее спад и уничтожив всю свою питательную базу, я решил спускаться вниз по Анюю с намерением попасть на реку Пихцу через озеро Гаси.

19 августа в полдень прибыли наконец Геонка и Хутунка и вместе с ними еще два удэхейца — Миону из рода Кимунка и Гобули из рода Кялондига. Как и надо было ожидать, наводнение захватило их в низовьях Анюя. В это время они ночевали на островке. Перед рассветом сквозь сон Геонка услышал какой-то шум. Выглянув из комарника, он увидел плывущий по реке тополь, который задел улимагду и потащил ее за собой. Не теряя ни минуты, Геонка выскочил из палатки, бросился в воду и удержал лодку руками. Крики его разбудили других удэхейцев. Опоздай Геонка только на несколько секунд — лодку унесло бы водой и они погибли бы наверняка. С величайшим трудом пробирались они вверх против течения где лесом, где вновь образовавшимися протоками и, пока подымались до Кандахе, съели все запасы, купленные на Амуре. Они прибыли к нам совершенно измученные, голодные и вымокшие до последней нитки. Надо было дать им отдохнуть.

Теперь в состав экспедиционного отряда вошли еще два удэхейца. Миону был мужчина невысокого роста, лет тридцати шести. Он был слаб физически, но зато превосходно знал все места в бассейнах рек Пихцы, Мухеня и Немпту. По цвету кожи, по форме носа, выражению глаз и складу губ Миону, больше чем кто-либо из туземцев, своим внешним видом напоминал индейца. От последних отличался он тем, что любил поговорить. Миону все время рассказывал нам о том, что он видел в горах, что с ним случилось, говорил о зверях, птицах, о злых духах, которые постоянно мешали ему и заставляли перекочевывать с одного места на другое. Он не выпускал изо рта своей трубки, и когда что-нибудь делал, то сильно сопел.

Другой удэхеец был среднего роста, хорошего плотного сложения, лет сорока восьми. На типично маньчжурском лице Гобули с несколько выдающимися скулами и с выгнутым носом уже появились глубокие морщины, не столько от старости, сколько от жизненных невзгод, которые выпали на его долю. По словам туземцев, это был человек старательный и работящий, но словно какой-то злой рок преследовал его и дома и на охоте. Один раз зимой сам он, жена и дети все разом заболели и чуть было не погибли от холода и голода.

Другой раз на реке Пихце два тигра отняли у него кабана и самого его заставили уйти на реку Хор. Третий раз во время сильного мороза с ветром он провалился в прорубь и чуть было не замерз, пока добежал до дому, и т. д. Гобули в противоположность своему товарищу был молчалив и не-

охотно рассказывал о своих приключениях, которыми была так полна его жизнь.

Теперь на Кандахе съехались четыре шамана: ороч Хутунка, удэхейцы Миону и Геонка и сам Инси Амуленка.

Следующий день — субботний — мы употребили на сборы, приводили в порядок лодки и приготовляли новые шесты. Незадолго до сумерек мужчины зарезали одного поросенка и собрали кровь его в чашку. Женщины принесли листья багульника и стали их подсушивать на огне, а Тунси кривым ножичком апали с сырых тальниковых жердей срезал длинные стружки «каунтеляни». На вопрос мой, зачем делаются все эти приготовления, он ответил, что вечером все четыре шамана будут камланить. И действительно, когда на западе погасла вечерняя заря, старшая из женщин принесла железную жаровню, сделанную в виде птицы. Она насыпала в нее горящих углей и поставила посредине жилища. Другая женщина вынула из берестяного футляра бубен и стала нагревать кожу его над огнем, время от времени трогая ее колотушкой, чтобы узнать, достаточно ли она натянулась и звонкие ли будут удары. Когда все было готово, Гобули бросил в жаровню несколько сухих листьев багульника. Тотчас весь дом наполнился едким и ароматным дымом.

Первым камланить должен был Хутунка. Он надел на голову венок из стружек, подвязал на себя пояс с металлическими конусообразными трубками и позвонками и взял в руки колотушку и бубен. Последний имел овальную форму с большим диаметром, в метр длиной, а колотушка представляла собой тонкую выгнутую пластинку, обтянутую мехом выдры и с ручкой, украшенной на конце резной медвежьей головой. Хутунка встал перед жаровней и некоторое время молчал, закрыв глаза, как бы собираясь с мыслями. Все присутствующие расселись по нарам.

Прошла минута-две, и вот среди всеобщей тишины мое ухо уловило какие-то звуки: Хутунка чуть слышно тянул ноту за нотой, не раскрывая рта. Он постепенно усиливал свой голос и призывал к себе духа «севона», помогавшего ему при камланье. Пение его было печальное и монотонное. Понемногу он оживал и переминался с ноги на ногу. К голосу шамана присоединился металлический шорох, издаваемый позвонками. Иногда он вздрагивал, подымался на носки и припадал на колени. Выражение лица его было весьма напряженное. Он говорил несвязные слова, упрашивал и умолял своего духа помочь ему: «Бада ла анчи Тэму гаани» (т. е. безликая птица Тэму). Как будто он имел успех, потому что голос его стал более уверенным и более ровным. Минут тридцать Хутунка находился в состоянии такого

транса. Постепенно он снижал тон, пение его сделалось медленным и перешло в несвязное бормотание. Он стал тянуть одну-две ноты, не раскрывая губ, постепенно стихая, и все закончил глубоким вздохом. Хутунка отдал бубен и снял позвонки. Потом он лег на нары и больше не вставал совсем.

Вторым выступил Миону Кимунка. Он тоже надел на голову повязку из тальниковых стружек и встал перед жаровней с бубном в руках. Стружки длинными спиралями свешивались ему на спину. Пение его было сначала тихое, но потом постепенно усиливалось и превратилось в ропот, протест. Он как будто жаловался на что-то, спрашивал своего духа и вслушивался в его ответы, которые долетали до него как бы издалека. Миону стал изгибаться, сделал шаг, другой, пожал плечами и начал плясать. Движения его были плавны и уверенны. Без особого шума и без резких скачков он обошел вокруг жаровни и опять встал на свое место. Он пел и в чем-то настойчиво убеждал своего духа-покровителя, но не плакал и не умолял его, как Хутунка. Под конец камланья Миону не сразу удалось освободиться от севона. Последний, по-видимому, был упрям и долго не хотел оставить общество людей. Дважды Миону кричал: «Эхе-э-э-э!..», то поднимая звук «э» до высокого крика, то снижая его до октавы. Удаление севона отняло столько же времени, как и само камланье. Миону сторонился духа и отталкивал его руками. Наконец севон ушел. Шаман почувствовал облегчение. Измученный до крайности, он положил бубен на пол, снял пояс с позвонками и лег на нары.

Теперь пришла очередь Геонка. Этот шаман камланил совсем иначе. Он снял с себя часть одежды. Так же как и другие, он украсил себя стружками и взял в руки бубен. Заклинания свои Геонка начал шепотом, который все учащался и становился громче. Он всхлипывал, скрипел зубами и изредка касался колотушкой жаровни с углями. Ноги его стали дрожать все больше и больше, рука тоже стала проворнее бегать по бубну. Дрожание перешло во вздрагивание всем телом, отчего металлические украшения на поясе начали издавать шелестящий звон, который все усиливался и перешел в оглушительный лязг. В момент вселения духа Геонка пришел в большое волнение. С ним начались судорожные схватки. Тело его приобрело удивительную гибкость. Он извивался, как змея; с лица его градом катился пот; потом конвульсивные движения перешли в корчи и в конце концов превратились в самую дикую пляску. Он приседал все ниже и ниже и вдруг сразу подымался во весь рост, и каждый раз, когда нужно было особенно сильно ударить бубен, он выкрикивал: «Э-э-э-эх!..» Один раз он сделал пры-

жок через жаровню и такой нанес удар в бубен, что у всех явилось опасение за целость инструмента. Шаман затрясся на месте и завыл волком, весьма удачно подражая зверю. Можно было подумать, что его трясла жестокая лихорадка. Он метался и кричал: «А-ще-то-то-то-то-то!..» Геонка повелевал своим духом, что-то требовал и не хотел слушать никаких его возражений. Камланье оборвалось неожиданно. Когда надо было, он сразу освободился от севона. Он просто отстранил его от себя, прошел мимо и стал раздеваться, затем он выпил ковш воды и лег рядом с Миону и Хутунка.

Последним выступил Инси. Он надел на себя специально сшитый шаманский костюм с перьями по швам рукавов,

которые должны были изображать крылья, а на голову — убор, имеющий вид шапочки с маленькими оленьими рогами, сделанными из железа. На шее старика был подвязан особый нагрудник с изображением ящериц и лягушек, а на лбу — особый козырек с нашитыми на нем шаманскими глазами из разноцветной бумажной материи. С помощью этих матерчатых глаз он мог видеть то, что недоступно простым смертным. И голова, и коса, падающая на спину, и пояс с позвонками, и обувь — все было украшено тальниковыми стружками. Инси сел на особый коврик, на котором двумя большими темными кругами изображалась бездна — сункта. Он прислонил лицо к бубну и стал звать севона. Бубен удачно играл роль резонатора и то усиливал, то ослаблял голос шамана. Дух вселился в шамана быстро и очень шумно. Сильное потрясение на короткое время ввергло старика в беспамятство. С диким воем он затрясся всем телом и запрокинул назад голову. Одна из женщин поддержала его и стала опахивать ему лицо берестяным веером. Минуты через две Инси пришел в себя и помутневшими глазами посмотрел на окружающих. Тогда Гобули взял длинный ремень, изображающий большую змею Кулигасэ. Один конец его он привязал к поясу Инси, а другой оставил у себя в руках, чтобы сдерживать шамана, который в экстазе мог унестись в преисподнюю, откуда нет возврата. Старик вскочил на ноги и завертелся в неистовой пляске.

Оглушительные удары в бубен, сильный лязг металлических позвонков и истеричные выкрики шамана — все это создавало такой хаос звуков, что у меня закружилась голова.

Старик положительно обезумел. Он кричал на своего севона, грозил ему, обращался с ним, как с подчиненным, он старался напугать его своим видом и страшным шумом. От музыки его становилось жутко. Кто знает, что сумасшедшему может прийти в голову! Шаман прыгал, как тигр, он

спорил, ссорился и дрался со своим духом. Инси набрал в рот горящих углей и сыпал искрами вправо и влево: это были его молнии, а резкие удары в бубен изображали гром. Гобули поднес к губам шамана чашку с кровью. Он выпил ее залпом и опять завертелся в пляске, как раненый зверь. Было достойно удивления, откуда у этого старого человека бралось столько энергии, столько силы. Он куда-то мчался, кого-то догонял и кричал, что не видит земли, что мимо него летят звезды, а кругом холод и тьма. Тогда на помощь Гобули бросились Миону и Хутунка и делали вид, что изо всех сил сдерживают шамана, летевшего стремглав в потусторонний неведомый мир. Инси потащил их за собой из дома наружу.

Я последовал за ними.

Месяц был на ущербе. Он только что начинал всходить, но уже терялся за тучей, надвинувшейся с запада. Над большой протокой блистали две звезды — Кастор и Поллукс из созвездия Близнецов.

Свет луны уже не проникал в лес. Там был полный непроницаемый мрак. Где-то далеко вспыхивали зарницы, и тогда на фоне мгновенно освещенного неба резко и отчетливо вырисовывались контуры хвойных деревьев.

В это время большая ночная птица пролетела зигзагом над нашими головами; из глубины тайги ветром донесло чей-то грузный вздох, похожий на ворчание. Такие звуки издает медведь, если поблизости почует человека. Одни собаки яростно залаяли, другие стали жалобно выть. Инси вскрикнул и снова впал в беспамятство. Севон так же быстро оставил шамана, как и вошел в него. Камланье было окончено. Минут через пять Тунси и Гобули привели старика в дом. Он еле держался на ногах. Рубашка его была мокрой от пота. После такого моциона Инси нуждался в отдыхе. Он лег на кан и не вставал до утра.

Женщины убрали с пола берестяной коврик и жаровню с углями, расставили столики на низких ножках и подали вареную рыбу и мясо поросенка.

Итак, камланили четыре шамана, и каждый по-своему. Камланье началось слабейшим и кончилось сильнейшим. Хутунка зависел от севона и умолял его, Миону оспаривал свои права и настаивал на исполнении своих просьб, Геонка требовал повиновения и повелевал севоном, и, наконец, Инси считал его своим подчиненным, кричал на него, угрожал ему и даже гнал прочь.

Глава

9

Девственный лес

310 21 августа мы распрощались с Инси Амуленка и поплыли вниз по Анюю.

День был морозный, дул холодный ветер. По небу ползли серо-свинцовые тучи, дважды принимался накрапывать дождь. Все указывало на приближение того времени года, когда начинает опадать листва с деревьев, мерзнуть земля, пушные звери одеваться в теплые меха и вода превращаться в лед.

После Тормасуни долина Анюя делается значительно шире. Отсюда река начинает разбиваться на протоки. Некоторые из них — Пунчи, Агжу, Била и Хонко — достигают значительной ширины и далеко отходят в стороны.

Вследствие быстроты течения надо было внимательно смотреть вперед и вообще быть осторожным, в особенности на поворотах. То мы спускались вниз по воде, то сворачивали в какую-нибудь узкую протоку и плыли по лесу, чтобы пересечь другую такую же протоку и выйти снова на Анюй в наиболее безопасном месте. Иногда шесты не доставали дна, а весла были бесполезны. Орочи в таких случаях вонзали остроги в стволы деревьев и подтягивались на руках. Это очень опасный прием, при котором легко упасть навзничь и опрокинуть лодку, что, несомненно, было бы гибельно для всех пассажиров.

По пути встречали медведей. Один раз зверь только что переплыл через реку и по круче взбирался на берег. Нас пронесло мимо него. Я видел только голову и плечи животного. Орочи стреляли и ранили медведя, но остановиться и выйти на берег для преследования его было невозможно. Другой раз из соседней протоки совершенно неожиданной водой вынесло большое дерево. На нем была медведица с медвежонком. Завидев людей, она хотела было броситься вплавь, но в это время дерево ударилось концом в противоположный берег. Медведица со своим питомцем выбралась на отмель и благополучно скрылась в лесу.

Страшные разрушения произвело наводнение в долине Анюя. Мы видели трупы утонувших животных, снесенные юрты туземцев, поваленные деревья, придавившие кусты и молодняк, слои ила, песка и т. д. Все удэхейцы бежали к устью реки. Там, где раньше были их жилища, бушевала вода, образовались новые протоки, заваленные колодником.

Анюй по справедливости считается рыбной рекой. Большинство лососевых, поднимаясь вверх по Амуру, сворачивает в правые его притоки, и главное руно идет по реке Уссури. По словам туземцев, самая большая кета идет по Анюю. И действительно, пойманные нами экземпляры поражали размерами и весили около 15 килограммов. В нижнем течении реки обитают калуга, осетр, верхогляд, толстолобик, щука, угорь и сазан. Туземцы говорят, что в некоторых местах Анюй вовсе не замерзает, и объясняют это тем, что здесь держится много рыбы. В данном случае они путают причину со следствием. Несомненно, рыба держится в таких местах, которые не замерзают зимой, причину же незамерзания реки надо искать в чем-то другом.

В полдень мы прошли мимо реки Улема, памятной мне по охоте на тигров в 1908 году. Здесь в лесу на небольшой поляне был мой астрономический пункт. Координаты я вырезал на затеске большого дерева. Я сказал орочам, чтобы они пристали к берегу. Геонка ловко повернул улимагду против воды и задержался за кусты. Орочи решили отдохнуть и покурить, а я вышел из лодки и направился в лес вместе с Миону и Гобули. За двадцать лет здесь многое изменилось. Молодняк вырос и превратился в стройные деревья, появились новые кусты, протоки...

Минут через десять ходьбы по лесу на небольшой поляне я увидел свое дерево. Это была чозения, из которой за неимением тополя туземцы иногда долбят лодки. «Чозения» в переводе с японского языка значит кореянка. «Она более примитивна, чем Populus Salix и является родом, который занимает между ними как бы промежуточное место» [1].

«Астрономическое» дерево имело метров двенадцать в вышину и более метра в диаметре. Надписи на нем хорошо сохранились, но края затесины обросли корой, а по обе стороны удивительно симметрично выросли два огромных трутовика, словно подставки для канделябров. Осмотрев дерево, удэхейцы сказали, что оно дуплистое и недолговечное. Я обошел его кругом, мысленно попрощался с ним и направился назад к лодке.

---

[1] *В. Л. Комаров.* Третий род семейства Salicaleae chosenia Makai. Юбилейный сборник, посвященный И. П. Бородину. 1927, стр. 276—277.

На обратном пути мы решили сократить дорогу и идти напрямик к реке. Пройдя шагов сто, я увидел около десятка ворон. Они сидели на ветвях деревьев и перекликались между собой. Из этого Гобули вывел два заключения: первое — что-то привлекло их сюда; второе — это «что-то» находилось поблизости. А Миону добавил еще третье заключение: здесь кроме ворон был еще кто-то, которого птицы боялись и, по-видимому, ждали, когда он уйдет. Мы умерили шаг и стали внимательно смотреть по сторонам. Вдруг какая-то грузная фигура с буро-рыжим оперением, махая большими крыльями, поднялась на воздух. Я сразу узнал орлана белохвостого. Он снялся так близко от нас, что я мог хорошо рассмотреть его.

Голова и шея орлана были светлее остального тела; большие лапы желтого цвета с черными острыми когтями и могучий клюв, тоже желтый, сжатый с боков и, как у всех хищников, загнутый книзу, были столь характерны, что я не мог ошибиться в своем определении. Обыкновенно орлан белохвостый кормится рыбой, но при случае нападает даже на четвероногих величиной с кабаргу.

Вспугнутый пернатый хищник тяжело взлетел кверху и направился к реке.

Я остановился и стал следить за ним глазами, а удэхейцы прошли вперед.

— Кянга (т. е. изюбр),— услышал я голос Миону.

— Инка (да),— отвечал ему Гобули.

Я пробрался через кусты и действительно увидел на земле труп молодого изюбра, по-видимому недавно утонувшего.

Голова его и левая передняя нога были занесены илом; правый бок был расклеван и часть внутренностей вытащена наружу.

Лишь только улетел орлан, как вороны снялись со своих мест и с карканьем стали носиться над лесом. Может быть, они опасались, что мы унесем мертвое животное с собой.

На мокрой илистой почве кроме отпечатков птичьих ног были следы и кое-каких четвероногих. Туземцы рассматривали их и вслух называли животных: колонок, лиса и горный волк.

В это время с реки донеслись крики, приглашавшие нас поскорее возвращаться назад. Через несколько минут мы плыли дальше вниз по реке.

Немного ниже Улема с правой стороны в Анюй впадает еще небольшая речка Уоленку. Здесь есть короткий и удобный перевал на реку Мыныму, впадающую в тот же Анюй недалеко от устья. Надо сказать, что весной Анюй рано вскрывается ото льда. В марте месяце гольды, возвращаясь

с соболевания, чтобы избежать опасного пути среди многочисленных проталин, сворачивают на Уоленку и таким образом обходят Анюй стороной. Описываемый перевал настолько невелик, что удэхейцы перетаскивают через него лодки на руках.

Между Хором (нижний приток Уссури) и верховьями рек Ситы, Обора, Немпту, Мухеня и Пихцы, впадающих в нижний Амур с правой стороны, протянулась длинная дуговая горная складка. У Анюя она начинается горой Хонко и идет сначала на юго-запад, потом на запад, постепенно понижается и выходит к реке Кие рядом невысоких холмов с весьма пологими скатами. Это Хорский хребет. Несмотря на значительную высоту свою, он имеет ровный столообразный гребень, местами суживающийся настолько, что наблюдателю, находящемуся на вершине его, видны одновременно оба склона; в других местах он представляется в виде обширных плато, покрытых лесом. И здесь отсутствие глубоких седловин и конических сопок свидетельствует о больших эрозионных процессах.

Западное подножие Хорского хребта в прошлом является берегом древнего водоема, который в течение многих веков заполнялся выносами многочисленных речек, ныне составляющих притоки Пихцы, Мухеня и Немпту. Так образовались обширные болота. Нынешние озера Гаси, Синда, Петропавловское являются остатками этого водоема.

Около горы Хонко мы задержались. Я намеревался совершить экскурсию на юг от реки Анюя, чтобы посмотреть, нет ли там мест, открытых и годных для заселения. Но потом у меня возникла мысль пройти на реку Нихцу напрямик, придерживаясь западного склона Хорского хребта. Вечером Миону и Гобули начертили мне план. Из него явствовало, что мы должны держаться юго-западного направления и на пути пересечь речки Чу, Моди, Кальдангу, Буга, Хосу и Уту, из которых первые две входят в бассейн Анюя, две другие впадают непосредственно в озеро Гаси и последние две являются правыми притоками реки Пихцы. Меня только смущал недостаток продовольствия, которым мы располагали, но все же я решил попытаться пройти на речку Моди и в крайности спуститься по ней к гольдскому селению Сира в нижней части Анюя.

На другой день мы оставили лодки и пошли в гору.

В этих местах на всем протяжении от Анюя до Непту на двести с лишним километров произрастают громадные первобытные леса, которых еще никогда не касалась рука человека и где ни разу не было пожаров. Высокие стволы пробкового дерева с серой и бархатной на ощупь корой, ка-

залось, спорили в величии и красоте с могучими корейскими кедрами. Если последнему суждено вековать в долинах среди широколиственных пород, тогда он предпочитает одиночество, но здесь в горах кедр произрастал группами и местами составлял от 50 до 70% насаждений. Лишь только в поле зрения попадался маньчжурский ясень, как мы уже знали, что недалеко находится речка. Любопытно, что и он здесь рос целыми рощами, причем некоторые экземпляры достигали поистине грандиозных размеров. Здесь даже остроконечный тисс, называемый русскими «красное дерево» и являющийся представителем первых хвойных на земле, и монгольский дуб имели вид строевых деревьев в два обхвата на грудной высоте. Стволы, то массивные и темные, то стройные и светлые, толстые и тонкие, то одиночные, то целыми группами, словно гигантская колоннада, уходили вдаль на необозримое пространство. Тут были деревья, которым насчитывалось много сотен лет. Некоторые лесные великаны не выдержали тяжести веков, тяготеющих над ними, и поверглись в прах. В образовавшиеся вверху отверстия днем проникали солнечные лучи, а ночью виднелось звездное небо. Неподвижный лесной воздух был так насыщен ароматами, что, не глядя, можно было сказать, какое дерево находится поблизости: тополь, кедр, липа; в сырых местах ощущается запах рухляка, папоротника и листвы, опавшей на землю. Ветру доступны только верхи деревьев. Тогда лес наполняется таинственными звуками. Зеленое море вверху начинает волноваться, шум усиливается и превращается в грозный рев, заставляющий зверье быть настороже и пугающий самого привычного лесного бродягу.

Читатель ошибется, если представит себе первобытную девственную тайгу в виде рощи. С первых же шагов он с головой утонет в подлеске, главным представителем которого будет душистый тонколистный дикий жасмин — любитель тенистых и невлажных прогалин; его легко узнать по удлиненно-зубчатым листьям и довольно крупным овальным плодам. Рядом с ним в большом количестве растет колючий чубышник с листьями, как у драгоценного женьшеня, и с черными ягодообразными плодами, расположенными на длинных черешках в форме шаровидного зонтичка. По соседству с жасмином и чубышником нашла приют себе маньчжурская лещина, имеющая вид куста. Листья ее округлые и сильно зазубренные, а орехи — от двух до четырех — прикрыты прицветниками с колючими волосками, оставляющими на руках множество легко удаляемых мельчайших заноз.

И деревья и кустарники опутаны лианами актинидии коломикты, зеленые сочные плоды которых заслуженно считают лучшим даром Уссурийского края. Вперемешку с актинидиями по стволам деревьев вьется китайский лимонник с пестрой листвой и красными ягодами. В тех местах, куда пробрался солнечный луч, обильно разросся виноград амурский. Все эти кустарники, ползучие растения и высокие папоротники (дриоптерис, осмунда, страусопер и др.) образуют столь густые заросли, что мы узнавали о местонахождении друг друга только по голосам.

Такой девственный лес населен великим множеством зверей: тиграми, рысями, медведями, красными волками, лисами, куницами, хорьками, соболями, росомахами, выдра- 815
ми, барсуками, изюбрами и дикими косулями. Совершенно свежие следы их встречались повсеместно. Неоднократно мы вспугивали кабанов, которые бродили здесь целыми табунами. Дикие свиньи с шумом пробирались сквозь чащу леса и громким фырканьем выражали неудовольствие по нашему адресу.

После затяжных дождей хорошая погода, по-видимому, установилась, и теплые солнечные дни длинной чередой потекли друг за другом.

На 23 августа день выпал солнечный и теплый. По небу плыли высокие барашковые облачка. Они зарождались в беспредельной синеве его, медленно двигались с запада на восток и быстро таяли.

Было как-то особенно душно. Время от времени мы садились на землю и отдыхали, не снимая котомок. Солнце перешло уже за полдень. В этот знойный час все живое погрузилось в дремотное состояние. Только мошки проявляли особенную назойливость: они лезли в рот, уши и слепили глаза. Мы сидели тихо и вытирали тряпицами потные лица. Было не до разговоров... Вдруг впереди раздался хруст сухой ветки. Я потянулся за ружьем. Громадный тигр сильно напугал нас и испугался сам. Он бросился в сторону и прыжками пошел по лесу. Полосатый зверь на бегу задел плечом сухостойное дерево; оно с шумом упало на землю. Геонка ходил на разведку и вернулся, сообщив, что тигр не знал о нашем присутствии и случайно вышел навстречу. Это обстоятельство заставило нас быть настороже и не доверяться предательской тишине леса.

Через два дня выяснилось, что мы прошли только седьмую часть пути и израсходовали одну треть продовольствия. Еще на день-два могут нас задержать дожди. Эти соображения заставили меня повернуть на запад и идти по речке Моди. Около устья ее мы нашли небольшое гольдское селе-

ние, состоящее из четырех фанз. Обитатели его занимаются рыбной ловлей и звероловством. Они усвоили уклад жизни удэхейцев и мало походили на своих амурских сородичей. Мы отдохнули у них и купили две лодки, на которых и спустились по Анюю до протоки Дырэн.

В нижнем течении Анюй разбивается на множество проток. После каждого наводнения они изменяются, делаются больше или меньше, заносятся колодником и превращаются в старицы. Это вынуждало нас спускаться с большой осторожностью. Немного ниже местности Тахсале орочи заметили лагерь удэхейцев, убежавших от большой воды. Они жили в конических берестяных юртах и ждали, когда река

войдет в свое русло и позволит им возвратиться назад. Они стали окликать нас и махали руками. Я велел пристать к берегу. Немного ниже и по соседству с ними мы устроили свой бивак. Тотчас около наших палаток собрались мужчины, женщины и дети. Некоторых я знал еще детьми. Теперь они уже превратились в рослых мужчин, женатых и сами имели детей. У этих обездоленных судьбой людей были свои нужды. Они просили не лишать их права на соболевание.

Я обещал похлопотать за них в Хабаровске и обещание свое выполнил. На другой день мы расстались. Быстрое течение уносило наши лодки все дальше и дальше. На берегу толпой стояли туземцы, посылая приветствия руками. Мы отвечали им тем же до тех пор, пока выступивший со стороны мыс не заслонил их собой.

В протоке Дырэн вода шла нам навстречу. К счастью, подул попутный ветер. Орочи поставили паруса и сравнительно скоро пошли против течения, придерживаясь правого возвышенного берега. Он слагается из невысоких холмов, изрезанных распадками, по которым бегут бедные водой источники. К сумеркам мы немного не дошли до озера Гаси и встали биваком в небольшой дубовой рощице. Ночью было холодно. Я вставал несколько раз и грелся у огня. Когда стало светать, я взял котелок и пошел на реку за водой.

Восточный горизонт был затянут слоистыми облаками: сквозь них кое-где прорывались первые лучи утренней зари. Протока Дырэн имела пасмурный вид. Прибрежные кусты с пожелтевшей листвой никли от росы. Словно они оплакивали лето, предчувствуя приближение холодов, которых ничто не в силах было остановить. На одном из деревьев сидела ворона. Увидев меня, она каркнула два раза и лениво полетела вдоль берега.

Переправа через озеро Гаси на долбленых удэхейских челноках — рискованное предприятие. Надо было торопиться, пока не задули северо-западные ветры. Когда взошло солн-

це, мы уже успели отъехать далеко от бивака. На правом берегу озерной протоки, при самом входе в нее, приютилось небольшое туземное селение того же имени. Здесь от гольдов я узнал, что В. М. Савич на реке Пихце потерпел аварию. Человеческих жертв не было. С этой стороны, значит, все обстояло благополучно. Но теперь возникал другой тревожный вопрос: устроены ли питательные базы? Мучимый этими сомнениями, я все же решил идти вверх по реке Пихце с намерением опереться на хорскую базу и затем направиться через верховья Мухеня на реку Немпту к озеру Петропавловскому.

Гольды снабдили нас кое-какими овощами. Расплатившись с ними, мы поплыли дальше и около полудня вошли в озеро Гаси, площадь которого измеряется в двадцать пять квадратных километров. Если смотреть на него сверху, оно представляется в виде фигуры песочных часов, т. е. расширенное по концам и суженное посредине. Кроме Пихцы с востока в озеро впадает еще небольшая речка Хали с притоками Кальдангу и Буга, о которых говорилось выше. Правый берег озера состоит из невысоких песчаных холмов, прорезанных широкими заболоченными распадками. Зато противоположный берег низменный и настолько мелководен, что к нему нельзя подойти даже на плоскодонной лодке.

Весь день мы плыли, придерживаясь правого края озера, и к сумеркам дошли до суженной его части. Место для бивака было выбрано не совсем удачное. Вследствие недостатка сухих дров мы опять зябли ночью. Однако следы старых костров свидетельствовали о том, что именно здесь всегда ночуют люди, направляющиеся на реку Пихцу.

Было еще совсем темно, когда меня разбудил Гобули. Он говорил, что в осеннее время обычно ветер поднимается с восходом солнца и наибольшей силы достигает около полудня. Тогда плавание по озеру делается совершенно невозможным. Через какие-нибудь четверть часа мы уже сидели в лодках и усиленно гребли веслами.

Озеро было совершенно спокойным и казалось большим полированным диском, в котором отражалось звездное небо. Я оглянулся. Темные силуэты деревьев удалялись от нас и тонули в ночном мраке. В стороне мелькнул огонек. Это на другой лодке кто-то зажег спичку. Там слышались голоса и шум разбираемых весел.

Но вот на востоке появились первые признаки зари. Предрассветный ветерок чуть тронул поверхность воды. Тогда мы поставили парус. Ветер все усиливался, и лодка бежала быстрее. Я завернулся в полотнище палатки и стал всматриваться в очертания берега, задернутого в дымку утреннего

тумана. С каждой минутой заря разгоралась ярче и ярче. Словно зарево пожара, пылал горизонт, окрашивая облака в пурпуровые и нежно-фиолетовые тона. Вдали виднелся высокий Хорский хребет. В распадках его еще клубился туман. Над болотами носились табуны плавающей птицы. Я стал следить за ними глазами и остановил взор свой на гребне хребта. В это мгновение показался краешек солнца, и тотчас по воде навстречу нам побежала ослепительно яркая полоса света. Ночь ушла. Утренние туманы таяли в воздухе, и за ними виднелось устье реки Пихцы. Мы сидели тихо на своих местах и наблюдали игру солнечных лучей, отраженных от колеблющейся поверхности Гасинского озера. В это время Миону стал поправлять веревку от паруса и задел весло, которое с шумом упало на дно лодки. Тотчас из воды выпрыгнула довольно большая рыба, за ней другая, третья, десятая... Они старались перепрыгнуть через лодку, бились головами в борта ее и снова падали в воду; но две из них попали к нам в качестве пассажиров.

— Га, га, га!..— закричал Миону, хватая их руками.

Рыбы, заскочившие к нам в лодку, долго не могли успокоиться. Они вертелись, открывали рты и били хвостами. Местные жители называют их моксунами и говорят, что их очень трудно ловить сетками. Моксун достигает веса до 2,5 килограмма и имеет стройное тело, покрытое довольно крупной блестящей серебристой чешуей. Из всех рыб он считается наиболее сообразительным. Завидев невод, он стремительно всплывает на поверхность воды и с разбега перепрыгивает через него. Вероятно, моксуны и нашу лодку приняли за рыболовную ловушку. В данном случае они оказались малосообразительными. Вместо того чтобы убегать от лодки, они стали прыгать через нее, и два из них поплатились жизнью.

Часам к восьми утра мы вошли в устье реки Пихцы. И здесь было наводнение. Выступившая из берегов вода сплошь залила прилегающие к озеру болота, что дало нам возможность плыть целиной, минуя бесчисленные извилины реки, и в значительной мере сокращать расстояния.

Глава
10
Тигровая река

В нижней своей части река Пихца протекает среди обширных болот, поросших осокой и вейником Лангсдорфа. Последний иногда с примесью тростника обыкновенного вышиной в рост человека образует заросли в несколько квадратных километров. Если встать на кочку, камень или плавник, нанесенный водой, то можно видеть, как во время ветра колышется травяная растительность. Является полное впечатление волнующегося моря, в особенности если она занимает обширное пространство.

Вскоре стали появляться ивняки (ива корзиночная). Число их постоянно увеличивалось. Словно бордюром, они окаймляли берега рек, заводей, озерков и слепых рукавов. Местами они образовывали такие густые заросли, что пробраться сквозь них можно было только с помощью топора.

К полудню мы отошли от озера километров на десять. Болотный характер местности сменился равниной с небольшими релками[1], едва возвышающимися над общим уровнем воды в реке. Местонахождение их можно определить по осинам, которые тоже сначала одиночными экземплярами, а потом и целыми рощицами подходят к реке то с одной, то с другой стороны. Здешняя осина имеет столь белесоватую кору, что издали ее можно принять за березу. Только по вечно трепещущим листьям на длинных черешках я узнал знакомое всем нам дерево. Чем дальше, тем осины становилось больше. Можно сказать, что здесь она составляет 80% всей древесной растительности. Еще выше релки стали обрисовываться яснее, и к осине начали примешиваться дуб и японская береза. Постепенно луговая растительность отходила на задний план, уступая место древесным широколиственным породам со значительной примесью даурской лиственницы.

Река Пихца имеет чрезвычайно извилистое течение. Все время она делает большие плойчатые петли, иногда завер-

---

[1] Сухое возвышенное место среди болота.

шающие почти полные круги. Целый день мы кружили по руслу реки так, что солнце было у нас то впереди, то сзади, то с одного бока, то с другого, и к вечеру, когда мы достигли начала предгорий Хорского хребта, оно было совсем не с той стороны, где мы рассчитывали его видеть.

Читатель, вероятно, помнит, что сухари, которые были завезены на базы из Владивостока, оказались гнилыми, отчего все мы часто болели животами. Мои спутники-туземцы, как и все первобытные люди, были убеждены, что заболевания происходят от злых духов, которые входят в людей и мучают их. Черта можно изгнать только камланьем. То Геонка шаманил над Хутунка, то Хутунка — над Геонка, то

оба вместе — над орочем Намука. Каждый раз по указанию одного из шаманов Мулинка вырезал из мягкого дерева изображение севона в виде насекомого, лягушки, человека об одной ноге, змеи с двумя головами и т. д. После камланья севон этот выносился из палатки и на палочке втыкался в песок подальше от бивака. Считалось, что черт изгнан и больной должен получить исцеление. Если такое лечение не помогало, камланье повторялось на другой день, на третий, до тех пор, пока больной не выздоравливал. Как только орочи ложились спать, А. И. Кардаков отправлялся на поиски севонов и забирал их к себе в котомку для Хабаровского музея. Наутро туземцы, не находя их на берегу реки, думали, что злые духи действительно удалились в тайгу, и были довольны.

27 августа, в субботу, заболел Геонка. Камланить над ним вызвался Миону. Он взял две короткие лучины и ножичком апили наскоблил стружек, не дорезая их до основания так, что они все свернулись султанчиками в одну сторону. Хутунка притушил костер и накрыл голову шамана какой-то тряпицей. В это время Мулинка принес изображение летящей осы с крылышками из бересты, с лапками, усиками, искусно сделанными из кабаньей шерсти. Оса была прикреплена к палочке, которую воткнули в землю около больного. Геонка лег спиной к огню и закрыл глаза. Миону сел около него на землю, взял стружки по одной в каждую руку и начал петь свои заклинания. Он проводил ими над болящим от головы к ногам и делал вид, как будто переносит болезнь на изображение осы. Минут десять длилась эта процедура. Вдруг Миону дико закричал: «Эхе-э-э-э-э!» — все громче и громче, все выше и выше поднимая ноту. Под эти крики Хутунка, как всегда, вынес деревянную осу и посадил ее на куст около воды, а Мулинка с этой стороны около бивака разложил большой костер. К утру оса исчезла.

Когда на другой день орочи стали укладывать груз в лодки, Миону уронил котомку А. И. Кардакова на землю. Она раскрылась, и из нее вывалились все севоны, которые он нес от самого моря. В неописуемое волнение пришли орочи и удэхейцы. Так вот почему они болеют! И не мудрено! Три шамана все время стараются изгнать злых духов из отряда, а один русский собирает их и несет с собой. Эта шутка могла бы кончиться смертью кого-либо из туземцев. Они заявили, что дальше с чертями не пойдут, и требовали, чтобы А. И. Кардаков бросил их на берегу. Больше всех волновался Миону. Долго мы урезонивали его и наконец нашли компромисс. Мы условились так: вечером они будут еще раз камланить и перенесут болезни с севонов, собранных А. И. Кардаковым, в одного сборного, которого мы уже не возьмем с собой. Орочи согласились, но потребовали дневки. Пришлось уступить. Целый день Мулинка и Гобули вырезали такое изображение злого духа, в котором сгруппировалось все то, что нес А. И. Кардаков в своей котомке.

В полночь на биваке они опять притушили огонь и стали все трое по очереди камланить. Я вышел из палатки и направился к берегу. Ночь обещала быть холодной; на небе мерцали яркие звезды. Деревья и кусты неопределенно-темного цвета замерли в неподвижных позах, словно это был другой мир, неведомый, мрачный... На биваке чуть-чуть виднелась палатка, слабо освещенная углями притушенного костра, и около нее темная фигура Миону. Он размахивал стружками и кричал: «Эхаль ду-у-у-у!» Голос его далеко разносился по реке и пугал зверей в тайге. На этот раз орочи унесли севона в глубь леса и зорко следили за А. И. Кардаковым. Мы сдержали слово и не ходили в ту сторону, куда был изгнан злой дух — источник болезней, бывших доселе в отряде.

Следующий день был воскресный — солнечный и теплый. Несмотря на то что с бивака мы снялись поздно, все же ушли довольно далеко.

Река Пихца длиной около 65 километров и течет сначала с востока на запад, потом все больше и больше склоняется к северо-востоку. Течение ее можно разделить на три части: верхнее, среднее и нижнее. Последнее, как мы видели, проходит среди болот. В средней части на протяжении еще 12 километров река разбивается на множество проток, которые были так малы и извилисты, что в них нельзя было повернуть лодки и мы вынуждены были перетаскивать ее по земле. В истоках Пихца принимает в себя речку Олосо. Здесь она течет в горах одним руслом, загроможденным большими камнями, грани которых сглажены водой и плавниковым лесом.

12 Зак. 2412

Здесь же находится продолжение тех первобытных девственных лесов, которые мы видели на Анюе около горы Хонко.

Нехорошие рассказы ходят у амурских туземцев про реку Пихцу. В верхней половине ее обитает много тигров, которые часто нападают на людей. Так, один раз два гольда отправились на реку Олосо для соболевания. Они шли по зверовой тропе на расстоянии десяти шагов друг от друга. Вдруг большой тигр напал на одного из охотников. Другой бросился бежать, но тигр догнал его и сильно изранил. Человек этот некоторое время полз по земле и умер от потери крови. В 1925 году был такой случай. Один охотник нашел

кабана, задавленного тигром. Вместо того чтобы поскорее уйти отсюда в другое место, он забрал кабана с собой. Не успел человек этот отойти с ношей и одной версты, как на него напали сразу два тигра. Звери поделили добычу. Один взял охотника, а другой забрал кабана. Третий случай произошел в 1926 году. Старый гольд из селения Да близко встретился с тигром на реке Пихце. Желая узнать о намерениях зверя, охотник выстрелил в воздух. Страшный хищник сделал несколько шагов вперед. Гольд, зная, что в тигра нельзя стрелять, если он не нападает на человека, и желая предупредить его о том, что ему грозит, выстрелил второй раз в воздух. Тигр сделал большой прыжок и встал на льду, как мраморное изваяние. Тогда гольд тщательно выследил зверя и спустил курок. Страшно заревел тигр и бросился за колодину. Охотник видел его задние ноги и хвост, которым он все время бил по земле. Не теряя ни одной минуты, гольд ушел от опасного места.

Мы уже подбирались к верховьям реки Пихцы. Течение делалось все быстрее и быстрее. Опасные пороги встречались чуть ли не на каждом шагу. Кругом высились сопки, густо одетые кедровым лесом. Туземцы дружно работали шестами, с трудом проталкивая лодки против воды. Они внимательно осматривали дно реки и на ходу между прочим били острогой крупных форелей и ленков.

По целому ряду мелких признаков они установили, что место аварии В. М. Савича было недалеко: кусок доски от лодки, лист бумаги среди мусора, нанесенного водой, тряпица, застрявшая на кустах, и т. д. были красноречивее всяких слов. На одном из поворотов поперек реки лежало дерево, отпиленное у вершины. Осмотрев его, орочи сказали, что именно здесь опрокинулась лодка, и точно нарисовали картину крушения. Впоследствии, когда В. М. Савич рассказал мне о том, как он потерпел аварию, я увидел, что мои спутники-туземцы не ошиблись даже в мелочах. Я хотел

немедленно заняться осмотром дна реки, но у туземцев был свой план. Они приняли во внимание большую воду и быстрое течение. Когда стемнело, Габули и Мулинка стали искать имущество разбитой лодки по течению. Совсем поздно они возвратились и привезли: брезент, эмалированную тарелку, несколько маленьких мешочков с мукой, винтовку, бинокль, буссоль Шмалькальдера, сумку с медикаментами, дневник, написанный карандашом, патроны и кошелек с деньгами.

Что же в это время случилось с В. М. Савичем? Из Хабаровска со своими спутниками он отправился вниз по Амуру, придерживаясь правых его проток, достиг озера Синда, в которое впадают реки Немпту и Мухень, поднялся по этим рекам до истоков и обследовал весь западный склон Хорского водораздела. Затем он перешел на озеро Гаси и стал подниматься вверх по Пихце. Как раз в это время пошли затяжные дожди, и вода в реке стала быстро прибывать. Однако это не испугало В. М. Савича, и он с проводниками-гольдами медленно продвигался проти. течения, которое увеличивалось с каждым днем. Немного не доходя до водопада Сагена, на Пихце его захватило то самое наводнение, которое задержало меня на Анюе две с половиной недели. В. М. Савич решил во что бы то ни стало достигнуть истоков реки Пихцы. Невзирая на ненастье и крайне неблагоприятную погоду, он все-таки дошел до условленного места и устроил для нас питательную базу. Затем он хотел пробраться на реку Хор, но потерпел аварию, во время которой погибли его лодка и все имущество и сам он почти в бессознательном состоянии выплыл из-под «завалов» метрах в сорока от места крушения. В этом бедственном положении путешественники пешком направились левым берегом вниз по реке Пихце и через трое суток случайно в тайге нашли брошенную гольдами старую лодку. Они починили ее деревянными гвоздями, сделанными из лиственной древесины, и, выждав, когда начался спад воды в реке, спустились к озеру Гаси. После такой беды В. М. Савичу более ничего не оставалось, как закончить работы и возвратиться в г. Хабаровск. К тому же и время было уже позднее, и начинались холода. Он выполнил все задание, которое себе наметил, выставил все питательные базы и тем самым облегчил мой маршрут от Анюя на Хор, с Хора на реку Мухень и далее до Хабаровска.

Немного выше места крушения лодки В. М. Савича с левой стороны есть водопад, который называется Сагена. Он представляет собой подземную речку, выходящую на дневную поверхность множеством струй. Красноватые скалы, зеленая

растительность, кристаллически чистая вода, белая пена и радужная игра водяной пыли в лучах солнца создают необычайно эффектную картину.

Тут мы нашли свою питательную базу с доброкачественными продуктами. Орочи перестали болеть, но приписали это тому обстоятельству, что последний севон, в которого они прошлую ночь перенесли свои недуги, остался далеко позади.

После короткого отдыха мы еще полдня подымались на лодках, а затем от устья реки Олосо пошли пешком на Хорский перевал. Отсюда вверх по Пихце идет тропа. Она хорошо протоптана, но во многих местах заросла травой и завалена колодником. Сначала тропа придерживается правого

берега реки. Во время большой воды ее отчасти занесло песком и землей. Затем она проходит на левый берег, которым и следует к перевалу. Тропа часто кружит и делает многочисленные обходы колодника. По пути она пересекает три ручья, бегущих с сопок с правой стороны, а по четвертому ключику подымается на перевал. Эта часть пути очень утомительна. Русло завалено камнями, замаскированными мхом и высокой травой. Нога часто скользит, срывается и проваливается в ямы с водой. Подъем длинный и пологий. На самом перевале стоит развалившаяся китайская кумирня. За перевалом тропа пролегает по заболоченной местности, поросшей редкостойной лиственницей. Около реки Хора она обрывается. Это зимний путь, и летом редко кто им пользуется.

2 сентября мы вышли к устью реки Сора, впадающей в Хор с правой стороны. Перед нами открылась обширная котловина, обставленная сильно размытыми сопками. С правой стороны реки тянулось замшистое болото, а с левой — смешанный лес с примесью ели и пихты. Я знал, что нахожусь в горном узле высоко над уровнем моря. Отсюда на восток текли реки Копи и Самарга, а на севере был бассейн Анюя. По реке Сору лежит путь на Тормасунь, где находится тот самый перевал, через который перетаскивают лодки на руках. Здесь мы нашли еще одну питательную базу, устроенную хорскими туземцами, и около нее встали биваком.

Судя по некоторым признакам, где-то поблизости должны были находиться люди. Поэтому я поручил А. И. Кардакову с орочами устраивать бивак, а сам с Гобули пошел по берегу Хора. Путеводной нитью нам служила зверовая тропка. Она то выходила к реке, где густо росли высокоствольные тальники, то углублялась в лес. В одном месте около старой ели я увидел большой муравейник, сложенный из мелких веточек, кусочков древесной коры и сухой хвои. Несмотря на осеннее время и ненастную погоду, красные лесные муравьи

проявляли большую деятельность. Они ползли по крыше своего жилища, по земле и соседним деревьям. Один тащил сверчка размерами вдвое больше себя, другой нес на весу прутик, который неудачно держал за конец, третий — какую-то белую крупинку. Несколько муравьев копошилось около улитки. Они действовали вразброд и, по-видимому, мешая друг другу. Однако улитка продвигалась вперед и скоро исчезла в одном из выходных отверстий муравейника. Все это доказывало, что муравьи по сравнению с размерами своего тела очень сильные насекомые.

Я взял палку из рук Гобули и слегка тронул ею сухую хвою. Мгновенно к этому месту сбежалось множество муравьев. Они засуетились и подымали кверху свои головки с раскрытыми челюстями. С поразительной быстротой распространилась тревога по всему муравейнику. Даже на противоположной стороне его поднялась беготня. Маленькие шестиногие существа почуяли опасность и самоотверженно приготовились к обороне.

— А-та-тэ, гыхы, манга! (Ай-ай, худо, так нельзя!) — закричал Гобули и отнял у меня палку.

Мы пошли дальше. По дороге я стал расспрашивать своего спутника, почему он не позволил мне шевелить муравьев. Он ответил мне так:

— В огне сидит Пудза мамаса, т. е. хозяин огня, и в каждом муравейнике Пудза адзани — хозяин муравьев. Огонь нельзя резать ножом, поливать водой, нельзя плевать в него, разбрасывать головешки. Такие же запреты распространяются и на муравейник. Человек, позволивший себе грубое обращение с муравьями, непременно заболеет: у него станут гноиться глаза или появятся на теле нарывы.

Когда мы вышли на реку, с одного из кустов с криками, похожими на чириканье воробья, сорвался зимородок — небольшая, ярко окрашенная птичка, ведущая уединенно-скрытный образ жизни. Я видел, как мелькнуло в воздухе голубовато-зеленое оперение ее спинки, надхвостья и внутренних частей крыльев.

— Ыи Пудза гаэни (т. е. шаманская птица, подчиненная Пудза),— сказал шепотом Гобули, указывая на зимородка, который, отлетев немного, опять сел на ветку кустарниковой лозы. Он повернул свою несуразную голову с большим конусообразным клювом и, казалось, прислушивался к шуму наших шагов. Испуганная птичка вспорхнула и улетела совсем.

Гобули принялся мне объяснять, что зимородка тоже трогать нельзя, потому что он является посланцем Пудза адзани. Он летает, слушает, что говорят люди, и обо всем доно-

сит «хозяину муравьев», а этот последний все сообщает «хозяину огня». Пудза мамаса наказывает виновного сильными ожогами.

На отмели около устья реки Сора действительно была одна юрта. Обитатели ее два дня тому назад ушли вниз по реке Хору навстречу кете, которая по времени должна была уже дойти до Сурпая. Осматривая покинутое жилище, Гобули установил, что удэхейцы в день отъезда убили одного молодого сохатого и мясо его увезли с собой.

Делать нам здесь было больше нечего, и мы пошли обратно на бивак. Когда мы поравнялись с муравейником, Гобули остановился и, указывая на него, сказал:

— Пудза адзани ушел.

Я взглянул на муравьиную кучу и увидел, что сбоку она была наполовину разрыта. Медвежьих и других следов поблизости заметно не было.

Вечером после ужина Гобули рассказал орочам о том, как я прогнал из муравейника Пудза адзани. Оказывается, что и у них есть такое же поверье, отличающееся от удэхейского только некоторыми деталями. Хозяина муравьев они называют Икта адзани и считают его распространителем накожных болезней, в особенности лишаев.

Глава

11

Через горы, леса и болота

Следующие дни были опять ненастные. Двое суток просидели мы на берегу Хора в односкатной палатке, согреваясь лучистой теплотой большого костра, который надо было поддерживать и ночью.

Была уже осень. Лист с деревьев осыпался на землю, и по утрам появлялись заморозки, а путь был еще длинный. Мы имели только летние одежды и не рассчитывали на холода. Кроме того, надо было туземцев доставить на пароходах в Советскую Гавань, пока не закрылась навигация. Это обстоятельство заставило меня торопиться. Поэтому 5 сентября, невзирая на дождь, мы сняли свои палатки и стали подниматься на Хорский хребет.

С восточной стороны подъем на него был очень длинный и пологий. Сначала мы придерживались русла какого-то безымянного ручья, потом взбирались по косогору, пересекли несколько распадков, заваленных камнями, под которыми с шумом бежала вода, и седьмого числа достигли гребня водораздела. Здесь Миону взобрался на дерево, чтобы ориентироваться.

На другой день мы достигли главной вершины водораздела, покрытой старым редкостным лесом в возрасте от 200 до 300 лет и состоящим из монгольского дуба, корейского кедра, каменной березы, мелколистного клена и амурской липы. Большинство деревьев имело толстые приземистые стволы с громадными болезненными наростами.

В этих лесах водится много зверей. Местами земля была сплошь изрыта дикими свиньями; урожай желудей и кедровых орехов привлек их сюда целыми табунами.

Глубокие сумерки застали нас в пути. К счастью, Гобули нашел большой дуплистый пень, наполненный водой. Правда, она имела смолистый привкус, но все же это была настоящая дождевая вода, годная для питья.

На следующий день мы начали спуск в долину какой-то речки. Она начинается очень живописным ущельем, кото-

рое спускается вниз крутыми уступами, заросшими смешанным широколиственным лесом с богатым и разнообразным подлесьем, состоящим из колючих аралий, актинидий, лимонника и винограда.

От главной вершины Хорского хребта к северо-западу отходит длинный отрог, в свою очередь служащий водоразделом между реками Мэка и Нефикцей. Гребень его увенчан большими скалами, которые местное туземное население считает недосягаемыми и населяет их злыми духами. Как появились они? Только черт мог выдвинуть их из земли! Это Амба чжугдыни (чертово жилище). Другие люди называют их Какзаму чжугдыни (жилище горного духа Какзаму) или Куты мафа чжугдыни (тигровое жилище). Где бы эти страшные звери ни ходили, они всегда возвращаются к скалам. Здесь в расщелинах они имеют свои логовища, где и выводят тигрят. Туземцы рассказывают, что только один раз зимой какой-то гольд-охотник достиг скал. Когда зимой он подходил к ним, то увидел сидящего на камне черного человека. Гольд окликнул его. Человек вскочил, побежал и тут же скрылся в расщелинах камней. Кому же это быть, как не черту?! В лунные ночи там носятся дьявольские тени, слышны стенания, хохот и вой. Всякого, кто посетит скалы Мэка, ожидает потом какое-нибудь несчастье или болезнь. Все эти рассказы разожгли мое любопытство.

Мы с А. И. Кардаковым решили совершить туда экскурсию и с высоты птичьего полета осмотреть страну, в которую проникли со стороны Хора и Пихцы.

Когда я заявил сопровождающим нас туземцам о своем намерении, они взволновались и четверо из них наотрез отказались идти.

— Отцы наши не ходили туда,— говорили они,— и мы не пойдем. Другие заявили, что не только на скалы, но и близко к ним они не подойдут.

Весь вечер удэхейцы рассказывали друг другу разные страхи. Скалы вселяли в них какой-то ужас. Все же мне удалось двух человек — Хутунка и Геонка — убедить, что в камнях ничего страшного нет. Но и эти люди неоднократно задавали вопросы, не боюсь ли я сам, не будет ли потом всем нам худо, и по выражению глаз старались угадать о моих душевных настроениях.

На другой день мы отправились в путь. В одном туземцы оказались правы: добраться до скал оказалось действительно очень трудно. С южной стороны горный хребет Мэка был покрыт большими осыпями, состоящими из громадных глыб, заваленных буреломом, опутанных виноградниками и лианами. Колючие аралии и элеутерококкус изорвали нашу

одежду. Мы изранили руки и в колени набрали множество заноз. Каменные ловушки, закрытые растительностью, и колодник, наваленный в беспорядке, создавали препятствия чуть ли не на каждом шагу. Это понизило настроение моих спутников-туземцев.

— Верно, что к скалам нельзя подойти,— высказывали они вслух свои мысли,— должно быть, там, наверху, в самом деле обитают злые духи, в таком недоступном месте, куда простым людям невозможно проникнуть.

Несколько раз Геонка порывался стрелять в воздух, чтобы угнать от скал «черного человека». Немало трудов стоило успокоить его и убедить, чтобы он не тратил зря патронов. Я стал подшучивать над чертом и иронизировать по его адресу. Тогда Хутунка серьезно просил меня так не выражаться.

— Ходи, ходи,— говорил он,— как будет, так и ладно, а ругаться не надо.— Пришлось уступить.

Часам к четырем пополудни мы подошли к скалам. Величественное зрелище представилось нашим глазам. Семь гранитных штоков высилось кверху. Они действительно имели причудливые формы: один из них был похож на горбатого человека, опирающегося рукой на голову какого-то фантастического животного; другой — на старуху, одетую в длинную мантию; третий — на гигантскую жабу; четвертый — на нож, воткнутый черенком в землю, и т. д. Когда мы приблизились к ним, какой-то большой зверь бросился в сторону, а затем мы увидели медведя, который тоже пустился от нас наутек.

Все грани и углы скал сглажены деятельностью сильных северо-западных ветров. Эти скалы представляют собой классический образчик эоловой эрозии, когда ветры в течение долгого времени могут обтачивать выдающиеся части камней сами по себе, без участия песка. Быть может, шлифовальным материалом служили обледенелые снежинки.

Высокие громады, молчаливо поднимающиеся кверху, хаотически нагроможденные глыбы у подножия их, заваленные буреломом, и лес, полный таинственной тишины, создавали картину мрачную и дикую. Когда над скалой проходило облако, то казалось, будто оно стоит на месте, а скала двигается, наклоняется и вот-вот со страшным грохотом опрокинется на землю.

Какое-то особое напряжение чувствовалось в этих камнях, принявших столь странные очертания. С момента появления скал Мэка на дневной поверхности прошло много веков, но всесокрушающая рука времени не коснулась их. Они и по-

ныне стоят незыблемо, как бы выполняя какую-то странную миссию, неведомую простым смертным.

Я поймал себя на том, что на меня скалы эти произвели неприятное впечатление. Не хотел бы я быть здесь в одиночестве. Еще более одиноким я почувствовал бы себя вдали от людей в сообществе с этими молчаливыми каменными громадами. Тогда я вспомнил слова туземцев: «Наша близко туда ходи нету».

Солнце быстро склонялось к западу. Лучи его озаряли только вершины гор, а по долинам уже ползли сумеречные тени. Они распространялись вширь и захватывали все большие и большие участки земной поверхности.

До ночи было еще далеко, но в самом освещении и по тому, как вели себя пернатые, уже чувствовалось угасание дня. Мы обошли самую большую скалу кругом и тут увидели множество расщелин в камнях, служивших логовищами для тигров. Некоторые из них имели вид глубоких колодцев. Там и сям валялись перегрызенные кости и клочки шерсти съеденных ими животных.

Надо было торопиться и вовремя добраться до бивака.

Мы начали спуск в долину.

Однако сумерки захватили нас раньше, чем мы рассчитывали. Выйдя на речку, Хутунка дал два выстрела.

Спустя некоторое время нам ответили тоже выстрелами.

На небе еще догорали отблески вечерней зари, а на земле внизу ночная тьма быстро заполняла лес. Чем больше сгущается мрак, тем больше напрягаешь слух и тогда улавливаешь такие звуки, которых днем обыкновенно не замечаешь: слышится подавленный вздох, сдержанный шепот и шорохи бесчисленных растений.

За день мы сильно устали и теперь едва волочили ноги.

Лесу, казалось, не будет конца. Я хотел было сесть на валежник, чтобы отдохнуть, но в это время увидел свет от костра. Через несколько минут мы были в палатке, пили горячий чай и делились впечатлениями.

После осмотра местности с высоты Чертовых скал и на основании целого ряда примет мы убедились, что находимся в истоках реки Нефикцы. На второй день пути наш отряд достиг рассошины, где две речки сливались вместе. Здесь мы нашли очень много рыбы. В какие-нибудь двадцать минут орочи поймали двух больших тайменей и штук пятнадцать крупных ленков.

Во время этого перехода Гобули натер себе спину котомкой. На месте загрязненной ссадины образовался большой нарыв. Пришлось больного освободить от ноши и котомку его разобрать всем помаленьку. Это было неприятно, но что

же делать. Я предложил Гобули поставить на ночь согревающий компресс, но он отказался и просил Миону лечить его шаманством. Они говорили, что причиной заболевания Гобули был я, позволивший трогать муравейник.

На мой вопрос, почему же в таком случае я здоров, Миону отвечал:

— Удэхейцы постоянно живут в тайге и всего боятся, а «лоца» (русские) живут в городе и в тайгу приходят редко и ненадолго. Кроме того, у русских нет шаманства и севоны их не касаются.

По моим наблюдениям 1908, 1909, 1926 и 1927 годов и по наблюдениям проф. В. М. Савича громадные девственные леса, которые начинаются от Анюя и тянутся к юго-западу через верховья рек Пихцы, Мухеня и Немпту, занимают площадь по крайней мере в миллион гектаров. По долинам преобладают смешанные леса, состоящие из широколиственных пород, а по склонам гор произрастают могучие хвойные леса, в которых 50—70% выпадает на долю кедра.

Величественно декоративный вид имела здешняя тайга. Утренние заморозки разукрасили ее во все цвета радуги. Обыкновенная какалия сделалась темно-фиолетовой, растущая с нею в сообществе лещина маньчжурская сменила свой зеленый наряд на буро-коричневый. Наиболее ярко окрашенными оказались клен и виноград. У них можно было видеть все переходы от малинового цвета к багряному и нежно-пурпуровому. По берегам реки в изобилии рос боярышник даурский. Я узнал его по обилию крупных и полупрозрачных оранжево-красных плодов, за которыми иногда совсем не было видно листвы. Раньше других стала вянуть амурская липа. Сначала пожелтели отдельные ветви ее — наиболее слабые и чем-нибудь пораженные, а потом и вся крона. Японская береза никла тонкими длинными ветвями и осыпала на землю золотисто-желтую листву свою. Только один дуб сопротивлялся осенним холодам и ни за что не хотел сбрасывать свой летний наряд.

Здешнее подлесье состоит из самых разнообразных кустарников; оно настолько густо, что скрывает человека с головой.

Истоки Пихцы, Мухеня и Немпту ныне представляют собой самое зверовое место в крае. На песке и на сырой илистой почве около реки — всюду виднелись следы кабанов и тигров. Во многих местах земля была положительно истоптана изюбрами. Каждый день мы натыкались на медведей. Они выдавали себя ворчанием и убегали по чаще, поднимая сильный шум.

В верховья Мухеня мы попали как раз во время изюбрового рева. Ночи были ясные, холодные. Луна с небесной высоты мягким сиянием озаряла «великий лес». Олени слонялись по тайге и будили нас своими криками.

Иногда к биваку приближались и другие звери. Орочи отгоняли их стрельбой из ружей и разбрасывали по кустам головешки.

11 сентября мы дошли до впадения реки Кава в Нефикцу. Отсюда уже было возможно плавание на лодках. За неимением тополя (дерева этого совсем нет на северо-западных склонах Хорского хребта) орочи стали долбить две улимагды из кедра. Такие лодки не выдерживают длинного пути и растрескиваются; но нам нужно было только доехать до реки Немпту.

Каждый раз после полудня мы с А. И. Кардаковым ходили на экскурсию в разных направлениях. Эти прогулки давали столь обильный материал для наблюдения, что его не всегда удавалось записать в дневники как следует.

Один раз незадолго до сумерек я взял ружье и пошел по старой зверовой тропе. Отойдя с километр от бивака, я остановился у большого ясеня, росшего на самом берегу. С левой стороны в Нефикцу впадал какой-то ручей. Здесь край долины обрывался высоким утесом, похожим на человеческую голову с прищуренным глазом, горбатым носом и косматой шапкой волос.

Кругом было жутко, тихо. Словно опасаясь чего-то, все живое притаилось и было настороже.

Каменная голова тоже как будто приоткрыла рот и вслушивалась в мертвящую тишину леса. Вдруг сильный шум в стороне заставил меня вздрогнуть и поднять ружье. Молодой изюбр, как вихрь, пронесся мимо. Я видел только голову его с ушами, но без рогов и белое пятно на заднем конце тела. Кто-то проворно стал взбираться на сопку. Через колодину, лежащую поперек реки, с фырканьем пробежал колонок. Вверху всполошились пернатые и подняли тревожную перекличку. Через минуту шум на сопке затих, но птицы долго не могли успокоиться. Очевидно, какой-то зверь, может быть тигр, напал на изюбра. Последнему удалось бежать. Он поднял большой шум в лесу и тем напугал других животных. С виду пустынная тайга полна жизни. Каждый день, каждый час здесь разыгрываются кровавые трагедии. Сжимая ружье в руках, с затаенным дыханием я сделал несколько шагов и прислушался. Лес снова погрузился в глубокое безмолвие.

Солнце снизилось к горизонту и как бы село на зубчатые вершины елей и пихт. От деревьев по земле потянулись

длинные тени. Тогда я забросил винтовку на плечо и быстро пошел по тропе, чтобы добраться до бивака засветло.

14 сентября обе лодки были готовы. После полудня мы тронулись в путь.

Река Нефикца оказалась тоже заваленной колодником, который очень мешал нашему плаванию. Приходилось часто останавливаться и разбирать его, стоя по колено и по пояс в воде.

Время было позднее, а вода холодная, в особенности по утрам. Заломы встречались чуть ли не на каждом шагу. Люди сильно зябли и отогревались у костров. Орочи работали топорами; естественно, они поднимали большой шум и отгоняли зверей от реки. Тем не менее мы все же имели свежее оленье мясо, которым и питались все время, пока шли по реке Нефикце.

17 сентября мы вышли на Мухень и около устья реки Алчи нашли еще одну базу. Весьма ненастная погода опять задержала нас на одном месте. Четыре дня лил холодный дождь. Мы устроились на галечниковой отмели в палатках и все время сидели у огня. В это время года промокнуть опаснее, чем озябнуть зимой: сразу можно получить плеврит или воспаление легких. Я очень беспокоился за туземцев, моих верных спутников. Они ловили под дождем рыбу, ходили на охоту, рубили дрова. Несомненно, у них была привычка к холоду с раннего детства. Меня удивляли их выносливость и равнодушие к ненастью.

Наконец 21 сентября дождь перестал. Тучи на небе, лежавшие до сих пор неподвижной темно-серой пеленой, пришли в движение. Кое-где показались просветы. Сквозь них проглянуло синее небо и прорвался первый солнечный луч. Словно прожектором, он осветил еще мокрую от дождей землю и разнообразно-пеструю листву деревьев.

Тотчас мы уложили в лодки весь свой багаж и поплыли вниз по Мухеню. После принятия в себя реки Нефикцы он выходит на равнину и делается очень извилистым.

Характер растительности тоже очень изменился. Широколиственные леса со значительной примесью хвои остались позади. Теперь по берегам Мухеня кроме дуба, липы, березы и осины произрастала в большом количестве сибирская яблоня с таким обилием мелких плодов, что ветви под тяжестью их гнулись книзу и казались окрашенными в кроваво-красный цвет. Еще больше было черемухи обыкновенной. Ее издали можно узнать по поломанным и пригнутым к земле медведями веткам. Большей частью она уже осыпала свои плоды, потерявшие аромат и вкус. Здесь также в изобилии росла калина, украшенная гроздьями красной ягоды. Неза-

тененные южные склоны гор были покрыты леспедецей двуцветной. Этот кустарник является любимым кормом изюбров. Мелкие листочки его обладают способностью задерживать на себе крупные капли росы. Достаточно утром походить среди леспедецы несколько минут, чтобы вымокнуть, как будто пришлось перейти вброд глубокую речку.

Надо было торопиться, чтобы наверстать потерянное из-за дождей время. Поэтому мы решили плыть весь день и всю ночь.

Уже по тому, как окрасилось небо, когда солнце скрылось за лесом, и по общему состоянию атмосферы видно было, что ночь будет морозная. Часов в шесть вечера мы переобу-

лись и надели на себя все, что только было можно: одеяла, комарники и порожние мешки. Странный вид мы имели теперь, завернутые в грязные полотнища палаток и обмотанные веревками, чтобы они не сползали с плеч.

Когда на западе багровая заря погасла совсем, казалось, будто на землю спустилось холодное дыхание смерти, которое должно было погубить последние остатки цветковой растительности. Прибрежные деревья, склонившиеся сводом над рекой, образовали как бы туннель, наполненный черной и неподвижной, как смола, водой.

Одна лодка отстала немного, а мы пошли вперед с намерением поохотиться на изюбров, которые должны были еще отзываться на зов берестяного рожка. Мы плыли по течению и не разговаривали между собой. Темные силуэты деревьев, черная вода и такие же черные берега — все утонуло во мраке ночи, и нельзя было разобрать, двигается лодка или стоит на месте. От холода я вздрагивал и, очнувшись, видел отражение звездного неба в воде. Один раз мы спугнули медведя. Он рявкнул и бросился в чащу. Я дремал, зяб, просыпался, старался поплотнее закутаться в палатку, опять дремал и никак не мог согреться. Перед рассветом мы пристали к песчаной косе, развели большой огонь, около которого погрелись немного и напились горячей воды.

Взошедшее солнце осветило растительность, побитую морозом. Камни, куски дерева и прибрежный песок забелели от инея. Палатки коробились, как кожухи. Мы просушили их на огне, пошли дальше и в восемь часов утра прибыли на реку Немпту.

Следующий день выпал ясный и светлый. Хотя солнце попрежнему посылало лучи свои на землю, но они уже не давали тепла.

27 сентября наш маленький отряд поднимался по реке Немпту до правого притока ее Бяксора. Здесь мы расстались с лодками совсем. Теперь нам предстоял еще один, послед-

ний маршрут по болотам до высот, которые чуть-чуть виднелись на горизонте. Там был Хабаровск.

Релка, давшая нам приют, была покрыта дубняком в возрасте от 50 до 100 лет. Около речки я ухватился за какой-то куст и больно уколол руку. Длинные острые шипы и сережки красных кислых ягод убедили меня в том, что я имею дело с барбарисом амурским.

В другом кустарнике, тоже лишенном листвы, я узнал шиповник. Мелкие красные шаровидные плоды его уже стали подсыхать. Последняя запись в моем дневнике относится к спирее иволистной, образующей заросли по берегу реки. Вместо красивых розовых цветов на стеблях ее торчали темные помпоны.

Вегетационный период кончился — кустарниковая растительность, лишенная листвы, принимала вид спутанных голых прутьев, в которых трудно разобраться неспециалисту. Зеленые вейниковые луга приняли буро-желтую окраску и по-прежнему волновались, точно грязная взбаламученная вода. Еще несколько дней — и их станет заваливать снегом.

Река Немпту протекает среди обширных болот и имеет такое же извилистое течение, как Пихца и Мухень. Русло ее все время сопровождается рядом стариц, слепых рукавов, маленьких озерков и глухих проток, незаметно переходящих в болота. Низина, по которой протекает река, еще долго не осохнет: уровень ее медленно подымается и медленно нарастают слои гумуса. Медленно растительность отвоевывает участки суши у воды. Вода отступает, но не без сопротивления. Она задерживается во время засухи и вновь появляется в ненастное время года. Кое-где над низиной подымаются невысокие релки, поросшие тонкоствольной осиной. Они едва возвышаются над общим уровнем воды в реке, и, если бы не древесная растительность, их можно было бы совсем не заметить и пройти мимо. Посередине релки при выкапывании ямки появляется вода уже на глубине двадцати сантиметров.

После столь длительного путешествия силы наши были подорваны, и потому переход через зыбучие болота всем показался очень утомительным. И в самом деле, котомки делались с каждым днем легче, а нести их становилось все труднее и труднее. Лямки сильно нарезали плечи. Всякая мелочь, положенная в котомку, вроде шкурки бурундука, весившая несколько граммов, давала себя чувствовать.

Иногда мы пользовались тропами, протоптанными сохатыми. Эти крупные животные, несмотря на свой большой вес и как бы кажущуюся неприспособленность ходить по

болотам, любят такие места. Они как-то чутьем угадывают, где можно пройти, чтобы не провалиться в «окна».

Там и сям виднелись большие лужи стоячей воды вроде озерков, с которых с криками снимались большие стаи гусей. Этих осторожных птиц здесь было великое множество. Перелет был в полном разгаре. Над болотами носились бесчисленные табуны уток. На фоне бледного неба их хорошо видно; но когда они все разом снижались к земле, то мгновенно пропадали из глаз, и неизвестно было, садились ли они снова на воду или летели дальше. Такого количества водяной птицы мне давно не приходилось видеть.

Болота по-своему тоже красивы и богато населены, но мы так устали, что нам было теперь не до наблюдений.

Мы выбивались из сил, потому что отдыхать можно было не тогда, когда этого требовал организм, а когда попадались релки, где можно было снять котомки и лечь на землю.

27 сентября мы подошли наконец к сопкам, отделяющим озеро Петропавловское от бассейна реки Немпту. Вдоль этой возвышенности проходит телеграфная просека и по ней тропа к селению Анастасьевке.

Первый русский человек, которого мы встретили здесь, был производитель работ Дальневосточного переселенческого управления В. И. Двиганцев. Он издали заметил каких-то подозрительных людей, пробиравшихся по лесу с котомками за плечами, и решил, что имеет дело с контрабандистами. Скоро все разъяснилось, и мы крепко пожали друг другу руки.

Весь путь от Советской Гавани мы совершили целиком по лесу, имея под ногами мягкую перегнойную почву, мох или листву. Это сказалось тотчас, как только мы вышли на дорогу с жестким каменистым грунтом. Мои спутники сразу сбили ноги и потому, не доходя трех километров до селения Анастасьевки, еще засветло должны были встать биваком. На другой день мы с трудом дотащились до деревни, где нашли приют и отдых у В. И. Двиганцева. 30 сентября мы прошли селение Волконское и 1 октября вступили в Хабаровск.

Весь маршрут от Советской Гавани до реки Амура длиной в 1873 километра был пройден в 106 суток. Он распределился так: пешком с котомками сделано 863 километра, а на лодках — 1010 километров. Экспедиция пересекла 5 водоразделов.

Путь наш был окончен!

Путешественник, ученый, писатель

В 1972 году исполняется сто лет со дня рождения Владимира Клавдиевича Арсеньева. Имя этого выдающегося путешественника, исследователя природы, населения и производительных сил советского Дальнего Востока широко известно.

Особую популярность В. К. Арсеньеву создали его книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Впервые изданные во Владивостоке, они сразу обратили на себя большое внимание не только на Дальнем Востоке, но и далеко за его пределами. Писатель М. М. Пришвин, прочитав эти книги, послал их в Сорренто Горькому. Алексей Максимович ответил письмом В. К. Арсеньеву. В нем говорилось: «Книгу Вашу я читал с великим наслаждением, не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера,— это, поверьте, неплохая похвала. Гольд описан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более художественен.

Искренне поздравляю Вас... подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну...»

С той поры книги В. К. Арсеньева неоднократно переиздавались на русском языке, переводились на языки народов СССР, публиковались за рубежом.

Родился В. К. Арсеньев 10 сентября (29 августа старого стиля) 1872 года в Петербурге, в семье железнодорожного служащего. С ранних лет пристрастился к чтению. Вначале его любимыми книгами были приключенческие — Жюля Верна, Луи Жаколио, Густава Эмара, Майн-Рида. Затем его внимание привлекли научные, природоведческие книги. Он с увлечением прочел Элизе Реклю, описание путешествия Ч. Дарвина на корабле «Бигль», описание путешествий Пржевальского, Потанина, Роборовского, Певцова. Призван-

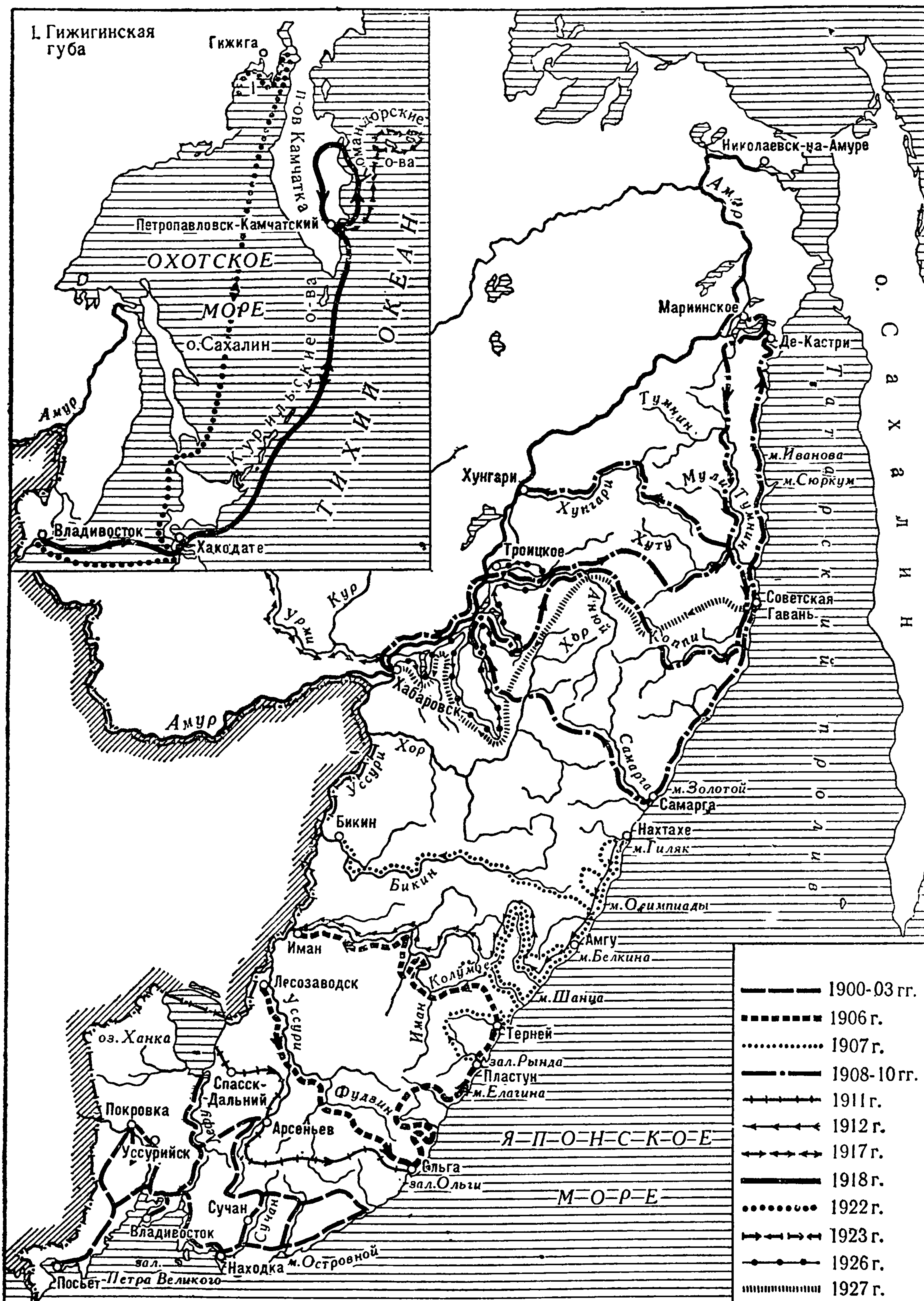
ный в 1892 году на военную службу, В. К. Арсеньев был направлен в Петербургское пехотное юнкерское училище. Одним из учителей там был известный исследователь Средней Азии географ М. Е. Грумм-Гржимайло. Он обратил внимание на способного юношу, на круг его интересов и стал давать ему для чтения книги по географии Сибири, Алтая, Памира, Туркестана. Больше всего привлекали В. К. Арсеньева книги по Восточной Сибири, и уже тогда у него зародилось желание посвятить себя изучению этого далекого края.

По окончании училища, в 1896 году, В. К. Арсеньева посылают отбывать военную службу в Польшу. Но вскоре ему удалось добиться перевода на Дальний Восток. Много лет спустя Арсеньев писал: «С юных лет я заинтересовался Уссурийским краем и тогда уже перечитал всю имевшуюся об этой стране литературу. Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний восток, сердце мое замирало от радости в груди». В конце 1899 года В. К. Арсеньев прибыл на Дальний Восток и остальные тридцать лет своей жизни посвятил изучению далекой окраины нашей Родины.

В 1900 году В. К. Арсеньев совершил первые экскурсии-походы. Начав с окрестностей Владивостока, он постепенно удлинял маршруты, охватив ими все районы полуострова Муравьева-Амурского. Результаты первых экскурсий были оценены, и Арсеньев назначается начальником военно-охотничьих команд. Это позволило ему приступить к планомерному изучению Приморья, сведения о котором в ту пору были крайне скудными, отрывочными. В 1902—1903 годах он предпринял многочисленные походы по отдельным районам Южного Приморья, занимаясь географическими исследованиями и проводя маршрутную съемку. Попутно он вел этнографические наблюдения, собирал сведения о растительном и животном мире. Некоторые маршруты проходили по местам, где до него никто, кроме местных охотников и искателей женьшеня, не бывал.

В 1902 году во время одного из походов произошла встреча В. К. Арсеньева с гольдом (нанайцем) Дерсу Узала, ставшим впоследствии спутником Арсеньева в его экспедициях. Замечательный охотник-следопыт Дерсу Узала раскрывал Арсеньеву тайны Уссурийской тайги, знакомил с повадками животных, бытом, обычаями и верованиями коренных жителей края и, наконец, не один раз спасал его от смертельной опасности.

Так это случилось во время разыгравшейся снежной пурги на озере Ханка, в момент внезапного лесного пожара в долине реки Санхобе, во время катастрофы при переправе

339

Маршруты экспедиций
В. К. Арсеньева

через реку Такема, в тягостный переход через Кулумбе и в многих других случаях.

Все это красочно описано В. К. Арсеньевым в его книгах; и тогда перед читателем встают картины не одной только чарующей девственной природы, какой была, есть и остается ныне Уссурийская тайга, но и трудностей, с которыми неизбежно сталкивается любой путешественник в исследовательских маршрутах.

Материалы, собранные в этих походах, легли в основу многочисленных выступлений В. К. Арсеньева в Обществе изучения Амурского края (ныне Приморский филиал Географического общества СССР). И тогда у руководства общества

возникла идея о необходимости всестороннего обследования всего Приморья. Выполнение этой задачи было возложено на молодого и энергичного исследователя В. К. Арсеньева.

В 1906 году В. К. Арсеньев организовал первую большую экспедицию в горную область Сихотэ-Алинь. Экспедиция обследовала так называемый Зауссурийский край от водораздела рек, впадающих в Уссури и Иман, и до побережья Японского моря. Экспедиция продолжалась 190 дней и при этом девять раз пересекала хребет Сихотэ-Алинь.

В следующем, 1907 году В. К. Арсеньев продолжал исследование Сихотэ-Алиня. На сей раз, начав работы с побережья Японского моря, он четырежды пересек главный хребет, осмотрел и описал встреченные перевалы, реки, стекавшие с западных склонов Сихотэ-Алиня в бассейн Имана и Бикина и с восточного склона в Японское море. Эта экспедиция длилась 210 дней, захватив холодный зимний период.

В 1908 году В. К. Арсеньев по поручению Русского Географического общества начинает свою третью крупную экспедицию, теперь в Северное Приморье. Обследованию подверглись обширные районы бассейнов рек Самарги, Хора, Тумнина, Анюя и других, а также побережье Татарского пролива. Продолжалась эта экспедиция девятнадцать месяцев и завершилась глубокой зимой 1910 года. Хребет Сихотэ-Алинь на этот раз был пересечен семь раз.

По возвращении из экспедиции В. К. Арсеньев энергично обрабатывает собранные материалы и в 1912 году публикует фундаментальный труд, назвав его «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 гг.».

В 1911 году В. К. Арсеньев снова совершает короткие поездки по Южному Приморью, добирая недостающие ему сведения. В этих поездках он уделял главное внимание этно-

графии коренных жителей края — орочей, удэхейцев, нанайцев; кроме того, он собрал интересные материалы по географии памятников старины, относящихся к VII—VIII векам нашей эры (развалины древних городищ и укреплений, пограничные валы, старинные дороги, плотины и т. п.). Описания, зарисовки, снимки, измерения отдельных памятников, число которых достигало 228, явились предметом обстоятельного доклада, сделанного в 1922 году в Уссурийске на первом съезде по изучению Уссурийского края.

Осенью 1912 года опять небольшая экспедиция. На этот раз Арсеньев на пароходе из Владивостока поехал на север. Затем берегом моря до реки Такемы и уже поздней осенью перевалил Сихотэ-Алинь, вышел на р. Арму, по ней спустил-
ся до Имана и по нему вышел к железной дороге.

И все же нелегок был жизненный и творческий путь В. К. Арсеньева в дореволюционное время. Отдавая много сил, знаний и энергии Дальнему Востоку, Владимир Клавдиевич столкнулся с недоброжелательным к себе отношением со стороны тогдашнего генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, а также некоторых других влиятельных лиц, чинивших всяческие помехи многим его начинаниям. Но как бы там ни было, В. К. Арсеньев упорно продолжал работу, отлично сознавая свою правоту и необходимость познания природы края и его богатств.

С первых же дней Советской власти Владимир Клавдиевич принимает активное участие в деятельности научных и учебных заведений Дальнего Востока. С 1917 по 1927 год он директор краеведческих музеев Хабаровска и Владивостока, комиссар по делам малых народностей Дальнего Востока, профессор кафедры краеведения и этнографии пединститута, читает лекции в Дальневосточном госуниверситете, работает в Дальневосточном краевом переселенческом управлении, Крайплане, Дальморзвертресте и других производственных организациях.

Не оставляет В. К. Арсеньев и экспедиционную деятельность. В 1917 году — поездка зимой в северо-западную часть Хабаровского края. В 1918 году по поручению Приморского переселенческого управления он посещает Камчатку, где проводит обследование долины реки Камчатки. Путешествие по Камчатке позволило Арсеньеву собрать много материалов по географии полуострова, по вулканической деятельности, по остаткам вымерших животных (носорога и мамонта), по древним обитателям Камчатки. По пути на Камчатку Арсеньев посетил Японию (порт Хакодате), где знакомится с палеонтологическими коллекциями с южной оконечности

острова Хоккайдо. В 1922 году Арсеньев снова направляется на север к побережью Охотского моря для экономико-статистического и промыслового обследования Гижигинского района. В 1923 году поездка на Командорские острова и опять на Камчатку, с восхождением на Авачинский вулкан. В 1926 году он возглавил комплексную экспедицию по Хабаровскому краю. В том же году принимал активное участие в организации и проведении в Хабаровске первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока. А в 1927 году новая крупная экспедиция по маршруту Советская Гавань — Хабаровск, в задачи которой входило изучение перспектив промыслового и земледельческого
 освоения края.

И наконец, в 1930 году, будучи начальником Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей, возглавляет четыре крупные экспедиции по краю. В тайге Арсеньев заболел крупозным воспалением легких, в тяжелом состоянии был доставлен во Владивосток, где 4 сентября 1930 года скончался.

Знакомство с результатами экспедиций В. К. Арсеньева, с научной, педагогической, литературной и общественной деятельностью заставляет признать его исключительные заслуги в изучении естественноисторических условий Дальнего Востока. При этом интересы В. К. Арсеньева были очень разнообразны и не замыкались рамками какой-либо одной научной дисциплины. Перу В. К. Арсеньева принадлежат 62 работы, среди которых и оригинальные научные труды, и научно-популярные очерки, и научно-художественные произведения.

К началу XX века сведения о Дальнем Востоке, особенно о Приморье, не выходили за круг отрывочных, порой спорных и даже гипотетических. С времен землепроходцев (XVII век) и до середины XIX века немногие путешественники побывали там. Толчок к изучению Приамурья и Приморья дала экспедиция Г. И. Невельского (1849 года). Во второй половине XIX века в южных частях Дальнего Востока работали Л. И. Шренк, М. И. Венюков, К. И. Максимович, Р. К. Маак, А. Ф. Будищев, В. Л. Комаров, Я. С. Эдельштейн и другие ученые. Собранные ими материалы, частично обработанные, легли в основу статей, опубликованных в научных изданиях и известных только узкому кругу специалистов. Наиболее полные описания природы отдельных участков юга Приморья —сказочно богатого и вместе с тем полного загадок края— были сделаны Н. М. Пржевальским. А горная область Сихотэ-Алинь оставалась, по образному выражению Арсеньева, «лесной пустыней», где почти никто

не бывал. Имелись лишь редкие поселения орочей, удэхейцев и других аборигенов тайги.

В. К. Арсеньев, попав в далекое Приморье, будучи знакомым с ним лишь понаслышке и по скудным литературным данным, столкнулся с девственной, нетронутой тайгой и вскоре стал неутомимым ее исследователем. Он первый дал подробное описание рельефа горной области Сихотэ-Алиня, его хребтов, его вершин, им было установлено 22 перевала, часть из них получили от него свои названия, по некоторым из них впоследствии пролегли шоссейные и железнодорожные пути. В. К. Арсеньев подробно исследовал речную сеть Сихотэ-Алиня, указав для многих рек и их притоков протяженность, ширину, глубину, скорость течения, гидрологический режим.

Изучая местные реки, Арсеньев подметил много их своеобразных черт: быстрые подъемы воды, частые наводнения, образование после паводков новых русел, завалов и т. п.

Подробную физико-географическую и топографическую характеристику получила прибрежная полоса Японского моря и Татарского пролива; им было детально описано 14 бухт. Давая общегеографическую характеристику побережья, Арсеньев неизменно отмечал те участки берега, где встречаются почти непроходимые зыбучие пески или другие препятствия, представляющие опасность для людей.

Анализ данных собственных многолетних метеорологических наблюдений позволил неутомимому исследователю провести климатическое районирование Приморья; при этом для каждого выделенного им климатического района он дал помимо характеристики климата еще и практические рекомендации и указания: по возделыванию сельскохозяйственных растений, для охотников и рыболовов и т. п.

В. К. Арсеньеву принадлежит описание известных ныне в Приморье минеральных источников. Впоследствии многие из них стали эксплуатироваться для лечебных целей. Арсеньев в своих экспедициях собирал также материалы и по геологии края. Образцы горных пород направлялись им для изучения и обработки в геологические учреждения Ленинграда. А краткие характеристики строения поверхности районов, посещенных Арсеньевым, не потеряли краеведческого значения и до настоящего времени.

Не являясь специалистом-ботаником и зоологом, В. К. Арсеньев в то же время тонко разбирался в географическом распространении отдельных растений и животных, а также важнейших типов лесов. Так, им были впервые показаны особенности произрастания и северные пределы распространения тиса, ольхи, липы, дикого амурского виногра-

да, маньчжурского ореха и других представителей растительного мира. Отметил он также границы распространения красного волка, лося, горала, тигра и некоторых других животных. Установленная им полоса, разделяющая органический мир Сихотэ-Алиня на две части — южную (до мыса Олимпиады) с маньчжурской флорой и северную (до Николаевска-на-Амуре) с охотской флорой, прочно вошла в биогеографическую литературу под названием «линии Арсеньева». Отметим тут же, что вслед за известными тогда ботанико-географическими работами В. Л. Комарова В. К. Арсеньев убедительно показал, что границы многих представителей флоры, фауны и типов растительного покрова не строго широтные, а, согласуясь с почвенно-климатическими, орографическими и геологическими особенностями (что так рельефно выражено на хребте Сихотэ-Алинь), принимают несколько более выраженный меридиональный характер.

Много лет спустя геоботаники, почвоведы, особенно лесоводы, на основании своих материалов уточнили границы отдельных древесных пород, типов леса, типов почвы и, наконец, физико-географических и ботанико-географических областей.

Большое внимание во всех своих экспедициях уделяет В. К. Арсеньев этнографии. Язык, обычаи, поверья, религиозные верования, семейный и хозяйственный уклады аборигенов Приморья и Приамурья — удэхейцев, орочей, нанайцев, были для Владимира Клавдиевича предметом специального изучения. Не мог пройти Арсеньев и мимо пришлого элемента среди обитателей тайги. Это были главным образом китайцы, покинувшие в поисках легкой наживы свою родную страну. Уместно напомнить, что М. И. Венюков еще в 1857 году, при посещении ряда мест Приморья, отмечал, что китайцев в ту пору здесь не было. Уже в первых походах Арсеньев ясно увидел подлинное лицо этих чуждых краю людей, захватывавших отдельные участки для охотничьего промысла, вытеснявших отсюда коренных жителей, которых они жестоко эксплуатировали и беззастенчиво обманывали.

Хотелось бы отметить, что В. К. Арсеньев во время своих путешествий собрал значительное число этнографических и антропологических экспонатов, переданных им впоследствии в Институт этнографии Академии наук СССР, в художественные музеи Москвы и Ленинграда; много экспонатов хранится в музеях Хабаровска и Владивостока.

В своих этнографических исследованиях В. К. Арсеньев основное внимание уделял орочам и особенно удэхейцам.

Он изучил их язык, записал сказания, предания, легенды, изучил и описал семейный уклад, религиозные отправления, жизненные и хозяйственные устои стойбищ. Им была издана небольшая книга «Лесные люди удэхейцы», он же был консультантом одноименного документального фильма, снятого в 1928 году (некоторые кадры из этого фильма использованы для иллюстрирования этой книги). Не случайно видный этнограф проф. Л. Я. Штернберг отметил, что наибольший вклад в изучение этих народностей внес «известный путешественник по Амурскому краю и исследователь В. Арсеньев».

Любопытно замечание режиссера фильма А. Литвинова о том, что, провожая киноэкспедицию в дорогу, В. К. Арсеньев сказал: «Торопитесь снимать лесных людей удэхейцев сейчас. Скоро удэхейцы изменятся сами, уйдут в прошлое пережитки старины, и мы останемся в долгу перед этнографией». Тогда же с участием В. К. Арсеньева был снят другой небольшой фильм «В дебрях Уссурийского края». В помощь съемочной группе он выделил своего проводника удэхейца Сунцая Геонка.

Заканчивая краткий обзор многогранной деятельности В. К. Арсеньева как ученого и путешественника, нельзя не отметить, что мировую славу ему принесли в первую очередь научно-художественные произведения. Их четыре, по числу крупнейших его экспедиций. Первые две — «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» — вышли во Владивостоке соответственно в 1921 и 1923 годах. В их основу легли события экспедиций 1906 и 1907 годов. В 1925 году В. К. Арсеньев, желая дать советскому читателю максимально доступную, популярную книгу о Приморье, объединил обе книги в одну, опустив при этом часть специального научного материала, и опубликовал ее под общим названием «В дебрях Уссурийского края». Именно это издание и попало в руки А. М. Горького. Экспедиции 1908—1910 годов посвящена книга «В горах Сихотэ-Алиня». А дела и дни экспедиции 1927 года нашли отражение на страницах книги «Сквозь тайгу».

Не только А. М. Горький пришел в восторг от книг Арсеньева. В письмах автору, в опубликованных рецензиях выражали восхищение прочитанным писатель П. П. Гнедич, ботаник В. Л. Комаров, этнограф Л. Я. Штернберг, знаменитый норвежский путешественник Фритьоф Нансен [1] и многие

[1] В 1913 г. Фритьоф Нансен посетил В. К. Арсеньева в Хабаровске. Он ознакомился с коллекциями музея, возглавляемого Арсеньевым; вместе с Арсеньевым Нансен совершил несколько кратковременных поездок по Амуру и Уссурийскому краю.

другие видные писатели и ученые. М. М. Пришвин и А. А. Фадеев не скрывали влияния, какое оказали на их творчество произведения Арсеньева.

Жизни, научной деятельности и творчеству В. К. Арсеньева посвящены многие специальные исследования, статьи, книги [1].

Автору этого послесловия посчастливилось встречаться и работать с В. К. Арсеньевым в 1927—1930 годах.

Хочется познакомить читателя с внешним обликом и некоторыми чертами характера Владимира Клавдиевича, какими они запомнились с того времени.

В. К. Арсеньев был среднего роста, худощавый, но крепкого телосложения. Лицо продолговатое, с резко очерченными чертами, заостренным носом, слегка выдающимся подбородком и с глубоко сидящими голубыми глазами, над которыми возвышался ровный лоб. Светлые волосы были всегда зачесаны вверх, на висках и затылке они чуть поседели. У него была быстрая и легкая походка, резкие движения рук. Носил он всегда шляпу — серую или темно-серую со слегка поднятыми краями. Костюм предпочитал синего цвета. В экспедиционных условиях он любил надевать плотную шляпу с широкими полями, куртку, а вместо сапог — орочские улы (унты) в сочетании с обыкновенными обмотками.

В. К. Арсеньев был человеком предельно собранным, строго дисциплинированным. Решительно не терпел неуважительных опозданий, неоправданных задержек. В то же время в походах был нетороплив, крайне осмотрителен. В тайге, пробираясь через бурелом или заросли, никогда не спешил, с особой осторожностью переходил через горные порожистые речки.

Часа за полтора-два до наступления сумерек В. К. Арсеньев подавал сигнал об остановке, сам участвовал в выборе места для бивака, разбивке палаток, в устройстве шалашей, в заготовке сухих дров. А после ужина, когда все его спутники отдыхали или чинили себе обувь, одежду и отправлялись спать, он усаживался у костра, вытаскивал из поле-

---

[1] Назовем наиболее значительные: *Н. Е. Кабанов.* В. К. Арсеньев — путешественник и натуралист. М., 1947; *Н. М. Рогаль.* В. К. Арсеньев. Хабаровск, 1947; *Н. Е. Кабанов.* Литературный и научный фонды В. К. Арсеньева.— В кн.: «В. К. Арсеньев». Соч., т. VI. Владивосток, 1949; *М. К. Азадовский.* В. К. Арсеньев — путешественник и писатель.— В кн.: «В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге». М., 1957; *В. Г. Карпов.* В. К. Арсеньев. М., 1955; *Н. Е. Кабанов.* Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872—1930).— В кн.: «Отечественные физико-географы и путешественники». М., 1959; *А. И. Васина.* Сын крепостного.— Журнал «Дальний Восток», 1970, № 9.

вой сумки дневник и остро зачиненным карандашом записывал все виденное, услышанное и поправлял на планшетке кроки снятого им за день маршрута.

В обращении с участниками экспедиции, безразлично кто они были, никогда не повышал голоса, не кричал и, замечая какие-либо неполадки, полушутя, полусерьезно привлекал к ним внимание. На биваке он внимательно следил за тем, чтобы люди хорошо отдохнули, плотно поели, запивая еду горячим чаем. И только после этого он разрешал идти дальше по маршруту. В походе он строго требовал соблюдения дисциплины, заставлял менять место в ряду и категорически запрещал на ходу пить холодную воду, как бы этого ни хотелось.

В связи с этим вспоминается случай, происшедший со мной. Однажды, после утреннего завтрака, когда пришлось поесть соленой кеты, я на походе несколько раз пил холодную воду, зачерпывая ее ладонью при переходе речки или ручья. Арсеньев это заметил и строго предупредил, что больше так делать нельзя. Но я по неопытности украдкой еще раз попил холодной воды, а путь все еще продолжался и как на грех в гору. Вскоре, мучимый жаждой, я ослабел настолько, что Владимир Клавдиевич вынужден был остановить весь отряд и, сделав мне внушение, велел снять с меня укрепленную за спиной тяжелую котомку, переложить груз на других спутников, а мне идти налегке. От стыда некуда было деваться, и лишь через часа полтора, когда я взмолился, мне вернули котомку. Это был мне урок на всю жизнь.

Лекции В. К. Арсеньев редко читал стоя на кафедре, обычно он ходил по аудитории с указкой в руке, поясняя или иллюстрируя свои слова принесенными экспонатами.

Рабочий кабинет Арсеньева на его последней квартире во Владивостоке, насколько я помню, представлял собой просторную комнату с двумя окнами. Между ними к стене был придвинут письменный стол. Перед ним стоял вертящийся стул. По обе стороны стола на небольших подставках в белых с синими росписями фарфоровых вазах росли крупные комнатные цветы. Вазы с цветами стояли также на подоконниках. В комнате была еще большая пальма. В левом углу стола находилась невысокая керосиновая лампа с красивой отделкой металлического резервуара и белым полушаровидным колпаком. На столе обычно лежали книги, но немного — только самые нужные для работы. Тут же были бумаги, требовавшие срочного ответа. Шкафы и стеллажи стояли вдоль стен, несколько поодаль, и были заполнены массой книг, среди которых заметно преобладали историко-этнографические и краеведческие.

Теперь улица во Владивостоке, где жил и работал В. К. Арсеньев, носит его имя, а на доме установлена мемориальная доска. Его имя присвоено музеям в Хабаровске и Владивостоке, а также одному из дизель-электроходов. На Камчатке, на северном склоне Авачинской сопки, имеется ледник Арсеньева, а на Курильских островах — вулкан Арсеньева. Его облик запечатлен в скульптурных портретах в памятнике, сооруженном в Хабаровске (автор Л. Бобровников), в большом бюсте В. К. Арсеньева работы скульптора Н. А. Писарева, выставленном в Музее землеведения Московского государственного университета. В честь В. К. Арсеньева в 1956 году выпущена почтовая марка с его портретом. По мотивам его произведений был поставлен художественный фильм «Дерсу Узала». А на месте села Семеновки, в окрестностях которого произошла встреча Арсеньева с Дерсу Узала, вырос город Арсеньев.

Но лучший памятник замечательному путешественнику и исследователю — его книги. Эти книги, проникнутые глубоким патриотизмом, действительно стали «прекрасным чтением для молодежи, которая должна знать свою страну», и не только для молодежи. Написанные много лет назад, они и сегодня остаются образцами научно-художественной географической литературы.

Н. Е. Кабанов

Содержание

Дерсу Узала

Глава 1
Отъезд 6
Глава 2
Пребывание в заливе 13
Глава 3
Первый поход 22
Глава 4
В горах 33
Глава 5
Наводнение 43
Глава 6
Возвращение к морю 55
Глава 7
Экскурсия на Сяо-Кему 63
Глава 8
Такема 74
Глава 9
Ли Цун-Бин 83
Глава 10
Страшная находка 91
Глава 11
Опасная переправа 97
Глава 12
Корейцы-соболевщики 110
Глава 13
Водопад 121
Глава 14
Тяжелый переход 129
Глава 15
Низовья реки Кусуна 137
Глава 16
Солоны 145
Глава 17
Сердце Зауссурийского края 156
Глава 18
Завещание 169

Глава 19
Возвращение Хей-ба-тоу 179
Глава 20
Через Сихотэ-Алинь 189
Глава 21
Зимние праздники 198
Глава 22
Нападение тигра 206
Глава 23
Конец путешествию 215
Глава 24
Смерть Дерсу 222

Сквозь тайгу

Глава 1
Сборы и отъезд 230
Глава 2
Советская Гавань 236
Глава 3
Вверх по реке Тутто 245
Глава 4
Худая долина 256
Глава 5
Савушка Бизанка 265
Глава 6
В отрогах Сихотэ-Алиня 276
Глава 7
Верхний Анюй 286
Глава 8
Наводнение 296
Глава 9
Девственный лес 310
Глава 10
Тигровая река 319
Глава 11
Через горы, леса и болота 327
Н. Е. Кабанов
Путешественник, ученый, писатель 337

Арсеньев В. К.
А85 Дерсу Узала. Сквозь тайгу. М., «Мысль», 1972.
350 с. с карт.; 8 л. илл. (XX век: Путешествия. Открытия. Исследования).

Книги В. К. Арсеньева — выдающегося путешественника, исследователя Дальнего Востока и писателя давно вошли в золотой фонд советской географической и приключенческой литературы.

В настоящий том включены два его произведения — «Дерсу Узала» и «Сквозь тайгу». Первое появилось в итоге одного из самых ранних путешествий (1906 г.) В. К. Арсеньева, второе — дает описание его последнего крупного путешествия (1927 г.).

Книга иллюстрирована документальными фотографиями.

2-8-1
П. И.

91 (С19)

Арсеньев,
Владимир Клавдиевич

ДЕРСУ УЗАЛА

СКВОЗЬ ТАЙГУ

Главная
редакция
географической
литературы

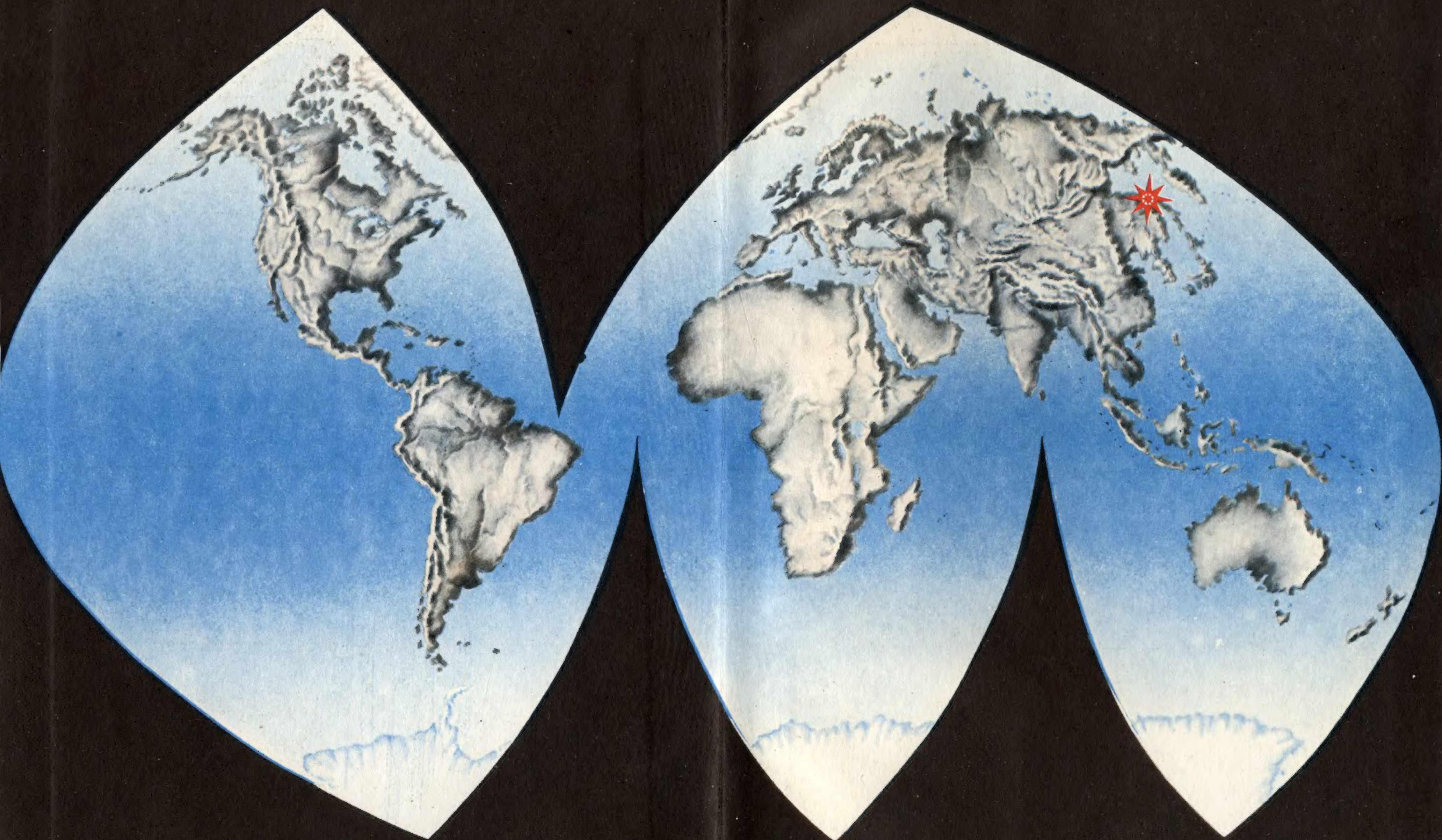
Редактор
С. Н. Кумкес
Младший редактор
З. В. Кирьянова
Редактор карты
В. В. Рязанова
Художественные редакторы
В. Ф. Найденко,
В. И. Суриков
Технический редактор
Г. И. Смирнов
Корректоры
Т. М. Ефимова,
Т. В. Шувалова

Оформление
и макет серии
Д. А. Аникеева
Суперобложка художника
Г. Е. Никольского
Гравюра художника
Л. С. Быкова

Сдано в набор 6 октября 1971 г.
Подписано в печать 25 февраля 1972 г.
Формат бумаги $60 \times 84^{1}/_{16}$, № 1.
Усл. печатных листов 21,39 (с вкл.).
Учетно-издательских листов 21,78
(с вкл.). Тираж 150 000 экз.
Заказ № 2412. Цена 1 р. 32 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва
В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета
по печати при Совете
Министров СССР.
Москва, М-54, Валовая, 28

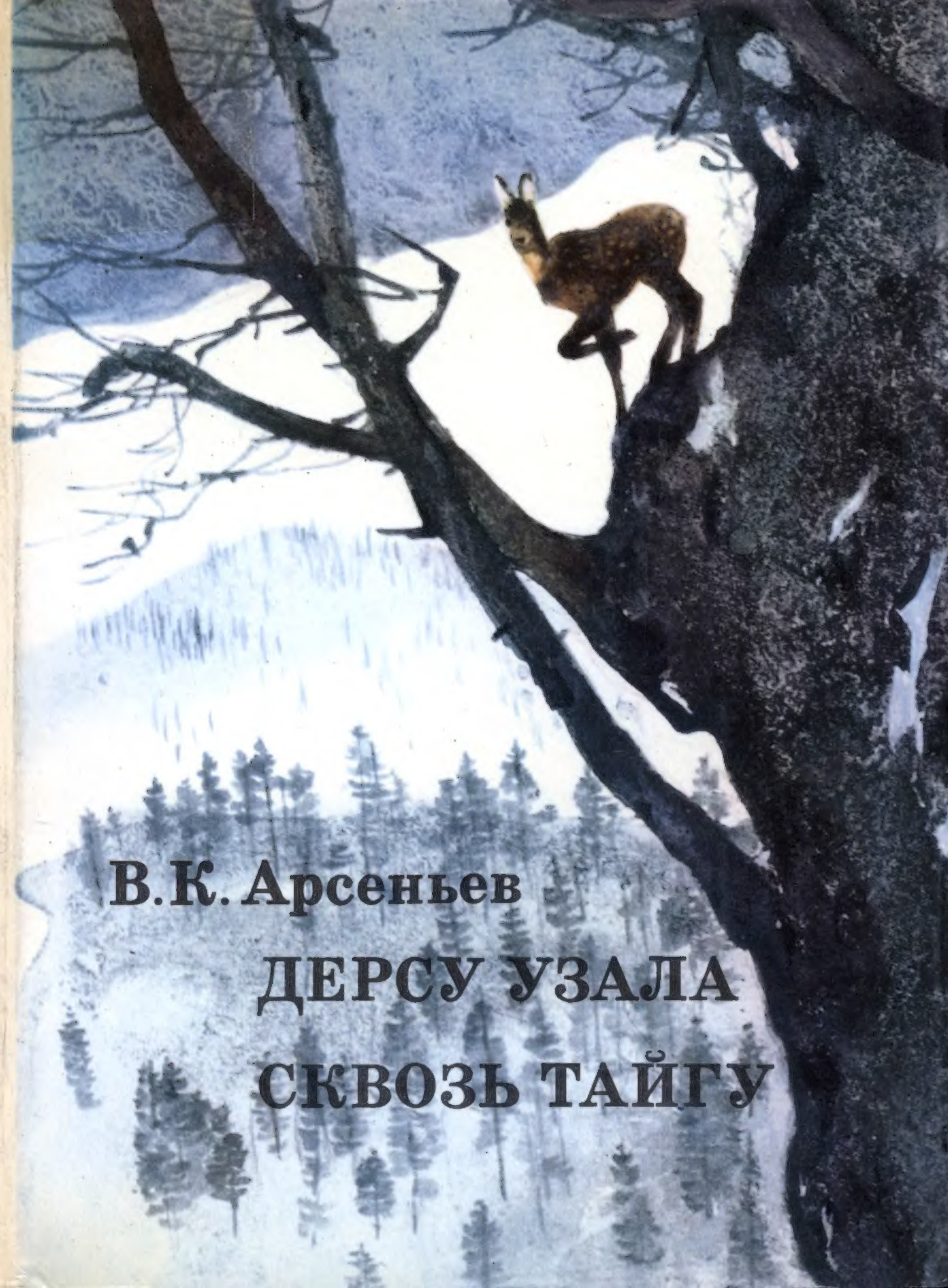

1 р 32 к

В.К. Арсеньев

Издательство
«Мысль»

В. К. Арсеньев

ДЕРСУ УЗАЛА
СКВОЗЬ ТАЙГУ

В. К. Арсеньев

Ц. 92 к.